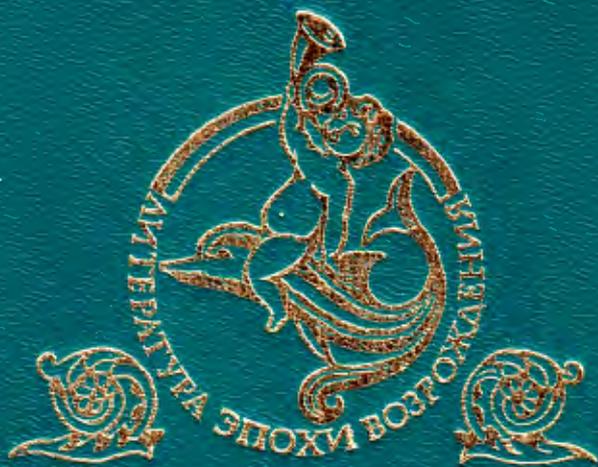

ПОЭЗИИ
ИСПАНСКОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ

ИСПАНСКАЯ
ПОЭЗИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. БАЛАШОВ

Ю. ВИППЕР

М. КЛИМОВА

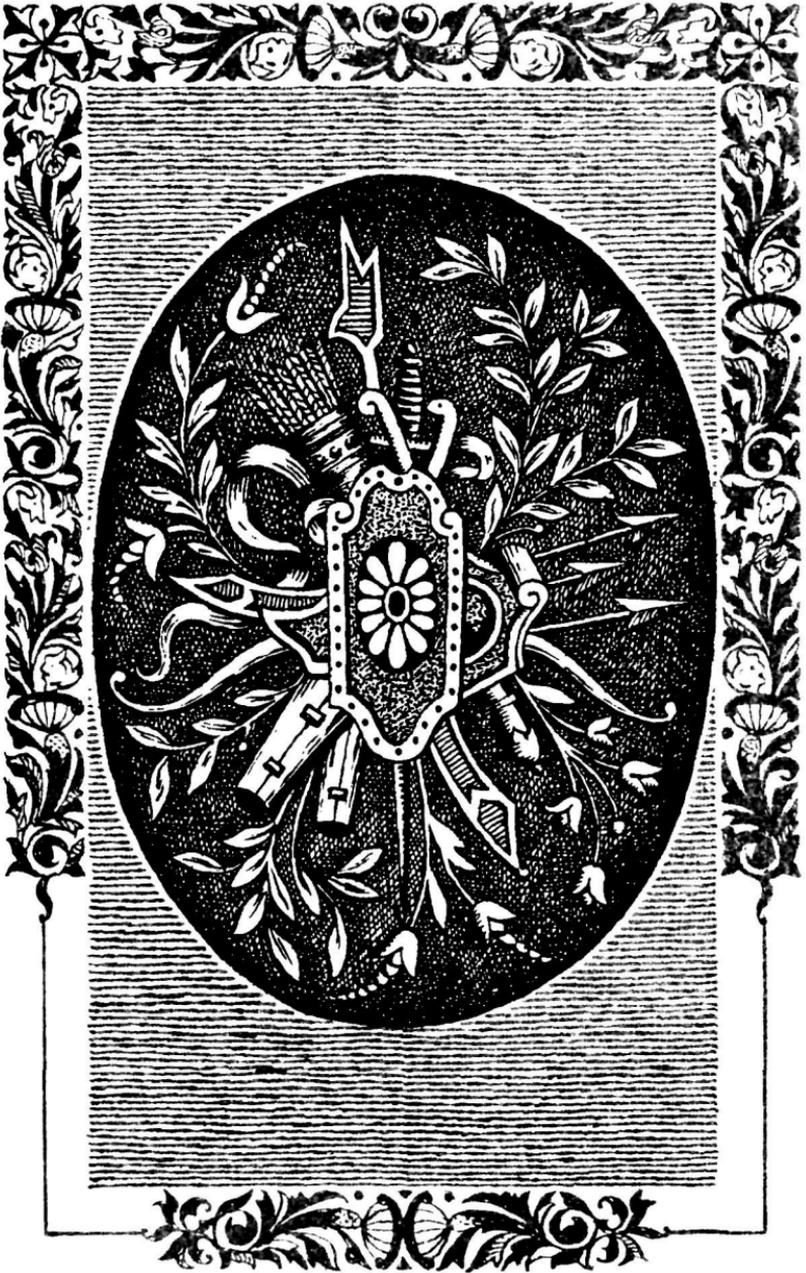
Н. ЛЮБИМОВ

А. МИХАЙЛОВ

Б. СТАХЕЕВ

Н. ТОМАШЕВСКИЙ

Д. УРНОВ

A highly detailed, black and white decorative border surrounds the central text. It features intricate, symmetrical scrollwork, floral motifs, and stylized figures, reminiscent of the 'Plateresque' style of the Spanish Renaissance. The border is composed of repeating vertical and horizontal sections that meet at ornate corners.

LA POESIA
DEL
RENACIMIENTO
ESPAÑOL

МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1990

A decorative flourish or scrollwork element located at the bottom center of the page, below the publisher's information. It is a symmetrical, stylized floral or scrollwork motif.

ПОЭЗИЯ ИСПАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

ПЕРЕВОД
С ИСПАНСКОГО

МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1990

ББК 84.4Ис
П67

Составление и комментарии
В. СТОЛБОВА

Вступительная статья
С. ПИСКУНОВОЙ

Гравюры художника
И. КИРИАКИДИ

Художественное оформление
Д. ШИМИЛИСА

4703010200-047
П $\frac{\quad}{028(01)-90}$ 155-90
ISBN 5-280-01260-2

© Состав, вступительная статья, переводы, отмеченные знаком *, комментарии, иллюстрации. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Летом 1526 года в Гранаде, в садах Хенералифе, придворный герцога Альбы Хуан Боскан и венецианский посланник Андреа Наваджеро вели приятнейшую беседу, «касающуюся сочинительства и образованности, а особливо того, чем всякие языки друг от друга рознятся» (так писал позднее Боскан герцогине де Сома). Именно тогда Наваджеро предложил Боскану, известному своими импровизациями в духе поэзии XV века — а стиховой основой письменной лирики XV столетия была восьмисложная строка, — попробовать писать стихи на итальянский лад, тем самым испытав, насколько испанский язык приспособлен к другим размерам: к одиннадцати- и к десяти-сложнику, к свободному стиху, а также к новым строфическим формам и к доселе не укорененным в испанской поэзии жанрам — сонету, канцоне, эклоге, элегии, посланию, оде... Боскан последовал совету Наваджеро и увлек своим примером молодого офицера императорской армии Гарсиласо де ла Вега. Гарсиласо и выпало на долю вместе с Босканом осуществить родившийся в садах Хенералифе план модернизации испанской поэзии.

Впрочем, хотя Гарсиласо не присутствовал при разговоре Боскана и Наваджеро, как раз в эти дни он также находился в Гранаде, где праздновалась свадьба молодого короля Испании Карла и португальской принцессы Исабел. И именно в эти дни в Гранаде, в свите молодой королевы, Гарсиласо увидел другую Исабел — Исабел Фрейре. Трагическая любовь к португальской красавице станет главной темой «итальянизированной» лирики Гарсиласо. «Из Португалии к нему явилась Муза, из Италии — стихотворная форма», — остроумно заме-

тит по этому поводу поэт и ученый Дамасо Алонсо. И поводом для воссоединения этих двух, столь необходимых для рождения новой испанской поэзии, начал стала свадьба Карла V.

Первый этап развития испанского Возрождения нерасторжимо связан с его именем. В 1526 году Карл V был уже не только испанским королем, но и королем Германии, а главное — императором Священной Римской империи. В наследство от своих испанских деда и бабушки — католических королей Фердинанда и Изабеллы (годы правления 1474—1504) — он получил собранную вокруг кастильского престола Испанию (вкуче с завоеванными еще в XV веке Сицилией, Сардинией и Неаполитанским королевством); Испанию, отвоевавшую у арабов последние из некогда захваченных ими земель на Пиренейском полуострове и ведущую свои захватнические войны на севере Африки; Испанию, открывшую и уже начавшую колонизировать Новый Свет... Другой дед — по отцовской линии — немецкий император Максимилиан оставил Карлу V Австрию, Фландрию и ряд немецких земель. Карл V стал властителем гигантской империи, с судьбой которой надолго и трагически оказалась связана судьба Испании, судьба только формирующейся испанской нации.

Католические короли, объединители Испании, позаботились и о том, чтобы единство их государства было сцементировано единой верой — католической. Ведь в средневековой Испании на протяжении многих веков мирно соседствовали три народа и три веры: испанцы-католики, арабы-мусульмане и евреи-иудаисты. Католические короли начали насильственно обращать в католицизм и арабов, и евреев, а те из них, кто не захотел изменить прежней вере, были изгнаны из страны: в 1492 году — году, знаменательном для Испании во многих смыслах (взята Гранада, открыта Америка, издана первая испанская грамматика Антонио Небрихи), — пределы страны покинули евреи, в 1502-м — арабы. Оставшиеся новообращенные подданные испанской короны образовали внутри испанского общества две особые касты — «новых христиан» и «морисков». А для того чтобы следить, сколь ревностно соблюдают перекрещенцы католические заповеди и обряды, Фердинанд и Изабелла еще в 1478 году создали особую государственную сыскную службу — инквизицию. Правда, при Карле V, стремившемся сделать Испанию центром европейской образованности, инквизиторам пришлось несколько умерить свой пыл, зато при его преемнике Филиппе II (Карл V отрекся от престола и удалился в монастырь в 1556 году) инквизицион-

ный сыск стал повседневным, почти что будничным атрибутом жизни страны.

Однако имперские амбиции Карла V и его предшественников, как это ни парадоксально, в известной степени способствовали развитию испанского Возрождения. Они включили Испанию в сферу общеевропейских культурных веяний, в сферу влияния итальянского гуманизма и религиозно-реформаторских движений. Центрами распространения последних были та же Италия — родина францисканства, Германия — колыбель мистицизма и протестантизма, Нидерланды, где родился Эразм Роттердамский (1469—1536), создатель так называемого «христианского гуманизма», или эразмизма, который получил особенно широкое распространение в Испании. Обусловлено это было, в частности, тем, что лицемерию и показному благочестию, насаждавшемуся римско-католической церковью, Эразм противопоставил возвращение к заветам и формам вероисповедания первых христиан, когда церковность и церковь еще не заслонили собой подлинную веру. В поисках истины он призывал обратиться к не искаженному ничьими толкованиями (в том числе и толкованиями переводчиков) «слову Божьему» — Библии. И опорой для человека здесь должны были стать не авторитеты «отцов церкви» и других канонизированных толкователей Священного писания, а его собственный разум и культура. Ведь для чтения Библии в оригинале, а не в латинском переводе, нужно было знать и древнегреческий, и древнееврейский, и арамейский языки! Естественно, что учение Эразма нашло отклик в душе многих европейских гуманистов, которые, оставаясь людьми глубоко верующими, вместе с тем считали, что рождающийся на их глазах новый человек — индивидуальность, строящая свое «я» по своему собственному плану, своему «личностному проекту», — должен и может прийти к Богу в процессе собственных духовных исканий. Тем больший отклик получил эразмизм в среде испанских гуманистов, в числе которых было немало «новых христиан», искренне желающих принять новую веру и потому угнетенных необходимостью постоянно демонстрировать свою религиозную лояльность.

Не меньшее, а, быть может, в том, что касается собственно поэзии, большее значение для становления испанского Возрождения имел опыт итальянских гуманистов, в корне пересмотревших отношение не только к «слову Божьему», но и к слову вообще. Возрождение изначально и складывалось как тип культуры, в центре которого была «наука о слове» — *studia humanitatis*. Однако «наука о слове» не сводилась к сугубо

филологическим разысканиям. В представлении тех, кто еще в XIV веке посвятил себя «гуманитарным штудиям», «наука о слове» прежде всего была «наукой о человеке», поскольку дар слова и является тем, что отличает человека от всех других существ. Поэтому чтение и изучение римских и греческих авторов, создателей образцов прекрасной словесности, представлялось кратчайшим путем к формированию «идеального человека». Достоинство этого нового человека, считали гуманисты, будет определяться не его сословной или родовой принадлежностью, а его собственной духовной и жизненно-практической активностью, его творческой работой над собой и творческим освоением и расширением окружающего его мира. «Наш ум и наш дух никогда не довольствуются тем, что есть, никогда не могут ни насытиться, ни удовлетвориться насущным, они всегда взыскуют, всегда алчут, всегда недовольны и постоянно жаждут большего, надеются на большее, о большем хлопочут. Потому-то так и выходит, что они только и заняты тем, что ко всему приглядываются, все исследуют, придумывают и воображают новые, доселе невиданные, неслыханные вещи...» — писал испанский гуманист Тамара. И его размышления очень точно характеризуют присущий гуманизму и Возрождению «героический энтузиазм». Примеры такого героико-энтузиастического отношения к миру итальянские гуманисты черпали из античной истории и литературы, из аллегорически перетолкованной античной мифологии. Испанцы, жившие во второй половине XV — в начале XVI века, не в меньшем количестве находили образцы для подражания в собственной истории, в многовековой борьбе с арабскими завоевателями — реконкисте, которая еще-то и «историей» не стала, а была только-только пережитым «вчерашним днем». Чудесный, фантастический мир предстал взору их современников — открывателей и завоевателей Нового Света. Не случайно в Испании эпохи Карла V ренессансный «миф о человеке» первоначально сложился как «миф о рыцаре» — «кабальеро», в котором слились и воспоминания о деяниях Сиды, и вымышленные повествования о подвигах рыцарей — персонажей рыцарских романов. «Рыцарский миф» вполне воплотил и дух авантюры, возможных неожиданных перемен состояний и обстоятельств, постепенно проникавший в жизнь Испании.

Колонизация Америки способствовала некоторому росту социальной мобильности внутри испанского общества, хотя, конечно, для испанца того времени изменить свой социальный статус было неизмеримо сложнее, нежели для итальянца — жителя города-коммуны XV века и даже подданного «тирана» Лоренцо Медичи. И все же в Америку ехали те, кто не мог

найти своей доли на родине, а из Америки — конечно, то были единицы! — возвращались «новые богачи». В портовых городах — воротах в Новый Свет, — в Севилье, Кадисе, а также Барселоне, через которую осуществлялись традиционные контакты со странами Средиземноморья, кипела жизнь, развивались торговля, ремесла, банковское дело... Правда, довольно рано в ренессансный рыцарский миф проникла тема нового крестового похода, дух религиозной нетерпимости (не случайно созданный в 1534 году монашеский орден иезуитов будет построен по образцу рыцарского ордена). Однако до поры до времени «рыцарский миф» был почти не связан с официальной, государственно-религиозной системой ценностей. Куртуазная любовь и рыцарская доблесть, воспевавшаяся в рыцарских романах, не знали государственных границ (место действия рыцарской эпикки — весь мир, со всеми его реальными и фантастическими странами, от Уэллса до Татарии), содержали в себе намного больше общечеловеческого, нежели деяния персонажей национально-героических эпопей, в обилии расплодившихся в Испании во второй половине XVI века. Чуть ли не единственным счастливым исключением из их ряда является «Араукана» (1569—1589) Алонсо де Эрсильи, взявшего в качестве образца для подражания итальянскую классику позднего Ренессанса — «Неистового Роланда» Л. Ариосто и включившего в сферу изображения сочувственно воссозданный мир американских индейцев.

Сближению куртуазно-рыцарского идеала с ренессансно-гуманистическим на испанской почве во многом способствовало и произошедшее в Италии в начале XVI века отождествление образа «совершенного человека» с образом «придворного»: именно в такой роли выступает «совершенный человек» в книге Бальдассаре Кастильоне «Придворный», вышедшей в Венеции в 1528 году и вскоре переведенной на испанский язык тем же Босканом. Ведь в Испании понятия «рыцарь» и «придворный» были практически синонимами. Одновременно книга Кастильоне способствовала широкому распространению в Испании возрожденческого неоплатонизма, который старался «оправдать, возвысить и превознести материальный мир, увековечить его при помощи идеалистических категорий»¹. «Придворный» Кастильоне смотрит на мир сквозь призму философии неоплатонизма, сквозь призму сочинений Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола. Неоплатоники считали, что Бог не является принадлежностью исклю-

¹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., Мысль, 1978, с. 93.

чительно потустороннего мира — мира Вечности, а присутствует и в мире посюстороннем, как разлитая по всему пространству мироздания мистическая любовь — та, что «движет солнце и светила» (Данте). Неоплатоническая любовь, сохраняя контакт Бога и человека, уже начинавшего выпадать из божественно-природного целого, устанавливала дружбу и согласие между всеми бранными существами и вещами, превращала земной мир в космос. Поэтому любовь — это главная сфера, в которой реализует свое земное предназначение «придворный-рыцарь». Служение любви — это служение гармонии космоса, измена — нарушение всего природно-божественного миропорядка. Влюбляясь в красоту, воплощенную в облике Дамы, влюбленный неоплатоник не останавливается на ступени чувственного наслаждения, а стремится подняться выше, к постижению красоты духовной, к слиянию с Богом, в котором любовь и получает свое завершение.

Таким образом, несмотря на то, что внутри культуры Возрождения происходило разрушение средневекового образа мира, замена «вертикали» — «горизонталью», «горнего» — земным, плоскостным существованием, сориентированным по вектору линейного движения времени (от прошлого — к будущему), неоплатонизм сохранял для человека Возрождения «вертикальное» измерение бытия. Поэтому ренессансный человек находил себя не только в совершении неслыханных подвигов в далеких странах, не только в удачливом ведении торговых дел, не только в умении изящно и непринужденно вести светскую беседу, демонстрируя в ней всю разносторонность своих познаний, но и во внутреннем, духовном движении — ввысь, к божественному совершенству, и вглубь — к своему «я», открывающемуся в процессе самопознания и в благотворных страданиях «раненого» любовью сердца (мотив любви-раны, нанесенной амуром-лучником, — сквозной в лирике Возрождения, причем для поэтов того времени этот образ не аллегория и не метафора, а реальность, такая же, как раны на теле распятого Христа). Но напряженная работа души нуждается в покое и уединении, а роль рыцаря-придворного все же включает в себе немало деятельно-суетного, внешнего. Поэтому рядом с «рыцарским мифом» и идеализированным типом «придворного» в культуре Возрождения, особенно по мере развития внутренних противоречий этой культуры и по мере движения исторического процесса в направлении, противоположном полюсу «человечности», складывается другой «миф» — пасторальный, а образ «пастуха» становится еще одной существеннейшей ипостасью совершенного человека Возрождения.

Конечно, «пастухи» ренессансных романов, драм, эклог не имели почти ничего общего с реальными пастухами (равно как и «рыцари» — с конквистадорами и торговцами). «Пасторальный миф» был, скорее, символическим воплощением идеала естественности и простоты, противоположных искусственности и сложности городской жизни, знаком вписанности человека в мир божественно прекрасной природы. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «простота» пасторальной жизни весьма условна, а природа, воспеваемая в пасторальных, — сплошь искусственна. Пасторальный миф, родившийся в недрах городской по самой своей сути культуры Возрождения, — это именно культурный миф, смыкающийся с античным мифом о Золотом веке и вбирающий в себя все тонкости и ухищрения неоплатонизма. И все же пастораль Возрождения полностью лишена того налета слащавости и сентиментальности, который наложили на образ «пастуха» позднейшие эпохи. Более того, «пасторальный миф» XVI века внутренне драматичен, пасторальная утопия постоянно балансирует на грани срыва в трагедию. Не случайно в ренессансных пасторальных часто изображаются чьи-то похороны, оплакивается чья-то смерть, а пастухи, как правило, страдают от неразделенной или разрушенной жестокой фортуной любви. Поэтому целостность и гармоничность пасторального мира достигались ценой огромного эстетического и интеллектуального напряжения автора — творца этого мира.

При этом испанскому поэту или романисту — создателю эклог — необходимо было согласовать свой национальный космос, в котором тема смерти, пафос неизбывного страдания, тоска-одиночество издавна занимали большое место, с итальянскими классическими образцами пасторального жанра, свое индивидуально-неповторимое видение мира и свою судьбу с традицией, власть которой в эпоху Возрождения была еще очень сильна. Художников, которым в любую эпоху выпадала на долю миссия согласования противоположностей, считают классиками. Тем более когда они выступают в роли создателей национальных литературных языков, а именно к этому были устремлены усилия крупнейших писателей Возрождения, ставивших себе целью организовать национальные языки так, чтобы они не только могли состязаться в упорядоченности и стройности с латынью, но и превосходили латынь в способности воплотить образ современного мира. Таким вот классиком, одним из создателей литературного испанского языка и стал Гарсиласо де ла Вега, вошедший в историю испанской литературы как автор трех эклог, а также около сорока сонетов.

Самый «европейский» испанский поэт, по точному наблюдению испанского писателя Асорина, Гарсиласо одновременно и единственный из испанских стихотворцев XVI—XVII веков, не написавший ни одного религиозного стихотворения. Впрочем, это не удивительно, если вспомнить, что Гарсиласо почти всю жизнь провел под знаменами Марса, сражаясь при этом в основном не с «язычниками», а с французами, претендовавшими на испанские владения в Италии, и со своими же соотечественниками — противниками Карла V. Удивительно другое: он почти никогда не обращался к героическим темам, к прославлению воинской доблести, к описанию битв и сражений. Доблестно павший на поле боя воин Карла V остался в истории культуры как творец пасторального мира, искатель «сладостной и нежной дружбы Камен». Гарсиласо обратился к пасторали, так как именно этот жанр предоставлял ему возможность создать образ человека, органично вписанного в мир прекрасной природы и одновременно погруженного в мир душевных переживаний. Более того — вечно рефлектирующего по поводу своего состояния. В эклогах Гарсиласо постоянно раздваивается в сотворенных им Салисио и Неморосо, Альсино и Террено (сегодня мало кто из исследователей считает, что у «пастухов» Гарсиласо были какие-то иные реальные прототипы, кроме их творца). Для воссоздания процесса познания пережитого Гарсиласо и понадобился одиннадцатисложный стих, замедляющий течение поэтической речи, позволяющий выстроить и разместить по строкам длинную, разветвленную фразу, слить описание внешнего мира с описанием мира внутреннего.

Большая и лучшая часть скромного по объему поэтического наследия Гарсиласо была создана за четыре года до гибели поэта — с 1532 по 1536 год. Основным местом службы Гарсиласо в эти годы стал Неаполь, откуда он изредка наведывался на родину — к семье — и который ему случалось ненадолго покидать, чтобы принять участие в очередной военной экспедиции. В Неаполе Гарсиласо вошел в контакт с известным ему до тех пор преимущественно по книгам миром итальянской культуры позднего Возрождения. Он встречался с поэтами Луиджи Тансилло, Минтурно, Бернардо Тассо, с самим Пьетро Бембо, обновившим поэтическую традицию Петрарки за счет неоплатонической образности и ставшим тем самым основоположником петраркизма, влиятельнейшего направления в поэзии Италии и других европейских стран XVI века. В русле этой традиции написано и большинство сонетов Гарсиласо, адресованных Исабел Фрейре. В Неаполе им была

написана и знаменитая «Пятая песнь» (канцона), озаглавленная самим поэтом «Цветку Нидо». В ней Гарсиласо впервые в испанской поэзии (он многое делал «впервые»!) обратился к пятистишной строфе — «лире», которая впоследствии, в основном благодаря Луису де Леону, получила в испанской поэзии большое распространение. «Цветку Нидо» — классический образец ренессансной поэзии, в которой античный образ (в данном случае миф о деве Анаксарете) заново пересоздается и переживается поэтом. Таким же, творчески-пересоздающим отношением к античности, а также к ренессансной культуре Италии (она для художников других стран Европы стала «вторым» античным миром) пронизаны и «мифологические» сонеты Гарсиласо.

Вместе с тем есть у Гарсиласо целый ряд сонетов, никак не согласующихся ни с гармоничным миром ренессансной культуры, ни с петраркистским неоплатоническим идеалом любви-блага. В них поэт предстает одержимым недостойной страстью, от которой хочет и не может освободиться. Их адресат — некая оставшаяся неизвестной неаполитанка, которую Гарсиласо воспеваает под именем «Сирена». Чувство, которым теперь охвачен Гарсиласо, ничуть не безответно, но его дама ветрена, и, пока поэт в отлучке, она с легкостью может изменить ему... Финал этого увлечения — сонет «По милости небес освобожденный...», свидетельствующий о том, что Гарсиласо удалось-таки сбросить с себя иго унижающей его страсти.

Конечно, эта злосчастная любовь (тут вспоминается и Шекспир с его «смуглой леди») не могла заставить Гарсиласо полностью забыть об Исабел (ее смерть оплакана им в сонете «О радость, обретенная на горе...» и в «Эклоге первой»). И все же, по-видимому, не случайно и не в порыве самоуничтожения говорит Гарсиласо в начале Пятой канцоны о своей «низкой» лире: в стихах к Сирене его Муза как бы сходит на землю, в плоскость отнюдь не «возвышающих» страстей. Подобные мотивы появляются и во «Второй элегии», где Гарсиласо жалуется другу не только на охватившую его недостойную любовь, но и сообщает кое-какие, далеко не героические подробности армейской жизни. Любовные переживания автора элегии, живущего на границе жизни и смерти, оттенены семейным благополучием ее адресата: Гарсиласо, не столь давно навещавший Боскана в Барселоне, собственными глазами видел, сколь счастлив его друг в браке с Анной Реболодо.

И впрямь, жизнь Боскана, судя по сохранившимся о ней сведениям, была значительно спокойнее и упорядоченнее, чем

жизнь Гарсиласо, да и сам Хуан Боскан был человеком более уравновешенным, менее подверженным игре страстей. Недаром в боскановском «Послании», адресованном другому поэту, разделявшему его и гарсиласовское увлечение петраркизмом, Диего де Мендосе, воспет гораціанский идеал «золотой середины». В отличие от Гарсиласо (обращаясь к Боскану, тот также писал о «среднем пути», но когда он шел по нему?), барселонский поэт впрямь стремился «золотой середины» держаться. Эта «срединность» боскановского пути проявилась и в том, что обращение к новым формам стиха для него вовсе не означало полного разрыва с традиционными жанрами как письменной, так и народной лирики: с восьмисложной песней — «кансьон», в корне отличающейся от италянизированной «канцоны», с коплей, с вильянсико. И в сонетах ощутима его тесная связь с традицией. Так, сонеты Боскана зачастую являются своеобразной разновидностью традиционной «глоссированной» поэзии, то есть поэзии, которая создается в процессе игрового варьирования изначально заданной темы, заимствованных у другого поэта образа, строки, а то и строфы.

Темы для варьирования Боскан-сонетист нередко берет не у поэтов-петраркистов, а у Петрарки, причем предпочитает Петрарку «средневекового», того Петрарку, который еще придерживается средневековой концепции любви. Поэтому и в сонетах Боскана любовь зачастую неотделима от чувства стыда и сознания своей греховности, она — не ослепляющий свет, а плод безумного воображения, и человек, попавший в ее сети, оказывается игрушкой в руках страстей:

...И правят духом, что лишен оплота,
Минутные приливы и отливы.

(Перевод Б. Дубина)

Через лирику Боскана проходит и тема зависимости человека от внешних сил. Его судьба — во власти созвездий и морских волн, а сам он — рулевой на утлом суденьшке, раненое, преследуемое охотником животное.

Однако было бы упрощением считать, что традиционная лирика Боскана или его вариации на тему поэзии Петрарки принадлежат исключительно средневековому прошлому и что все будущее испанской поэзии начиная с 30—40-х годов XVI века было связано исключительно с поэтическими новациями петраркистов. Традиционные формы поэзии (вершиной ее развития в XV веке стало творчество Хорхе Манрике), в том числе и такой стоящий на границе между фольклором и литературой

жанр, как романс, не просто сохранились в испанской поэзии после петраркистской «революции». Они стали вполне полноправными формами испанской ренессансной культуры, как бы вторым, традиционалистским и национальным, «лицом» испанского Возрождения.

Традиционные жанры вполне подходили для выражения жизнеутверждающего духа культуры Возрождения. Об этом свидетельствует и творчество португало-испанского поэта и драматурга Жила (исп. Хилья) Висенте. Именно испаноязычная лирика Висенте — плоть от плоти испанского песенного фольклора — находится у истоков культа Прекрасной Природы, служителями которого были все крупнейшие поэты XVI — начала XVII столетия. Правда, в отличие от тех, кто шел за ним следом, кто уже был отмечен печатью ренессансно-индивидуалистического «грехопадения», печатью отторжения от божественно-природного целого и кто мучительно искал пути воссоединения с ним (искал в неоплатонизме и в натурфилософии, в напряженных мистических медитациях и в блеске поэтических метафор, в музыке и в восторгах чувственности), Жил Висенте с Природой и Богом связан изначально и органично. Возможно, именно поэтому он оказался более других «приближен к недостижимой тайне поэзии» (Д. Алонсо). Чтобы раствориться в «божественной любви», ему не надо было стограться в пламени очей недоступной Дамы, а достаточно было лишь окинуть взором небо, горы, цветущий луг, вслушаться в пение ручья, бросить взгляд на раскрывшуюся в саду розу — для него она не только символ чистоты Богородицы и королевского величия и тем более не метафора кратковременности человеческого бытия (ею роза станет у поэтов барокко), а прежде всего чудесное творение природы и Бога-садовника. Многие стихи Висенте как бы пропеты от лица «девицы» — традиционной «лирической героини» галисийско-португальской поэзии средневековья, в образ которой поэт вживается с такой же естественностью и легкостью, как в мир. Отзывчивость и первозданная свежесть лирики Висенте не могли быть заглушены доносившимися с Апеннин «сладостными» звуками. Более того, по мере упрочения позиций «новой поэзии» и одновременного выявления ее реальных возможностей — «радиуса ее действия», поэзия традиционная и поэзия «итальянизированная» будут все чаще и чаще находить точки соприкосновения. Однако на первых порах, когда писать «под итальянцев» или «как отцы и деды» было еще делом однозначного выбора, не обошлось без конфликтов. Своего рода войну «новой» поэзии объявил Кристоаль де Кастильехо, один из самых

значительных испанских поэтов первой половины XVI века. Декларацией этой войны стала его «Сатира на тех, кто пренебрегает кастильскими размерами и подражает итальянским». Конечно, Кастильехо, наделенный прекрасным поэтическим слухом, не мог не оценить музыкальности «итальянизированной» лирики, и сонет, как жанр, был ему вполне доступен (что демонстрирует и «Сатира...», частично написанная в сонетной форме!). Его волновало, однако, что, усваивая итальянский стиль, испанская поэзия утратит свое национальное своеобразие, которое он связывал исключительно с традицией. Увы, здесь Кастильехо, как и многие защитники «исконности», ошибся: потомки признали национальным классиком именно «европеизированного» Гарсиласо!

Кастильехо расходился с петраркистской лирикой и в понимании любви, которая — как в его небольшой аллегорической поэме «Сон», написанной романсным стихом, — вовсе не то пребывание на грани жизни и смерти, что мы находим в любовной лирике Гарсиласо, а вполне приятное, радостное состояние. В такой чувственно-игровой трактовке любви Кастильехо совпадает не только с поэтами XIV—XV веков, но и с теми, кто придет в испанскую поэзию в конце XVI столетия, например с Гонгорой и Лопе де Вегой.

Языческая чувственность Кастильехо подвигла его одним из первых в ренессансной Испании обратиться к поэзии Овидия и Катулла, которых он вольно перелагал на испанский. И если одиннадцатисложный стих оказался весьма приспособленным для аналитического «расщепления» чувств, то восьмисложная строка больше подходила для поэтического воссоздания внешнего мира — в его живописности и материальной осязаемости. В будущем с Кастильехо, творцом «Фабулы об Актеоне», «Истории Пирама и Тисбы», «Песни о Полифеме», сможет соперничать разве что Гонгора, продолживший начатую Кастильехо традицию сочинения мифологических поэм на сюжеты, взятые из Овидиевых «Метаморфоз».

Но в 40—50-х годах XVI века у Кастильехо нашлось все же значительно меньше сторонников, чем у Боскана и Гарсиласо. С именем Гарсиласо потомки связали имена всех других поэтов эпохи Карла V, освоивших итальянские формы: Диего Уртадо де Мендоса, Эрнандо де Акунья, Гутьерре де Сетина в их представлении составили некую «школу Гарсиласо». К этой условной «школе» можно было бы причислить и пишущих по-испански португальцев — Грегорио Силвестре, Хорхе де Монтемайора и даже Камозанса, в поэтическом наследии которого немало испанских сонетов и редондий.

Впрочем, поэтов «школы Гарсиласо» и впрямь многое объединяет и друг с другом, и с «учителями»: Гарсиласо и Босканом. Между ними существовали и личные контакты, что запечатлелось в их стихотворных посланиях. Их роднит и судьба: все они находились на службе у императора Мендоса — на дипломатической, Акунья и Сетина — на военной). Их жизнь, как и жизнь Гарсиласо, была связана с постоянными переменами и передвижениями: с места на место, из страны в страну. Всех троих судьба в 30-е годы приводит в Италию. Все они много переводят — Петрарку, других итальянцев и античных поэтов. Но переводы ли это в современном понимании слова? Ведь границы между «переводным» и «оригинальным» тогда практически не существовало. «Общее» все же доминировало над «индивидуальным». Поэтому в тех случаях, когда Мендоса, Акунья и Сетина обращаются к одному источнику-оригиналу, их творческие почерки оказываются сходными до неразличимости. В результате их изданные лишь посмертно, а при жизни ходившие в рукописных копиях стихи перепутались и перемешались; ученые все еще спорят о принадлежности того или иного сонета тому или другому поэту-«гарсиласисту».

Наконец, как и корифей, поэты «школы Гарсиласо» писали преимущественно не о битвах с врагами империи, а о войне с Амуром, как правило, заранее проигранной. Писали о любви — то ли реальной, то ли сотворенной по петраркистскому канону, но от этого доставляющей не меньше страдания: граница между «литературой» и «жизнью» в те времена также была весьма подвижной. Однако, в отличие от Гарсиласо, все трое отдали дань и «славе», воспев Карла V (Сетина и Акунья), возвеличив Кортеса (Мендоса). Именно Акунье принадлежит знаменитая поэтическая формула Всемирной монархии: «Един монарх, империя и шпага».

Творчество всех троих подтверждает и наметившуюся тенденцию сосуществования «архаики» и «новаторства». Мендоса, самый образованный и «итальянизированный» из гарсиласистов, одновременно теснее других связан с опытом поэзии XV века. Наряду с сонетами и эклогами он пишет вильянсико и редондильи. (Последние тонкий ценитель традиционной поэзии Лопе де Вега ставил рядом с редондильями блестящего поэта «кансьонера» Гарсисанчеса де Бадахос.)

И Гутьерре де Сетина, изощреннейшему сонетисту, великолепно владевшему самой трудной разновидностью сонетной формы — сонетом-диалогом, славу принесли десять строк мадригала «О ласковые очи...». А мадригал хотя и итальян-

ский по происхождению, но в основе своей песенно-народный жанр.

Сетина, как и Гарсиласо, ушел из жизни совсем молодым. Акунья и Мендоса надолго пережили и его, и своего императора. Они застали совсем другие, новые времена, начавшиеся с восшествия на престол Филиппа II и с публикации постановлений контрреформационного Тридентского собора, длившегося с 1545 по 1563 год (кстати, Мендоса-дипломат активно участвовал в его созыве). Значительная часть этих постановлений была нацелена против свободы совести, против эразмистской «внутренней» веры, против антидогматизма. Сочинения Эразма были включены в обширнейший «Индекс запрещенных книг», изданный в 1559 году и положивший начало жесточайшей церковной цензуре. Символом правления «благочестивого» короля Филиппа II стал дворец-монастырь Эскориал, возводившийся более двадцати лет.

Войны, которые вел Филипп II, были нацелены уже не на расширение владений, а на удержание того, что было завоевано отцом, дедами и прадедами. Самая яркая на фоне чреды военных поражений страница стоит в начале летописи правления Филиппа II — победа, одержанная над турками соединенным флотом Испании, Венеции и папского престола в битве при Лепанто в 1571 году. Больше, чем войнами, Филипп II был занят управлением гигантской империей, которое при централистском единовластии могло быть только бюрократическим. Именно при Филиппе II в Испании развелось огромное количество чиновников, состоящих на королевской службе и занятых составлением указов и подуказов, контролем и подконтролем, судей и судебных писцов (как жестоко будут смеяться над ними Гонгора и Кеведо, Лопе и Сервантес!).

В духовной сфере почти всю власть сосредоточили в своих руках иезуиты, подчинившие накопленному гуманистами культуру своим целям — рационалистическому обоснованию иррационалистической сущности бытия. Не без их участия Платон и неоплатонизм начали вытесняться из области спекулятивной мысли схоластически интерпретированным Аристотелем, а аристотелевская поэтика «подражания природе» и соблюдение «декорума» все более и более подчиняла себе полеты раннеренессансной фантазии и «пылкое воображение иберийцев» (К. Маркс). Иезуиты полностью вытеснили гуманистов из сферы начального образования и заняли многие ключевые посты в университетах.

Наконец, национализм, проповедь превосходства испанского над всем иноземным стала государственной доктриной

империи Филиппа II. Официальные идеологи Испании, которая и в экономическом, и в социальном, и в военно-политическом отношении начинала медленно, но неуклонно деградировать, с целью укрепления морального духа нации изо всех сил эксплуатировали героическое прошлое страны, реконкисту, поэзию эпоса и романсеро, рыцарскую доблесть, мученический стоицизм первых христиан. Напротив, все иноземное всячески принижалось, культурные контакты с Европой — даже с неиспанскими провинциями империи — всячески сокращались. В частности, Филипп II издал указ о возвращении в Испанию из-за границы всех испанских студентов. Чуть ли не единственным иностранцем, прижившимся и официально признанным в Испании, более того, сумевшим выразительнее всех испанцев передать спиритуалистический дух Испании времен Филиппа II, был грек Доменико Теотокопули — Эль Греко.

Естественно, что при Филиппе II усилились и антагонистические отношения трех «каст», на которые уже исключительно по этническому признаку было разделено испанское общество. Помимо инквизиционного сыска против «новых христиан» был направлен одобренный Филиппом II (сразу же по восшествии на престол) «статус чистоты крови», согласно которому для обучения в университете, вступления в монашеский орден, поступления на военную службу, получения разрешения для поездки в «Индии» каждый испанец должен был доказать специальному трибуналу, что все его дедушки и бабушки были «старыми христианами». Кому-то удавалось скрыть свое «темное» происхождение, кому-то — нет. Но так или иначе, под подозрением находился каждый.

С морисками поступили еще более жестоко. Постепенно нагнетавшаяся при Филиппе II в среде все более и более нищающего народа вражда к крещеным арабам — трудолюбивым земледельцам и ремесленникам, на которых по сути держалась вся экономика юга страны, привела к тому, что уже при Филиппе III мориски были просто изгнаны с родины, из страны, в которой на протяжении столетий жили их предки.

И вот в этот далеко не самый светлый период в истории Испании культура испанского Возрождения достигла своей зрелости.

Традиционно в испанской поэзии времен Филиппа II принято различать две «школы» — саламанкскую, во главе с Луисом де Леоном, и севильскую, вождем которой считается

Фернандо де Эррера. Но суть не в местожительстве обоих поэтов, а в том, что в творчестве того и другого реализовались два чуть ли не диаметрально противоположных пути, по которым во второй половине XVI века пошла «новая» поэзия. Луис де Леон уловил интеллектуально-рефлексивную интонацию лирики Гарсиласо и усилил ее, создав подлинно философскую поэзию, в которой любовную тематику почти полностью оттеснили на второй план космогоническая и натурфилософская образность, кардинальные проблемы человеческого существования. Все творческие усилия Луиса де Леона были нацелены на создание своего особого мира, своего надвременного космоса, противостоящего окружающему его жестокому, хаотически-бессмысленному, несправедливому и неправедному миру. Поэзия Эрреры, напротив, сориентирована на воспевание национально-героического прошлого страны, пронизана надеждой на возрождение ее начинающей угасать славы. И если поэзия де Леона является синтезом всех основных тенденций развития испанской поэзии первой половины века, ее вершинным итогом, то поэзия Эрреры — это звено, связующее «итальянизированную» поэзию раннего Возрождения с поэзией рубежа XVI—XVII веков, ранней маньеристской поэзией Гонгоры, с маньеристской лирикой Вильямедьяны и Луиса Каррильо де Сотомайора, классицистическими исканиями братьев Архенсола, барочной эпикой гонгоровских «Одиночеств».

Любимой стиховой формой Луиса де Леона стала «лира». Она давала возможность максимально близко воспроизвести латинский стих горацянских од, а для Луиса де Леона Гораций (помимо Библии) был главным поэтическим и моральным авторитетом. Горацянская философия жизни, его проповедь счастливого умения довольствоваться малым, его восхваление сельской жизни нашли отклик в душе Луиса де Леона, хотя сам он «в миру» — в университетских буднях и распрях — вел себя чрезвычайно темпераментно, смело и безоговорочно отстаивал свои взгляды, свое понимание истины.

Ода «Жизнь в уединении», одно из самых ранних и в то же время знаменитых творений Луиса де Леона, не просто вариация на тему Горация, но и существенное углубление горацянской тематики в сторону усиления субъективно-личностного начала. В отличие от Горация, восхвалявшего блаженную жизнь «некоего» земледельца, Луис де Леон воспеваает сад, возделанный его собственными руками, помещает в центре пасторально-утопического мира себя, свою жаждущую освобождения от мирской суеты душу. На первый взгляд художествен-

ный мир оды невелик и даже уютен (все в нем под рукой, все под стать человеку), в то же время он вмещает в себя вселенную: и горы, и море, и долины, и дворцы, и хижину земледельца, и вечнозеленый лавр, и сладкие звуки лиры. В последней строфе оды со склонов гор, окружающих сельский приют поэта-мудреца, спускается ночь, одна из постоянных «героинь» лирики фрая Луиса, в том числе оды «Ясная ночь», вероятно всего, написанной поэтом в тюрьме.

«Ясная ночь» — воплощение неоплатонически-христианского мировидения поэта, базирующегося на птолемеевской модели Вселенной, на представлении о божественной гармонии «сфер», вращающихся вокруг помещенной в центре мироздания Земли. Рожденная на небесах, душа поэта, попав на землю, мечтает о возвращении на утраченную родину и, когда поэт созерцает красоту ночного неба, совершает мистический полет сквозь просторы мироздания. В описании этого полетавосхождения опять-таки последовательно выдержана субъективная точка зрения: Луис де Леон описывает сферы небосвода не по учебнику магистра Алехо Венегаса, а таким, каким открывается он взору поэта. Все в оде «Ясная ночь» сошлось и гармонически уравнилось: интеллектуальное постижение тайн мироздания и мистический порыв, сон и пробуждение, тьма и «светлые пространства», угнетенность своей участью человека-пленника и восторг освобождения от земных уз.

Поэзия Луиса де Леона — наглядное свидетельство того, что и во времена Филиппа II, в эпоху контрреформации, в испанской культуре еще жила вера в божественную природу человека, в его способность сохранить свое «я», свою, пускай хотя бы внутреннюю, свободу и независимое суждение, вера в гармонию и красоту устройства мироздания как целого, сколь бы темны и низменны ни были страсти, управляющие жизнью людей на земле, сколь бы черны и печальны ни были страницы человеческой истории. Луис де Леон писал не только оды, но и десимы («Покидая темницу»), и сонеты, — его немногочисленные создания в этом жанре относят к шедеврам ренессансной лирики. Однако подлинно вторую жизнь начинающему увядать петраркистскому сонету (а также элегии и канцоне) дал Фернандо де Эррера.

Молодой севильский поэт начинал как эпик: «Громким грохотом и с благородным придыханием // Воспою Испании триумфы и победы...» (перев. А. Косс). Его вдохновляют не античность и не реконкиста, а деяния героев совсем недавнего прошлого: участников битвы при Лепанто, сражения при Аль-

касар-Кибире. Однако встреча с доньей Леонор, графиней Хельвес (в доме ее мужа дона Антонио Португальского, графа Хельвес, в пригороде Севильи собирались севильские поэты и художники, в том числе Хуан де Мал Лара, «старейшина» кружка, Франсиско де Медина, Луис Бараона де Сото, Бальтасар дель Алькасар, Франсиско Пачеко), перенастроила лиру Эрреры с лада героического на лад любовный, со стиля пиндарического на стиль петраркистский. Эррера стал крупнейшим в последней трети XVI века продолжателем линии Гарсиласо. Но и в любовной поэзии его стих остается громокипящим, подчеркнуто экспрессивным, полным гиперболических сравнений, пышных метафор и кричащих контрастов (льда и пламени, алого и белого цветов, ада и рая). Эррере мало, чтобы его любовной тоске сострадали нимфы какой-нибудь одной реки — Тахо, Доуро или По, ему нужно всемирное сострадание, нужно, чтобы потоки его слез Гвадалквивир уносил в океанский простор, чтобы его стенания были слышны в Исландии и в Ливии, чтобы, узнав о его муке, зарыдали жители Индии и индейцы Нового Света. Севильский поэт не довольствуется гарсиласовскими мягкими тонами, его поэтический мир либо сплошная «белая мертвенная пустыня», либо сплошной солнечный блеск. Это мир, расколотый надвое, мир двойников и зеркальных отражений: маньеризм и барокко, идущие на смену ренессансу, очень любили зеркала, отголоски, удвоения (Нарцисс и Эхо — распространеннейшие мифологические образы конца XVI — начала XVII века). Путь Эрреры не гораццианский «срединный» путь Боскана и Луиса де Леона, а узкий, несущий гибель всему живому проход «меж скал отвесных»: многие поэты до Эрреры уподобляли участь влюбленного участю терпящего бедствие пловца или кормчего, но он один буквально загоняет свою «утлую скорлупку» в губительную расщелину! Лирический герой Эрреры — это не покорный воле звезд влюбленный, но и не мудрец — созерцатель ночного неба, а тот, кто смеет дерзать, герой-авантюрист. Пафос дерзновения сближает эпических героев Эрреры и лирического героя его любовных сонетов. Но дерзновение — и здесь Эррера выходит за границы ренессансного видения мира — всегда чревато крушением, поражением, гордыня человека, возмнившего себя «героем», всегда наказывается. Поэтому героическое прославление у Эрреры превращается в элегическое оплакивание. Рядом с горделиво возвышающейся Севильей в его художественном мире простираются «руины Италики» — как предупреждение гордецу, как знак близящегося конца Возрождения.

Присущая поэзии Эрреры контрастность, особенно контраст «высокого» и «низкого», начинает все больше и больше определять литературный процесс в Испании конца XVI — начала XVII века. Все более различимыми в испанской поэзии позднего Возрождения становятся бурлескно-комические и сатирические интонации, «низкие» звуки бандуррии и гитары начинают заглушать лиру Ариона и орган Салинаса, Марциал все более заслоняет собой Горация и Вергилия. Тому пример — поэзия Бальтасара дель Алькасар, выделяющегося из «севильской» группы поэтов пристрастием к фривольным темам и нарочито простонародным по форме (Алькасар писал преимущественно редондилли) описаниям земных радостей бытия. Тому свидетельство и героикомическая поэма Хуана Руфо «Смерть крысы». Прославившийся среди современников как создатель героической эпопеи «Аустриада», Руфо не считает зазорным использовать свое виртуозное владение эпическим стихом для пародирования столь распространенного в поэзии того времени эпического стиля.

С другой стороны, мистический порыв, соседствующий в лирике Луиса де Леона с восхищением красотой посюстороннего, осязаемого, зримого и слышимого мира, подчиняет себе весь художественный универсум поэтов-«мистиков», в том числе и крупнейшего среди них — Сан Хуана де ла Крус.

Поэзия Хуана де ла Крус обязана своим возникновением практике духовных песнопений, широко распространенной в монастырях ордена кармелитов, к которому принадлежал поэт. Кроме того, она вобрала в себя и традиции народной лирической поэзии (песен и романсов на религиозные сюжеты), а также опыт Гарсиласо, поэтическое наследие которого еще до Хуана де ла Крус подвергалось обработке в духе «божественной поэзии». Огромное влияние на поэта-кармелита оказал Луис де Леон, вслед за которым Хуан де ла Крус обращается к Библии как главному источнику поэтической образности. Как и Луис де Леон, Хуан де ла Крус предпочитал всем размерам «лиру» (хотя его перу принадлежит и ряд романсов, и знаменитая песенка «Пастушок», фольклорная и по стилю, и по происхождению).

Библейской «Песнью Песней» навеяны многие темы и мотивы главных сочинений Хуана де ла Крус: «Темная ночь», «Песнь души», «Огонь любви нетленной». Каждое из них сопровождается обширным прозаическим автокомментарием — трактатом о путях мистического слияния Души (она предстает

в образах Невесты, Любимой) с Богом (Женихом, Возлюбленным). Поэтому все сочинения Хуана де ла Крус включают в себя по меньшей мере два плана. На первом разворачивается поэтический, насыщенный эротическими деталями, местами доходящий до чувственного экстаза, рассказ о мучительном томлении Невесты, устремляющейся на поиски Жениха, об их любовном свидании, о восторге растворения-исчезновения в Любимом. Но если выйти за пределы первого, пластически-изобразительного плана произведений Хуана де ла Крус, если поместить их в контекст общего мистического замысла, то обнаружится, что для поэта-мистика литературный образ только способ перенесения событий, происходящих в сверхчувственном, надмирном измерении, в область чувственного восприятия читателя (слушателя), способ его приобщения к мистическому таинству. Поэтому каждый образ поэзии Хуана де ла Крус, из какой бы сферы он ни был взят — бытовой, природной, эротической, эстетической (ночь, пламя, ветер, потайной ход, светильник, благоуханье мяты), — несет в себе аллегорический смысл. Та же ночь — не просто благоприятное для свидания влюбленных время суток, а «благословенная тьма», в которой, согласно учению мистиков, только и может вспыхнуть ослепительный свет, указующий путь к Богу, состояние полной освобожденности сознания от предметов «сега мира» — осознанной бессознательности, которая достигается путем специальных «духовных упражнений». «Потайной ход» — известный немногим посвященным путь души к Богу. «Зеленый луг, усеянный цветами» (сколь часто фигурирует он в поэзии от Вергилия до Гарсиласо!) — небо, как то утверждает сам поэт в прозаическом автокомментарии. Но и к однозначно-аллегорическому истолкованию, доступному узкому кругу посвященных, поэзия Хуана де ла Крус также несводима. Жаждающий высказать «несказанное» (думается, этот любимый словообраз русских символистов здесь вполне уместен), творец «Песни души» и «Темной ночи» во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов XVI столетия создал поэзию неисчерпаемых смыслов, поэзию, доступную самым разным истолкованиям, каждое из которых все равно окажется недостаточным, поэзию, вплотную соприкасающуюся с музыкой бытия, ту, которую три века спустя назовут «символистской». И у которой не могло быть продолжения в лирике XVII века.

Впрочем, в испанской литературе этого времени все же появилось произведение, также исполненное бесконечно раз-
вертывающегося в веках, неисчерпаемого, символического

смысла, — роман, создатель которого, несомненно, учитывал творческий опыт Хуана де ла Крус. Начало «Дон Кихота» очень похоже на начало «Темной ночи», «Невидимой для взгляда... // Я ночью потаенно // Покинула свой дом непробужденный» (перев. Б. Дубина), — исповедуется Душа — героиня поэмы Хуана де ла Крус. «И вот, чуть свет... никому ни слова не сказав о своем намерении и оставшись незамеченным, облачился он во все свои доспехи... и довольный тем, что никто не помешал ему приступить к исполнению благих его желаний, через ворота скотного двора выехал в поле» (перев. Н. Любимова), — повествует автор «Дон Кихота» о первом выезде своего героя, чьи благие желания не менее возвышенны, нежели устремления Души поэта-мистика. Можно было бы ожидать, что и поэзия Мигеля де Сервантеса — а поэтическое наследие творца «Галатеи», «Дон Кихота», «Назидательных новелл», «Восьми комедий и восьми интермедий» весьма значительно, хотя и рассредоточено преимущественно по текстам его прозаических произведений и пьес, — также развивалась в русле «высокой» поэзии, вполне обособившейся к концу XVI века от поэзии «низовой», бурлескно-комической. Действительно, Сервантес, прекрасно владевший всеми современными ему стихотворными формами, органично продолжил традиции любовной лирики Гарсиласо (его он ставил, пожалуй, выше всех испанских поэтов XVI века), любовной и героической поэзии Эрреры, философической музыки Луиса де Леона. Эти свойства его поэтического дара вполне проявились в пасторальном романе «Галатея» (1585), а также в отдельных, чудом дошедших до нас образцах его поэзии, созданной до 1585 года (современники невысоко ценили поэзию Сервантеса и чрезвычайно редко включали его стихи в коллективные антологии). Во второй половине 80-х — начале 90-х годов Сервантес освоил и новый поэтический язык, создаваемый на его глазах поэтами-современниками Луисом де Гонгорой и Лопе де Вегой: изысканную метафоричность романсов и сонетов Гонгоры, стилизованно-простонародную свежесть и непосредственность романсов Лопе. Но чистый, не замутненный ничьими поэтическими интонациями, голос Сервантеса звучит прежде всего в его иронической поэзии: создатель «Дон Кихота» имел неисцелимую склонность к видению мира именно в таком ракурсе. Его знаменитый сонет «На катафалк короля Филиппа II в Севилье» насквозь пронизан сознанием нелепости и тщетности тех «миллионных» затрат, которыми людская суетность хотела бы затмить великое таинство смерти.

Событие, послужившее поводом для написания сонета Сервантеса, произошло в 1598 году. На испанский трон взошел новый монарх — Филипп III, при котором, равно как и при его преемнике Филиппе IV, процесс экономической, социальной и политической деградации Испании чрезвычайно ускорился. В то время как переломные страны Европы (Англия, Голландия, а затем и Франция) вступили на путь капиталистического развития, Испания, в которой «третье сословие» так и не сложилось, оставалась в плену феодального способа производства, феодально-накопительского (а по сути — крайне расточительного!) отношения к богатствам, в несметных количествах вывозившимся из Нового Света. Испанские города XVII века, опустошившие, наряду с эмиграцией за океан, испанскую деревню, превратились в гигантские по тогдашним меркам поселения: в одном Мадриде было сосредоточено больше половины населения страны! Но они стали не центрами развития промышленности и торговли, а местами праздного времяпрепровождения как аристократии, окруженной бесчисленной челядью, так и плебса, перебивавшегося случайными, нередко нечистоплотными, заработками, не говоря уже о несметной орде чиновников и служителей церкви. Недаром поэты XVII века (например, Кеведо в «Бурлескной летрилье», Гонгора в сонете «Спесь гранда грандиознее слона...») так часто высмеивают столичных жителей и их нравы.

Преемники Филиппа II строили не дворцы-монастыри, а дворцы-парки с обязательными помещениями для постановки спектаклей (так в загородной резиденции королей Буэн-Ретиро появился первый в Испании стационарный театр). Любое государственное событие и всякий значительный церковный праздник сопровождался пышными театрализованными шествиями и «действиями». Корралы Мадрида и Вальядолида, Валенсии и Барселоны, в которых шли театральные представления, с полудня до вечера были полны праздной публикой. Жизнь воистину стала театром, а Испания — гигантской сценой, на которой разыгрывались последние акты комедии о всемирном господстве. Начинался век массового, коллективного мифотворчества, когда на первый план выступили преимущественно надличностные ценности и идеалы: сословие, нация, империя, церковь. Завершалась эпоха Возрождения, создавшая элитарно-гуманистический миф о человеке-индивидууме, совершенном творении природы, живущем то ли в уже начавшемся Золотом веке, то ли накануне оного. XVII век с этим ренессансным мифом решительно расстается. «Что такое человек?» — задается классическим вопросом мыслителей

Возрождения шекспировский Гамлет и, перебрав все традиционно-гуманистические варианты ответа, приходит к своему, рожденному Новым временем: «Всего лишь жалкая квинтэссенция праха». Все меньше и меньше становится у человека возможностей самому избрать себе роль, самому ставить спектакль. Это еще удается Гамлету. Удается родившемуся почти одновременно с ним (как персонажем Шекспира) Дон Кихоту — герою первой части романа Сервантеса (1605). Но этой возможности уже лишен Дон Кихот — персонаж второй части, опубликованной десятью годами позднее: мир окрест — в лице герцога и герцогини прежде всего — буквально выталкивает его на подмостки, заставляя играть роль безумца-поклонника Дульсинеи из первой части. Сам же он все более и более сомневается в реальности своих рыцарских идеалов.

Не поддавшийся массовым иллюзиям, не желающий принимать участия в коллективном лицедействе, художник-гуманист оказывается обреченным на разочарование: этот мотив проходит через всю испанскую поэзию XVII столетия. Чувство разочарования может стать всеобъемлющим, подчинить себе самое основу гуманистического мировидения — веру в самодостаточность человека, в его независимость от каких-либо внешних сил, в его «божественную» сущность.

Поэтом и прозаиком, глубже всех ушедшим в переживания тотального разочарования, стал крупнейший художник испанского барокко Франсиско де Кеведо.

Стою у стен отеческого края,
У тех камней, где были бастионы, —
В осаде лет, устав от обороны,
Не устояла доблесть вековая... —

(Перевод А. Гелескула)

так начинается знаменитый сонет Кеведо, выразительно озаглавленный «Вникай, как все пророчит смерть». Существование человека в мировосприятии Кеведо — это быстротечный сон, иллюзия бытия.

Вчера прошло, а Завтра не настало,
Мое Сегодня мимолетней взгляда,
И то, чем был я, быть уже устало...

(Перевод А. Гелескула)

Отторженный от лона природы (для человека эпохи барокко она уже не источник жизни, а отмеченная печатью грехопадения грубая материальность), начинающий утрачивать связь с абсолютном, окруженный враждебным миром

людей, правящих пир во время чумы, лирический герой Кеведо бесконечно одинок. Правда, он еще стремится найти духовную опору в любовном служении прекрасной Лиси — в той любви, что «неизменна за чертой смерти». Как и его далекий предтеча Хорхе Манрике, он надеется на то, что жизнь после смерти может продлиться в славной памяти потомков. Он пытается забыть о смерти в общении с мудрецами прошлого — среди «ученых книг, покоя и тишины». Наконец, в отчаянии он обращает взоры к Богу, в котором также пытается найти прибежище от вездесущей «старухи».

Конечно, переход от эпохи Возрождения к веку барокко в Испании не свершился в одночасье. Довольно длительное время, приблизительно с 1580-х по 1610-е годы, происходила смена одних жизненных и эстетических форм другими, на одной временной «территории» сосуществовали разные стили и направления. Ренессанс, постепенно эволюционирующий к классицизму (эта тенденция в Испании не получила существенного развития, хотя именно в ее рамках творили такие прекрасные лирики, как братья Архенсола). Маньеризм, ставший связующим звеном между ренессансным петраркизмом и барочной метафорической поэзией. Наконец, зарождающееся в процессе преодоления маньеристического субъективизма и интеллектуализма мощное, пластически-живописное, тяготеющее к эпическому размаху и объективизму барокко. Этот процесс движения от маньеризма к барокко лучше всего представлен в творчестве Луиса де Гонгора-и-Арготе, эволюционирующем от ранних маньеристских сонетов и летрилий, лирических и бурлескных романсов к барочным поэмам «Фабула о Полифеме и Галатее», «Одиночества» (этот барочный этап творчества Гонгоры, начинающийся с «Оды на взятие Лараче» (1609), остался за пределами настоящего сборника). Достаточно сравнить сонет Гарсиласо «Пока лишь розы в вешнем их наряде...» и написанный в той же петраркистской традиции и на ту же тему ранний сонет Гонгоры «Пока руно волос твоих течет...», чтобы увидеть существенный сдвиг. Известная еще из античной поэзии тема «наслаждения мгновением» вписана у Гарсиласо в тему круговорота времени («Уж так заведено из века в век...»). Мысль о том, что в увядании роз и женской красоты есть своя мудрая, природная закономерность, вносит в художественный мир поэта Возрождения умиротворение и гармонию. Иначе выстроен сонет Гонгоры, живущего на закате Ренессанса. Во-первых, весь облик красавицы в его сонете как бы раздроблен на отдельные, включенные в особые

образные ряды (ряд «золота», ряд «воды», ряд «цветов» и т. д.) детали: волосы, шея, губы и т. д. Во-вторых, в завершающих терцетах сонета все эти детали собраны воедино и... развеяны: «...в золу и в землю, в пепел, дым и прах» (перев. С. Гончаренко). Время у Гонгоры не движется по кругу, а летит, как стрела (см. его написанный незадолго до смерти сонет «О скрытной быстротечности жизни»), к неизменной цели: небытию.

Мифологические образы, существовавшие в лирике Гарсиласо, Боскана, Луиса де Леона и даже еще у Эрреры не как иносказания, а как полноправные реалии и персонажи, в маньеристской поэзии превращаются в художественные тропы, в метафорические конструкции.

Вы, сестры отрока, что презрел страх,
В долине По укрывшие на кручах
Колонны стройных ног — в стволах могучих
И косы золотистые — в листьях...

(Перевод М. Квятковской)

Девушки, к которым обращается Гонгора в этом сонете, на самом деле — деревья, тополя. Но чтобы прямо не назвать их, чтобы заставить читателя напрячь свою культурную память, поэт прибегает к развернутой метафоре, построенной на мифе о сестрах Фазтона, горько оплакивающих его гибель и превращенных богами в тополя.

Эта интеллектуальная игра в метафоры-загадки, сложное синтаксическое строение фразы, введение в поэтический язык латинизмов и составляет суть культуранизма (или культизма), одного из главных направлений испанской поэзии XVII века, во главе которого стоял Гонгора.

Естественно, основным адресатом поэзии Гонгоры был элитарный, высокообразованный читатель. Однако Гонгоре принадлежат и немало произведений, пользовавшихся в конце XVI — начале XVII века успехом у массового читателя, а точнее, слушателя: ведь большинство «популярных» сочинений Гонгоры — это лирические романсы и летрильи, которые распевались на улицах испанских городов, в домах знати и простонародья. Широкое распространение в 80-е годы XVI столетия так называемых «новых», литературных романсов — одна из характернейших примет кардинального обновления испанской поэзии, произошедшего на закате Возрождения. Романс, возникший в Испании как фольклорный жанр в конце XIV века, переживший эпоху расцвета в XV столетии, занимал достаточно скромное место в жанровой системе испанской письменной лирики эпохи Возрождения, хотя как жанр народ-

ной поэзии пользовался неизменным успехом. Лишь немногие поэты, преимущественно «традиционалисты» (тот же Кастильехо), сочиняли романсы или использовали романсный стих (восьмисложник с ассонансной рифмой на четных строках). Их «новые», литературные романсы были собраны в книгу «Романсеро», выпущенную Хуаном Лопесом де Сепульведа в 1551 году. Но должно было пройти еще три десятилетия, чтобы произошел поистине взрыв массового увлечения поэтов и читающей публики романсами. Романс — наряду с театром, созданным Лопе, наряду с плутовским романом, главным жанром испанской прозы эпохи барокко, — стал нагляднейшим проявлением демократизации культурного процесса в Испании рубежа XVI—XVII веков.

Особым успехом в 80—90-е годы пользовались так называемые «пиратские» (об алжирских пленниках) и «новеллистические» (на темы поэзии Ариосто) романсы Гонгоры, лирическая суть которых подчеркивается неизменным рефреном-припевом, а также его бурлескные романсы на мифологические сюжеты. Однако Гонгору как сочинителя «мавританских» романсов (таковых у него немного, хотя в их числе есть и знаменитые, такие, как «Испанец в Орানে», «Он Первый Знаменщик мавров...») сразу же и безусловно затмил его неизменный соперник на ниве поэзии Лопе де Вега.

Следует заметить, что литературный быт Испании времен позднего Возрождения и барокко являет собой значительно более пеструю и запутанную картину, нежели та, что образуют почти что «идиллические», дружественные и духовно-родственные связи Гарсиласо и Боскана, Мендосы и Сетины. Что такое вполне корректная полемика Кастильехо с «итальянизирующими» поэтами на фоне града личных (зачастую грубых и злых) оскорблений, которые обрушивали друг на друга писатели XVII века? Вечная вражда разделила друг с другом Сервантеса и Лопе де Вегу, Лопе де Вегу и Гонгору, Гонгору и Кеведо... Конечно, будучи великими художниками, они время от времени вынужденно, сквозь зубы, признавали достоинства друг друга. Но чаще — открыто или тайно — друг на друга нападали. Вот и самолюбивый и надменный Гонгора, уязвленный успехом Лопе — творца романсов, тут же пишет на них злую пародию... Но дело было, конечно, не только и не столько в дележе лаврового венка. Историки литературы, обязательно ставящие друг против друга два имени — «Гонгора» и «Лопе», обозначают ими два противоположных и вместе с тем друг друга дополняющих направления в испанской поэзии конца XVI — первой трети XVII века: поэзию элитарную и массовую,

«темный» стиль и «ясный» стиль, художественный расчет и спонтанное импровизаторство.

И все же такое противопоставление, хотя и выявляет какие-то важные тенденции, неизбежно многое упрощает. В богатейшем и многообразнейшем поэтическом наследии Лопе де Веги, великого драматурга и вместе с тем, наряду с Гонгорой и Кеведо, одного из трех крупнейших поэтов первой трети XVII века, можно найти и образцы поэзии «гонгористского» типа, и философско-религиозную лирику «разочарования», очень близкую по духу поэзии Кеведо, и неоплатонические любовные стихи, непосредственно примыкающие к традиции Боскана и Гарсиласо, и парафразы «стансов» Хорхе Манрике, и отголоски сонетов Камозанса, и вариации на темы «духовных песнопений» Хуана де ла Крус. Лопе поистине является завершителем всего развития испанской поэзии второй половины XV—XVI столетий. Итогом ее движения. Куполом-сводом, венчающим возводимые многими поколениями мастеров стены храма. Ясные и легкие на первый взгляд строфы романсов, сонетов, песен и песенок, элегий и эклог Лопе де Веги на самом деле входят в далеко не простой и однозначный художественный мир, мир, складывавшийся и развивавшийся на протяжении чуть ли не шестидесяти лет. Кажется, целая эпоха разделяет «мавританский» романс «Восходит звезда Венера...», сочиненный Лопе в 80-е годы, и прославленный романс «Одиночеством к людям гонимый...», включенный в диалогический роман «Доротея» (1632). Сколько в первом, несмотря на его «жестокий» сюжет, праздничности, живописности, жизненного напора и сколь строг, скорбно-суров, а моментами горестен и скептичен стиль второго. Из двадцати семи строф романса одна содержит в себе особо запоминающийся образ-концепт. В нем — готовая формула мировоззрения, выработанного XVII веком:

Этот мир, должно быть, стеклянный,
Он надтреснут, и в час урочный
На осколки он разлетится,
Потому что стекло непрочное.

(Перевод М. Квятковской)

Впрочем, современному читателю не так уж трудно проникнуться мыслью о необходимости воспринимать творчество того или иного поэта в развитии, в движении, в последовательной смене стилей и форм. Труднее понять, как это он может одновременно выступать в нескольких «ролях», говорить разными голосами, примеривать на себе платье разных «лирических»

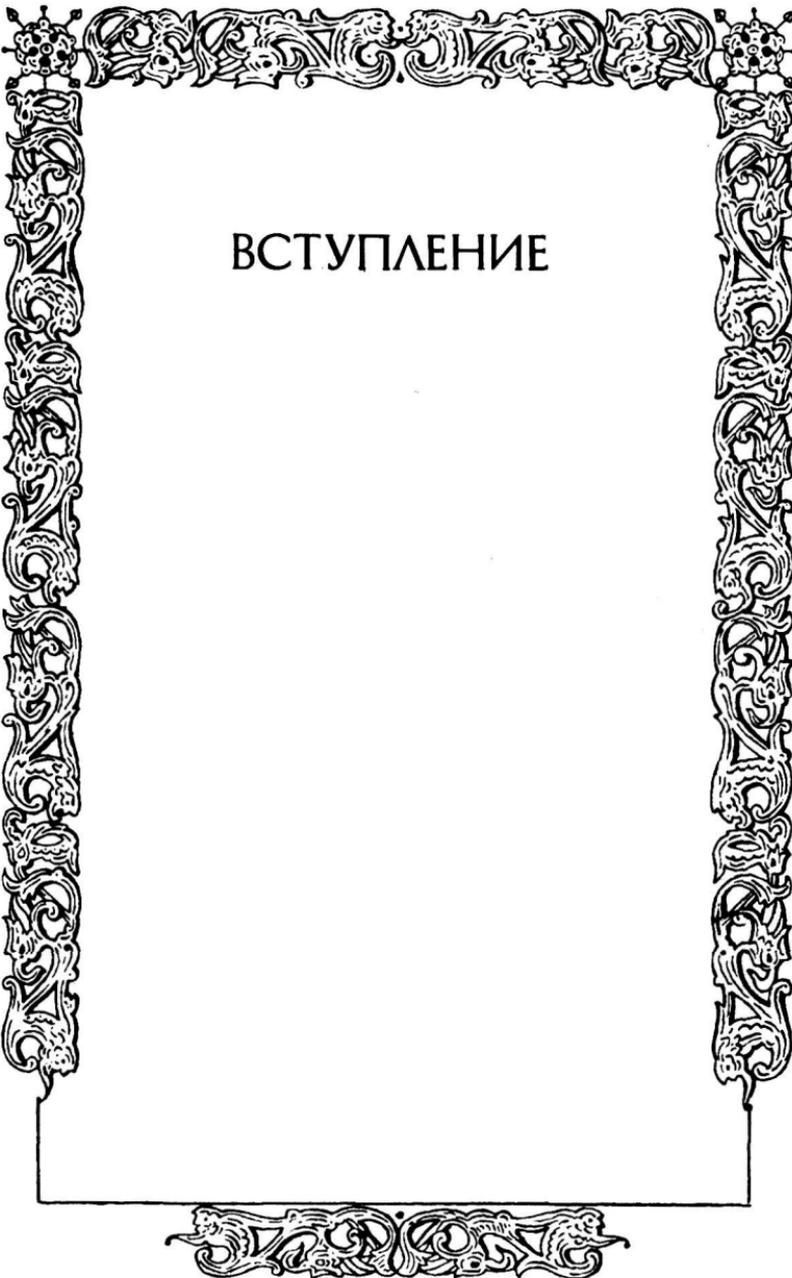
ких героев»: коленопреклоненного неоплатоника, циничного повесы, заботливого отца семейства, сентиментального пастушка, влюбленного мавра, кающегося грешника, старого насмешника в потрепанной сутане — лиценциата Томе де Бургильоса. Лопе де Вега выступает перед читателем как творец откровенно театрализованного поэтического мира. Это не означает, что Лопе-поэт оказался под пятой Лопе-драматурга — с равным основанием можно было бы утверждать противоположное. Это значит, что между поэзией и драматургией, а также поэзией и прозой, драмой и эпосом для Лопе не существовало никаких четких границ. Один и тот же Гений вдохновлял его и на пьесы, и на поэзию, и на прозу: на воссоздание образа «жизни-театра». Более того, для Лопе не существовало границы и между жизнью и искусством (а именно это было основным творческим принципом Гонгоры). На сцене жизни-поэзии «мы видим Лопе и как Белардо перед Белисой, как Заида перед Заидой, а по прошествии лет — как Лусиндо перед Лусиндой»¹. Поэзию Лопе невозможно до конца понять вне его биографии, изъять из контекста его судьбы. Однако автобиографизм поэзии Лопе — это отнюдь не привычная нам романтическая исповедальность, предполагающая единство личностного мироощущения, монолитность «я», в сознании которого помещается весь мир. Лирика поэта-романтика — бесконечный драматический монолог. Лирика Лопе, как уже говорилось, многолюдный спектакль или многоголосый роман. Поэтическое «я» Лопе как бы постоянно двоится, множится, отсюда такое тяготение Лопе к стилизациям. Ведь его неоплатоническая лирика — не просто варьирование «штампов» петраркизма, как это может показаться на первый взгляд (сам Лопе петраркизм давно, еще в сонетах 1590—1600-х годов высмеял и переосмыслил). Это — сознательная имитация неоплатонизма, создание образа неоплатонической поэзии. А сколь изящно и тонко стилизует Лопе мир народной песенной поэзии (в этом смысле рядом с ним может стоять один лишь Жил Висенте). Классический пример такой стилизации — песенка о клевере из пьесы «Перибанес и командор Оканьи». Лопе-лирик не просто исповедует, а одновременно подглядывает за собой, пытается различить черты своего лица, отразившиеся в «зеркале» стиха, придать ему нужное выражение. Иначе говоря, его лирический герой всегда видит себя извне, глазами другого.

¹ Ferrán I. Lope poeta. — В кн.: Lope de Vega y los orígenes del teatro español. Madrid, 1981, p. 514.

Вершины самосознающей, исповедально-трагической лирики Лопе — сборник «Духовные стихи» (1614) и поэзия, включенная в роман «Доротея». Однако долго удержаться на одной, трагически-напряженной, ноте его голос не мог. Ведь жизнь еще продолжалась, земная, посюсторонняя грешная жизнь, полная красот и соблазнов... Еще были полны театры и корралли. И хотя испанская империя постепенно сходила со сцены мировой истории, был жив народ Испании, бессмертный народ, сохранивший в своей душе имя своего любимца — «Лопе Всемогущего». А подле него имена всех великих (и не очень великих) поэтов XVI—XVII веков, вошедших в историю как «Золотой век» испанской поэзии.

С. Пискунова

ВСТУПЛЕНИЕ

ХОРХЕ МАНРИКЕ

СТРОФЫ НА СМЕРТЬ ОТЦА — ДОНА РОДРИГО МАНРИКЕ, МАГИСТРА ОРДЕНА САНТЬЯГО

I

Пробудись от сна, душа,
Огляди в раздумье строго
Все, что живо:
Как проходит жизнь, спеша,
Как подходит смерть к порогу
Молчаливо.
Радость выглянет украдкой,
И уже затмилась тенью,
Снова мрак.
Что минуло, сердцу сладко,
А сегодня по сравненью
Все не так.

II

Наше время быстролетно:
От всего, что наступило,
Ни следа.
Мы отдали бы охотно,
Что грядет, за то, что было,
Навсегда.
Понапрасну людям мнится,
Что грядущему благому
Длиться вечно:
И оно быстрее птицы,
И оно, под стать былому,
Скоротечно.

III

Наши жизни это реки,
И вбирает их всецело
Море-смерть;
Исчезает в нем навеки
Все, чему пора приспела
Умереть.
Течь ли им волной державной,
Пробегать по захолустью
Ручейком, —
Всем удел в итоге равный:
Богача приемлет устье
С бедняком.

IV (Обращение)

Что мне славные поэты,
Пусть краснó в своих твореньях
Говорят!
Гимны их фальшиво спеты,
В их словах и песнопеньях
Только яд.
Пред одним склониться жажду,
Для меня исполнен света
Лишь один,
Кто пришел в сей мир однажды,
И не ведал мир, что это
Божий сын.

V

Жизни скорбная стезя —
Путь к обещанному краю
Вне тревог.
Хоть сойти с него нельзя,
Как плутаем мы, блуждая
Без дорог!
В путь пускаемся с рожденья,
И в житейской круговерти
День за днем,
А прибудем в час успенья
И, выходит, лишь по смерти
Отдохнем.

VI

Был бы этот мир счастлив,
 Если мерить все сполна
 Достойной мерой,
 Этой жизнью заслужив
 Ту, что свыше нам дана
 Святою верой.
 И не так ли сын твой, Боже,
 В дол сошел, чтоб мир небесный
 Дать нам впредь,
 На земле родился тоже,
 Чтобы, путь осия крестный,
 Умереть!

VII

Научись мы нашу плоть
 Наделять такой же внешней
 Красотою,
 Как сподобил нас Господь
 Возвышать наш дух над грешной
 Суетою,
 Мы бы дух изгнали прочь
 И, спеша дорогой торной,
 Вместо сути
 Всё радели день и ночь
 Не о влаге животворной —
 О сосуде.

VIII

Этот мир — одна тщета,
 И жалеть о нем негоже,
 Ибо зря им
 Дорожим, и неспроста
 То, что нам всего дороже,
 Мы теряем.
 Обирают нас года,
 Каждый час и каждый миг —
 В не меньшей мере.
 Оглядишься — ни следа,
 Все, что с муками достиг,
 Одни потери.

IX

Где былая красота,
То, что розово и бело
В дни расцвета,
То, в чем свежесть разлита,
Только старость подоспела —
Где все это?
Сила рук и легкость ног,
То, чем щедро одарила
Жизнь вначале, —
Все ушло, как вышел срок,
И вступаем мы уныло
В край печали.

X

Даже тот, чей славный род
Чтит достоинство и честь,
Живет с размахом,
Только время подойдет —
Все, что было, все, что есть,
Пускает прахом.
Там страдают без вины —
Обрекла на прозябанье
Их опала;
Тут, глядишь, разорены,
Добывают пропитанье
Чем попало.

XI

Мы богатство и чины
Донесли бы до потомства
Непременно,
Но награды нам даны
Той, чья милость — вероломство
Да измена:
Над Фортуной мы не властны,
А она несет и множит
Злые вести.
Все старания напрасны:
Колесо ее не может
Стать на месте.

XII

Даже если до могилы
Нам сопутствуют успехи
И везенье,
Иссякают наши силы,
Радость жизни и утехи —
Сновиденье.
Если лучшая услада,
Обретаемая нами, —
На года,
То одно лишь пламя ада —
Ибо что там, как не пламя! —
Навсегда.

XIII

Все, что любим и покоим,
Все, что дорого и мило,
В суетне —
Лишь разведка перед боем,
Чтобы смерть нас подманила
К западне.
Мы галопом до упаду
Мчимся вдаль легко и резво,
Без преград,
И на всем скаку — в засаду.
Повернуть бы, да отрезан
Путь назад!

XIV

Всемогущие владыки,
Прежних лет оплот и слава,
Короли,
И они на высшем пике
Удержаться величаво
Не могли.
Так уходят без возврата
Восседавшие надменно
Наверху.
Господина и прелата
Приравняет Смерть мгновенно
К пастуху.

XV

Троя старая незрима.
 Где ее бывшие беды,
 Боль и грусть?
 Позади победы Рима,
 Хоть и знаем те победы
 Наизусть.
 Что вздыхать о древних втуне —
 И вчерашний день бесплотен,
 Бросим взгляд:
 Это было накануне,
 А как будто много сотен
 Лет назад!

XVI

Где теперь король Хуан?
 Что, инфанты Арагона,
 Стало с вами?
 Неужели все обман?
 Где штандарты и знамена
 Над гербами?
 Неужели все мечты?
 Отошло цветенье мая,
 Не вернется.
 Где забрала и щиты
 И попона расписная
 Иноходца?

XVII

Где краса былых прелестниц,
 Их прически и наряды,
 Их духи?
 Воздыхатели у лестниц,
 И пылающие взгляды,
 И стихи?
 Где старинные напевы,
 Где забытые актеры
 И таланты?
 Где бывшая слава, где вы,
 Разодетые танцоры,
 Музыканты?

XVIII

А наследник дона Хуана,
Дон Энрике, как высоко
Восседал!
В царстве неги и дурмана
Притеснений злого рока
Он не ждал.
Только жизнь, полна коварства,
Собирает со страдальцев
Свой оброк:
Наслаждения и царства
Утекают между пальцев,
Как песок.

XIX

Где они, сокровищ груды,
Раззолоченные залы
И дворцы,
Драгоценные сосуды,
И чеканные реалы,
И ларцы;
Галуны, шитье и гарус,
И уздечки, и султаны,
Чья краса
Безвозвратно затерялась?
Где вчерашние туманы
И роса?

XX

Малолетний брат Энрике,
Дон Альфонсо, чья корона
Знаменита!
С ним взамен вельможной клики
Цвет двора, опора трона —
Что за свита!
Чем он миру негоден?
Молот смерти с давних пор
Крушит живое.

Чуден промысел господень:
Чуть занявшийся костер
Залить водою!

XXI

О казненном коннетабле
Нам теперь судить превратно
Не пристало.
Кривотолки поослабли,
Он низвергнут безвозвратно
С пьедестала.
Где теперь его богатства,
Где именья, где веленья
И угрозы?
Как пришла пора прощаться,
Что осталось от владенья?
Только слезы.

XXII

Где владетельные братья,
Где былое своеволие
Тех времен,
Когда всякий без изъятья
Исполнял их злую волю,
Как закон?
Где спесивец самовластный,
Процветанье без предела,
Где оно?
Может, там, где день ненастный:
Чуть заря зарозовела,
Уж темно?

XXIII

Графы, герцоги, маркизы,
Благородные личины,
Господа,
Чьи причуды и капризы

Смерть уносит в час кончины
Без следа,
Чьи свершенья и утраты
В годы мирного покоя
И войны
В край, откуда нет возврата,
Неподкупною рукою
Сметены.

XXIV

А бесчисленные рати,
Стяги, крепости, твердыни,
Склоны вала?
А девизы гордой знати,
Замки, грозные доньне,
Как бывало?
Форты, башни, бастионы,
Насыпные укрепления
И редуты?
Будь ты пеший или конный,
Смерть не медлит ни мгновенья,
Ни минуты.

XXV

Был до горестного мига
Милосердия опора
И радетель
Достославный дон Родриго —
Несравненная без спора
Добродетель.
Род Манрике он прославил,
Но хвалить его заслуги
Неуместно:
Восхваленье против правил,
Если имя по округе
Столь известно!

XXVI

Он умел быть другу другом,
А родне и домочадцам
Был отцом.
Но платил он по заслугам,
Если вышло рассчитаться
С наглецом!
О его рассудке ясном,
Об учтивости и чести
Шла молва!
Добрый к слабым и несчастным,
Он берег для правой мести
Ярость льва!

XXVII

Август — избранный счастливец,
Цезарь — воин беспримерный,
Сципион
И Траян-благочестивец —
Вот портрет героя верный,
Вне времен!
Ганнибал в любви к законам,
В милосердье неустанном
Был он Титом,
В правдолюбье — Цицероном,
А по силе — Аврелианом
Знаменитым.

XXVIII

Антонин — в добросердечье,
Марк Аврелий — по стремленью
К равноправью,
Адриан — по красноречью,
Феодосий — по терпенью,
Благонравью.
Александр по стати гордой,
В бой вступающий, играя,
С новым пылом.

Константин по вере твердой,
Он в любви к родному краю
Был Камиллом.

XXIX

Не искал себе ни лавров,
Ни сокровищ без числа
На этом свете,
Но побил немало мавров,
Где теперь их кабала
И их мечети?
И за то, что он из строя
Вывел стольких сарацин
В бою геройском,
Наградили, как героя,
И землей родных долин,
И храбрым войском.

XXX

С кем же он сражался вместе,
Дав отпор враждебным ратям
По заслугам?
Знал он лишь подмогу чести
Да еще обязан братьям,
Верным слугам.
Отличась в кровавых войнах,
Заключить уполномочен
Мир в державе,
Сделал много дел достойных
И прибавил новых вотчин
К прежней славе.

XXXI

Даже юными годами
Он не тратил жизнь впустую,
Время — даром.
Над великими трудами
Он склонялся зачастую
Даже старым.
За глубокие познанья,

За служение отчизне,
Всем во благо,
Он снискал себе признание
И обрел на склоне жизни
Меч Сантьяго.

XXXII

Был его удел врагами
Беспощадно, незаконно
В схватке взят.
Он своими же руками
Все до пяди, без урона,
Взял назад.
И не пришлый постоялец —
Сам король благоволит
К нему при этом —
Пусть попомнит Португалец
И кто стал, утратив стыд,
Его клеветом!

XXXIII

Как он ставил жизнь на карту,
Как сражался он с судьбою
Упоенно!
Сколько силы и азарта
Отдал праведному бою
За Корону!
Неразлучный с ратной бранью,
Он врагов сразил немало,
Нет им счета,
Прежде чем, придя в Оканью,
Еле слышно постучала
Смерть в ворота,

XXXIV

Молвив: «Славный кабальеро,
Не сразит твоя отвага
Тьму и муку.

Призови святую веру,
Для решительного шага
Дай мне руку!
Не берег ты жизнь, по слухам,
В час, когда летел на сечу
С иноверцем,
Соберись же снова с духом
И шагни ко мне навстречу
С твердым сердцем.

XXXV

Не грожу тебе расправой,
Не уходят полководцы,
Умирая:
Обретаемая славой,
Жизнь иная остается.
Жизнь вторая —
И она отрезок тесный,
И — увы! — не быть ей вечной,
Неизменной —
Все же лучше той, телесной,
Уязвимой и конечной
Жизни брэнной.

XXXVI

Тщетно на посту высоком
Ждет вторую жизнь вельможа —
Где награда?
Праздный, преданный порокам
Также ждет ее, и что же?
Муки ада.
Ею отрок удостоен,
Полный мыслей покаянных
В час молитвы,
И ее заслужит воин
Лишь в походах, в тяжких ранах
После битвы.

XXXVII

Ты же, доблестный солдат,
Положив своим мечом
Врагов десятки,
Жди себе других наград,
Не тревожась ни о чем
В итоге схватки.
Веры истинной держись,
И придет к тебе иное
Долголетье:
Заслужил вторую жизнь —
В царстве божьем за вторую
Будет третья».

XXXVIII

(Отвечает дон Родриго)

«В добрый путь тогда, вперед.
Плакать, сердце сокруша,
Теперь напрасно.
Время более не ждет,
С божьим промыслом душа
Во всем согласна.
Как судьбе ни прекословь,
Сбросить немощную плоть
Пора приспела,
А за жизнь цепляться вновь,
Раз призвал тебя Господь, —
Пустое дело.

XXXIX

(Дон Родриго к Иисусу)

Ты, за наш всеобщий грех
Взявший смертное обличье
С колыбели,
Вознесенный выше всех,
Скрывший царское величье
В брэнном теле,
Ты, приявший столько мук

С мудрой кротостью, с иной,
Нездешней силой,
Не из-за моих заслуг,
А по милости одной
Меня помилуй! »

XL

(Заключение)

Так свершил он путь земной,
Дни окончив между нами
В тесном круге,
И, оплаканный женой,
Братьями и сыновьями,
Рядом — слуги,
Отлетел душой туда,
Где ее в хоромах вешних
Встретит пенье,
Нам оставив навсегда
Память — лучшее из здешних
Утешенье.

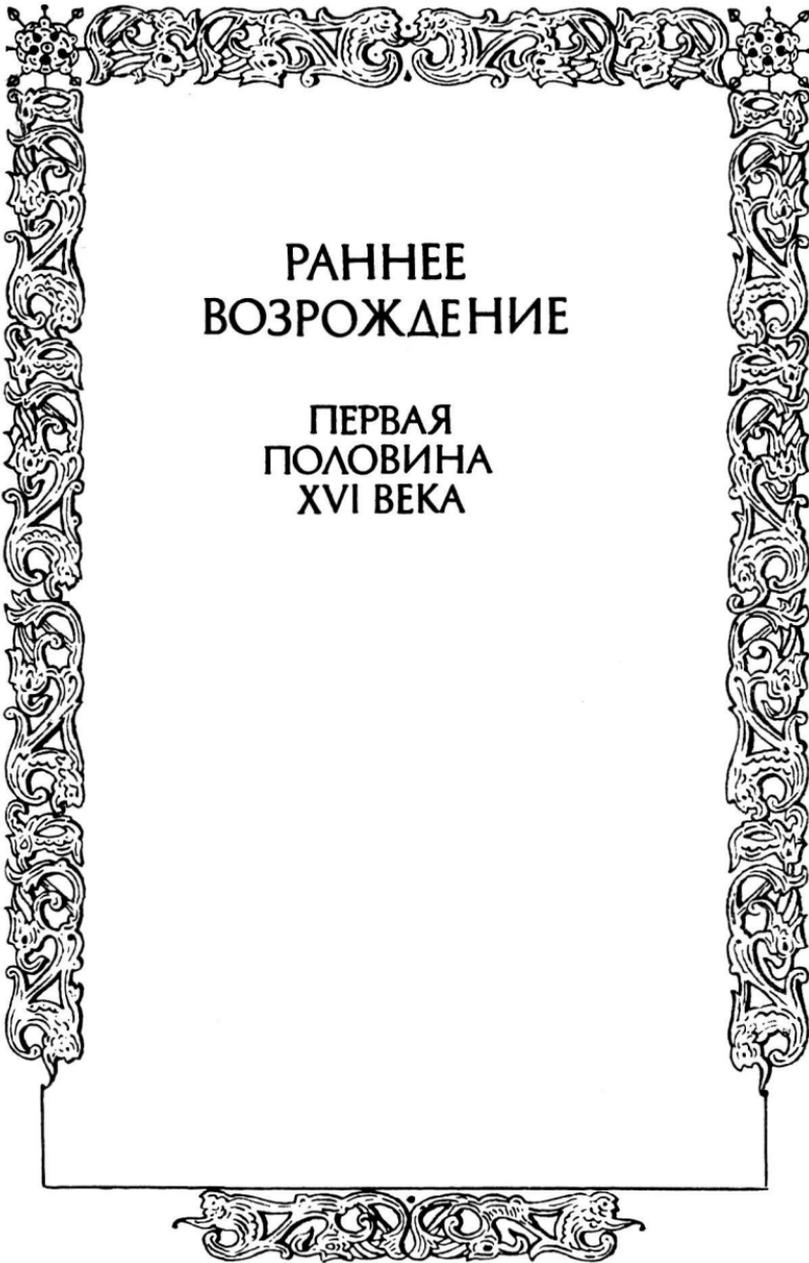
* * *

Мир, ты всех нас убиваешь,
Так хоть было б в этой бойне
Чем платиться,
Но таким ты пребываешь,
Что отрадней и достойней
Распроститься
С этой жизнью многотрудной,
Для утрат нам отведенной
И пустою,
Безутешной и безлюдной
И настолько обойденной
Добротою.

Приходя в нее, мы плачем,
И горьки с ней расставань
Поневоле;

Путь наш муками оплачен,
Долгий век — одно названье
Долгой боли.
Смертным потом и слезами
Достаются наши крохи
Утешенья,
Но всегда приходят сами
И до гроба с нами вздохи
И лишенья.

РАННЕЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ

ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА
XVI ВЕКА

БАРТОЛОМЕ ТОРРЕС НААРРО

* * *

Мне выпала в жизни такая дорога,
Что вижу я путь и вслепую плутаю,
И жив остаюсь, умирая до срока,
И весел на вид, когда слезы глотаю.

Я тысячи лет за мгновенье считаю,
Дорогами ввысь забредаю в низины,
И, вольный, о воле я только мечтаю,
Знобит меня летом и жгут меня зимы.

С людьми дружелюбный, с собой нелюдимый,
Не знаю, что роздал, не знаю, что прячу,
И пламя и лед я беру в побратимы
И, радуясь горю, о радости плачу.

Я верен невздам, я верю в удачу,
Я гибель моя и мое воскрешенье,
Себя что ни день обретаю и трачу
И вижу во тьме, ибо слеп от рожденья.

Других утешая, не жду утешенья,
И крестная ноша не гнет мою спину,
В морях не страшны мне кораблекрушенья,
А в малой слезинке я без вести гину.

Отвеяв зерно, сберегаю мякину
Январского сева, пожатого в мае;
Владея ключами, тюрьмы не покину,
Людей не постигну, а птиц понимаю.

Щедра на слова моя мука немая,
Мой утлый челнок угрожает галере,
Мне мир предлагают — я бой принимаю,
Мятежник и раб в одинаковой мере.

Витающий в небе, я вечно в пещере,
И вдвое мне легче поклажа двойная;
Ключами любви отпираются двери
Темницы, где стражду, смеясь и стенаю.

При жизни покоюсь, покоя не зная,
Летит мое время без тени движенья,
Бессмертием тешится слава земная,
И празднует сердце свои пораженья...

Сеньора и дама, по долгу служенья
Обетов любви я по гроб не нарушу,
И вплоть до последнего изнеможенья
Ни слова не вырвется больше наружу.

Отвергнутый, слабости не обнаружу,
Вам отдано все, ибо все не мое,
Всецело я ваш, и одну только душу
Мне Бог даровал и да примет ее.

ЖИЛ ВИСЕНТЕ

РОМАНС

В последнюю ночь апреля,
Чудесной вешней порою,
Когда так пахучи розы
И лилии перед зарею,
В тот час, когда все на свете
Покорно сну и покою,
Принцесса Флерида вышла
В свой тихий сад над рекою —
И жаловалась деревьям,
Шептала цветам с тоскою:
«Прощай, мой сад ненаглядный,
Не свидеться нам с тобою,
Я за море уезжаю,
Уж так суждено судьбою;
Отец меня пусть не ищет,
Не мучится скорбью злою,
Не я перед ним виновна,
Любовь одна в том виною,
Что я решила расстаться
С родимую стороною;
Несчастливая! Знать не знаю,
Что станется там со мною!»
Тут молвил ей Дон Дуардос:
«Не плачьте, моя отрада,
Сады английской державы
Прекрасней этого сада,
Там триста девушек знатных
Служить вам будут, как надо,

В высоких мраморных залах,
Где вечно царит прохлада,
Там яхонты, изумруды
И бархаты из Багдада,
Там золотом и эмалью
Украшенная анфилада
Рассказывает о войнах,
В которых я бился смлада,
О схватке с Прималеоном,
Осаде вражьего града;
Но, смелый воитель, — вами
Сражен я с первого взгляда».
И вытерла слезы донна,
Утешена речью тою,
И вместе сошли на берег,
Окутанный темнотою:
Полсотни галер приплыло
За девою молодою!
И слушая всплески весел
Перед рассветной порою,
Принцесса в объятьях дона
Уснула перед зарею.
Внемлите же притче древней
И повторяйте за мною:
Перед любовью и смертью
Ничтожно все остальное.

ВИЛЬЯНСИКО

ПЕСНЯ КАССАНДРЫ

Выйти замуж? Вот совет!
Мне не надо мужа, нет.

Я живу пока раздольно,
Меж холмов брожу привольно,
Думать нужно мне не больно,
Выйду ль замуж или нет.
Выйти замуж? Вот совет!
Мне не надо мужа, нет.

Да в замужестве мне, грешной,
Может, ад сужден кромешный,
Где красе моей утешной
Не избавиться от бед.
Выйти замуж? Вот совет!
Мне не надо мужа, нет.

А на свет и не родится
Тот, кто мне в мужья сгодится,
Мать, мне нечего стыдиться:
Я красна, как божий цвет.
Выйти замуж? Вот совет!
Мне не надо мужа, нет.

* * *

Опасна эта девчонка!
О Боже! Чьей она станет?

Девчонка уходит в горы
Пасти строптивное стадо;
Прекрасна она, как роза,
Опасна она, как море,
Взглянувшему на нее — горе:
О Боже! Чьей она станет?

* * *

Эта девушка на диво
Превосходна и красива!

Ты скажи, моряк бывалый,
Океан избородивший,
Могут лодка, или парус, или птица
С ней сравниться?

Ты скажи, боец суровый,
Грудь в доспехи облачивший,
Могут сабля, или пушка, или битва
С ней сравниться?

Ты скажи, пастух смиренный,
По горам стада водивший,
Могут овцы, козы или кобылицы
С ней сравниться?

* * *

Сыне Божий, баю-бай!
Искупитель наш Христос,
Не скорби, что боль принес
Богоматери святой!
Баю-бай!

Бог-Отец, родитель твой,
Не велел тебе рыдать:
Не страдала вовсе мать
При рождении твоём,
Родила она без слез —
Баю-бай! —
Ты ей боли не принес.

Сыне Божий, баю-бай!
Искупитель наш Христос,
Не скорби, что боль принес
Богоматери святой!
Баю-бай!

* * *

Живей за весла, матросы,
Гребите, не уставая:
Любовь — ладья роковая!

Пускай с напевом сирены
Сливается ваше пенье;
Рабы печали смиренной,
Сожмите весла терпенья,
От жажды без утоленья
Средь горьких волн изнывая:
Любовь — ладья роковая!

Гребите, пленники страсти,
Сгорайте в пекле жестоком,
Снося труды и напасти,
Но даже и ненароком
Ни вздохом и ни упреком
Обиды не выдавая:
Любовь — ладья роковая!

От пыла ваших усилий
И мертвые бы восстали;
Но сколько бы вы ни плыли,
А гавань от вас все дале;
Пусть нету конца печали —
Гребите, не уставая:
Любовь — ладья роковая!

* * *

Я сбился с пути,
Куда мне идти,
Горяночка молодая?

- Тирли-ли-ли-ти! Куда мне идти?
- Тирли-ли-ли-ой! Остайся со мной!
- Тирли-ли-ли-ти! Позволь мне уйти!

Гора такая крутая!
Устал я, весь день плутая.
Я сбился с пути,
Куда мне идти,
Горяночка молодая?

— Тирли-ли-ли-ой! Останься со мной!
— Тирли-ли-ли-ля! На что тебе я?
— Тирли-ли-ли-ой! Мне грустно одной!

Горяночка дорогая!
Как быть? Меня ждет другая.
Я сбился с пути,
Куда мне идти,
Горяночка молодая?

* * *

В садике моем радость,
Роза моя цветет:
Выйду я в сад послушать,
Как соловей поет.

На берегу зеленом
Девушка рвет лимоны.
Роза моя цветет:
Выйду я в сад послушать,
Как соловей поет.

Девушка рвет лимоны,
Рядом — дружок влюбленный.
Роза моя цветет:
Выйду я в сад послушать,
Как соловей поет.

Рядом — дружок веселый
В шляпе широкополой.
Роза моя цветет:
Выйду я в сад послушать,
Как соловей поет.

* * *

Милый мой уехал, мама,
Он теперь в чужом краю.
Только сердце ждет упрямо:
Кто вернет любовь мою,
Кто вернет любовь мою?

Вещий сон мне снился, мама,
В сердце я его таю:
Будто милый мой — за морем,
Далеко, в чужом краю.
Только сердце ждет упрямо:
Кто вернет любовь мою,
Кто вернет любовь мою?

Вещий сон мне снился, мама,
Все один и тот же сон:
Будто милый мой уехал
На чужбину, в Арагон.
Он теперь в чужом краю.
Только сердце ждет упрямо:
Кто вернет любовь мою,
Кто вернет любовь мою?

ХУАН БОСКАН-И-АЛЬМОГАВЕР

ЖИЗНЬ В КРУГУ СЕМЬИ

(Фрагмент из послания дону Диего Уртадо де Мендосе)

...Верней других та колея земная,
Когда минуешь грозы стороною,
Благую середину сохраняя.

Затем и обзавелся я женою,
Чтобы развеять лишние заботы,
Живя и утешаясь ей одною...

Иной сокровищ ради машет пикой,
Круша родных и близких без пощады
И царствам угрожая бойней дикой,

А мне и даром тех богатств не надо:
Достойно ль жертвовать чужой свободой
Для прихотливой собственной отрады?

Довольно и простого обихода,
Когда за трапезой с душой родною
Лишь то делю, что ниспошлет природа.

С собой в согласье и в ладу с женою,
А и поспорим, так не для того ли,
Чтоб помириться с нежностью двойною?

В питье и пище не стесняем воли,
И наши дети (а глядишь — и внуки!)
Играют рядом, веселя застолье.

Так и живем, найдя покой друг в друге,
То в многолюдный город набегая,
То за город спасаясь от доуки.

Когда гнетет неволя городская,
В селенье укрываемся с друзьями,
От суеты душою отдыхая...

Там зеленью, нам зренью веселящей,
Одеты луговины и нагорья,
И тень чернеет в задремавшей чаще...

Спадет накал полуденного жара,
Качнется ветер в тростнике зеленом,
Заблеяв, к дому тронется отара,

Поднимутся по высвеченным склонам
Вечерные тени из провалья,
Неся покой и отдых утомленным.

Тогда и мы, налюбовавшись далью,
Свернем назад, к заветному порогу,
Припоминая все, что повидали...

Придя, застанем стол, уже накрытый,
И весь уклад, что с распорядком дружен
Стараньями хозяйки домовитой.

После дороги краткий отдых нужен,
Чтоб, выждав суету приготовленья,
Положенной чредою сесть за ужин.

И вот несут варенья и соленья
И расставляют пышными рядами
За блюдом блюдо жажде в утоленья —

Подносы с крутобокими плодами,
Что золотистой высятся грядкою,
Увитые душистыми цветами.

На блюдах — сливки свежего устоя,
И козий творог горкой ноздреватой,
И молоко вечернего надоя.

За ними проплывают поросята,
А там — тушенный в соусе крольчонок
И корочкой хрустящие цыплята.

Новорожденный следует козленок,
Ни разу не гонявшийся по полю,
Чей нежен аромат и привкус тонок, —

Когда все это вынесут застолью,
И яствами, которым сердце радо,
Насытимся, себе давая волю,

Часы бегут невидимо для взгляда,
А мы блаженствуем, тревог не зная,
И вот уже укладываться надо.

О том же, как идет пора ночная,
Мое перо поведать не умеет,
Отказывая, только начинаю...

С О Н Е Т Ы

* * *

Мою судьбу любовь предначертала.
Едва мои уста забыть успели
Вкус молока, едва из колыбели, —
Я был из тех, кого она избрала.

С тех пор обид я испытал немало,
Меня ее невзгоды одолели,
И я порою думал: неужели
Не ад все это, что со мною стало?

В страданиях человек на свет родится,
А я из тех, кого оно взрастило,
Кто не изведал лишь тоски могильной.

О, эта боль, что сердце истомила!
Столь жгучая — как может столько длиться?
Столь долгая — как может жечь так сильно?

* * *

Следы любви — невидимые раны —
Хочу, чтоб ныне напоказ явились,
Чтоб их увидевшие поразились,
И жалостью и страхом обуяны.

Так худшие злодейства и обманы
Огласке подлежат, дабы открылись
Причины их, — чтоб люди устрашились,
Чтоб содрогнулись даже истуканы.

Я ранен был не раз в любовных войнах,
Немало видел воинов достойных, —
Пожалуй, не расскажешь обо всем.

Поведаю вам собственную повесть, —
Правдиво, как подсказывает совесть,
И прамы обнажая со стыдом.

* * *

Огонь, который день и ночь со мною,
Светло и просто в сердце затаен;
И оттого наружу рвется он,
Что я, переродившись в этом зное,

Уже и сам — пылание сплошное,
Чьим ровным жаром ветер усмирен;
Едва ступлю — и вмиг с цветущих крон
Смеется плод и ясно, как весною.

Едва взгляну — и свет среди путей
Зажжется, обратясь волною пыла,
И нет его лучистой и светлей.

Когда бы пламя этого горнила
Для счастья смертных выкрал Прометей,
Оно б его провинность искупило.

* * *

Кружат созвездья в смене прихотливой,
А мы во власти этого полета,
И правят духом, что лишен оплота,
Минутные приливы и отливы.

То возрождая лучшие порывы,
То тягота ничтожною заботой,
От поворота и до поворота
Ведет нас путь, то горький, то счастливый.

Но та звезда, которая виною,
Что ни смягченья мукам, ни числа нет,
Неумолимо надо мной застыла:

Не обернется светлой стороною,
И без надежды, что заря настанет,
Взираю на померкшее светило.

* * *

Иной влюбленный всякий день и час
Свою мечту лелеять не устанет
И, словно хоть кого-нибудь обманет,
Свое довольство носит напоказ.

Скрывает боль от посторонних глаз;
Его и слово дружеское ранит;
И так уж, кажется, собою занят,
А между тем не может без прикрас.

Но, видно, так устроено судьбою,
Что мне с довольными не по пути.
И чем кичиться? Я себе обузой.

Сам от себя спешу вслед за собою,
И как душа ни бьется взаперти,
А тело все затягивает узы.

* * *

Была бы в вас хоть капля сожаленья,
Смогли б растрогать вас хоть иногда
Чужая боль, сторонняя беда,
Я б вашего добился снисхожденья.

Но все мои мольбы и все томленья,
Вся страсть моя малейшего следа
Не оставляли в вас, и лишь вражда
Была наградой за мои мученья.

Быть может, мне любовь в себе убить,
Тогда и ваша ненависть смягчится,
И я смогу печаль мою забыть?

Нет, лучше безответно вас любить
И в этом черпать радости крупицы,
Чем, не любя, любимым вами быть!

* * *

Моряк встревожен небом грозовым,
Но стоит солнцу вспыхнуть на просторе,
Он все тревоги забывает вскоре,
Как будто почва твердая под ним.

И я плыву по волнам штормовым:
Любовь моя бездонна, словно море;
Но лишь на краткий миг утихнет горе,
Мне чудится, что я неуязвим.

Когда ж на судно вновь свой гнев обрушит
Свирепый вихрь, вздымая гладь валами,
Даю себе зарок не плавать впредь

И замолить грехи в господнем храме, —
Ведь лучше землепашцем быть на суше,
Чем властелином в море умереть.

* * *

Отраден миг, когда светлеет снова
Ненастьем затемненный небосвод,
Приятен солнца пламенный восход,
Зардевший после сумрака ночного.

И скорбная душа моя готова
В часы отдохновенья от забот,
Отторгнув груз страданий и невзгод,
Воспрянуть, словно после сна дурного.

Но вновь тревожусь — ведь известно мне:
За временное исцеленье это
Платить придется — и платить немало.

Любой, кто путешествовал по свету,
Смог убедиться: тяжела вдвойне
Дорога после краткого привала.

* * *

Опять любовь приход свой освящает
И возвращает канувшее лето;
Долина снова зеленью одета,
И юный год дорогу освещает.

Душа себя надеждой утешает,
Не слушая всеобщего совета
Плодов дожидаться, не срывая цвета,
Ведь жажду цвет, увы, не утишает.

Но я минутой переполнен каждой,
Желанием желанье обостряя
И нетерпенье награждая дважды.

Взывая к страсти, страстью этой стражду,
И если чем и напоен до края,
То лишь одной неутоленной жаждой.

* * *

Легавая, петляя и кружа,
Несется с лаем по следам кровавым,
Пока олень, бегущий от облавы,
На землю не повалится, дрожа.

Так вы меня травили, госпожа,
Такой желали смерти мне всегда вы;
Гонимый гневом яростным, неправым,
До крайнего дошел я рубежа.

И снова вы терзаете и рвете
Сплошную рану сердца моего,
Где всюду — боль кровотокащей плоти.

Верны своей безжалостной охоте,
Вы истязать намерены его
И уязвлять, покуда не убьете.

* * *

Как сладко спать и мучиться тоскою,
Что это сон, который только снится;
Как сладко забываться небылицей
И сознавать, что краткою такою;

Как сладко мыслью в бытие другое,
Недостижимое, переселиться;
Как сладко до утра смежить ресницы,
Хоть пробужденье не дает покоя.

О сон! Когда б под тяжестью твоею
И день и ночь не размыкались веки,
Ты стал бы мне и легче, и желанней!

Дай, наконец, уснуть, не сожалея;
И правдой обездоленный вовеки
Пусть обретет отраду хоть в обмане!

* * *

Не первый раз душа хитрит со мной,
Но даже видя, что его морочат,
Трусливый разум верить в счастье хочет
И мирится с подделкою смешной.

Я обхожу любого стороной,
Кто эту небыль явью опорочит;
И пытку, что мое терпенье точит,
Готов сносить с улыбкой напускной.

И чахнет мысль под тяжестью такою,
Что, кажется, блаженствую почти,
Едва на миг мученья успокою.

Немногое, что в силах был спасти,
Сжимаю полновластною рукою —
И ощущаю пустоту в горсти.

* * *

Просветами сменяются невзгоды,
Но памятлива, что бы ни случилось,
Душа и видит, что судьба смягчилась,
И странны ей нечаянные льготы.

И как ни поразительны щедроты,
Но мученица слишком истомилась,
Чтоб уповать на вражескую милость
И в радостные верить повороты.

Я свыкся с повседневною остраткой
И в том нашел свое предназначенье,
Чтоб так и жить отсроченной развязкой.

Взращен бедой, не избалован сказкой,
Я не рассчитывал на состраданье
И вдруг опять сражен простою лаской.

* * *

Совсем один, унылою равниной
Бреду в изнеможение и печали
И, чтоб в слезах чужие не застали,
Бросаю взгляд на горизонт пустынный.

Так неизбежен этот гнет старинный,
Так чувства боль переносить устали,
Что изумляюсь, озирая дали:
Как суховей не выжжет луговины?

Заблеет ли овца на косогоре,
Пастух ли крикнет, созывая стадо, —
Я вздрагиваю, с их покоем споря:

Какое же иметь терпенье надо,
Чтобы увидеть рядом столько горя
И не поникнуть под его громадой!

* * *

Оставь, тоска, не бреди бывшего
И понапрасну мыслями не мучай!
Все кончено, зачем же солью жгучей
Ты те же раны растравляешь снова?

Слабеет жизнь в сознании больного,
И он уже не чаёт доли лучшей,
За то благословляя жалкий случай,
Что в меру наказание сурово.

Любви, судьбы и смерти недалекой
Неотвратимой пыткой тройною
Гоним по свету, я почти у края.

Но, чуть смягчатся притесненья рока,
Хочу взглянуть на след свой за спиною —
И в ужасе дорогу озираю.

* * *

В душе мертво от застарелой боли,
Вгрызающейся в тело до кости;
И понапрасну в тяготах пути
Ищу спасенья от своей недоли.

Пустая небыль не дает мне воли,
К чему ни рвусь, — изведать во плоти;
Вовек посеянному не взойти
На сумрачном и запустелом поле.

Но как любовь отрадою ни манит
И сколько ум предлогов ни дает
Забить о том, что душу мне тиранит, —

Она просить о милости не станет:
Счастливому не вытерпеть невзгод,
К беспечному беда врасплох нагрянет.

* * *

Живу, хоть и не в радость никому;
Друзья тайком вздохнут о нелюдимае;
Бреду с годами, втуне прожитыми,
И от рассвета хоронюсь во тьму.

А ночь настанет — мыслей не уйму,
И темнота еще невыносимей;
Спасаюсь от людей — мне тяжело с ними,
Но тяжелей порою одному.

Так безотраден вид моей недоли,
Что в ужасе я опускаю взгляд,
И рвется дух избавиться от боли.

И я за ним последовать бы рад,
Но держит вновь привычка поневоле,
Любовь и счастье на пути стоят.

* * *

Так пылко, друг, ты неба добивался,
С таким упорством к высшему тянулся,
Что, чудилось, уже его коснулся,
Едва за ним в погоню порывался.

Так что ж на клич ты мой не отозвался
И бросить меня здесь не содрогнулся?
Зачем к истоку чистому взметнулся,
Чтоб я в постыдном прахе оставался?

Но верю, будь позволено судьбою,
Один бы ты в дорогу не пустился,
Покинув друга с пустотой земною.

Ты б, Гарсиласо, взял меня с собою,
А если бы не смог — то хоть простился,
А не успел — вернулся бы за мною.

ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА

ЭКЛОГА ПЕРВАЯ

Вице-королю Неаполя

САЛИСИО. НЕМОРОСО

Я о любви печальных пастухов,
Салисио и Неморосо скромных,
Поведаю, их боль передавая;
Тех, чьи стада, под властью жалоб томных,
Пастись забыли среди своих лугов,
Их песни звукам сладостным внимая.
Ты, кто, вовеки устали не зная,
Завоевал себе повсюду славу,
Делами создал кто свою державу,
Ты, кто порой со тщаньем и терпеньем
Своих владений занят управленьем,
Порой же, забывая о покое,
Ведешь войну, блестя вооруженьем,
Как Марса воплощение земное;

Порою же, освобожден от пеней
И от трудов, в неведенье счастливом
Охоте предан, горы попирая,
И мчишься на коне нетерпеливом,
Преследуя опасливых оленей,
Что длят свои мученья, убегая, —
Увидишь: возмещая
Досуг, что мной утрачен,
Я, рвением охвачен,
Мое перо позднее так направлю,
Что множество бесчисленное прославлю
Тех добродетелей, что ты являешь;
Умру, но не убавлю
Хвалы тебе, что многих превьшаешь.

Покуда же досуг мне не дарован
И долг исполнить не настало время
Перед твоею славою и силой —
Что должен быть не мной одним, а всеми
Исполнен, кто делами очарован
Достойными, чтоб память их хранила, —
Та ветвь, что послужила
Тебе венцом победным,
Отступит пусть пред бедным
Плющом, что разрастется
В твоей тени и тихо вверх завьется,
Высокой славы приобщась даров.
Покуда слава о тебе поется,
Послушай песню скромных пастухов.

Из ясных вод поднявшись, огневое
Сияло солнце, светом достигая
Вершин, когда под деревом зеленым
Лежал Салисио, в прохладе отдыхая
Там, где чрез луг со свежеею травоею
Прозрачный ручеек бежал со звоном.
Он пел, и словно стоном
Звучала песнь простая,
Потоку отвечая,
И в жалобе его не слышно было гнева,
Словно ее могла услышать дева,
Такое причинившая мученье,
И скорбного напева
Понять и чувство и предназначенье.

С а л и с и о

Ты тверже мрамора моим стенаньям
И жаркому огню, где я сгораю,
Ты холоднее снега, Галатея!
Я жить страшусь, хотя уж умираю,
Я жизнь отныне отдал бы страданьям,
Жить без тебя иначе не умея;
И от стыда не смея
Перед людьми явиться,
Решил я схорониться
И от себя, от собственного взора.
Зачем покинуть хочешь ты так скоро
Ту душу, что была твое владенье,
И алчешь лишь простора?
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Уж солнце шлет свои лучи златые
На горы и поляны, пробуждая
От дремы птиц, животных и людей:
Одни взмывают в воздух, улетая,
По горным кручам разбрелись другие
Или пасутся мирно средь полей;
Чуть станет посветлей,
Спешат уж третьи на работу,
Обычную явив заботу,
Как им и склонности и долг повелевают.
Мои лишь слезы всё не иссякают,
Покроется ли мир ночью тенью,
Или лучи сверкают.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

А ты, меня забывшая беспечно,
Ты и сочувствием того не одарила,
Кто здесь из-за тебя умрет в печали,
Ты ветру веру и любовь вручила,
Что мне должны принадлежать бы вечно
И мне лишь одному принадлежали!
О господи, нельзя ли
(Тебе с высот возможно
Знать, кто клянется ложно),
Чтоб столь жестокою с печальным другом
Само судило небо по заслугам?
Раз другу за любовь дарят одни мученья,
Врага дарят досугом, —
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Из-за тебя тенистых роц молчанье,
Из-за тебя вершин уединенных
Безлюдье и покой меня пленили.
Из-за тебя я жаждал трав зеленых,
И сладкого весны благоуханья,
И алых роз, и белоснежных лилий.
О, как отличны были
Те чувства, что до срока
Таила ты глубоко.
О, как я был несчастлив, заблуждаясь!
Недаром грай вороний, повторяясь,
Вещал одни обманы и мученья,
Зловеще раздаваясь.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

О, сколько раз в лесу, объятый дремой
(Порой сродни бывавшею кошмару),
Терзался я и в снах моей судьбою!
Мне снилось, что гоню мою отару
На берег Тахо, издавна знакомый, —
Чтоб отдохнула в полдень, — к водоюю.
Иду своей тропкою,
И вдруг, необъяснимо,
Поток, бегущий мимо,
Путь новый и неожиданный избирает.
И, чувствуя, как зной меня сжигает,
Спешу вдоль незнакомого теченья
Воды, что убегает.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Чьи уши сладкими чаруешь ты речами?
Чью шею нежными руками обвиваешь?
Кем ты меня так скоро заменила?
И на кого ты ласково взираешь
Теперь своими ясными очами?
И верность ложную кому ты подарила?
Из камня сердце б было,
Когда бы, плющ знакомый
Вдоль стен чужого дома
И милую лозу вокруг дерева чужого
Узрев, в слезах растаять в те мгновенья
Уж не было готово.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Каких еще потерь, какого краха,
Какого в чувствах нового разлада,
Скажи, отныне ожидать пристало?
И что теперь считать надежным надо,
Пред чем влюбленный не познает страха,
Раз положила ты всему начало?
Когда ты покидала
Меня с моей тоскою,
Явила ты собою
Дурной пример для всех под небесами,
Ведь даже за надежными замками
Боишься потерять любимое именьё;
Струитесь же ручьями,
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Начало ты дала моей надежде
Достичь того, что чуждо, незнакомо,
И сочетать, что несоединимо,
Раз злое сердце отдано другому,
А у моей любви отъято прежде.
То будет вечно каждому вестимо:
Змея вползет незримо
В гнездо невинной птицы
И станет единиться
Голодный волк со смирною овцою;
Между твоим избранным и тобою
Я большее увидел расхожденье;
Так я гоним судьбою.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Парное молоко вкушаю летом,
И хладною зимой: моя отара
Дает мне сыр и масло в изобилье;
Ты моего не отвергала дара,
И песнь мою встречала ты приветом,
Как будто пред тобою сам Вергилий.
Сдается, не явили
Мои черты уродства,
Не чужды благородства
Они и самому мне показались,
Когда в ручье прозрачном отражались;
Я с тем не поменял бы отраженья,
С кем счастьем поменялись.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Как понят был столь мало я тобою?
Чем заслужил подобную брезгливость?
Как ненавистен сделался столь скоро?
Не будь в твоей душе такая лживость,
Я был бы век ценим одной ценою,
И между нами не было б раздора.
Ты знаешь, без надзора
Порою летней стадо
Прохладе свежей радо
Гористой Куэнки, а зимой суровой
Эстремадуры ищет лес дубовый.
Но что все блага? Мне одни томленья
Даны судьбою новой.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Моим рыданьям камни сострадают,
Свою теряя твердость и ломаясь,
И деревья склоняются в печали,
И даже птицы, трелью заливаясь,
Меня услышав, голос свой меняют,
Как будто смерть мою предугадали.
И звери, что дремали,
Устав, в лесу прохладном,
Забыв о сне отрадном,
От моего печалуются стона.
Одна лишь ты доньне непреклонна,
Твоя душа не знает угрызенья
От моего урона.
О, лейтесь, лейтесь, слезы сожаленья!

Но если помощи ты мне не оказала,
Не оставляй места, что так прекрасны,
И верь в мое смирение: я покину
Места, где я покинут был, несчастный:
Я не хочу, чтоб ты их забывала,
Коли я верно угадал причину.
Ты помнишь ли долину
Со свежеею травою,
С прозрачною струею,
Любезною тому, кто плачет одиноко?
Ты здесь найдешь, когда уйду далёко,
Похитившего клад, что мне всего дороже;
Не будет уж жестоко,
Похитив клад, отнять долину тоже.

Окончил песнь Салисио и стенанье
И вздох последний испустил глубокий,
И слезы горькие потоком полились.
Тому, кто здесь томится, одинокий,
Явили даже горы состраданье
И эхом горестным вдали отозвались,
И трели раздались,
Как будто Филомела
Сочувствием хотела
Нежнейшим на его ответить муки.
Как Неморосо начал песнь разлуки,
Скажите вы, Пиериды, я не смею
Поведать эти звуки
Слабеющею лирою моею.

Неморосо

Бегущие струи, прозрачны, чисты,
И древесна, чья в них глядится крона,
И плещ, что крадетса извилистой тропкою,
Пышнозеленое пересекая лоно,
И птицы, в небе сеющие свисты,
И луг тенистый с нежною травою,
Когда с моей бедою
Еще я не спознался,
То вдоволь наслаждался
Чудесным вашим я уединеньем,
Порой охвачен сладким сновиденьем,
Порою погружен в раздумья и мечтанья,
Не мучился сомненьем,
И были радостны мои воспоминанья,

В долине этой, где сейчас тоскую,
Я наслаждался отдыхом беспечно,
Взирая на зеленые просторы.
О счастье, как ты пусто, быстротечно!
Я помню, как в минуту дорогую,
Здесь пробудясь, Элисы встретил взоры.
О рок, зачем так скоро
Такою нежной тканью
Одаривать, как данью,
Смерть с острою ее косою?
Уж лучше бы подобною судьбою
Мои усталые замкнулись годы:
С потерей такую
Живя, я, верно, каменной породы.

Где очи ясные и томные где вежды,
Что за собой повсюду увлекали
Мой дух, куда б они ни обратились?
Где руки белые, что нежно отобрали
Всё у меня — и чувства и надежды?
Где пряди, что пред золотом гордились,
Так ярко золотились,
Что злато с ними рядом
Казалось меньшим кладом?
Где грудь высокая, где стройная колонна,
Что купол золотой так непреклонно,
С такою милой грацией носила?
Теперь — увы! — сокрыто все, что мною

Любимо в жизни было,
Пустынной, хладной, жесткою землею.

Элиса, друг, кто б угадал заране,
Когда вдвоем под свежими ветрами
Мы здесь с тобой бродили, отдыхая,
Когда, любуясь пестрыми цветами,
Их собирали вместе на поляне,
Что я останусь сир, о прошлом въздыхая?
Пришла минута злая,
И горестному небу
Свою принес я требу —
Оно мне одиночество сулило.
И тяжелей всего, что я уныло
Тропою жизни осужден влачиться,
Что мне ничто не мило,
Слепцу без света в сумрачной темнице.

Все без тебя вокруг переменялось:
Стада в лугах так вольно уж не бродят,
И в помощь землепашцу над полями
Колосья золотистые не всходят.
И нет добра, что б в зло не обратилось:
Пшеница тучная глушится сорняками
И дикими овсами.
Земля, что взорам нашим
Дала цветы, что краше
И не найдешь, чтоб радовали око,
Один репей сейчас родит жестоко,
И плод его, ненужный и колючий,
Я, плача одиноко,
Сам возрастил моей слезой горячей.

Как при заходе солнца тень ложится,
А под его лучами прочь уходит
Густая тьма, что землю одевает,
Откуда страх на душу к нам нисходит
И формы странные, в какие облачиться
Готово все, что ночь от нас скрывает,
Пока не воссияет
Светила свет лучистый, —
Такой казалась мгlistой
Ночь, что тебя взяла, и той порою
Остался мучим страхом я и тьмою,
Покуда не укажет смерть порога

И я, ведом тобою,
Как солнцем, не увижу, где дорога.

Как соловей, чье так печально пенье,
Когда, сокрыт в густой листве, он свищет,
На землепашца жалуясь злого,
Что детушек его лишил жилища,
Пока, летая, был он в отдаленье
От милой ветви и гнезда родного,
И боль свою все снова
И так разноцветисто
Выводит горлом чистым,
Что самый воздух полнится звучаньем,
И ночь суровая, с ее молчаньем,
Не властна над его печальными делами:
В свидетели страданьям
Он небо призывает со звездами;

Вот так и я вещаю бесполезно
Мое страданье, сетуя уныло
На смерти злой жестокость и коварство.
Она мне в сердце руку запустила
И унесла оттуда клад любезный,
Где было для него гнездо и царство.
Смерть! Про мое мытарство
Я небу повествую,
Из-за тебя тоскую
И полно мир стenanьями моими,
И нет моей страды неизлечимей.
И чтоб не сознать сего страданья,
Мне было бы терпимей
Уже навек лишенным быть сознанья.

Обернутую тонкой тканью белой,
Я прядь твоих волос храню смиренно,
Их от груди моей не отрываю,
Беру их в руки и такой мгновенно
Жестокую болью поражен бываю,
Что предаюсь рыданьям без предела.
День коротаю целый
Над ними, и лишь вздохи,
Пылая, как сполохи,
Их сушат; медлю я, перебирая
По волоску, как будто их считая.
Потом, связав их тонкой бечевою

И тут лишь отдыхая
От мук моих, я предаюсь покою.

Но вслед за тем на память мне приходит
Той ночи сумрачной угрюмое ненастье,
Мне душу отравляя непрестанно
Воспоминаньем про мое несчастье,
И вновь пред взоры образ твой приводит
В час смертный, под эгидою Дианы,
И голос твой избранный,
Чьи звуки неземные
Смирjali вихри злые,
И что не прозвучит уже отныне.
Вновь слышу, как у сумрачной богини,
Безжалостной, ты помощи просила,
Уже близка к кончине.
А ты, богиня роц, зачем не приходила?

Иль так ты рьяно предалась охоте?
Иль так тебя завлек пастух твой спящий?
Того тебе довольно ль, непреклонной,
Дабы не внять мольбе души скорбящей,
Отдавшись состраданью и заботе,
Дабы красы не видеть обреченной
И в землю обращенной?
Не зреть того в печали,
Деянья чьи являли
Тебе служение в охоте дерзновенной,
Когда я нес на твой алтарь священный
Мои дары, плод моего старанья?
За что ж, тобой презренный,
Я гибель зрел любимого созданья?

Элиса дивная, что ныне свод небесный,
Его изменчивость в покое наблюдая,
Своей бессмертной меряешь стопою,
Зачем не просишь, чтобы, поспешая,
Лишило время оболочки тесной
Мой дух, меня соединив с тобою?
И мы, рука с рукою,
В пространстве третьей сферы,
Где льется свет Венеры,
Искали реки новые и горы,
Цветных лугов тенистые просторы,

Где отдохнуть, и чтоб тебя бесценно
Мои видали взоры,
Без страха потерять тебя мгновенно.

Так никогда б уже не прекратились
Те песни, что слышали только кручи,
Плач пастухов вовек бы не прервался,
Когда б, взглянув, как розовые тучи
Уже в огне заката позлатились,
Не поняли они, что день кончался.
Все шире расстилался
Туман густой по склонам,
И тень в лесу зеленом
Вверх по горе вползала. От печальной
Они очнулись дремы. Луч прощальный
И скудный проводили грустным взглядом
И по дороге дальней
Ушли тихонько вслед за мирным стадом.

ВТОРАЯ ЭЛЕГИЯ. БОСКАНУ

Здесь, мой Боскан, где вождь дарданский спит,
Воспетый на века в стихах прекрасных,
Которыми Вергилий знаменит,

Под сенью славною знамен всевластных
Героя Африки проводим дни
Мы, победители, в занятиях разных:

Возвыситься стараются одни,
Ища наград трудам своим немалым,
Хоть нам даются дорого они;

Цель у других иная — стать зеркалом
Всех добродетелей, чтоб честный люд
Хвалу и вслух, и в мыслях воздавал им;

Они публично праведность блюдут,
Но втайне думы их — известно Богу —
Наперекор всем их речам идут.

Избрал посередине я дорогу:
Богатства не искал я никогда,
Хоть и торю путь к славе понемногу.

И я нисколько не стремлюсь туда,
Где по ночам немало наших бродит:
Мне узкая тропа сия чужда.

Но стой — куда перо тебя уводит?
Собрался я элегию слагать,
А тут сатира явная выходит!

Что ж, друг мой и сеньор, вернусь опять
На прежний путь, вам издавна известный:
Он Гарсиласо более под стать.

Да, хоть прельщений много повсеместно,
Я, пусть не без труда, держусь пока
И счастлив дружбой сладостной и лестной

Камен, чья власть безмерно велика:
Они разнообразят мне мгновенья,
И прочь уходят усталь и тоска.

В беседах с ними я ищу забвенья,
Часы бегут неслышно, стороной,
И нет блаженнее отдохновенья.

Отсель направимся мы в край родной
Моей Сирены, где — гласят преданья —
Царили древле нега и покой.

Я сердцу там, в награду за страданья,
Нашел приют; но страхом я объят:
Вдруг занят он и тщетны ожиданья?

И леденит мне кости лютьгй хлад
При мысли сей, и тягостна мне мука
Всечасная, и жизни я не рад.

Я знаю — опыт мой тому порука, —
Что я не ведал бы такого зла,
Когда б недолгою была разлука

И пламя в кузнице любви блюла:
Ведь если в горн плеснуть чуть-чуть водицы,
Когда калят железо добела,

То пламя только пуще разъярится
И ввысь подымется, гордясь собой,
И вспыхнет ярче и живей сторицей:

Коль два противника вступают в бой,
Сильнейший побеждает без усилья,
Он тешится неравную борьбой.

Но коль вода прольется в изобилье,
То пламя зашипит и опадет,
Взметнутся искры огненной пылью,

Потом они осыплются — и вот
Дымок над пеплом стелется уныло,
И только в памяти огонь живет.

Такая же губительная сила
Разлуке долгой, мой Боскан, дана:
Глядишь, огонь любовный погасила,

И горсть золы настолько холодна,
Что можно разгрести ее рукою:
Перстов уже не обожжет она.

Лишь я чертой не наделен такую:
Чем дольше небо срок разлуки длит,
Тем я мучительней томлюсь тоскою

И тем сильнее душа моя болит.
Тому рассудок мой сыскал причину
И примириться с болью мне велит:

Я обречен на вечную кручину —
Раз навсегда мне свыше дан приказ
Любить, покуда не найду кончину;

И чтоб огонь любви моей погас,
Должна разлука бесконечно длиться,
Но смертным уготован смертный час,

А, значит, не дано мне исцелиться:
Ведь смерть разлуку оборвет в свой срок,
Жизнь оборвав бестрепетной десницей.

О горе! Кто б меня уверить мог,
Что верность мне хранят, что на изгнанье
Меня коварный жребий не обрек?

И этот страх мне губит упование,
Гнетет меня, хоть очи жадно ждут
Миг встречи, светлый миг очарованья.

Но очи мне — и сердце — слезы жгут;
Сражаюсь с ними и с самим собою,
Ропщу на свой удел, на ратный труд.

Марс, отдан я во власть тебе судьбою!
Алмазным панцирем ты весь покрыт,
Свирепый бог, всегда зовущий к бою!

Как нежность чувств влюбленный совместит
С деяньями на поприще жестоком,
Где меч твой сокрушающий блеснит?

Служа тебе, твоим суровым срокам
Всю жизнь я подчинил, и смерть моя —
Последний дар, обещанный мне роком.

Жаль, рок мой не судил, чтоб умер я
В бою, чтоб смерть от вражьего меча я
Приял или от вражьего копья:

Не выпало б мне чахнуть, смерти чая,
Желанный видя плод в чужих руках,
В чужих очах насмешку замечая.

Но что со мной содеял жалкий страх?
Я чужд себе, растерян, полн смятенья,
Повержен скорбью и стыдом во прах.

Когда бы явью стали опасенья,
Страданья не смогли бы стать сильней,
Коль и теперь мне нет от них спасенья.

Но зря сейчас я тешусь мыслью сей:
Случись так впрямь, всё, что терплю я ныне,
Я мнил бы счастьем в горести своей.

Век благодарен был бы я судьбине,
Когда б узнал: беда моя — фантом,
Что сотворили страх мой и унынье.

Мне ведомо, что значит день за днем
Ждать счастья от самообольщенья,
Лишь им живя, ища отрады в нем.

Вот так больной, чьи силы в истощенье
Привел жестокий, гибельный недуг,
Смирился бы, признав тщету леченья,

Когда б его призвал надежный друг
Готовить душу, чтобы воспарила
В тот горный край, где нет скорбей и мук.

Но любящей супруге не под силу
Открыть бесстрашно мужу своему,
Что смерть близка, что ждет его могила,

И милосердно лжет она ему,
И, поддаваясь с радостью обману,
В неведение уходит он во тьму.

Вот так, сердечную лелея рану,
И я живу надеждою одной
И обольщаться ею не устану,

Покуда не окончу путь земной:
Ведь ни прозренья, ни самопознанья
Не исцелят недуг печальный мой;

И вот я гибну в сладостном тумане,
Как тот, чьи вены перережет нож,
Когда покоится он в теплой ванне.

Так радуйся же, друг мой: ты живешь
Средь любящих тебя, и зришь всечасно
Родимый берег свой, что так хорош,

И внемлешь песне моря сладкогласной,
И без помехи созерцаешь ту,
Кого воспел столь живо и прекрасно

И чью навек прославил красоту;
И, право, сердца твоего горенье
Огню, что Троию сжег, я предпочту.

Изменчивой Фортуны дуновенье
Тебе не страшно: чистый сердца свет
Все ветры утишит в одно мгновенье.

Я ж — как наемник, и Фортуне вслед
Иду, куда велит мне, против воли:
Мне только в смерти принужденья нет.

Дано моей надежде жить дотолы,
Доколь самообман ее живит,
Но слаб он, соткан из вседневной боли,

И коль мой ум его не обновит,
Надежда без поддержки сей обманной
Обрушится под бременем обид.

Мне выпал за служенье жребий странный:
Со мной одним, всегда мне раня грудь,
Фортуна оказалась постоянной.

Где скрыться мне, куда направить путь,
Чтоб хоть на миг сумел я, утомленный,
Ярмо свое давящее стряхнуть?

В любой стране, пусть самой отдаленной,
Со мной пребудет скорбь моя, увы!
Везде любовью мается влюбленный:

И в Ливии, в песках, где нет травы,
Где солнце ярое палит нещадно,
Где только аспиды живут и львы;

И там, где твердый лед и ветер хладный
Враждуют с богом света и тепла,
И нет живых в пустыне безотрадной, —

Куда б судьба меня ни занесла,
Куда б ни бросил случай прихотливый,
Чтоб жизнь свою избыл я там дотла,

Любовь со мной вершила б то же диво:
В краю, где воцарился зной навек,
Мне сердце холодил бы страх ревнивый,

А там, где ветер сковывает бег
Ручьев и где, в ночи белея млечно,
Чистейшие покровы стелет снег,

Меня сжигал бы тот же пламень вечный,
Что жжет меня во сне и наяву;
И вот меж крайностей, в тоске сердечной,
Я умираю, ибо не живу.

ЦВЕТКУ НИДО

Когда бы так звучала
Простая лира, что в одно мгновенье
Чудесно бы смиряла
И ветра дуновенье,
И грозных волн могучее волнение;

И на суровых кручах
Своей бы песней трогала живую
Она зверей могучих
И, зазвенев стрелою,
Деревья увлекала б за собою;

Узнай, что не воспеты,
Цветок прекрасный Нидо, мною б были
Ни Марс, броней одетый,
Во смертоносной силе,
Кого и пыль, и кровь, и пот покрыли;

Ни эти капитаны,
Что боевую мчали колесницу,
За кем германец чванный
В тугой петле влачится,
Пред кем француз
был вынужден склониться.

О нет, одна лишь мною
Мощь красоты твоей была б воспета,
А вместе с красотой
(В том не сочти навета)
И хладность — души твоей примета.

И раз в печальной доле,
Терзаемый любовью запрещенной,
Вручил тоску виоле
Твой бедный друг, сраженный
Твоею красотой непреклонной,

Я расскажу, как пленный,
Достойный большей жалости и веры,
В печали неизменной
Плывет, рабом галеры,
За раковиной дальнею Венеры.

Из-за тебя отныне
Он уж конем не правит, усмиряя
Его в лихой гордыне,
Уздою направляя
И шпоры острые в бока ему вонзая.

Из-за тебя он боле
В азарте не выхватывает шпагу,
Не мчится в ратном поле,
Явив свою отвагу,
А лишь змеей крадется по оврагу.

Из-за тебя и Музу
Своей звенящей цитры он лишает,
Своих скорбей союзу
Ее он поручает
И горькой влагой лик свой омывает.

Из-за тебя без веры
Встречает он и друга появленье;
Зачем искать примеры:
Я был в его крушенье
Надежной пристанью, где ждет спасенье;

Ну а теперь столь жгучим
Страданье сделалось для разума больного,
Что зверь в лесу дремучем
Не встречен так сурово,
Как я, и страха не внушал такого.

Уж не земли ль холодной
Тебя зачало чрево вековое?
Ведь тот душой бесплодной
Уж заблудился вдвое,
Кто заблужденье оттолкнул чужое.

Пускай тебя серьезно
Пример Анаксареты устрашает,
Раскаившейся поздно
В том, что любви не знает
И чья душа во мраморе сторает.

Всегда одной отрады
Она в чужом страдании искала.
Но, опустивши взгляды,
Вдруг мертвым увидала
Несчастливого, что ране презирала.

Петлей сдавило шею
Тому, кто от цепей тоски сердечной
Был мукою своею
Избавлен быстротечной,
Что обрекла гордыню каре вечной.

И тотчас обратилось
В любовь и нежность прежнее презренье.
Как поздно пробудилось
Раскаянья мученье
И как ужасно было пробужденье!

Глаза ее глядели
На мертвого, уж свет не различая,
И кости в ней твердели,
Длиннее вырастая,
Всю плоть ее собою поглощая.

И все нутро остыло
И постепенно превратилось в камень;
И кровь не находила,
Куда излить свой пламень,
Сужие вены не признав путями.

В безмолвии великом
Свершилось в мертвый мрамор превращенье,
Дивя не хладным ликом
Людей воображенье,
А холодностью, вызвавшей отмиценье.

А Немезида больно
Стрелой ранит, не забудь об этом!
И славить уж довольно
Восторженным поэтам
Одну красу твою пред целым светом.

И пусть мой стих печальный
Хотя б на миг прервет очарованье,
Напомнив в час прощальный,
Потомкам в назиданье,
Тобою причиненное страданье!

С О Н Е Т Ы

* * *

Ваш образ в это сердце вписан кровью,
И не найти мне слов ему под стать;
Вы пишете, а мне его читать,
И даже вам я смысла не раскрою.

Мне самому загадочна порою
И недоступна ваша благодать,
И веря в то, что смог я угадать,
На веру принимаю остальное.

Моей душе вы снитесь наяву,
И вами сердце полнится до края
И не вмещает, радуясь родству.

Рожден любить, судьбы не выбираю —
Для вас я создан, вами я живу
И ради вас умру и умираю.

* * *

Моря и земли от родного края
Отрезали меня, и милый дом
День ото дня все дальше, и кругом
Чужие племена и речь чужая.

Ищу лекарства от разлуки, зная,
Что нет пути назад, и об одном
Молю судьбу — уснуть бы вечным сном,
Чтоб отлегла от сердца мука злая.

Лишь видя вас, надеясь видеть вас,
Я б излечился от тоски, поверьте,
Но и надежды я лишен давно.

Я утолить печаль хотел не раз
И понял — исцеленье только в смерти,
Но даже умереть мне не дано.

* * *

Злосчастный рок! Твой гнев неукротим,
Палач любви, меня обрекший карам.
Погибло древо под твоим ударом,
Его плоды развеяны, как дым.

Мечта и страсть — под камнем гробовым,
Цветенье жизни — на погосте старом.
Все, что любил я с иступленьем, жаром, —
Холодный прах, глухой к мольбам моим.

Те слезы, что я лью на холм могильный,
Зачем тебе, ушедшей без возврата?
Но знай: я обречен рыдать, скорбя,

Пока не затворит мне мрак всесильный
Глаза, что видели тебя когда-то,
Чтоб мог я вечно созерцать тебя.

* * *

Я в вашей власти; надо мною сжалось
Кольцо жестоких помыслов и дел —
И вы хотите, чтобы я не смел
Выпрашивать в предсмертных муках жалость!

Неслышанно, чтоб шпага погружалась
В грудь пленника, — но вот он, мой удел!
Когда б спастись я чудом не сумел,
На чем бы жизнь моя еще держалась?

Я плачу; слезы — словно семена,
В пустыне брошенные без разбора;
Сухая почва горький плод родит.

Я все несчастья исчерпал до дна;
Довольно мстить мне, помните, сеньора,
За смерть мою вам небо отомстит!

* * *

Порой надежда вновь среди невзгод
Встает передо мною в прежнем блеске;
Увы, недолговечны эти всплески,
Но вечно бремя тягот и забот.

Хоть нелегко осилить поворот
От счастья к мукам, столь крутой и резкий,
Предвидит сердце в грохоте и треске
Идущих гроз лазурный небосвод.

Я ринусь в бой, превозмогая горе
И горы смело преодолевая,
Сколь ни были они бы высоки.

Сквозь все преграды я приду к вам вскоре,
Как дух бесплотный или плоть живая,
Запретам, тюрьмам, смерти вопреки.

* * *

О ласковые локоны любимой,
Бесценный талисман прошедших дней,
Вы — в заговоре с памятью моей,
И гибель — мой удел неотвратимый!

Вы вновь воссоздаете образ зримый
Той, что и ныне мне всего милей;
Покой и радость скрылись вместе с ней,
И я мечусь в тоске неутолимой.

Что ж, если вам похитить суждено
Мое блаженство, жалости не зная,
Возьмите же и горе заодно!

Затем ли мне дана любовь былая,
Затем ли счастье краткое дано,
Чтоб умер я, о прошлом вспоминая?

* * *

Я словно воск под солнцем ваших глаз,
Расплавленный их пламенем и жаром;
Не покориться может вашим чарам
Лишь тот, в ком разум навсегда угас.

И все ж, не убедись я столько раз,
Что это — явь, я счел бы, что недаром,
Подвержен наважденьям и кошмарам,
Боюсь я помешаться из-за вас.

Ведь если вдалеке от вас мгновенно
Я вспыхиваю, вашим знойным взглядом
Сраженный насмерть, отчего ж тогда,

Когда оказываюсь с вами рядом,
Я цепенею так, что стынут вены
И кровь смерзается под коркой льда?

* * *

О нимфы златокудрые, в ущелье
С хрустальной колоннадой в глубине,
Среди блестящих глыб, на мягком дне,
Что служит вам и домом и постелью,

Живущие в довольстве и веселье, —
Кто крутит пряжу на веретене,
Кто шепчется с подружкой в стороне,
Кто замечтался, сев за рукоделье, —

Когда в слезах я вдоль реки иду,
Дела свои прервите на мгновенье
И оглянитесь на мою беду,

Не то, не в силах выплакать мученье,
Я, превратясь во влагу, здесь найду
Навеки и покой, и утешенье.

* * *

Как то дитя, что гаснет на виду
У матери, охваченной тоскою,
И слезно просит что-нибудь такое,
Что для больного к пущему вреду,

И все же мать идет на поводу,
Спешит, дает и собственной рукою
В угоду мимолетному покою
Торопит неминуемую беду,

Так жизнь мою, утратившую разум,
К вам тянет, словно к смертному питью,
И был бы рад ответить я отказом,

Да все надрывней плач — и я даю,
От жалости забыв и думать разом
И про ее судьбу, и про мою.

* * *

Я думал, предо мною путь прямой,
Но он взыскал меня такой судьбою,
Что не измыслию, споря сам с собою,
Чем — хоть в безумье — дух утешить мой.

Мне ночь в сиянье лунном мнится тьмой;
Мечусь на ложе, как на поле боя;
Мне тяжким сводом — небо голубое,
И тяжек мне глас нежности самой.

А сон — хоть срок ему отпущен малый —
Лишь если явит лик небытия,
Приемлется душой моей усталой.

Вот какова отныне жизнь моя,
И знаю: та пора, что не настала,
Мучительней, чем та, что прожил я.

* * *

Пока лишь розы в вешнем их наряде
Тягаться могут с цветом ваших щек,
Пока огонь, что сердце мне зажег,
Пылает в горделивом вашем взгляде,

Пока густых волос витые пряди
Просыпаны, как золотой песок,
На плавность ваших плеч и ветерок
Расплескивает их, любовно глядя, —

Вкушайте сладость спелого плода:
Уйдет весна, и ярость непогоды
На золото вершин обрушит снег,

Цветенье роз иссушат холода,
Изменят всё стремительные годы —
Уж так заведено из века в век.

* * *

О ревность, сердце сжавшая в осаде,
Проникшая в рассудок, в глубину
Моей души, ты день и ночь войну
Ведешь, не помышляя о пощаде!

Что ж, я сдаюсь, да и чего же ради
Сопротивляться дальше я рискну?
Как ни воюй, окажешься в плену,
Свое упрямство проклял я в досаде.

Гоним тобой, бреду я снова здесь,
Где прежде брел, не размыкая глаз,
Чтобы от страха смерти заслониться.

Я бросил щит, настал последний час —
Убей меня теперь и труп повесь
К себе на боевую колесницу!

* * *

Такой объята грудь тоской и смутой,
Что, видно, в сердце у меня беда
Решила поселиться навсегда,
Другого не найдя себе приюта.

Несчастье, гибель шлюющее кому-то,
Для худших мук продлило мне года;
Былых утех не сыщешь и следа,
Но нет скончанья этой пытке лютой.

Знать, суждено, чтоб скорбь я в сердце нес
Вовеки: смерть спасает от мученья
Лишь тех, кто жив, — меня же нет в живых.

В страданьях бесконечных, кроме слез,
Мне не дано иного облегченья —
Столь тяжело бремя горестей моих!

* * *

Все рухнуло, спаленное дотла,
На чем держалась жизнь моя устало.
О, сколько счастья разом разметало,
Каких надежд развеяна зола!

И так ничтожны все мои дела
Перед дыханьем гибельного шквала.
Он жизнь мою, чтоб нищенкою стала,
По сто раз на день грабит догола.

И сто раз на день падаю и снова
Встаю с такою силой сумасшедшей,
Что вспять бы обратил движенье рек.

И в сотый раз душа моя готова
Надеяться на встречу с той ушедшей,
Которой не встречать бы мне вовек.

* * *

По милости небес освобожденный
От тяжести любовного ярма,
Я без боязни с высоты холма
На океан взираю разъяренный,

В котором терпит бедствие влюбленный,
Глухой к подсказке трезвого ума —
Хоть жизнь его на волоске, но тьма
Рассудок застигает воспаленный.

Я рад, когда других сечет недуг,
И вовсе я не злобой ослеплен:
Ведь каждый выздоровевший доволен

Выздоровленьем, но ликует он
Не потому, что все больны вокруг,
А потому, что сам уже не болен.

* * *

Леандр отважно бросился с причала
И долго плыл, и к Сесту подплывал,
Когда ему закрыл дорогу шквал
И через миг пучина одичала.

Напрасно он надеялся сначала,
Невмочь одолевать за валом вал.
И не о жизни он затосковал,
А лишь о той, с кем гибель разлучала,

И крикнул он волнам, но не слышна
Была мольба в их яростном накате
И стихла не услышанной она:

«Не хлопчите, волны, о расплате,
Но дайте лишь доплыть мне — и сполна
Я заплачу вам жизнью по возврате».

* * *

На пустоши, на полдороге к лого,
Где не слышны шаги и голоса,
Я увидел измученного пса,
Повергнутого в горе и тревогу.

Он мечется, слабея понемногу,
Ища следы, где смысла их роса,
То заскулит в пустые небеса,
То падает как мертвый на дорогу.

Он потерял хозяина в степи
И верил, что найдет и страхи минут,
Но кружит, как сорвавшийся с цепи.

Не мне ли знать, как брошенные гинут!
И братски я сказал ему: «Терпи,
И выступишь, я тоже был покинут».

* * *

Шлю ветрам вздохи, слезы лью в унынье,
Покой мне чужд, и отдых мне неведом,
И больно мне, что путь за вами следом
Привел меня туда, где стражду ныне;

Но позади небытие пустыни:
Бежать от вас — отдаться худшим бедам;
И мне еще больней, что вам об этом
Сказать не смею я в немой кручине.

Коль устремлюсь к вершине, путь измерен
Стопами тех, кто пал вдали от цели.
Мне их пример — в печаль и в устрашение.

Всего же горше то, что мной потерян
Надежды свет, светивший мне доселе
Во тьме глубокой вашего забвенья.

* * *

Друг Марио, Амур — коварный бог:
Он знает пыл мой, чистый, верный, правый,
И всё ж на мне являет низость нрава —
Он к самым преданным вдвойне жесток;

К тому же он моих страшится строк:
Коль правду я скажу, худая слава
Пойдет о нем; и вот божок лукавый,
Со мной не сладив, недругу помог.

И был я ранен: не могла десница
Ни жизнь души поведать, ни сразиться,
Урон обидой был усугублен.

Но мне обидчик дорого заплатит:
Надежду я утратил, силы хватит —
Ведь я здоров, свободен, оскорблен.

КРИСТОБАЛЬ ДЕ КАСТИЛЬЕХО

САТИРА НА ТЕХ, КТО
ПРЕНЕБРЕГАЕТ КАСТИЛЬСКИМИ РАЗМЕРАМИ
И ПОДРАЖАЕТ ИТАЛИЙСКИМ

СОНЕТ

Когда Боскан и Гарсиласо вместе
Пришли туда, где собрались пииты,
Что принесли, искусством знамениты,
Наречью нашему немало чести,

Все побледнели, замерли на месте,
Переглянувшись, думают сердито:
Вдруг то враги, лазутчики, сокрыто
В наш стан проникли ради лютой мести?

Хоть в первое мгновенье этой встречи
Они по платью сих гостей неожиданных
Признали добрых рыцарей-испанцев,

Но, услышав их вычурные речи
По образцам поэтов чужестранных,
На них воззрились, как на чужестранцев.

Но враждой неприкровенной
Не смущались эти двое;
И, на всех идя войною,
Насмехались дерзновенно
Над поэзией родною:
Мол, нескладица и вздор

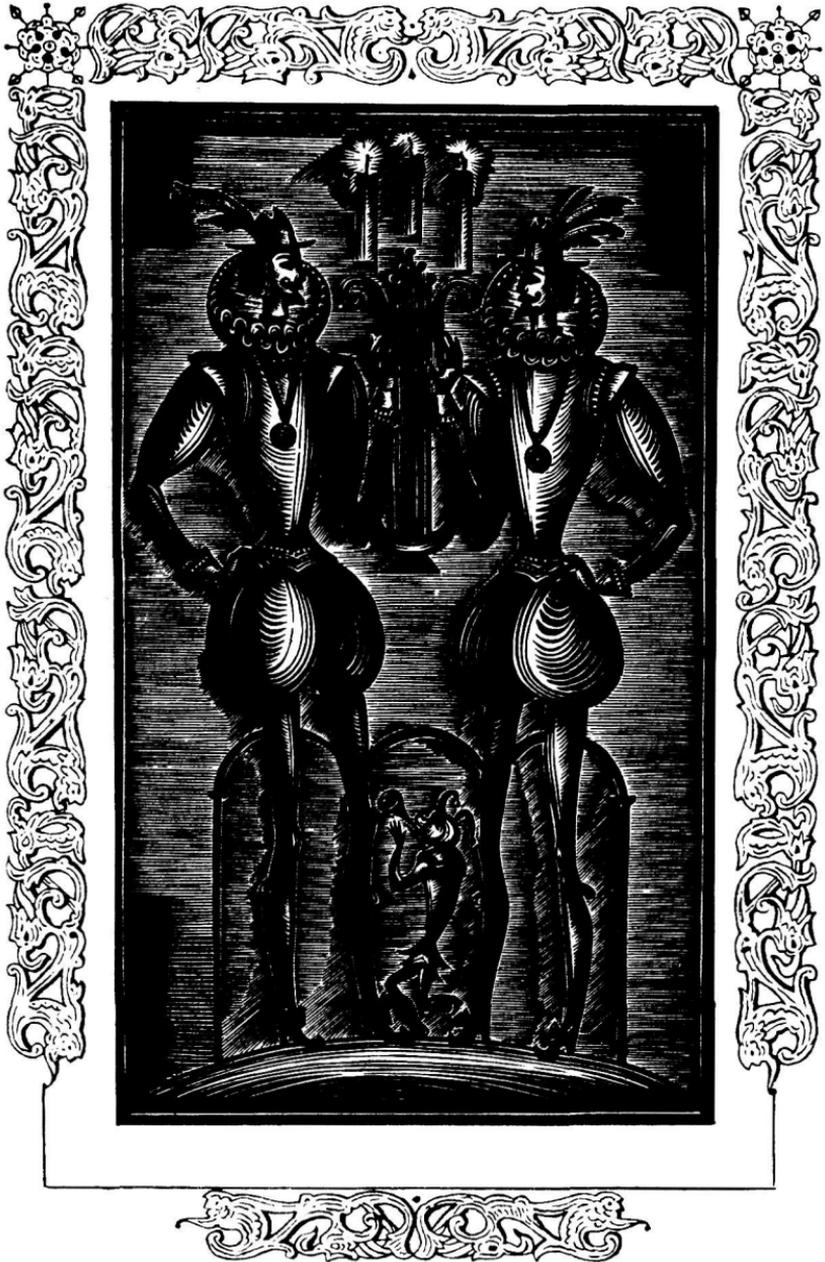
Все романсы, вильянсико,
Арте менор и майор —
Всё, что было до сих пор
Нашей гордостью великой.

И к домашним песням старым
(Лад их введом всем с рожденья)
Ни на грош у них почтенья —
Оба превозносят с жаром
Новые изобретенья:
Мадригальный стих кудрявый,
И мудреные сонеты,
И терцины, и октавы,
Что измыслили для славы
Италийские поэты.

Наши коплы отвергая,
Благозвучья их не слышат —
Им по вкусу песнь другая;
Сами ж мерной прозой пишут,
Рифмами пренебрегая,
И уже считают тех,
Кто в краю прославлен этом,
За невежд и неумех,
Коль у бедных, как на грех,
Страсти не было к сонетам.

Право же, послушать их —
Знать не знали мы доселе,
Как сложить искусный стих,
В песнях рассказать своих
Про любовь, печаль, веселье;
И любой размер испанский
Не годится никуда,
Не осилит никогда
То, что выразит тосканский
Без малейшего труда.

В сем досадном недостатке
Не язык они винят:
Он правдив, могуч, богат,
Вся беда была в нехватке
Светочей на новый лад;
И по этой-то причине

Встарь творений совершенных
Не водилось и в помине —
К ним пути открыла ныне
Рать поэтов современных.

Стихотворцы прежних дней,
Слыша, как друзья без меры
Хвалятся наукой сей,
Попросили их скорей
Оной показать примеры;
И, стремясь без промедленья
Доказательством принесть
Новому искусству честь,
Те сплели стихотворенья;
Ниже можно их прочесть:

СОНЕТ БОСКАНА

Коль истинны — а в этом нет сомненья —
Все муки, что терплю по вашей воле,
Как жив еще я? Хоть без этой боли
Не прожил бы единого мгновенья!

Но коль шутя вы шлете мне мученья,
Чтоб в радости вкусил я лучшей доли,
За что мне смерть вседневная? Доколе
Терзаться мне до умопомраченья?

Сеньора, я прошу у вас ответа,
И раз уж из-за вас я жизнь кончаю,
С мольбою сей к вам обратиться смею.

Откройте мне, жизнь или смерть — все это,
Ведь высшего блаженства я не чаю,
Чем числить вас убивицей своею!

ОКТАВА ГАРСИЛАСО

Хоть столь сильны жестокие страданья,
Что я — без сил, и мне грозит кончина,
Становится мне легче от сознанья,
Что вы, сеньора, — мук моих причина!
Безропотно плачу вам эту дань я,

И дух мой не томила бы кручина,
Мне раем были бы мои печали,
Когда бы только вы о них узнали!

Сей поэзии отменной
Внемля, в такт кивал слегка
Головой Хуан де Мена
И улыбкой знатока
Улыбался откровенно.
Верен правде непреложной,
Он промолвил тем двоим:
«Стих одиннадцатисложный
Вряд ли новым счесть возможно:
Я и сам писал таким».

Подхватил дон Хорхе: «Право,
Я не вижу основанья,
Чтоб любовные желанья
Прятать за строкой лукавой
Сложного иносказанья.
Склонен наш родной язык
К ясности простого слога,
К честной краткости привык,
Здесь же, скажем напрямик,
Темен смысл, а слов премного».

Гарси Санчес гневно рек:
«Нет уж, нечем восхищаться!
И да не попустит Бог,
Чтобы сын Кастильи мог
Иноземщиной прельщаться!
И прочесть вам для сравненья
Хоть мои стихи полезно:
Там такие изошренья,
Что Петрарка ваш любезный
Посрамится, без сомненья!»

А знаток любовной страсти
Картахена произнес:
«Сей огонь и ливни слез —
Карты непригодной масти,
Чтоб нас обыграть всерьез!
Что за прок от новых песен?
Слог запутан, в чтенье скучен,

Строй для чувств и мыслей тесен,
Стих весьма тяжеловесен,
И на слух неблагозвучны! »

Торрес рек: «Когда б сонеты
Наш родной язык стерпел,
Без труда б я преуспел,
Ибо песни в форме этой
Я по-итальянски пел.
Но не знаю формы хуже:
Чопорна, и холодна,
И превыспренность к тому же:
Выступает неуклюже —
В бедрах чересчур грузна».

Все ж решили в заключенье,
Что учтивость нам велит
За раденье, за ученье
Удостоить поощренья
Просвещенных сих пиит.
И, дабы весь белый свет
Должное воздал героям,
Повелели, чтоб поэт,
Имя коего сокроем,
Сочинил в их честь сонет.

СОНЕТ

Ответьте, итальяйские Камены,
Как путь сюда, в Испанию, нашли вы?
Здесь внове всем напев ваш прихотливый
И облик ваш, прелестный и надменный.

Кто вас привел в сей край благословенный,
Где Тахо плещет, где растут оливы?
Кто проводник, кто спутник ваш счастливый,
Что горд красою вашей несравненной?

«Нас привели Боскан и Гарсиласо,
Де Аро и Мендоса именитый,
Так повелел им Феб златопрестольный;

Смерть прибрала двоих, дождавшись часа,
Злой турок — третьего, и нам защитой
Один дон Дьего, но его довольно! »

СОН

Сеньора, мне приснился сон,
Ах, не глядеть бы мне на это:
Весенним солнцем ослеплен,
Я вышел на зеленый склон,
К реке прелестной, чуду света,
Где красота была такая,
Что, на нее смотрел пока я,
Пропал мильон забот моих,
Осталась главная из них —
Лишь наслаждаться видом рая.

И безо всяких опасений,
Что стерегут меня печали,
Я углубился в рай весенний,
Где поводы для наслаждений
Со всех сторон меня встречали:
Там заливалась филомела,
Свистал щегол, касатка пела
Средь ароматных роз и лилий, —
Руладой, трелью, взмахом крылий
О страсти возвещающая смело.

Вода, прозрачнее стекла,
В реке текла так плавно, гладко,
И было пить ее так сладко,
Что всю бы выпил без остатка —
Столь жажда от нее росла.
А подойдешь, бывало, к роце —
И мигом ветви ополощет
Со всей листвою необъятной
Весенний ветерок приятный:
Вздохнул, и все — чего уж проще!

Желая лежать помечтать,
Я там свернул с дороги пестрой,
И мне открылась благодать,
Где куст боярышника острый
Готов шатром роскошным стать.
И я блаженствовал, как Бог,
Забравшись в этот уголок,
Под куст боярышника дикий, —
Казалось, в розы и гвоздики
Он превратит колючки смог.

И даже я назвать не в силах
Одно хотя бы наслажденье,
Хоть вещь одну, из сердцу милых,
Чтоб я не встретил в сновиденье,
Где эта речка свет струила.
Я спал глубоким сном обманным,
Во сне я был от счастья пьяным,
Во сне я верил так беспечно,
Что майский рай продлится вечно
И мне гулять по тем полянам.

Но от подобных заблуждений
Так скоро был я так далек!
Ведь сон мой, полный наслаждений,
Развеян бурей осенней,
И вот мой горестный итог:
Тот берег райский оказался
Скалой, куда с трудом взобрался,
Но выбраться надежды нет, —
Я пленник до скончанья лет,
Покуда с жизнью не расстался.

Э П И Г Р А М М А

СЕНЬОРУ,
ПРИСЛАВШЕМУ МНЕ ПЛОХИЕ СТИХИ

Сеньор, заверить вас могу:
Творенья ваши в новом стиле
Меня настолько рассмешили,
Что перед вами я в долгу.
Но заявить велит мне честь,
Что вы передо мною вдвое
В долгу, сеньор, за время, кое
Потратил я, чтоб их прочесть.

ДИЕГО УРТАДО ДЕ МЕНДОСА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕВНОСТИ

Всех достоинств образец,
Совершенства воплощенье,
Вам даю определенье:
Что такое для сердец
Ревность и ее мученья.

Пусть не входит это прямо
И неоспоримо в круг
Обязательных услуг,
Вам, блистательная дама,
Разъясню я все, как друг.

Злая Ревность, кто она?
Не сестра, не мать, не дочь,
Не ручей, бегущий прочь,
Не зима и не весна,
Не рассвет, не день, не ночь.

И не птица, и не рыба,
И не холод, и не жар,
Не бемоль, и не бекар,
Не трава, не куст, не глыба,
Не железо и не пар.

Не полдневный зной, не стынь,
Не мгновение, не год,
И не деготь, и не мед,
Не санскрит и не латынь,
Не что было, не что ждет.

Но к чему вам болтовня,
Столь похожая на смету!
Не призвать ли нам к ответу
Выступавших до меня
По заветному предмету?

Слышал я такое мнение:
В каждом сердце есть пока
Нечто вроде тайника,
Где родится подозренье
От любого пустяка.

Говорят еще и так:
Ревность — бич людского рода,
Как военная невзгода;
Ревность — вьедливый сорняк
Посредине огорода;

Куст репейника в лугах,
Стрелы меткого стрелка,
И удар исподтишка,
И тюрьма на ста замках,
Где сомненья и тоска.

Ревность — жгучее клеймо,
Не сводимое веками,
Яд, подмешанный в вино,
Разом вспыхнувшее пламя,
Миг — и всё опалено.

Тот исток, где зло рождается,
На реке — водоворот,
Не рубашка — власяница,
Слепота, что вечно длится,
Боль зубная круглый год.

Хищник в бешеной погоне,
Рвущий сердце на куски,
Дом, притихший от тоски,
Подозрительность на троне,
Правда, взятая в тиски.

Яство, что не лезет в брюхо, —
Съешь, и смерть не за горами,
Богохульство в божьем храме,
Язва горестного духа,
Вор, крадущийся за нами.

Как ее ни назови,
Не измеришь ревность мерой,
Лучше сразу объяви:
«Нет, она не дочь любви,
Ведь любовь в союзе с верой!»

Так откуда наши слезы,
И унынье, и нытье?
Ревность — пища и питье?
Ах, ни розы, ни мимозы
Не похожи на нее!

Что же это за беда,
Кто сумеет дать ответ?
Ведь она ни да ни нет,
Ускользнет — и ни следа,
Не найти ее примет.

Не знавал ее Адам,
Не дал ей обличья Бог...
Кто ее осмыслить мог?
Я, принесший тайну вам,
Чтоб сложить у ваших ног!

РЕДОНДИЛЬЯ

Глаза от плача устали,
Но лейтесь, слезы благие, —
Едва ли очи другие
Оплачут ваши печали.

Не я ли стоял на страже,
Противясь любовной власти,
Не я ли бежал от страсти —
От этой презренной блажи!

Как поздно мы узнаем,
Что в бегстве — ни капли прока:
Я думал — пламя далёко,
А это — в сердце моем!

Такие горькие вести,
Что сжалась душа до дрожи,
Рассудок смутился тоже,
Страдая с душою вместе.

Ослушался я приказа:
Любовь мне плакать велела,
А это трудное дело,
Когда не плакал ни разу!

И, не скупясь на угрозы,
Она, как будто от скуки,
Наслала ревности муки,
Чтоб вырвать у сердца слезы.

И эту свою задачу
Решила с таким успехом,
Что я простился со смехом:
Усну, а снится — всё плачу!

Но, будто сжалившись снова
И глядя нежно, как прежде,
Любовь велела надежде
Сидеть в изножье больного.

Сиделки доброй соседство
Лишь продлевает мученье —
Прописано мне терпенье,
А это слабое средство.

Не сладит сердце с любовью,
Затянуто темной тучей,
И втайне слезой горючей
Омочено изголовье.

И так я теперь, поверьте,
Измаян тяжким недугом,
Что смерть мне кажется другом, —
Ищу утешенья в смерти.

Но повернулась спиною
И эта моя отрада —
Не кинув доброго взгляда,
Она не спешит за мною.

Душа надеждой согрета —
Взгляни, прекрасная Филис,
Я жду, чтобы смерть явилась,
Зову, но все без ответа!

С О Н Е Т

ДАМЕ

Осанка ли, посадка головы,
Которым равных я не подберу,
Как все, что сверхъестественно, — увы! —
Не поддаются кисти и перу!

Но пусть в душе и так царили вы,
Призвал я красок пеструю игру,
Чтобы украдкой, втайне от молвы,
Предать холсту, что в сердце не сотру.

Не страх забыть вас говорил во мне
И не желанье волку дать слезам,
А лишь одно стремленье: хоть отчасти,

Хоть изредка, с собой наедине,
Позволить созерцать моим глазам,
Что видят очи памяти и страсти.

Э П И Г Р А М М А

НА ВЕНЕРУ

Когда Венера, шутя,
В броню, как Марс, облачилась
И в ней к Парису явилась,
Парис воскликнул: «Хотя
Внушительны, спору нет,
Твой панцирь и лик суровый,
Богиня, сбросив покровы,
Одержишь больше побед».

ГУТЬЕРРЕ ДЕ СЕТИНА

СОНЕТЫ

* * *

Когда вспугнула цаплю ловчья стая,
Она не знает, ввысь стремя полет,
Где ббольшая ее опасность ждет,
Вблизи себя врага не примечая.

И вот уже спешит, беды не чая,
На крыльях радостных под небосвод.
И, лишь издав предсмертный крик, поймет,
Что обмануть судьбу — мечта пустая.

Так в ослеплении себя поспешно
Я счел укрытым от Амура стрел.
Один ваш взгляд — и плачу безутешно.

Маневр, сеньора, завершен успешно.
И, как ее избегнуть не хотел,
Я вижу ясно — гибель неизбежна.

* * *

В какой убогой хижине, в какой
Лесной чащобе, среди гор, в пустыне
Смогу, укрывшись от моей врагини,
Утешить боль и обрести покой?

Так ясен небосвод над головой,
Но и под ним свободы нет в помине.
И то, в чем избавленья вижу ныне,
Мне обернется худшею бедой.

Припомню вас капризною и злою,
Чтоб в том противоядие найти, —
Амур меня вам выдаст с головою.

Уже мне от погони не уйти.
Куда ни спрячусь — гибель все со мною.
Куда ни кинусь — все ей по пути.

* * *

Любая тела часть подчинена
Душе и не смущается нимало.
Ведь над собой признав ее начало,
Она равно ей и наделена.

Но если руку отняла война,
То как бы тело ни переживало,
Душа безрукой оттого б не стала —
Всегда самой себе она равна.

Так и любовь моя от вашей ласки
Не разгорится жарче все равно
И до презрения ей нету дела.

Ей, как и морю, когда в буйной пляске
О берег бьются волны, не дано
Очерченного перейти предела.

* * *

Смертельный яд, который выпит взглядом,
Жестокий плен, желанным ставший вдруг,
Златые цепи, сладостный недуг,
Пустая прихоть с безрассудством рядом,

Чертополох в соседстве с пышным садом,
Богатство, что уплыло между рук,
Бальзам для сердца, не унявший мук,
Вкус горечи, примешанный к усладам,

Сокровища, растаявшие в снах,
Удар свирепый, не повлекший мести,
Надежда, что, блеснув, погасла вновь,

Удача, обращенная во прах,
Ненайденный причал — все это вместе
Одним зовется именем: любовь.

М А Д Р И Г А Л Ы

* * *

О ласковые очи,
За нежность удвоенные славы,
Что ж гневаетесь только на меня вы?
Для стольких вы отрада,
Едва лишь поглядите благосклонно,
Что вам самим нет большего урона,
Чем гнев ваш, — так не гневайтесь, не надо.
Но не лишайте взгляда!
О ласковые очи,
Молю: взгляните, пусть еще жесточе!

* * *

Лицо с досадой вы прикрыли
Ладонкой лилии нежней,
Словно небесный свет очей
Вы спрятать от меня спешили.

Вам эта хитрость не поможет,
А для меня в ней прок прямой.
Ведь лишь прикрыв его рукой,
Взглянуть на солнце смертный может.

И пусть о том вы не гадали —
Благословляю этот час.
Во всей красе увидеть вас
Иначе смог бы я едва ли.

ГРЕГОРИО СИЛЬВЕСТРЕ

СОНЕТЫ

* * *

Проходит жизнь, чередой летят года.
У Атропы в глазах огонь печали.
Вот ножницы ее заскрежетали.
Смерть саван ткет. В безвестность без следа

Челнок по Нилу жизни мчит вода.
Гореть лампаде долго ли? Едва ли...
И парус тот, что ветры наполняли,
Ослаб и упадает навсегда.

Чуть нам блеснет меж рифами удача,
Как яростная снова бьет волна.
Теряя жизнь (коль впрямь потеря это),

Мы за нее дрожим, молясь и плача,
Забыв о той, что вечна и полна
Добра, успокоения и света.

* * *

Неймется дураку попасть впросак,
А глупому задире — распалиться,
Нелепо сыплет шутками тупица,
И так легко тушуетя простак!

То не поймут самих себя никак,
То не желают с правдой согласиться,
Поэтому тупица, как ни тщится, —
В уме все тот же беспросветный мрак.

Уж лучше обходите дуралея,
Он, дурь свою ленивую лелея,
Ослom пребудет до скончанья дней.

И если даже самый умный олух
Все тот же олух, — в городах и селах
Оставить их как есть всего умней.

ЭРНАНДО ДЕ АКУНЯ

СОНЕТЫ

ИМПЕРАТОРУ

Он близок, государь мой, он грядет,
Блаженный век, обещанный богами, —
Чтоб волею судеб под небесами
Единый пастырь пас один народ.

Вы вовремя замыслили поход,
И цель желанная не за горами.
Склонятся перед вашими полками
Враги, и мир на землю снизойдет.

Уже полсвета вашей воле служит,
И с радостью во всех его концах
Внимают вести о великом муже.

Ведь тот, кому Господь вручил свой стяг
И даровал победу на морях,
По праву должен властвовать на суше.

И сколько б не испытывал я рок,
На Марса зов спеша без промедленья,
Средь ратного не забывал служенья
Я и для Феба выкроить часок.

Но ныне я, Лавиний, изнемог.
Разлука с милой — сущее мученье.
Меня лишили Музы попеченья,
И рот я закрываю на замок.

Петь не могу. Пусть трудятся в поту,
Кто, веруя в Амура правоту,
Готов сносить коварные затеи.

А я лишь плачу, ибо Галатеи
Не видеть больше мне неволю.
Ее увидеть — смерти нет вернее.

СОНЕТ О СЕТЯХ ЛЮБВИ

Как соткана она, кто мне ответит,
Та сеть, куда Амур, лихой ловец,
Заманивает множество сердец,
И отчего нет сносу этой сети?

Как сделан лук его, чтоб все на свете
Доспехи пробивать, и, наконец,
Как выковал неведомый кузнец
Из серебра и злата стрелы эти?

«Амур — мальчишка», — говорят порой,
Но как тогда мужчин он побеждает?
«Он слеп». Что ж точен так его прицел?

И если лук в руке его одной,
В другой же — факел, как он успевает
Расставить сеть, пуская тучи стрел?

АНОНИМ

СОНЕТ РАСПЯТОМУ ХРИСТУ

Ты мной любим, Господь, не по причине,
Что в рай стремлюсь к обещанным наградам,
Не по причине страха перед адом,
Где платятся обидчики святыни.

Но оттого, что вижу я доньне
Тебя приговоренным и распятым,
И тело вижу, отданное катам,
И смертный пот, и труп на крестовине.

И мне любить завещано от Бога,
Не будь награды, с той же самой силой,
Не будь расплаты, с тою же виною.

Такой любви не надобно залога,
И если бы надежду погасило,
Моя любовь не стала бы иною.

РАСЦВЕТ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА
XVI ВЕКА

ЛУИС ДЕ ЛЕОН

ЖИЗНЬ В УЕДИНЕНИИ

С отрадою какую
Мудрец простится с беспокойным светом,
Чтоб тайною тропкою
За избранными следом
Туда уйти, где здешний шум неведом,

Где не томит забота
О превосходствах знати сановитой
И хитрая работа
Араба-златобита
В чертогах с колоннадой из нефрита.

Все, что глупец ретивый
Расхваливает, не жалея пыла,
И льстец велеречивый
Возносит, мне не мило:
Нет чести в том, что правда осудила.

Вниманье краснобая,
Любя покой, недорого ценю я:
Что пользы, уповая
На похвалу мирскую,
Радеть о бренном, о живом тоскуя?

О кручи и криницы!
О мой приют, всем миром позабытый!
По бурунам влачится
Мой челн полуразбитый,
Чтоб отдохнуть под вашею защитой.

Счастливым, вольным, праздным,
Здесь не томлюсь доукою nocturno:
Что в суете напрасной
С надменностью смешною
Тех, кто гордится кровью и мошною?

Меня рассвет тревожит
Лишь птичьей трелью незамысловатой —
Пусть тех забота гложет,
Кто знатны и богаты,
Но мненья прочих почитают свято.

А я — как мне угодно
Живу и не страшусь косога взгляда,
От зависти свободный,
От страсти и разлада;
Что есть — мое, чужого мне не надо.

Овражек под горою
Моей рукой под палисадник занят,
Там вешнею порою
Листву цветы румянят
И прочат плод, который не обманет.

И струйка ключевая,
Чтоб только быть с краскою этой рядом,
Клокочет, изнывая,
И пенистым каскадом
Спешит с вершины, расходясь по грядам,

Где, позабыв тревоги,
В корнях петляет умиротворенно,
Рассыпав по дороге
Лужайкою зеленой
Гвоздики, первоцвет и анемоны.

Закат покоем дышит,
И ветер, все свежей и благовонней,
Так нежно лист колышет,
В масляной дремля кроне,
Что гонит мысль о золоте и троне.

Цепляться безрассудно
За лишний груз тем, кто выходит в море:
Непрочно ваше судно
И безутешно горе,
Когда ветра между собою в споре.

Разбитый шлюп кренится;
Все выше волны; небеса все круче;
Удар, слепит зарница —
И ни просвета в туче,
И полнится добычей вал кипучий.

А мне того довольно,
Что мирно пью из скромного стакана,
Пусть роскошью застольной
За чашею чеканной
Кичится, кто не ведал урагана.

Пускай другие много-
Страдальные, пленясь неверной долей,
Терзаются тревогой
О славе и престоле, —
Я не ищу печали и неволи

И, лавром вечно юным
Увенчанный в покое потаенном,
Веду рукой по струнам
И благодарным звоном
Встречаю ночь, сходящую по склонам.

ПРОРОЧЕСТВО РЕКИ ТАХО

Не ведая печали,
За часом час Родриго вместе с Кавой
У Тахо коротали,
Но вспрынул белоглавый
Поток и поднял голос величавый:

«Мой берег не для ласки,
Захватчик, скоро он потонет в крике
И оружейном лязге,
И запирует дикий
Арес, круша и содрогаясь в рыке.

Источник слез и стога —
Счастливей миг: из-за твоей отрады,
В недобрый день рожденной,
Постигнут нас утраты
И ждут наш край расплата за расплатой!

Для ран, смертей, проклятий,
Сиротства, обнищанья и развала
Ты распахнул объятия —
Так жди же небывалой
Страды, король и все твои вассалы

По эбрскому теченью,
В тучнеющей долине севильянской,
В соседней Сансуэнье,
На ниве лузитанской, —
По всей несчастной стороне испанской!

Приниженный тобою
Граф Хулиан спешит к резне кровавой,
Ища в горячке боя
Возмездия, не славы
И нехристей скликаая для расправы.

Ты слышишь, боевая
Труба ревет, и гул до небосклона
Доходит, созывая
Арабов под знамена,
Что на ветру парят непримиренно.

Ярятся мусульмане,
Приноровляясь к долгожданной схватке
И пикой воздух раня,
И движутся к посадке
На борт судов несчетные порядки.

Под конниками суши
Не разглядеть, под парусами — моря;
Лишь небеса все глуше,
Коням и людям вторя,
И пыль столбом на сумрачном просторе.

Уже по всей округе
Спешат суда, на весла налегают
Гребцов литые руки
И жаром зажигают
Кипучий вал, который рассекают.

Уже ветрила шхунам
Круглит Эол, и поднятым из грота
Седым отцом Нептуном
Для вражеского флота
Открыты Геркулесовы ворота.

А ты, игрушка страсти,
Не знаешь бед? Не ведаешь урона,
Обняв свое несчастье?
Не видишь, увлеченный,
Что пал оплот, Гераклу посвященный?

В низины и на горы
Спеши, лети от края и до края,
Скачи, вонзая шпоры,
Рази, не уставая:
Повсюду сталь сверкает боевая».

Прольется столько пота
И столько сил в то время роковое
Не пощадят пехота,
Наследник в гуще боя
И конь и всадник с общею судьбою!

Родной и вражьей кровью
Наш дивный Бетис захлебнется вскоре,
И столько тел в низовье,
И столько лат на взморье
Останутся в забвенье и разоре!

Арес исходит пеной,
Снопы сраженья развязать готовый
В пяти концах вселенной,
И — горе! — от шестого
Тебя, мой край, ждут рабские оковы.

ЯСНАЯ НОЧЬ

Дону Лоарте

Когда порой взгляну я
На высь в ее торжественном свеченье
И нашу жизнь земную,
Под сумрачною сенью
Предавшуюся сну и сновиденью,

Огонь тоски и страсти
Томит мне сердце, жаром обдавая;
Струятся слезы счастья,
Как влага ключевая,
И я, Лоарте, с мукою взываю:

«Приют великолепья,
Блистающая храмина ночная,
К чему в постыдном склепе
Душа, тебе родная,
Заклочена, сияния не зная?

Зачем нам вековечно
От истины к обману влечься надо,
Спешить, простясь беспечно
С небесною отрадой,
За жалким дымом, ложною наградой?

О будущем не тужат
Сыны земли в пожизненной дремоте,
А звезды мерно кружат,
И в их бессменном лёте
За часом час бегут в круговороте.

Так сбросьте наважденье,
Сочтите цену вашего урона:
Не знающею тленья
И для небес рожденной
Душой ловить весь этот морок сонный?

Так воспарите взглядом
К бессмертной сфере, горней и прекрасной:
Что могут значить рядом
Все страхи, все соблазны
Неверной жизни в суете напрасной?

Не миг ли скоротечный
Весь этот мир наш, мрачный и постылый,
В сравненье с твердью вечной,
Где льют огонь светила,
Являя все, что будет, есть и было?

Кто, видя их круженье
В немеркнущем строю многоочитом
И мерное скольжение
По вековым орбитам,
На взгляд—раздельным, но в согласье слитым,

Где, вслед за колесницей
Луны скользя надмирной высотой,
Свет мудрости лучится
С искрящейся звездой
Любви, такую дивно-золотой,

А за звездой — кровавый
И хмурый Марс торопится к победам,
Юпитер в блеске славы
Плывет за ними следом,
Всех оделяя благосклонным светом,

А там — обильем пыша,
Сатурн над миром рассеивает золото,
Отец хлебов, а выше —
Созвездий рой крылатый
Струит лучи и расточает клады, —

Кто, видя это чудо,
В слезах и столах землю не отринет?
Кто, всей душой отсюда
Рванувшись, не покинет
Тюрьму, в которой без надежды стынет?

Там нет беды и боли,
Там правит мир, там, пышно восседая
На золотом престоле,
Царит Любовь святая,
Даря отрадой, славой награждая,

Там красоту от зренья
Ничто не скроет, там, над крутизною,
Чистейшее горенье
Не застит мглой ночью,
Там все цветет бессрочно весною.

О верные долины,
О мирный луг, росой освеженный!
О щедрые глубины,
О сладостное лоно,
Нездешних благ источник просветленный!»

В НАДЕЖДЕ, ОКАЗАВШЕЙСЯ НАПРАСНОЙ

Беги, отрада, моего порога:
Зачем ты в этом доме, где пенаты
Не обещают отдыха и прока?

Не забывай, как городской глашатай
От милых стен, из-под родного крова
Безжалостно изгнал тебя когда-то,

И с той поры обитель ветра злого,
Дождя и стужи — твой приют пустынный,
Где горек вздох и нищета сурова.

Здесь не пестрят цветеньем луговины,
Не бьет сквозь тучи солнце золотое,
Не долетает рокот соловьиный —

Здесь оком укутан темнотою,
Здесь день в слезах и в споре без исхода
Вчерашня с сегодняшней бедою.

Не возвращайся, ведь мои невзгоды
Не убаюкать суетой мирскою,
Как ни кружится купол небосвода;

Не возвращайся, урожай покоя
И счастья пожиная в целом свете:
Здесь лишь репей над пустошью глухою;

Не возвращайся, чтобы, в лихолетье
Явившись, не изведать поневоле
Ни грубой брани, ни кровавой плети;

Не возвращайся, чтобы новой боли
Не принести с собою в эти стены:
Не знать мне радостей в моей доле!

Здесь даже лучший дар и клад бесценный,
Сплотясь со злом в погибельной поруче,
Пророчат беды и грозят изменой.

Я — в той же скверне, умывая руки;
Взыскую мира, поглощен войною;
Вины не зная, принимаю муки.

Бесхитростною памятью одною
До смертного конца порабощенный,
С ничтожной перстью смешан я земною.

Нарушил я извечные законы,
И немощен перед моей заботой
Природный смысл и разум просвещенный.

Чем резче птаха дергает тенета,
Тем в них надежней увязает снова;
Урон страшней от верного оплота.

Меня карают за грехи другого;
Заложник вора, свой удел кляню я,
И честь мою пятнает злое слово.

Счастливец тот, кто, суд и власть минуя,
Не утраченный платой и тюрьмою,
Избрал на этом свете часть иную:

В скиту безлюдном лютою зимою
Ютится он, волчцами тело рая,
Но дух врачуя истиной прямою.

Приветствует он утреннею ранью
Безгрешный луч безгрешною рукою,
Не знавшей буйства и негодованья,

И ночь течет в отраде и покое,
И урожай дарит постоянно
Его земля, не взрытая сохою,

Живет он чистой правдой без обмана
И дышит простотою в разговоре
И верой, презирающей румяна,

Вокруг — надежды в милосердном хоре,
Покой, далекий от земной тревоги,
И счастье, не изведавшее горя.

Отрада, там горят твои чертоги,
Там ты царишь, а спросят ненароком,
Меня не встретила ли по дороге,
Скажи, по разным ходим мы дорогам.

ПОКИДАЯ ТЕМНИЦУ

Здесь одно неизменно:
Зависть и клевета.
И со всею вселенной
Я прощаюсь, смиренный,
Пусть со мной — нищета.

В сельской хижине с садом
За столом небогатым
Бог — мой суд и совет:
Нет завистников рядом;
В сердце зависти нет.

ФРАНСИСКО ДЕ САЛИНАСУ

Сияет мир до края
И красотой полнится иною,
Салинас, воскресая
Вслед за твоей струною,
Звонящей музыкою неземною.

От твоего искусства
Душа, уснувшая в своей темнице,
Опять приходит в чувство
И памятью стремится
К истоку, по которому томится.

И вслушиваясь в ноту,
Светлея мыслью и воспоминаньем,
Стирает позолоту,
Которой со стараньем
Себя и украшаем, и дурманим.

Взмывает ввысь, крылата,
Чтоб там, куда и птица б не домчала,
Полна иного лада,
Ей музыка звучала —
Всему первопричина и начало.

Взгляни: Создатель мира
Касается десницей умудренной
Неизмеримой лиры,
Чей строй непревзойденный
От века держит купол небосклона.

И, воплощенье меры,
В согласье отзываются на это
Расчисленные сферы,
И звук, струной пропетый,
Подхвачен в небе музыкой ответа.

Душа по вольной глади
Скользит, забыв, что есть тщета мирская,
И тонет в той отраде,
Где смута никакая
Не захлестнет, соблазном увлекая.

О смерти мощь живая!
О забытьи, дарующее счастье!
Цари, не уставая,
Чтобы над нами власти
Вовек не знали гибельные страсти.

Прислушайтесь к священной
Кифаре Аполлона, заклинаю,
Друзья (мой круг бесценный,
И лучшего не знаю!):
Юдоль печалей — наша жизнь земная.

Пусть ноет сердце, слыша,
Салинас, дивную твою цевницу,
Чтобы по звуку свьше
Для блага пробудиться
Забывшимся в пожизненной темнице!

ФЕЛИПЕ РУИСУ

Когда же на свободе,
Фелипе, к небу воспарить смогу я
И в звездном хороводе,
Стряхнувши пыль мирскую,
Постигну въяве истину нагую?

Увижу то сиянье,
В котором блещут — розно и едино! —
Моих земных скитаний
Начало, и кончина,
И общей жизни тайная причина.

Увижу зданье мира,
Что Бог возвел, всеильною десницей
Кладя по нивелиру,
Чтобы любой частице
На верном основанье утвердиться;

И вечные колонны —
Опоры, на каких земля восстала;
Границы и препоны,
Которые для шквала
Морского Провиденье начертало;

Что сушу сотрясает,
Что распаляет море в сече бранной;
Откуда норд вползает,
Толкая неустанно
Вставать и падать воды океана;

И что поит криницы,
И отчего течение речное
То никнет, то ярится,
И кто причиной зноя,
Его сменяя стужей ледяною;

Кто, влагой тучи полня,
Путь открывает ливню грозовому
И где горнила молний,
Где снежные укромы
И те края, откуда катят громы?

Так летнею порою,
Ты помнишь, буря налетит, бывает, —
И галисиец, роя
Дорожный прах, взывает
И пыль до неба черную взывает;

И, рассекая тучи,
Спешит, сверкая, Божья колесница,
Рокошет гром гнетущий,
Колотятся зарницы,
Земля дрожит, и люд в домах теснится;

Бегут ручьи по скатам,
Потоки пенятся по буеракам,
А в поле непожатом
Перед постигшим крахом
Крестьяне озираются со страхом.

Над суетой землею
Увижу звезд круговорот высокий;
Сроднившись с крутизною,
Познаю наши сроки
И смертных судеб вехи и истоки.

Увижу, кто светила
Зажег и кем орбиты их вершатся,
Чья воля так судила,
Что в море погружаться
Созвездия Медведицы страшатся;

Где бытия и света
Родник таится — ясный пламень вечный,
Куда уходит лето
От нас так скоротечно,
Сменяясь зимней ночью бесконечной;

И где — небес вершина
И чистых душ обитель и отрада —
Приют несокрушимый
Спокойствия и лада
Стоит в огне сияния и злата.

С О Н Е Т Ы

* * *

Пришла любовь, с собою увлекая,
Куда и мысль подняться не дерзнет.
Но сердце не стряхнет глухих забот,
Сомненьем переполнено до края:

Не быть бы мне низринутым из рая,
За то, что счастья зыбок был оплот.
И если, обманув, нас вознесет,
То вскоре бросит вниз судьба слепая.

О госпожа, я ваш, как плоть от плоти,
Взлелеян вашей милостью святою,
И в вере с вами воедино слит.

Свое творенье вы ли не спасете?
Мои грехи затмите чистотою.
И ваша благодать благо мне сулит.

* * *

Ваш облик в памяти хочу сберечь!
О кротость! Благородство неземное!
Душа, исполненная добротою!
О волосы, струящиеся с плеч!

О чудный стан! О сладостная речь!
О взгляды, напоенные весною!
Уста, что нежных звуков красотою
Умеют мысль глубокую облечь!

Что ждет того, кто, видя только в вас
Блаженство, утешение, отраду
И вам себя вверяя как судьбе,

От вас отторгнут будет? Он тотчас
Познает плен душевного разлада,
Скорбь, мрак, рыдания, небытие.

* * *

Та, что сияла ярче всех светил,
Сокрылась от меня; и скорбь слепая
Мной овладела, в бездну увлекая,
Как судно без руля и без ветрил.

Истомы смертной я почти вкусил,
Когда нахлынули — разлука злая,
Страсть, упованья, опасений стая, —
Меня как волны этот шквал разил.

Раздался глас над рокотом морей,
Мне возвестивший: в вере, госпожой
Дарованной, пристанище дано.

«Ее по свету разметал борей», —
Ответил я. Истерзанный волной,
Зову не пристань, так морское дно.

ФРАНСИСКО ДЕ ЛА ТОРРЕ

ЛАНЬ

Страдающая лань с открытой раной,
Испачканной землею и травой,
Ты ищешь воду чистого истока
И дышишь сдавленно, клонясь glavой
На грудь, залитую струей багряной;
Красу твою унизить — много ль прока!

Стократ рука жестока,
Спешащая проткнуть
Белеющую грудь, —

Рука, которой боль твоя — услада,
Когда твой нежный друг, твоя отрада,
Вовеки не поднимется с земли —
Застывшая громада,
Чью грудь ножи охотничьи нашли.

Вернись, вернись в долину, к той поляне,
Где друг твой гиб, чтоб ты спаслась в лесу,
Не знал он, что и ты — над бездной черной.
Ты принесешь ему свою красу,
Чтобы забыться в роковом тумане,
Что наслан грубою рукой проворной.

Уже на круче горной
Вовек не зазвучит

Привольный гул копыт,
Вам отказали небеса в защите,
И звезды были глухи к вам в зените,
Дозволив, чтобы злой простолюдин
Творил кровопролитье,
Гоня безвинных средь немых равнин.

Но — право! — не кропи кровавым соком
Траву из раненой твоей груди,
Страданьем и любовью истомленной.
Ты, бегом изнуренная, приди

К ручью, чтоб сломленный твой дух потоком
Омыть, что рассекает дол зеленый.

Олень окровавленный,
Чью жизнь затмила мгла,
Чтоб ты спаслась могла, —
Признайся, не был он любим тобою,
И раз он пал, чтоб ты была живою, —
Живи и тем ему любезной будь,
Чтобы тоской слепую
И острой болью не терзало грудь.

Где дни, когда на солнечных полянах,
Как нежные в разлуке голубки,
Вы порозну в лесной глуши бродили,
Пушистым лбом касаясь у реки
Фиалок, мирта, сочных трав и лилий!

Увы, навек уплыли
Те дни, когда ваш зов
Был тяготой лугов,
Печали дол, богатый и счастливый,
Где Тахо, ясный и неторопливый,
Бежал, призывы трубные ловив,
Доколе мглой тоскливой
Смерть не затмила благодатных нив.

Уже недвижимо оленя тело,
В нем ужас воплощен, хотя оно
Еще вчера чащобу украшало.
И ты, чье сердце ужаса полно,
В агонии смыкаешь взор устало,
Затмение настало,
Уже вас смерть свела,
И дивные тела —

Желанная добыча алчной страсти —
Любовью вечной венчаны в несчастье,
Ее венец — награда беглецам,
В ее верховной власти
И в смерти дать победу двум сердцам.

Напев, чей замысел словами стал,
О лани, павшей от жестоких жал
Ловца, чье сердце не смягчила жалость,
Среди лесов и скал, —
Лети, напев, а мне рыдать осталось:
Был славы свет, но мрак его застлал!

СОНЕТЫ

К НОЧИ

Ты вновь надела черный свой наряд,
Ночь нежная, укрыв меня молчаньем,
И небеса таинственным мерцаньем
Меня опять тревожат и томят.

И звезды, что на небесах горят,
Моим внимают пеням и стенаньям:
Под совершенным, светлым одеяньем
Им души жжет любви извечный яд.

Им ведома любовь, и звезды знают,
Что, плача над своей судьбой, их муки
Поведал я, закутанный в твой плащ.

О ночь стоокая, бесследно тают
В тебе мои слова и горький плач —
До слуха милой не дойдут их звуки.

НА РУЧЕЕК ФИЛИДЫ

Вот это, Тирс, Филиды ручеек,
Ее красот он верное зеркало;
Здесь на лугу она не раз сплетала
Из полевых цветов себе венок.

Там, Тирс, я любоваться ею мог:
Она красою дивною блистала;
Тут, увидав меня, зарделась ало,
В дубраву убежала со всех ног.

В пещере той она дала мне руку,
Мне там венок из мирта и букет
Застенчивых фиалок был подарен.

Пещере, ручейку, дубраве, лугу
И небу, что прияло наш обет,
Навеки я за счастье благодарен.

ЭПИГРАММЫ

* * *

Запомни, что затем один язык,
Но две руки природа нам дала,
Дабы любое слово сей же миг
Мы успевали воплотить в дела.
Наобещал ты много, а меж тем
Ты ничего не выполнил, мой друг,
Как будто у тебя на диво всем
Два языка и вовсе нету рук.

* * *

Всех живых за то клянут,
А умерших восхваляют,
Что одни не умирают,
А другие не живут.

* * *

Ты на посулы щедрым был.
Так дай нам то, что ты сулил,
А то, что дал, возьми назад,
И сразу все пойдет на лад.

* * *

Когда судью задобрить нечем,
Вотще ты блещешь красноречьем:
Красноречивей всех не тот,
Кто говорит, а кто дает.

* * *

Коль твой карман, как прежде, пуст,
Уйди, проситель. Здесь, пока
Ты не раскроешь кошелька,
Не раскрывай напрасно уст.

БАЛЬТАСАР ДЕЛЬ АЛЬКАСАР

РЕДОНДИЛЬИ

УЖИН

В Хаэне у нас проживает
Некто дон Лопе де Соса.

Мы коснулись такого вопроса,
Что смешней, Инес, не бывает.

У него португалец лакеем
Служил, да и вдруг исчез...

Но поужинаем, Инес,
Поболтать и после успеем.

Хочется есть до зарезу,
И хорошая ты хозяйка.

Уж в чашах вино, давай-ка,
Пора начинать трапезу.

Молодого вина — избыток,
Его я благословлю;

Я набожен и люблю

Крестить благородный напиток.

Приступим-ка чин по чину:

Подай мне бурдюк, сестрица,

Мне красное это сгодится —

За каплю дашь по флорину.

Откуда его приносят?

Ах да... из таверны «Башня»:

По десятке за четверть. Не страшно,

Дешевле у нас не просят.

Богом клянусь, что редко
Приятней таверну найдешь;
А в общем, сладко живешь,
Когда таверна — соседка.

Старо оно или ново,
Не знаю даже примерно,
Но дивное, право слово,
Изобретенье — таверна.

Туда прихожу, алкая:
На выбор — разные вина;
Отмерят, нальют, опрокину,
Плачú — и пошел, напевая.

Можно хвалить бы вечно
Блаженство, Инес, такое,
В одном лишь вижу плохое —
Что слишком оно быстротечно.

Что нам теперь подадут?
Салат и закуски съели.
Госпожа колбаса? Неужели?
Приветствую ваш дебют!
В каком же соку и силе!
Как стянута! Как дородна!
Сдается, Инес, ей угодно,
Чтоб тотчас мы к ней приступили.

Входи, кровяная, ну-тка,
Дорожка узка, осторожно...
Воду в вино? Невозможно!
Инес, не обидь желудка!
Налей вина постарее,
Чтоб кушаньям вкусу придать;
Храни тебя Бог, не сыскать
Мне ученицы мудрее.

Еще колбасы подай-ка,
Такую бросать не дело.
Во рту прямо все сторело —
С лучком, с чесночком, негодяйка!

В ней есть и орешки — славно!
Чем только она не набита!
Проперчена тоже сердито.
Готовишь, сестрица, исправно.

Чувства во мне закипают
От такого блаженства. А ты?
Впрочем, твои черты
Удовольствие выражают.

Я рад, хоть шумит в голове,
Но... не думай, что я шучу:
Ты одну ведь зажгла свечу,
Почему ж их сделалось две?

Впрочем, там, где питье и еда,
Вопросов не задают:
Когда так здброво пьют,
Размножаются свечи всегда.

Попробуем тот кувшин:
Небесный в нем, знаю, ликер;
Лучшим он даст отпор
Из самых отборных вин.

Нежен-то как, прозрачен!
Приятно как горьковат!
Пряный какой аромат!
Ну до чего ж удачен!

Но на сцену выходит сыр
(Колбасу мы съели, бедняжку)
И, кажется, требует чашку,
Чтобы закончить пир.

Сыр овечий, как ты хорош!
Пою тебе гимн хвалебный;
А вкус у маслин — волшебный.
Что, сестрица, их не берешь?

Теперь, Инес, как обычно:
Бурдюк — и глоточков пять.
Ну, пора со стола убирать,
Мы поужинали отлично.

И поскольку с тобой на диво
Мы поели, вернуться сразу
Будет, Инес, справедливо
К прерванному рассказу.

Так слушай: тому лакею
Вздумалось вдруг простудиться...
Бьет одиннадцать, время ложиться;
Досказать и завтра успею.

ЖИЗНЬ АВТОРА В СТАРОСТИ

Сеньор Сармьенто, не хотите ль,
Чтоб я на то вам пролил свет,
Какую жизнь на склоне лет
Мне даровал наш вседержитель?

Не корча из себя ханжу,
Позвольте, дорогой мой, кратко,
Но час за часом для порядка,
Я всё как есть вам изложу.

С утра, когда покажет солнце
Свое румяное лицо,
Мне всмятку подают яйцо,
Хлеб и бокал с вином на донце.

О, сколько чую наперед
Услад в нектаре том небесном!
Ей-ей, небесном, ведь не бес нам,
А сам господь его нам шлет.

Как только огненное судно
Успеет столько миль пройти,
Что полудневного пути
Границу провести нетрудно,

Меня ждет жареная дичь,
А к ней (на то в подвале бочка)
Вина хотя бы три глоточка,
Чтоб лучше вкус еды постичь.

Когда же Вesper безмятежный,
Звезды вечерней божество,
Уйдет из царства своего
И канет в океан безбрежный,

На ужин мне гренки несут,
В вине и меде размочив их.
Пульс ловит ритм неторопливых,
Покой дарующих минут.

В ночи, что полог опустила,
Туманится рассудок мой,
И вот я в том краю, где мной
Владеет уж иная сила.

А с утренней зарей опять
Я в вещном мире. И, толкуя
Ночные сны, опять прошу я
Яйцо с нектаром мне подать.

Меж тем ветшает дом, в который
С рожденья дух мой поселен.
И к дому, чтоб не рухнул он,
Я ставлю новые подпоры.

Но как ни силюсь, ни мудрю,
Увы, всё неумней хвори.
Они, подозреваю, вскоре
Подточат храмину мою.

ЛЕТРИЛЬЯ

Лишь три предмета мне желанны
И мною властвуют сполна:
Подружка Ана, ветчина
И с тертым сыром баклажаны.

Сначала Аною одной
Мне этот мир был озаряем:
Мне с нею он казался раем,
А без нее — кромешной тьмой.
Я целый год был пьян от Аны.
Но как-то раз она к вину
Мне предложила ветчину
И с тертым сыром баклажаны.

И я подумал: вот те на!
Коль Ана — лакомый кусочек,
Почто ж влекут тебя, дружочек,
Сыр, баклажаны, ветчина?
Во вкусах мы непостоянны,
И так выходит, что нужна
То Ана мне, то ветчина,
То с тертым сыром баклажаны.

У Аны губы чар полны,
А ветчина — из Арасены,
У баклажанов — несравненный
Дух андалузской старины.
Вот почему, помимо Аны,
Покоя не дают и сна
Пленительная ветчина
И с тертым сыром баклажаны.

Такое чувство — благодать,
Поскольку Ана, из опаски
Меня лишиться, нынче ласки
Дешевле будет продавать.
А я взамен за акт гуманный,
Коль это знать угодно вам,
Ветчинный окорок ей дам
И с тертым сыром баклажаны.

Э П И Г Р А М М Ы

* * *

Твои, Хуанита, очи,
Как небо, где солнца луч
Прорезаться из-за туч
Не может до самой ночи.
А ночью — дождя поток
И молнии — до рассвета.
Боюсь, что на небо это
Меня не заманит Бог.

* * *

Любому поклоннику Дора
Дарит по часочку, и скоро
Красотка на месяц вперед
Свободных часов не найдет.

* * *

Явясь на пышный королевский бал,
Кружился с доньей Кларой дон Гонсало,
Но вдруг ступил неловко и упал,
А донья Клара чудом устояла.
Тут не дремал придворный балагур
И, как считают все, заметил верно,
Что грузен этот кавалер чрезмерно,
А дама легковесна чересчур.

ОТВЕТ ОЧЕНЬ УЧЕНОГО МУЖА
НА ВОПРОС МЕНЕЕ УЧЕНОГО

Ревнитель знаний, вы спросили,
Что проще, получать ли или
Давать кому-нибудь совет.
Извольте, вот вам мой ответ:
На свете самое простое,
Сеньор, как то, так и другое.

АЛОНСО ДЕ ЭРСИЛЬЯ-И-СУНЬИГА

СМЕРТЬ КАУПОЛИКАНА

(Фрагмент из поэмы «Араукана»)

О, наша жизнь, юдоль скорбей и плача!
О, человек, игралище тревог!
Сколь непрочна житейская удача:
Возвысившийся упадет в свой срок.
Благой удел избраннику назнача,
В конце концов его низвергнет рок.
Печаль венчает все услады наши,
Всегда есть желчь на дне медовой чаши.

Увы, достойнейшие из мужей
Порой самих себя переживали,
Тускнел их блеск от умноженья дней:
Тому пример мы видим в Ганнибале;
И если бы окончил жизнь Помпей
В канун несчастной битвы при Фарсале,
Остался бы он в памяти людской
Как первый полководец и герой.

Вот так же и о Кауполикане
Всегда бы вспоминали и везде,
Как об отважнейшем на поле брани,
Мудрейшем полководце и вожде,
Что был индейцам в годы испытаний
Надежнейшей опорой в их беде, —
Будь не дано ему дожить до срока,
Когда он сломлен был десницей рока.

Итак, индейский вождь в плен нами взят,
Его дружина в бегство обратилась.
Минувшего уж не вернуть назад,
Звезда его успехов закатилась.
И тут вошел Наместник в круг солдат, —
Что пленнику назначит: казнь иль милость?
Но страха не явил наш гордый враг,
И победителю он молвил так:

«Когда бы волей рока непреложной
В пучину был повергнут я стыда,
Когда бы враг меня разбил ничтожный,
Ты можешь мне поверить, что тогда
Я тотчас бы нашел исход надежный,
Рука моя достаточно тверда:
Я в грудь себе клинок вонзил бы с силой,
Течение жизни оборвав постылой.

Но от тебя я не почту за стыд
Принять в подарок жизнь, о вождь могучий!
Быть может, побежденный возвратит
С лихвою долг, когда найдется случай;
Не помышляй, что смерть меня страшит:
Лишь тот боится смерти неминучей,
Кто счастлив, но поверженным во прах
Внушает смерть надежду, а не страх.

Я Кауполикан. Рок своенравный
Судил мне в бездну с высоты упасть.
Я вождь арауканцев полноправный,
Моя над ними безгранична власть.
Решает все один мой взгляд державный:
Мир заключить с врагом или напасть.
Я сила их, я воля их, их разум,
Послушна вся страна моим приказам.

Да, это я, тобою взятый в плен,
Убил Вальдивию при Тукапеле,
Сжег Пенко, стер с лица земли Пурен,
Не раз вы от меня урон терпели.
Чревата жизнь чредою перемен, —
И воинов моих вы одолели,
А сам среди толпы врагов, один,
Я жду — продлит ли жизнь мне властелин.

Коль судишь, будто я восстал неправо,
Все ж будь великодушен, одолев:
Твоя тем ярче воссияет слава.
Пусть мощь твоя твой обуздает гнев, —
Мешает он судить и мыслить здраво.
Но если алчет месть, разинув зев,
И моего ей мало униженья, —
Будь милостив, казни без промедленья!

Не мни, что обезглавленный народ
Оставлю я, в пучину смерти канув.
Своей победы не вкусить вам плод:
Арауканцы, яростно воспрянув,
Сметут вас, — чтобы их вести вперед,
Найдутся сотни Кауполиканов.
Со мной ты вел нелегкую борьбу,
Не стоит снова искушать судьбу.

Вождь доблестный, к твоей ли будет чести,
Когда порыв твой победит тебя?
Пусть мудрость обуздает жажду мести:
Как ты смирял других — смири себя.
Всеобщий сгубишь мир со мною вместе.
Твой грозный меч, мне голову рубя —
Мои слова да не оставишь втуне, —
Главу отрубит и твоей фортуне.

Не торопись, глотком не захлебнись,
Величья истинного будь достоин:
Судьба сама тебя поднимет ввысь, —
Не шпорь ее, победоносный воин,
И высоко ты сможешь вознестись.
Раз я в плену, ты должен быть спокоен.
Моей ты жизни волен кончить срок,
Но вам от мертвеца велик ли прок?

Когда ж главой отрубленной моею
Ты все же усладить желаешь взор,
Я под разящий меч подставляю шею,
Оспорить не пытаюсь приговор.
Не о плачевной жизни я жалею —
Боюсь, чтоб ты не углубил раздор,
Чтобы твое поспешное решенье
Нам не закрыло путь для примиренья.

Свободен я или в плену, — но мне
Покорны без предела и без меры
Арауканцы в мире и войне,
Ты видел сам не раз тому примеры.
Спрячь в ножны меч, и я по всей стране
Распространю закон Христовой веры,
И королю Филиппу мой народ
За мною вслед на верность присягнет.

Оставь меня заложником в темнице,
Пока я обещања не сдержу.
Со мной совет старейшин согласится
И сделает все так, как я скажу.
А если нет — ведь я в твоей деснице:
Ты повелишь — я голову сложу.
Решай, какую мне назначить долю, —
Безропотно твою я встречу волю».

На том арауканец кончил речь,
Спокойно ждал ответного он слова:
На жизнь иль смерть решат его обречь?
Его лицо бесстрастно и сурово:
Убийственный тому не страшен меч,
Кто ввергнут в бездну униженья злого,
Свободу потеряв свою и мощь,
Величья не утратил пленный вождь.

Его призыв остался не уважен,
Суд был поспешным, страшным был удел:
Индеец на кол должен быть посажен,
А вслед за тем прикончен тучей стрел.
Вождь слушал приговор, спокоен, важен,
Его суровый дух не ослабел.
Увы, судьба с ним обошлась жестоко,
Но избежать нельзя велений рока.

Однако поддержала в этот миг
Его благая божия десница:
Луч веры в душу дикаря проник,
Он пожелал пред смертью окреститься.
Триумф Христовой церкви был велик,
Испанцам повод был возвеселиться,
Хоть жалость осужденный вызывал.
Зато индейцев ужас обуял.

Потом в сей день, день славы и печали,
Крещенья совершив святой обряд,
Вождя в началах веры наставляли.
Но срок настал, и воинский отряд,
Молитвы заглушив бряцаньем стали,
Его повлек на казнь. Пусть предстоят
Ему теперь телесные мученья, —
Снискал душе он вечное спасенье.

С главою непокрытой, бос и наг,
Он шел; гремели тяжкие оковы,
Отсчитывая каждый его шаг,
А шею узел захлестнул пеньковый.
Веревку намотав на свой кулак,
Вел пленника палач, к трудам готовый.
Солдаты с копьями... «Вождя ведут!»
Глазам не верил уstraшенный люд.

Они остановились у помоста,
Что спешно был для казни возведен, —
Чуть ниже человеческого роста,
Он взорам был открыт со всех сторон.
По лесенке уверенно и просто
Поднялся осужденный, будто он
Не страшную готов принять был долю,
А из темницы выходил на волю.

Индийский вождь взошел на эшафот
И дол окрест обвел спокойным взором.
Он оглядел теснящийся народ,
Прислушался к молчанию, в котором
Таился хладный ужас: «Вот он — тот,
Кто обречен жестоким приговором
На муки, не сравнимые ни с чем!»
Был каждый зряч вдвойне, был каждый нем.

Вплотную подойдя к орудию казни,
Ничуть не изменился он в лице,
Хоть нет для смертных мысли неотвязней,
Чем мысль о неминуемом конце.
«Нет, — молвил он, — не пробудить боязни
Ничем в судьбой испытанном бойце.
Навстречу мукам простираю длани:
Ведь в муках сих — конец земных страданий».

Убийственное ждало острие.
Умолк индеец, жребию покорный.
Тут, чтобы дело выполнить свое,
Приблизился к нему палач проворный —
Одетый в непотребное тряпье,
Свирепый обликом невольник черный.
Такой обиды новой не стерпев,
Индеец в сих словах излил свой гнев:

«Вот как? Вы, воины, вы, христиане!
Ужель вам мало вида смертных мук?
Я вашим был врагом на поле брани
И смерть готов принять из ваших рук,
Но отдан я в час тяжких испытаний
На произвол последнего из слуг!
Подвергнув храброго бойца бесчестью,
Вы сделали возмездье подлой мезью.

Ужели жалкой жертвой палача
Я, доблестный военачальник, стану?
Ужели не найдется здесь меча,
Чтоб подарить смертельную мне рану?
Иль, воинов моих рубя сплеча,
Вы не мечтали Кауполикану
Нанести удар? Да не отдаст судьба
Меня во власть презренного раба!»

Тут палача он пнул ногою — даром
Что был в цепях. Издав свирепый вой,
Тот, сваленный неистовым ударом,
С помоста грянулся вниз головой.
Но, гнев излив в порыве этом яром,
Арауканец овладел собой
И не сопротивлялся грубой силе,
Когда палач с подмогой подступили.

В него вонзился заостренный кол
И, постепенно погружаясь в тело,
Утробу всю страдальцу пропорол.
Ужаснее никто не знал удела.
Но вождь индейский бровью не повел,
Суровое чело окаменело:
Не на колу сидел, казалось, он, —
Вкушал на ложе безмятежный сон.

Для завершения казни всенародной
Шесть лучников, расставленных вокруг,
Тут начали стрелять поочередно.
Но хоть убийство для их сильных рук
Давно работой стало обиходной,
Им не хотел повиноваться лук:
Знать, дело это было не простое —
Прославленного умертвить героя.

Его страданий сократила срок
Судьба, столь беспощадная доселе:
Хоть целил мимо не один стрелок,
Хоть стрелы неуверенно летели,
Спрямял их путь своей десницей рок,
И ни одна не миновала цели.
Понадобилась все же сотня стрел,
Чтоб этот дух могучий отлетел.

Я знаю — лег как тягостное бремя
На совесть вам правдивый мой рассказ,
Будь даже вы черствы душой. В то время
Я, выполняя данный мне приказ,
Оружьем умирал другое племя,
Подъявшее мятеж противу нас.
А не отозван будь я этой смутой,
Свершиться казни не дал бы столь лютой.

Не мертвенно, — спокойно недвижим,
С открытыми глазами, величавый,
Казался Кауполикан живым,
Как будто смерти восковой, костлявой,
Застывшей в изумленье перед ним,
Претило с гнусной поспешить расправой.
А дикарей объял священный страх:
Для них он все был вождь, не мертвый прах.

Мгновенно на крылах молвы проворной
Помчалась весть во все концы земли
О смерти столь ужасной и позорной.
И все, кто жил вблизи, кто жил вдали,
В смятенье встретив этот слух упорный,
Взволнованным потоком потекли,
Дабы увериться, что нет обмана, —
Узреть останки Кауполикана.

Густел и ширился поток людской,
Ручьи со всей окрестности вбирая,
И, став необозримою рекой,
Заполнил дол от края и до края.
И всяк старался собственной рукой
Потрогать труп, глазам не доверяя;
Но, и касанием не убежден,
Не мог понять — явь это или сон.

ФЕРНАНДО ДЕ ЭРРЕРА

О ПОРАЖЕНИИ КОРОЛЯ ДОНА СЕБАСТЬЯНА

Пусть неутешный плач и горький стон
Оденут скорбью эту песнь мою
О роковой для лузитан године,
Когда они безжалостный урон
В кровопролитном понесли бою,
И честь, и славу потеряв отныне
Из-за своей гордыни;
Пусть разнесется грустный сей рассказ
О жизни их, оборванной жестоко,
От Африки, где высится Атлас,
До моря Красного и до Востока,
Где подняты в просторах диких стран
Победные знамена христиан.

Безумны те, чьей спеси нет границ,
Кто возомнил себя сильнее всех
И гонит прочь сомненья и тревогу!
Со множеством коней и колесниц,
Поверив в неминуемый успех,
Они, не обращая взоры к Богу,
Пускаются в дорогу;
Хотят в песках ливийских поделить
Богатую добычу после битвы,
Забыв об этом бога помолить, —
И, не дождавшись пламенной молитвы,
Господь лишает помощи своей
Бойцов, их колесницы и коней.

И вот ужасный наступает день —
День испытаний тяжких, столько зла
Принесший королевству. В час рассвета
На небо черная упала тень
И солнце пеленой заволокла.
Рыдал народ, предчувствуя, что это —
Вернейшая примета
Грядущих бедствий. Бог, с высот узрев,
В каких грехах страна погрязла мерзких,
Обрушил на нее свой правый гнев,
К оружию призвав ливийцев дерзких.
Не ради злата в бой спешит их рать,
А чтоб за спесь пришельцев покарать.

Неверные бросаются вперед,
Сверкающие выхватив клинки,
И, одержимы злобой, жаждут мести.
Несчастных христиан погибель ждет
От беспощадной варварской руки —
Лишая жизни их, а с жизнью вместе
Достоинства и чести.
Враг наступает. В панике войска,
Сметенные безудержной лавиной;
Кровь хлынула рекой среди песка,
Взметнулись горы трупов над равниной —
Кто падает, кто в ужасе дрожит,
Кто, потеряв рассудок, прочь бежит.

Они ли это — те, кем покорен
Был целый мир, кому неведом страх,
Чья слава рождена на поле брани,
Кто столько диких усмирил племен
И царств могучих обратил во прах,
Кто сеял смерть в Индийском океане,
От чьей всесильной длани
Воинственные гибли города?
Где их отвага? Отчего так скоро
Они расстались с честью навсегда,
До столь великого дойдя позора,
Что их тела в земле чужой страны
По-христиански не погребены?

Не так ли возносил свою главу
Над купами других деревьев кедр,
В горах Ливана издавна растущий?
Он множил пышную свою листву,
Вбирая сок живительный из недр,
И зелень, что ни день, была все гуще
В его роскошной куще.
Под кроной укрывался зверь лесной,
В ветвях гнездо свивала птица божья,
К нему спешили люди, чтобы в зной
Найти прохладу у его подножья.
Вовек не вырастало из земли
Деревьев, что сравниться с ним могли.

Увы, чудесный кедр перебороть
В себе высокомерия не смог
И, красотой своей гордясь по праву,
Стал чваниться; узнав о том, господь
Под самый корень ствол его подсек,
И враг над павшим учинил расправу,
Потешившись на славу.
И вот без веток, листьев и коры
Под грудой камня он лежит разбитый,
Забыт людьми, от ливня и жары
В его сени искавшими защиты;
Лишь зверь и птица по сукам снуют,
Стремясь в обломках отыскать приют.

Но, Ливия, труслива и подла,
Ты рано празднуешь злорадный пир,
Взирая, как в песках сухих и знойных
Простерты павших лузитан тела;
Случаен твой успех, не числит мир
Среди триумфов, памяти достойных,
Побед в подобных войнах.
И если совершенное тобой
На месть испанцев доблестных подвигнет,
То, копыта взяв, они поскачут в бой,
И смерть тебя ужасная постигнет;
Впитает кровь прибрежная волна,
Свой долг от Луко получив сполна.

СОНЕТЫ

ВОИНАМ, ПОГИБШИМ В АФРИКЕ ВМЕСТЕ С КОРОЛЕМ ДОНОМ СЕБАСТЬЯНОМ

Пролей, о Муза, слезы на могиле
Бойцов, которых недруг вряд ли б смог
Сломить в сраженье, если б злобный рок
Их славе не завидовал и силе;

И чтоб стихи мои в себя вместили
Всю скорбь людскую, траур этих строк
Вплети, рыдая, в горестный венок
Из гиацинтов, амарантов, лилий.

Пусть души тех, кто грозному врагу
Сумел в неравной схватке дать отпор,
Ликуют, воспарив к небесной тверди.

Вас, павших на ливийском берегу,
Отчизна будет чтить, наперекор
Злорадному высокомерью Смерти.

ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ ПРИ ЛЕПАНТО

Бог моря, в мутной стонуций пучине,
Ветров и волн могучий властелин,
Взгляни вокруг, поднявшись из глубин,
И ужаснись открывшейся картине.

Дым, пламя, кровь на пенистой равнине...
Стесняют христиане сарацин...
Из нехристей не в силах ни один
Их грозной воспротивиться лавине.

Пусть празднуют, гремя, твои валы
Триумф, каких не видели народы,
Деяний доблестных желанный плод —

Достойны самой громкой похвалы
Те, кто навек прославил эти воды:
Хуан Австрийский и испанский флот.

СЕВИЛЬЯ

О город, чьи отвага, ум и честь —
Испанского могущества основа,
Царица океана мирового,
Ты — лучшее, что у испанцев есть!

Разносится по всей Европе весть
О красоте земли твоей. Но слово
«Земля» для края подойдет любого,
А ты... ты — небо, чьих чудес не счесть.

Не увидав, нельзя себе представить
Таких богатств, такого изобилья,
А те, кто видел их, потрясены.

Ты целый мир соединишь и сплавить
Смогла в себе, и пусть ты часть страны,
Ты стоишь всей Испании, Севилья!

* * *

Дерзнул — и утрашился я; но вот
Страх поборола дерзость, и, смелея,
Я ринулся в огонь, что жалит злее,
Коль прав на упованье не дает.

И опалил мне младость пламень тот,
Прозрел я поздно, но не сожалею:
Ведь кто упорствует, свой бред лелея,
Тот разума вовек не обретет.

Порой пытаюсь вырваться из плена,
Но силы нет, и стоит ли труда?
И вновь склоняю голову смиренно.

Что ж, да пребудет вечною беда:
Ведь не к лицу, не к чести перемена
Тому, кто честно сдался навсегда.

В твоём скользющем зеркале, Нерей,
Я вижу образ моего Светила,
Чьи красота, величие и сила
Увенчаны сиянием лучей.

Снегов кристальной, пурпура алей,
Исполнено оно такого пыла,
Что даже влагу вмиг воспламенило,
Свой отпечатав лик в волне твоей.

Я устремляюсь взором к небосводу,
Приметив блеск пылающего круга
В дали, где синь твоя отражена,

И созерцаю вновь, взглянув на воду,
Все тот же нимб, который друг у друга
Оспаривают небо и волна.

РАЗВАЛИНЫ СТАРОЙ СЕВИЛЬИ

Где возвышались арки и столпы —
Теперь обломков громоздится гряда...
Плачевный вывод следует отсюда:
Как мы в своей кичливости глупы!

Урок наглядный для тупой толпы,
Погрызшего в грехах простого люда!
Лишь я, безумец, ожидаю чуда,
Вконец сбиваясь с правильной тропы...

Доверившись несбыточным надеждам,
Я дом в песках выстраиваю зыбких,
Хоть знаю сам: моя затея — бред.

Подобно всем упрямым и невеждам,
Я вижу совершенные ошибки,
Но ошибаюсь вновь — себе во вред.

* * *

Я порешил — опасное решенье! —
Что грудь броней одену ледяною,
Дабы любовь не помыкала мною
И не был я для жгучих стрел мишенью.

Пытался я спастись от поражения —
Напрасный бред! Я сам беде виною:
Отдав свободу, гордость, сей ценою
Обрел я безысходные мученья.

Лед в пламени растаял — тем сильнее
Оно бушует ныне, полыхая,
Пронизывая мне дыханье жаром.

И смерти от огня я ждать не смею:
Чем пуще в сем костре я стражду яром,
Тем пуще вечный жар его вдыхаю.

* * *

Вздыхаю — и желал бы, чтоб на волю
Душа в печальном вздохе отлетела,
Но тщетно, ибо смертного предела
Не достигаю, мучим смертной болью.

В пустыне сей, где сам с собой глаголю,
До сердца скал дойдет мой вздох несмелый,
Не тронув сердца той, что захотела
Обречь меня на злую эту долю.

Вздыхаю — но ни смерти, ни целенья
Себе не нахожу; и плач унылый
Мне утешенья не дарит ни крохи.

Любовь, дай вздохам гибельную силу:
Как лебедь жизнь кончает в сладком пенье,
Так испущу я душу в скорбном вздохе.

* * *

Меж скал отвесных, гибельным проливом,
В скорлупке утлой — и ветрил-то нет! —
Влекусь за песнью сладостной вослед
Себе на горе по волнам бурливым.

Желаньем пылким, дерзостным порывом
Я отдан произволу злейших бед;
Покорствую ему, себе во вред,
Не властен следовать путем счастливым.

Я вижу кости белые на дне,
Я слышу вопли терпящих крушенье,
И рокот бури яростней вдвойне;

И уповать не смею на спасенье:
Везде опасность угрожает мне,
Страх пагубен, и тщетно дерзновежье.

* * *

Боль ярую терпеть уж не могу
И не могу, встречая взор ваш звездный,
Переносить покорно искус грозный,
Которого б не пожелал врагу.

Пытаюсь скинуть цепи, прочь бегу,
В отчаянье моля Амура слезно
Вернуть свободу мне, пока не поздно,
Хоть сам себе, измучившийся, лгу.

Но стоит ли противиться надменно,
И будет ли мне толк какой-нибудь
От сей попытки, тщетно дерзновенной?

Ваш взор нашел мне прямо в душу путь
И молнией ожег ее мгновенной,
Хоть невредимую осталась грудь.

* * *

О солнце, искрометное огниво,
Воспламеняющее небеса,
Скажи мне, где такая же краса,
Как Светоч мой, сияет всем на диво?

О ветер, косы треплющий игриво,
Ты, многие видавший чудеса,
Отвешь, какая женская коса
Столь же светла, пушиста и красива?

О полная созвездий вышина,
О лунный диск, найти ль в безбрежной шири
Огни прекрасней этих двух огней?

О солнце, ветер, звезды и луна,
Есть ли Светило холоднее в мире
И есть ли боль мучительней моей?

* * *

Одними лишь рыданьями жива
Моя душа; из глаз струятся слезы:
Так разрешаются дождями грозы,
И меркнут молнии, сверкнув едва.

Я ждал вознаграждения сперва
За скорбь мою — несбыточные грезы!
Я думал, мне судьба подарит розы,
А выростала сорная трава.

И вот я плачу и, кляня невзгоды,
Надеюсь, что мое получит имя
Из слез рождающаяся река, —

Как вдруг огонь охватывает воды;
Сгорая в нем, я муками своими
Прославлен буду, пережив века.

* * *

Потоки слез моих уносит в море
Гвадалквивир, светлейшая из рек,
И там кончается, замедлив бег,
Но нескончаемы печаль и горе;

И, в океанском разносясь просторе,
Весть о несчастьях, памятных вовек,
Придет в Исландию, где лед и снег,
И знойной Ливии достигнет вскоре;

Индеец, первым встретивший рассвет
Или последним видевший закат,
Заплачет, о моей услышав муке:

Так мало лет прожив, так много бед
Познал я, что сгрюю, тоской объят,
От одиночества и от разлуки.

* * *

Как только белая фата легла
На золотые локоны Авроры,
Стал белым белый свет: белы просторы,
И солнце бело, и заря бела, —

Как белый лук и белая стрела
В руках Амура; на расправу скорый,
Он белым снегом застилает взоры,
Сжигая в белом пламени дотла.

Увы, сковал ей сердце белый иней;
Что ни придумывай, чего ни делай,
Мой жар бессилен перед белизной.

Жизнь стала белой мертвенной пустыней,
Где в блеске красоты обледенелой
Всевластен холод и немислим зной.

* * *

Бреду один пустынею бесплодной,
Измучен думой давней и постылой,
Ведь солнце ясное, что мне светило,
Меня изгнало в ночь, во мрак холодный.

Бреду, надежде чистой неугодный,
Одолеваю холм, собравшись с силой,
И обращаю вспять свой взор унылый,
В дол дней ушедших, с этим столь несходный.

Мне видится в минувшем столько счастья,
А ныне столько мук в удел досталось,
Что сердце сражено и сжалось в страхе.

О, ревность, скорбь, забвенье, безучастье, —
Все, что от рая прежнего осталось, —
К чему терзать лежащего во прахе?

ФРАНСИСКО ДЕ ФИГЕРОА

КАНЦОНА

Взошла Аврора, сыплет из подола
На небеса охапки алых роз,
Окрашивая блеском ярких рос
Леса, холмы и доли.
И вот моя любезная подружка,
Прелестная пастушка,
Выходит вслед за ней
Из хижины божественной своей.

Где ступит нежной ножкою босою,
Там зеленой трава, пышной цветы;
Деревья расцветают и кусты,
Коль тронет их рукою.
А ветерок, узрев ее, стихает,
Лишь ласково вздыхает.
Спешит она тропой
На берег Тибра встретиться со мной.

Расстегивает брошь на дивной шее,
Дотоль вуалью скрытой, и тотчас
Небесный свод с нее не сводит глаз,
Влюбленно пламенея.
Нарвав у тропки цветиков лазурных,
Роз огненно-пурпурных,
Присев на бережок,
Она из них плетет себе венок.

Но вот по следу розовой Авроры
Светило дня взошло на небосвод,
Потоки золотого света льет
И озаряет горы.
А я все медлю выйти на свиданье;
Пастушка в ожиданье
То рдеет, то бледна,
То вдруг тревоги, то надежд полна.

Укрыт листвою пышной, изумрудной,
Я недалече спрятался в кустах
И с тайной радостью читал в очах
Моей подружки чудной
Любовь и гнев, боязнь и нетерпенье,
И горькое сомненье,
По-прежнему ль горю
К ней страстью. Тут я, выйдя, говорю:

«О солнышко мое, мой клад бесценный,
Души отрада, свет моих очей,
Лицом ты всех нежнее, и милей,
И краше во вселенной:
В нем пурпур, снег, эбен и цвет жасмина,
И перлы, и рубины.
Я жив до тех лишь пор,
Пока оно мой услаждает взор».

Увидя, что стою я перед нею,
Она с восторгом смотрит на меня
И вдруг, полна любовного огня,
Бросается на шею
Ко мне и, нежных рук не разжимая,
Вся сладостно пылая,
Все ближе, ближе льнет —
Из уст моих слова признаний пьет.

И голосом, что мелодичней пеня
(Вмиг смолкли струи, ветерок затих),
Так молвит мне: «Отрада глаз моих,
Ты, словно мягкой тенью,
Даришь душе пылающей прохладу,
Льешь в сердце мне усладу.
О, пусть умру я здесь,
Коль в мире мне желанней кто-то есть!»

Я ей внимал, влюбленный, восхищенный,
Обвит кольцом прекрасных белых рук
(Так обвивает дерево вокруг
Лоза иль плющ зеленый),
И, в вертоград вступая сладострастья,
Срывал, исполнен счастья,
Не ведая помех,
С ее румяных уст цветы утех.

Канцона, коль кто спросит неревниво:
«Что делали потом?» —
Ответь: «Они, палимые огнем,
Отведали плодов любви счастливой».

ЭКЛОГА

На берегах прекраснейшей из рек —
Себето, что свою приносит дань
Могучему прославленному Тагу,
Тирс, молодой пастух, живет, влюбленный
В неверную, изменчивую Дафну
Так пылко и, увы, так безответно,
Что ночи напролет он слезы точит,
А с наступленьем дня, когда к трудам
Привычным возвращаются все люди,
Стенает скорбно, средь дубрав блуждая:
— О злая боль, зачем в груди моей
Гнездо свила ты и зачем когтями
Немилосердно душу мне терзаешь
И пени исторгаешь? Отпусти!
Хоть ненадолго сжался, злая боль!
Дай высохнуть слезам, что взор мне застыят,
Чтоб прежде, чем прикончишь жизнь мою
(А это, знаю, будет очень скоро),
Успел я записать свои печали
Здесь, на коре деревьев вековых;
Быть может, бессердечнейшая Дафна,
С охоты возвращаясь иль ища
В полдневный зной покоя и прохлады,
Случайно их увидит и прочтет,
А нет — пускай они примером станут
Влюбленным пастухам... О Дафна, Дафна,
Где ты сейчас? Выходишь ли из волн
Бескрайнего лазоревого моря,

Что полнится потоком слез моих,
Иль, обо мне не вспоминая, бродишь
В тенистом густолиственном саду,
Покуда Тирс, отвергнутый тобою,
Лежит, рыдая горько, в чаще леса?
Ни аромат цветов, ни звон ручья,
Ни сень деревьев и ни зелень луга
Уже давно мне радости не дарят
И слез моих унять давно не в силах.
Сколь пастушков влюбленных и пастушек,
Заслышав мои жалобные стоны,
Мне сострадав, плакали в тиши!
Ах, знала б ты, что молвила мне как-то
Здесь в роще белокурая Алкея...
Ах, знала б, что румяная Клорида,
Предмет вздыханий стольких пастухов,
Пришла сюда, влекомая любовью,
В кустах укрылась и внимала долго
Стенаньям скорбным (о, как много их
В моем таится сердце!), а когда
Я имя произнес твое, вскричала:
«О милый Тирс, ужель жестокий рок
Иль, может быть, враждебное светило
Тебя против тебя восстановили,
Что ищешь смерти ты во цвете лет?
Ведь помню я, что в день веселой свадьбы
Альсины был прекрасен ты, как май,
Украшен был венками, что добыл
Победами во многих состязаньях.
Но что в тебе осталось от того,
Кто смог тогда мое похитить сердце?
Где красота твоя? Куда девался
Румянец? Где же блеск прекрасных глаз,
То яростных, то нежных? Отчего же
Столь изменился ты, что я навряд
Тебя узнала бы, когда б мне в сердце
Твой образ не впечатался навеки?
Жестокий Тирс, пойми же наконец,
Что пылкую и нежную любовь
Не Дафне должен ты отдать — Клориде!
Но так велят, знать, тайные законы
Владычицы немилосердной Кипра,
Чтоб сочетались сладостным ярмом
Несродственные души и сердца.

Дамона любит Хлоя, он — Клориду,
Клорида в Тирса влюблена, но Тирс
Пылает страстью к Дафне, а она
Вздыхает, безутешная, по Главку».
Едва услышав это, я вскочил
И, горестного гнева полн, воскликнул:
«Прочь от меня, коварная Клорида!
Не смей терзать мой слух чернейшей ложью!»
Она тотчас ушла в слезах, но прежде
Горящий взор свой к небу обратила,
Как будто поклялась мне отомстить, —
И отомстила, ибо с той поры
Я не могу избавиться от мысли,
Что Главка ты предпочитаешь мне
Затем лишь, что тебе отведать дали
Отвара злого приворотной травки,
Хоть нет в долине нашей и в лесу
Травы, цветка, чьих свойств бы я не ведал,
Не знал, на что их можно применить.
Скажи, ужель случался здесь в округе
Меж пастухами спор или раздор,
В каком я ни был избран бы судьбою?
Когда-нибудь на празднестве остался
Я без награды? «Нет», — тебе ответят
Моя свирель, вот эти цепь и кубок.
Неужто же я мало пел тебе
Стихами сладкозвучными хвалу?
Мои овечки, ставшие теперь
Волков добычей, разве не дарили
Тебе ягнят? Душистыми плодами
Ужель тебя мой сад не одарял?
Так почему же Главк — соперник мой,
Коль он всегда мне уступал во всем?
Ответь же, в чем меня он превосходит?
Я жду, когда придет неслышным шагом
Благая смерть, зову и тороплю
Ее приход... — И с этими словами
Несчастный Тирс попробовал подняться,
Но подломились ноги у него.
И все же он поднялся и побрел
В надежде тайной встретиться со смертью,
Охвачен к жизни горьким отвращеньем,
Но, видя, что не может умереть,
Вновь залился горючими слезами.

С О Н Е Т Ы

* * *

Лицо — лилея в раме из эбена,
Волшебный голос, что ловлю украдкой,
И чистый взгляд, который болью сладкой
Мне сердце растравляет неизменно,

И ножка, что покажется мгновенно
И тут же вновь со мной играет в прятки,
И ушко, обвитое черной прядкой,
Глухое к зову страсти дерзновенной...

Редчайшие красы и совершенства!
Ужель судьба, полна неблагостыни,
Меня навеки с вами разделила,

И солнце для меня померкнет ныне
Все оттого, что я лишен блаженства
Ваш облик лицезреть, мое светило?

ПРОДАЮТСЯ МУЗЫ

А ну, кто купит девять этих дев,
Сих нищенок божественно-рожденных,
Своих земель наследственных лишенных?
Кто больше даст, несчастным порадев?

А прежде многих привлекал напев
Сих дев, красотой и властью одаренных,
Но сколько из смертных, в них влюбленных,
Ни с чем ушли, у них не преуспев.

Теперь бедняжки просят подаянья,
От дома к дому горестно бредут
И, никому не нужные, готовы

Продаться в рабство лишь за пропитанье,
И рады будут, не имея крова,
Коль сень дерев да чистый ключ найдут.

САН ХУАН ДЕ ЛА КРУС

ОГОНЬ ЛЮБВИ НЕТЛЕННОЙ

*Песнь о единении души
с божественной любовью*

Огонь любви нетленной!
Владей душой моею,
Томи ее. Отрадны мне страданья.
Не угасая денно
И ночью, поскорее
Сожги препону нашему свиданью!

О сладостные раны!
Для вас открыт я настезь.
О добрая рука! Ты указуешь
Душе эдем желанный.
Мой каждый долг ты платишь,
И даже смерть ты в жизнь преобразуешь.

Светильник мой! Ты недра
Сознанья озаряешь,
И верен путь мой в озаренье этом.
О столп огня! Ты щедро
И чутко одаряешь
Избранника своим огнем и светом.

Небес посланец дивный,
Предвестник благодати!
Лишь ты живешь в груди моей смятенной.
На голос твой призывный
Я в трепете объятий
Ступаю, полн любви неизреченной.

ПЕСНЬ ДУШИ

Я знаю ключ, без усталы бегущий,
Хоть мрак все гуще.

Тот вечный ключ от зренья таится,
Но знаю лог, в котором он струится,
Хоть мрак все гуще.

Во мраке, обступившем человека,
Я знаю: ключ — моя звезда и вежа,
Хоть мрак все гуще.

Не знаю, где у той струи начало,
Но нет начал, каких бы ни вмещала,
Хоть мрак все гуще.

Я знаю: нет ей равных красотою
И все, что есть, поимо влагой тою,
Хоть мрак все гуще.

И знаю: этих вод исчерпать нечем,
Не пересечь их шагом человеческим,
Хоть мрак все гуще.

Нет той струи прозрачней и яснее,
И знаю: свет одной природы с нею,
Хоть мрак все гуще.

Я знаю: не иссякнуть ей, объемля
И рай, и преисподнюю, и землю,
Хоть мрак все гуще.

И знаю, что поток, ключом рожденный,
Царит над всем, вовек не превзойденный,
Хоть мрак все гуще.

Я знаю: два лица потоком этим
Сопряжены, увенчанные третьим,
Хоть мрак все гуще.

И знаю, что бежит вода живая,
Где три — одно, друг другу жизнь давая,
Хоть мрак все гуще.

Тот вечный ключ, от зренья сокровенный,
И есть наш хлеб, насущный и нетленный,
Хоть мрак все гуще.

И зов его из глуби слышит каждый,
К нему влекомый потаенной жаждой,
Хоть мрак все гуще.

Тот ключ живой мы ищем и обрящем
В нетленном хлебе, нас животворящем,
Хоть мрак все гуще.

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Невидимой для взгляда,
С тоской, любовью в сердце разожженной, —
О мука и отрада! —
Я ночью потаенно
Покинула свой дом непробужденный.

От бренного наряда
Освобожденной и преображенной, —
О мука и отрада! —
От взгляда огражденной,
Покинула я дом непробужденный.

Отрадной ночью тою,
За темнотою других не различая
И скрыта темнотою,
Без вехи и луча я
Шла, жарким сердцем путь свой освещая.

Оно мой шаг несмелый
Вело верней полдневного сиянья
К пустынному пределу,
Где ждал, томя и раня,
Кого везде узнала бы заране.

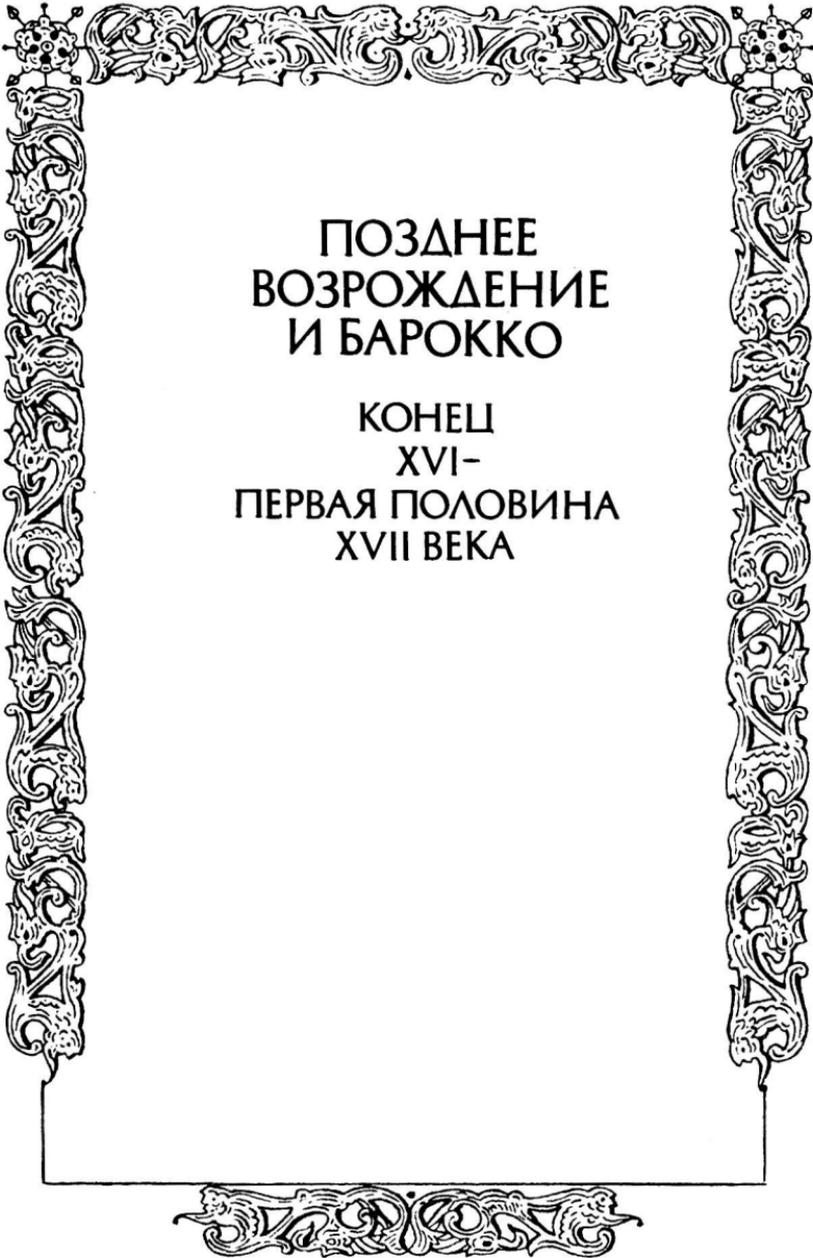
О мрак, огонь дорожный!
Мрак, что желанней яркого светила!
О мрак, приют надежный
Для Милого и милой,
Где с Милым милую в одно сплотило!

Там на благоуханной
Груди, что для него лишь сберегала,
Уснул мой долгожданный,
А я его ласкала,
И волновалось кедров опахало.

И веянье покоя,
Когда по милым прядям я скользила,
Бестрепетной рукою
С неведомою силой
Меня внезапно в сердце поразило.

Забывлась я, затмилась,
Склонясь над Милым и забыв унынье,
И больше не томилась,
Теряясь в белом крине
На благодатной горней луговине.

ПОЗДНЕЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ
И БАРОККО

КОНЕЦ
XVI-
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА
XVII ВЕКА

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

ПОСЛАНИЕ К МАТЕО ВАСКЕСУ

Дрожа от холода, во тьме ночной
Досель бродил я, и меня в болото
Привел мой путь пустынною тропой.

Я оглашаю стонами без счета
Тюрьму, куда меня забросил рок,
Захлопнув пред надеждою ворота.

Переполняет слез моих поток
Пучину моря, от моих стенаний
Мутнеют в небе запад и восток.

Сеньор, полна неслыханных страданий
Жизнь эта средь неверных дикарей;
Тут — смерть моих всех юных упований.

Но брошен я сюда судьбой моей
Не потому, что без стыда по свету
Бродяжил я, как вор и лиходей.

Уже десятое минуло лето,
Как я служу на суше и в морях
Великому Филиппу шпагой этой.

И в тот счастливый день, когда во прах
Развевял рок враждебную армаду,
А нашей, трепет сеявшей и страх,

Великую победу дал в награду,
Участье в битве принимал и я,
Хоть слабым был бойцом, признаться надо.

Я видел, как багровая струя
Горячей крови красила пучину, —
Смешалась кровь и вражья и своя.

Я видел, как над водною равниной
Носилась смерть, неистово ярясь,
И тысячам бойцов несла кончину.

Я видел также выражение глаз
У тех, которые в огне и пене
Встречали с ужасом свой смертный час.

Я слышал стоны, жалобы и пени
Тех, кто, кляня безжалостность судьбы,
Изнемогали от своих ранений.

Уразуметь, каков исход борьбы,
Они могли в последнее мгновение,
Услышавши победный глас трубы.

То возвещало о конце сраженья
И о разгроме мавританских сил
Великое Христово ополченье.

Мне праздником тот миг счастливый был.
Сжимал я шпагу правою рукою,
Из левой же фонтан кровавый бил.

Я чувствовал: невыносимо ноя,
Рука готова изнемочь от ран,
И грудь от адского пылает зноя.

Но, видя, что разбит неверных стан
И празднуют победу христиане,
Я радостью такой был обуян,

Что, раненный, не обращал вниманья
На то, что кровь из ран лилась рекой,
И то и дело я терял сознание.

Однако этот тяжкий опыт мой
Не помешал мне через год пуститься
Опять туда, где шел смертельный бой.

Я вновь увидел варварские лица,
Увидел злой, отверженный народ,
Который гибели своей страшится.

Я устремился в край преславный тот,
Где память о любви Дидоны властной
К троянцу-страннику досель живет.

Паденье мавров лицезреть так страстно
Хотелось мне, что я пустился в путь,
Хоть раны были все еще опасны.

Я с радостью — могу в том присягнуть —
Бойцов убитых разделил бы долю,
Там вечным сном уснул бы где-нибудь.

Не такова была судьбины воля,
Столь доблестно окончить не дала
Она мне жизнь со всей ее недолей.

Рука насилия меня взяла;
Был побежден я мнимой отвагой,
Которая лишь похвальбой была.

Я на галере «Солнце» — не во благо
Она с моим связала свой удел —
Погиб со всею нашею ватагой.

Сначала наш отпор был тверд и смел;
Но слишком люты были вражьи силы,
Чтоб он в конце концов не ослабел.

Познать чужого ига бремя было
Мне, видно, суждено. Второй уж год
Я здесь томлюсь, кляня свой плен постылый.

Не потому ль неволи тяжкий гнет
Меня постиг, что сокрушался мало
Я о грехах своих, чей страшен счет?

Когда меня сюда судьбой пригнало,
Когда в гнездовье это прибыл я,
Которое пиратов тьму собрало,

Стеснилась отчего-то грудь моя,
И по лицу, поблекшему от горя,
Вдруг слезы покатались в три ручья.

Увидел берег я и то нагорье,
Где водрузил великий Карл свой стяг,
И яростно бушующее море.

Будил в нем зависть этот гордый знак
Испанского могущества и славы,
И потому оно бурлило так.

Перед картиной этой величавой
Стоял я, горестной объят тоской,
Со взором, застланным слезой кровавой.

Но если в заговор с моей судьбой
Не вступит небо, если не в неволе
Мне суждено окончить путь земной

И я дождусь от неба лучшей доли,
То ниц паду перед Филиппом я
(Коль в том помочь мне будет ваша воля)

И, выстраданной мысли не тая,
Все выскажу ему я откровенно,
Хоть будет неискусной речь моя.

«О государь мой, — молвлю я смиренно, —
Ты строгой власти подчинил своей
Безбожных варваров полувселенной,

Всечасно от заморских дикарей
К тебе идут послы с богатой данью.
Так пусть же в царственной душе твоей

Проснется грозное негодование.
На тот народ, что смеет до сих пор
Тебе оказывать непослушанье.

Он многолюден, но врагу отпор
Дать не способен: нет вооруженья,
Нет крепостей, нет неприступных гор.

Я убежден: одно лишь приближенье
Твоей армады мощной ввергнет в страх
И бросит в бегство всех без исключенья.

О государь, ключи в твоих руках
От страшной и безжалостной темницы,
Где столько лет в железных кандалах

Пятнадцать тысяч христиан томится.
К тебе с надеждою обращены
Их бледные, заплаканные лица.

Молю тебя: к страдальцам без вины
Отеческое прояви участие, —
Их дни и ночи тяжких мук полны.

Теперь, когда раздоры злые, к счастью,
Утихли все и снова, наконец,
Край под твоею процветает властью,

Ты заверши, что начал твой отец
Так смело, доблестно, и новой славой
Украшишь ты державный свой венец.

Спеши же предпринять поход сей правый.
Верь, государь: один лишь слух о нем
Повергнет в прах разбойничью ораву».

Я так скажу, и нет сомненья в том,
Что государь ответит благосклонно
На стоны страждущих в краю чужом.

Изобличил свой ум непросвещенный,
Быть может, низким слогом речи я,
К особе столь высокой обращенной,

Но оправданьем служит мне моя
Горячая об узниках забота.
Послание кончаю, — ждет меня

Проклятая на варваров работа.

ГОВОРIT ИСПАНИЯ

О небо — мирный, горный, вечный свод,
Мой край даришь ты милостью исконно;
Щедротами твоими он цветет,
Над странами иными вознесенный;
Внемли с участием вечно невзгод,
Ты всем скорбящим внемлешь благосклонно:
Вот в горести к тебе взываю я —
Испания злосчастная твоя.

Я тяжких кар извела немало:
Огонь нещадный твой меня палил,
Ты недра мне сухие разверзало,
Являя солнцу царство темных сил;
Не раз меня ты рабству обрекало:
И грек, и карфагенянин царил
В краю моем — по твоему велению
Иль за грехи мои и преступленья.

Ужели будут править мной всегда
Цари чужие, пришлые народы
И не наступят лучшие года,
Когда под ветром благостным свободы
Взовьется стяг мой и уйдет беда?
Но знаю я — заслужены невзгоды:
Прославлены в боях мои сыны,
Но жаждут лишь усобиц и войны.

Согласья дух от века им неведом,
Всегда они друг с другом не в ладу,
И чем длиннее список общим бедам,
Тем делят упорней давнюю вражду.
Их распри вражьи помогли победам,
Впустили в край мой варваров орду,
И алчные грабители толпою
Над ними тешатся и надо мною.

РОМАНЫ

* * *

На берегу, где прибой
Белою пеною брызжет
И стены злого Алжира,
То гневный, то смиренный, лижет,

Четверо пленников скорбных
Глазами, полными горя,
Глядят туда, где отчизна
Лежит за простором моря,

В миг отдыха от трудов
Под рокот валов унылый
Сквозь слезы поют в печали,
Что им сердца истомила:
*«О, как ты далека,
Земля Испании милой!*

Не същещь удела горше
Ни на море, ни на суше:
Здесь наши тела — в цепях,
В опасности грозной — души.

Когда бы разверзлось небо
И хлынул с силой безмерной
Ливень — не животворящий,
А смольный, огненный, серный!

Когда бы земля разверзлась,
Когда бы стала могилой
И полчища супостатов
И сонмы ведьм схоронила!
*О, как ты далека,
Земля Испании милой!»*

ПРЕЗРЕНИЕ

Ты являешь мне презренье
И в речах своих, и взглядом;
Что ж — оно мне стало пищей:
Кормится же аспид ядом.

Жгла меня ты оком гневным,
Зимней стужей обдавала:
Льда и углей раскаленных
Больше не страшусь нимало.

Добрый путь, благая пристань
Мне средь рифов в час ненастный;
Гибну за свою погибель,
Словно мотылек злосчастный.

Все переварю обиды,
Как железо — страус-птица,
Хоть подобною ценою
Мне-то не за что платиться.

Но вели — вину любую
На себя принять сумею:
Оскорбишь меня на деле —
Я ж и в мыслях не посмею.

Дважды лето миновало
(Для меня — зима сплошная),
Налились деревья соком —
Сохну, радости не зная.

Им — зеленый цвет надежды,
Мне — печаль без упования;
Сладкий плод им дарит Время,
Мне же — горький вздох страданья.

Воля моя — словно флюгер
На твоём ветру студеном;
Что ж — и снег, и град, и холод
С низким я приму поклоном.

У меня на этот случай
Есть отменнейшая шуба:
Верх — страданье, низ — терпенье,
Согревает так, что любо.

Тридцать раз Луна менялась,
Для меня недвижно Время:
Радость все идет на убыль,
Все растет печали бремя.

Все меняется на свете,
Ты ж не склонна к переменам:
Немота — ответ молениям,
Глухота — речам смиренным.

Впрочем, лучше не меняйся,
Ибо при подобном нраве
Ревности взамен презренья
Ждать от перемен я вправе.

А коль скоро это так,
Перемены не с руки мне:
Чем стогать живьем, уж лучше
Плакаться на холод зимний.

Да и милостей твоих
Не хочу, не домогаюсь:
Вкус я к радостям утратил,
Их вкушать не домогаюсь.

Если невзначай приснится
Мне какой-то сон блаженный,
Я, страшась тебя прогневать,
В ужасе проснусь мгновенно.

Погляди, как, в честь тебя,
Пересилил я природу:
Чтоб не знать во сне отрады,
Я не сплю, тебе в угоду!

Коль того, чего хочу я,
Ты хотеть не хочешь, — что же,
Объясни, чего ты хочешь,
Дабы я хотел того же!

ЛЕТРИЛЫ

* * *

Мамочка моя, мама,
Полно меня стеречь!
*Когда девчонка упряма,
Силком ее не убережь.*

Зря, что ли, говорится:
«Сладок запретный плод»;
Когда взаперти девица,
Сильнее любовь влечет;
Не мучь понапрасну, мама,
Беды б не навлечь!
*Когда девчонка упряма,
Силком ее не убережь.*

Уж коли сама не сможет
Себя удержать в тисках,
Никто ее не стреножит —
Ни стыд, ни запрет, ни страх;
Тогда хоть жги меня, мама,
Хоть голову с плеч!
*Когда девчонка упряма,
Силком ее не убережь.*

Любовь остра, как наваха:
Кто блеском ее задет,
Тот, как мотылек, без страха
Летит на слепящий свет;
С пути не сбить его, мама,
Не предостережь!
*Когда девчонка упряма,
Силком ее не убережь.*

Любовь никого не жалеет
И девушек не щадит:
И ноги деревенеют,
И грудь, как в огне, горит,
И сердце, как воск, мама,
Готово потечь!
*Когда девчонка упряма,
Силком ее не убережь.*

Ты красотка, ты красотка,
Ты серебряные лапки,
Муж тебя нежнее любит,
Чем властитель Альпухарры.

Ты смиреннее голубки,
Хоть порой приходишь в ярость,
Как оранская тигрица
Или львица из Оканьи.

Но едва взглянуть успеешь, —
И прошла твоя досада,
И опять ты как овечка
Или как миндальный сахар.

Споришь много; ешь ты мало;
И ревнива сплошь да рядом;
Потому что пристав — ветрен,
Часто посох прислоняет.

Ты была еще девицей
Одному мила красавцу;
Пусть неладны будут люди,
Разрушающие счастье!

Если б приняла ты постриг,
Ты б игуменьей уж стала;
У тебя для черной бабки
На ладони линий двадцать.

Говорить бы не хотелось;
Все равно скажу, пожалуй;
Овдолеешь ты, и дважды;
Оба раза выйдешь замуж.

Ты не плачь, моя сеньора;
Не всегда же ведь цыганкам,
Как Евангелию, верить;
Перестань же, полно плакать.

Так как суждено, чтоб пристав
Пережил тебя, то, значит,
Нечего и сокрушаться
О вдовстве, тебе грозящем.

Скоро ждет тебя наследство
Крупное, и очень даже;
Будет сын у вас, каноник,
Хоть собор не обозначен;

Только вряд ли что Толедский.
Будет дочка-светлоглазка;
Если примет постриженье,
Настоятельница станет.

Если муж твой в этот месяц
Не скончается внезапно,
Будет он коррехидором
В Бургосе иль в Саламанке.

У тебя еще есть прелесть —
Родинка, что месяц ясный;
Он незримые долины
Антиподам озаряет.

Чтоб ее увидеть, дал бы
И слепец четыре бланки.
Вот, теперь ты улыбнулась;
Ну и прелесть же ты, право!

Будь внимательна, не падай,
И в особенности навзничь;
Это может быть опасным
Для такой почтенной дамы.

Много есть еще сказать мне:
Хочешь — в пятницу узнаешь;
Кое-что приятно будет,
А иное неприятно.

С О Н Е Т Ы

НА ОДНОГО РАТНИКА, СТАВШЕГО ХРИСТАРАДНИКОМ

Один храбрец в солдатском одеянье,
Жрец смерти рьяный в сотнях ратных споров,
Решил, что выгод нет от них и сборов
И прибыльней даянье, чем деянье.

Не слыша боле в кошеле бряцанья,
Встопорщил ус, дабы явить свой норов,
Кружок богатых приглядел сеньоров
И, подойдя, воззвал о подаянье:

«Подайте бедняку, себе ко благу,
Иль поступлю, всему клянусь я свету,
Как мне велит обычай мой военный».

Но тут один из них, схватясь за шпагу,
Вскричал: «С кем говорите вы, презренный?!
А коль подачки нету,
Что вам велит обычай ваш хваленый?»
Смельчак ему в ответ: «Уйти без оной!»

НА ОДНОГО ОТШЕЛЬНИКА

Был славный фехтовальщик Кампусано,
Кинжалом, шпагою владел нехудо:
В Кастилье много изувечил люда,
А сам не получил и легкой раны.

Махнул он в Индии — на подвиг бранный:
Мнил, будет там ему дублонов гряда;
Хромым, кривым вернулся он оттуда
И без руки — а золота ни грана.

Тогда, запасшись четок нитью длинной,
Дубинкой да силком для мелких тварей,
В пустыне сей он порешил укрыться,

И со своей утехой Магдалиной
Живет блаженней, чем благой Гиларий:
Нет худа без добра, как говорится.

НА ВСТУПЛЕНИЕ ГЕРЦОГА ДЕ МЕДИНЫ В
КАДИС В ИЮЛЕ 1596 ГОДА ВО ГЛАВЕ ВОЙСК,
ПРОШЕДШИХ ПОДГОТОВКУ В СЕВИЛЬЕ ПОД
КОМАНДОВАНИЕМ КАПИТАНА БЕСЕРРЫ, И
ПОСЛЕ ТОГО, КАК КАДИС ПОКИНУЛИ
АНГЛИЙСКИЕ ВОЙСКА ПОД КОМАНДОВА-
НИЕМ ГРАФА ЭССЕКСА, ГРАБИВШИЕ ГОРОД В
ТЕЧЕНИЕ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ ДНЕЙ

В июле снова нам была Неделя
Страстная: страсть, какая уйма сброду,
Но в страсть не англичанам, а народу:
Вся рать пеклась о теле — не о деле.

А сколько перьев! Стар и млад летели,
Как будто птичью обрели природу!
Красы подобной враг не видел сроду,
А мы ему явить не захотели.

Взревел Бычок, бодаться стал отважно;
Земля дрожит — быть воинской потехе,
Померкло небо — грозная картина!

И в Кадис — не спеша, достойно, важно, —
Когда граф Эссекс отбыл без помехи,
Вступил с триумфом доблестный Медина.

НА КАТАФАЛК КОРОЛЯ ФИЛИППА II В СЕВИЛЬЕ

(Хвостатый сонет)

Свидетель Бог, я нем; сознаться надо,
Здесь всякий онемеет в восхищенье.
Чтоб описать сие сооруженье,
Я отдал бы червонный без досады.

Клянусь Христом, все, что доступно взгляду,
Миллионы стоило, и, без сомненья,
Севилье в славу, Риму в посрамленье
Столетье простоит сия громада.

Бьюсь об заклад, монарший дух, пожалуй,
Покинул вертоград горней славы,
Чтоб насладиться этими местами.

Сие услышав, некий бравый малый
Вскричал: «Сеньор солдат, клянусь, вы правы!
Тот подлый лжец, кто будет спорить с вами!»

И с этими словами
Он шляпу сдвинул, огляделся лихо
И прочь пошел. И снова стало тихо.

ДОНУ ДИЕГО ДЕ МЕНДОСЕ И ЕГО СЛАВЕ

Останешься ты в памяти людской,
Достойный муж, любивший беззаветно:
Прекрасно, чисто, мудро и приметно
Все, что твоей написано рукой.

Так восхвали же, Слава, труд такой,
Превознеси его, воспой всеветно,
Как им воспеты Стикс, Коцит и Этна
И пыл любви с любовною тоской.

Неси на легких крыльях песню эту,
Пусть слезы в бронзу глас твой претворит,
Дабы открылся суетному свету

Закон, что небу светлomu открыт:
Порою жизнь бессмертную поэту
Любовное безумие дарит.

НА СМЕРТЬ ФЕРНАНДО ДЕ ЭРРЕРЫ

Тот, кто поднялся новыми стезями
На гору Муз, священный их престол;
Кто, поклоняясь *Свету*, изошел
Огнем любви, любовными слезами;

Тот, кто, вспоен кастальскими струями
И родниками наших гор, обрел,
Свободный и парящий, как орел,
Божественности глас с ее дарами;

Кому завидовал сам Аполлон
За то, что *Свет* чистейшей красотой,
Как солнце, озаряет небосклон;

Кого любило небо пресвятое, —
Тот, пламенем своим испепелен,
Покоится под холодной сей плитою.

* * *

Едва зима войдет в свои права,
Как вдруг, лишаясь сладкозвучной кроны,
Свой изумруд на траур обнаженный
Спешат сменить кусты и деревья.

Да, времени тугие жернова
Вращаются, тверды и непреклонны;
Но все же ствол, морозом обожженный,
В свой час опять укутает листва.

И прошлое вернется. И страница,
Прочитанная, снова повторится...
Таков закон всеобщий бытия.

И лишь любовь не воскресает снова!
Вовеки счастья не вернуть былого,
Когда ужалит ревности змея.

Когда берет Пресьоса бубен свой,
Когда напевом ветер побеждает,
Рой алых роз уста ее рождают,
Персты творят жемчужин звонких рой.

И чудеса безгрешны, хоть порой
Смущают ум и душу возбуждают:
Пресьоса ими небу угождает,
Бесхитростной пленяя чистотой.

Навек запутались в кудрях прекрасной
Сердца влюбленных, и слепой божок,
Растратив стрелы на нее напрасно,

В очах ее светильник свой возжег:
Как две звезды, они сияют властно,
И в них — даров чудеснейших залог.

ИЗ РОМАНА «ДОН КИХОТ»

Часть I

ПЕСНЯ КОЗОПАСА

Ты меня, Олалья, любишь,
Хоть об этом мне, конечно,
Не сказала даже взором —
Языком безгласным сердца.

Зная, что ты знаешь это,
Я отбросил все сомненья:
Мы любовь скрывать не в силах,
Если нам о ней известно.

Пусть меня по временам
Ты пытаешься уверить,
Что душа твоя — как бронза,
Как гранит холодный — перси.

Но из-под глухих покровов
Твоего высокомерья
Мне тайком надежда кажется
Краешек своей одежды.

И гонюсь я за приманкой,
Хоть и не могу доселе
Ни торжествовать, что избран,
Ни крушиться, что отвергнут.

Если правда, что учтивость
Есть взаимности примета,
Вправе я считать, что скоро
Сбудутся мои надежды.

Если правда, что награда
Полагается за верность,
Кой-какие основанья
Я просить о ней имею.

Не заметить не могла ты,
Если только не ослепла,
Что хожу я и по будням
В том же, в чем по дням воскресным.

Где любовь, там и наряды,
Потому-то попышнее
Я одеться и стараюсь,
Если жду с тобою встречи.

Уж не говорю о танцах
И о пенье, коим тешил
Я порой тебя с заката
И до петухов рассветных.

Я красу твою повсюду
Восхвалял так откровенно,
Что себе врагов немало
Нажил честностью своею.

Например, сказала так
В Беррокале мне Тереса:
«Можно ангела увидеть
Даже в обезьяне мерзкой.

Долго ль самого Амура
Одурачить при уменье
Накладными волосами
Иль любой другой подделкой?»

Я вспыллил, девица — в слезы.
Тут со мною в объясненья
Брат двоюродный пустился...
Знаешь ты, что с ним я сделал.

Домогаюсь я тебя
Не из жажды наслаждений
Незаконных и внебрачных.
Нет, мои похвальны цели.

Так пускай в силок из шелка
Нас с тобой уловит церковь.
Ты лишь не сопротивляйся,
Затянуть позволь мне петлю.

Если ж нет, клянусь, Олалья,
Всем святым, что есть на свете;
Разве только что в монахи
Я уйду из этих дебрей.

С О Н Е Т Ы

АМАДИС ГАЛЛЬСКИЙ ДОН КИХОТУ ЛАМАНЧСКОМУ

Тебе, кому достался тот удел,
Какой познал я сам, когда, влюбленный
И с милою безвинно разлученный,
Над Бедною Стремниною скорбел;

Тебе, кто зной и холод претерпел,
Кто жажду утолял слезой соленой,
Кто, серебра и медяков лишенный,
Дары земли с земли срывал и ел.

Вкушать бессмертье суждено, покуда
Своих коней бичом стремится вперед
В четвертом небе Феб золотокудрый.

Неустрашимым прослывешь ты всюду,
Твоя страна все страны превзойдет,
Всех авторов затмит твой автор мудрый.

* * *

Иль Купидон немыслимо жесток,
Иль вовсе он утратил разуменье,
Иль худшее из зверств — ничто в сравненье
С той пыткой, что мне назначил рок.

Но Купидон, коль скоро он есть бог,
И мудр, и милосерден, без сомненья.
Так где ж начало моего мученья
И вместе с тем всех радостей исток?

Я даже не скажу — в тебе, Филида:
Не может благо приносить мне вред,
Зло и добро вовеки несовместны.

Одно бесспорно: в гроб я скоро сниду,
Затем что от недуга средства нет,
Когда его причины неизвестны.

* * *

Святая дружба! Ты глазам людей
На миг свой образ истинный открыла
И вознеслась, светла и легкокрыла,
К блаженным душам в горний эмпирей,

Откуда путь из тьмы юдоли сей
В мир, где бы ложь над правдой не царила
И зла добро невольно не творило,
Указываешь нам рукой своей.

Сойди с небес иль воспрети обману
Твой облик принимать и разжигать
Раздоры на земле многострадальной.

Не то наступит день, когда неожиданно
Она вернется к дикости опять
И погрузится в хаос изначальный.

* * *

Когда немая ночь на мир сойдет
И дрема отуманит смертным взоры,
Веду я для небес и милой Хлоры
Своим несчетным мукам скорбный счет.

Когда заря, ликуя, распахнет
Ворот востока розовые створы,
Упорно рвутся вздохи и укоры
Из уст моих все утро напролет.

Когда же землю с трона голубого
Осыплет полдень стрелами огня,
Я предаюсь рыданьям иступленным.

Но вот опять приходит ночь, и снова
Я убеждаюсь, горестно стеля,
Что небеса и Хлора глухи к стонам.

* * *

Меня своим презреньем губишь ты,
И знаю я, что неизбежно сгину,
Но знаю также, что приму кончину
Рабом твоей небесной красоты.

Ведь и достигнув роковой мечты,
Где славу, страсть и жизнь, как прах, отрину,
С собой в страну забвенья не премину
Я унести любимые черты.

Нет, с этою святынею бесценной
Меня в последний час не разлучат
Ни равнодушие, ни отпор холодный.

О горе мне, пловцу в пучине пенной,
Который, тщетно напрягая взгляд,
Нигде звезды не видит путеводной!

На сей земле, изрытой и бесплодной,
Три тысячи солдат отважных пали;
Их души небо приняло в печали,
Тела могилой приняты холодной.

Пусть был напрасен подвиг благородный,
Они из рук не выпустили стали;
Их мало было, и они устали,
Но не сдались в ловушке безысходной.

Земля сия — сплошное пепелище:
Здесь похоронен сонм воспоминаний,
Одно другого горше и грустнее;

Но сколько б ни прошло веков над нею,
Она храбрей не видывала дланей
И не знавала душ светлей и чище.

ДЕСИМА

Я ищю в темнице волю,
В четырех стенах простор,
Счастье в несчастливой доле,
В смерти жизнь, отраду в боли,
Неподкупность в том, кто вор.
И за это навсегда я
Вами к казни присужден,
Небо и судьбина злая:
Невозможного желаю,
А возможного лишен.

АКАДЕМИКИ ИЗ АРГАМАСИЛЬИ, МЕСТЕЧКА
В ЛАМАНЧЕ, НА ЖИЗНЬ И НА КОНЧИНУ
ДОБЛЕСТНОГО ДОН КИХОТА ЛАМАНЧСКОГО
НОС SCRIPSERUNT¹

ЧЕРНОМАЗА, АКАДЕМИКА АРГАМАСИЛЬСКОГО,
НА ГРОБНИЦУ ДОН КИХОТА

ЭПИТАФИЯ

Скиталец, словно Грецию — Язон,
Прославивший ламанчские пределы;
Чудак, чей ум, как флюгер заржавельй,
И ветрен был, и столь же изоцрен;

Певец, меж виршеплетов всех времен,
Быть может, самый тонкий и умельй;
Боец, настолько яростный и смельй,
Что до границ Катая славен он;

Тот, кто, затмив собою Амадисов,
Гигантов, словно карликов, сражал;
Тот, кто был даме предан всей душою;

Тот, кто, вселяя зависть в Бельянисов,
Верхом на Росинанте разъезжал,
Почиет под холодной сей плитою.

КРОХОВОРА, АКАДЕМИКА АРГАМАСИЛЬСКОГО,
IN LAUDEM DULCINEAE DE TOBOSO²

СОНЕТ

Ты, кто узрел сей толстогубый рот,
Внутительную статью и лик курносый,
Знай: это Дульсинья из Тобосо,
Которою пленился Дон Кихот.

¹ Написали следующее (лат.).

² В похвалу Дульсинье Тобосской (лат.).

О ней мечтал он ночи напролет,
Монтелья травянистые откосы
И Сьерры-Негры голые утесы
Исхаживая, пеший, взад-вперед,

В чем Росинант повинен... О светила!
Зачем судили вы, чтоб в цвете лет
С обоими произошло несчастье?

Ее красу от нас могила скрыла,
А он, хотя узнал о нем весь свет,
Погублен ложью, завистью и страстью.

СУМАСБРОДА, ОСТРОУМНЕЙШЕГО
АКАДЕМИКА АРГАМАСИЛЬСКОГО,
В ПОХВАЛУ РОСИНАНТУ,
КОНЮ ДОН КИХОТА ЛАМАНЧСКОГО

СОНЕТ

На тот алмазный трон, где столько лет
Марс восседал, от крови весь багровый,
Взошел Ламанчец и рукой суровой
Над миром поднял стяг своих побед.

В столь грозные доспехи он одет,
Столь остр его клинок, разить готовый,
Что новый сей герой в манере новой
Быть должен новой музою воспет.

Британию до звезд во время оно
Отвага Амадиса вознесла,
Его сынами греки знамениты;

Но днесь Кихот введен во храм Беллоны,
И гордая Ламанча превзошла
Владенья грека и отчизну бритта.

Его дела не могут быть забыты:
Ведь Росинант — и тот таких коней,
Как Брильядор с Баярдом, стал славней.

ЗУБОСКАЛА, АКАДЕМИКА АРГАМАСИЛЬСКОГО,
САНЧО ПАНСЕ

СОНЕТ

Вот Санчо Панса. Хоть он ростом мал,
Но доблестью велик, и мир покуда,
В чем, если нужно, я порукой буду, —
Верней оруженосца не видал.

Он возведенья в графы ожидал,
Но не дождался, что отнюдь не чудо:
С ним во вражде был свет, а свет-Иуда
Его осла — и то б живым сглодал.

И на скотине этой безответной
За незлобивым Росинантом вновь
Потрюхал сей воитель незлобивый.

О сладкие надежды, как вы тщетны!
Вы нам на миг разгорячите кровь —
И стали тенью, сном, химерой лживой.

ЧЕРТОЛОМА, АКАДЕМИКА АРГАМАСИЛЬСКОГО,
НА ГРОБНИЦУ ДОН КИХОТА

ЭПИТАФИЯ

Дон Кихот, что здесь лежит,
Росинанта обладатель,
Приключений был искатель,
Был он также часто бит.

Рядом с рыцарем зарыт
Санчо Панса, малый нравный,
Но оруженосец славный.
Пусть господь его простит!

ТИКИТАКА, АКАДЕМИКА АРГАМАСИЛЬСКОГО,
НА ГРОВНИЦУ ДУЛЬСИНЕИ ТОВОССКОЙ

ЭПИТАФИЯ

Мир навеки обрела
В сей могиле Дульсинея,
Смерть расправилась и с нею,
Хоть крепка она была.

Гордость своего села,
Не знатна, но чистокровна,
В Дон Кихоте пыл любовный
Эта скотница зажгла.

ИЗ РОМАНА «ДОН КИХОТ»

Часть II

*Если б жить я прошлым мог
И грядущего не ждать
Иль заране угадать
То, что сбудется в свой срок.*

ГЛОССА

Время мчится без оглядки,
И Фортуна отняла
То, что мне на миг столь краткий
От щедрот своих дала
Не в избытке, но в недостатке,
И тебя молю я, рок,
У твоих простершись ног:
Мне верни былые годы,
Минули б мои невгоды,
Если б жить я прошлым мог.

Славы мне уже не надо,
Не желаю я побед.
А хочу одной награды —
Возвращенья прежних лет
Мира, счастья и отрады.
Перестал бы я сгорать

От тоски, когда б опять
Было мне дано судьбою
В прошлое уйти мечтою
И грядущего не ждать.

Но бесплодно и напрасно
Снисхождения просить
Тщусь я у судьбы бесстрастной:
То, что было, воскресить
И она сама не властна.
Не веротишь время вспять,
Как нельзя и обогнать
Ход событий непреложный:
Отвратить их невозможно
Иль заране угадать.

То надежде, то унынью
Предаваться каждый час
И не знать конца кручине —
Горше смерти во сто раз.
Я безвременной кончине
Уж давно б себя обрек
И давно б в могилу лег,
Если б смел с судьбой поспорить
И насильственно ускорить
То, что сбудется в свой срок.

РОМАНС АЛЬТИСИДОРЫ

Ты, что меж простынь голландских
Возлежишь на мягком ложе,
Предаваясь дреме сладкой
От заката до восхода;

Ты, храбрейший сын Ламанчи,
Рыцарства краса и гордость,
Всех сокровищ аравийских
И прекрасней и дороже!

Внемли пеням девы ражей,
Но обиженной судьбою,
Ибо душу иссушили
Ей твои глаза — два солнца.

Опьяненный жаждой славы,
Ты лишь скорбь другим приносишь:
Ранишь их, а сам лекарство
Им от ран подать не хочешь.

Смелый юноша! Ответь,
Уж не в Ливии ли знойной
Или на бесплодной Хаке
Ты родился, мне на горе?

Уж не змеями ли был ты
Воспоен сызмала и вскормлен,
Иль тебя взрастили дебри
И угрюмые утесы?

Да, по праву Дульсинея,
Дева, налитая соком,
Хвастается, что смирила
Тигра лютого такого.

Пусть Арланса, Писуэрга,
Мансанарес, Тахо вольный,
И Энарес, и Харама
Вечно славят этот подвиг!

Чтоб уделом поменяться
Со счастливицей подобной,
Я б отдать не пожалела
Юбку с золотой каймою.

Ах, лежать в твоих объятьях
Иль хотя б с тобой бок о бок
И в твоих кудрях копать,
Истребляя насекомых!

Но, не стоя этой чести,
Буду я вполне довольна,
Если ты себе хотя бы
Ноги растереть позволишь.

Сколько от меня в подарок
Получал бы ты сорочек,
Гребешков, штанов атласных
И чулок с ажурной строчкой!

Сколько редкостных жемчужин,
Драгоценных и отборных,
Коиx за красу и крупность
Именуют «одиночки»!

Долго ли, Нерон Ламанчский,
На пожар, тобой зажженный,
Со своей Тарпейской кручи
Будешь ты взирать спокойно?

Бог моим словам порукой:
Я еще дитя, подросток,
И пятнадцать лет мне минет
Больше, чем через полгода.

Всем взяла, всем хороша я:
Не хрома, не кривонога;
Вслед за мной, пышнее лилий,
По земле влачатся косы.

Хоть широк мой рот не в меру
Да и малость я курноса,
Два ряда зубов-топазов
Придают мне облик райский.

Голос у меня приятный,
Как и сам ты слышать можешь;
Росту ж я, чтоб не соврать,
Ниже среднего немного.

Я, чью красоту ты насмерть
Ранил взором, как стрелюю,
Состою при этом замке
И зовусь Альтисидорой.

РОМАНС ДОН КИХОТА

С петель разума срывать
Душу страсть умеет ловко,
Расслабляющую праздность
Применяя вместо лома.

Но работа, и шитье,
И домашние заботы —
Верное противоядие
От тревог и мук любовных.

Честной девушке, о браке
Помышляющей законном,
Скромность служит и приданым,
И завидной похвалою.

Ведь и странствующий рыцарь,
И столичный франт-придворный
Бойким только строят куры,
А берут в супруги скромниц.

Грех считать любовью чувство,
Что живет лишь миг короткий,
Что при встрече возникает,
А при расставанье блекнет.

Это лишь каприз минутный,
Что назавтра же проходит,
И не может он оставить
В нашем сердце след глубокий.

Кто по старой краске пишет,
Тот маляр, а не художник;
Там, где страсть жива бывала,
Места нет для страсти новой.

Так мне в душу врезан образ
Дульсинеи из Тобосо,
Что никто ее оттуда
Вытеснить уже не может.

В человеке постоянство —
Драгоценнейшее свойство:
С помощью его влюбленных
До себя Амур возносит.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРНАС

(Фрагмент)

Давно убор я создал драгоценный,
В котором *Галатей* расцвела,
Дабы вовек остаться незабвенной.

Запутанная сцены обошла.
Была ль она такой уж некрасивой?
Была ль не по заслугам ей хвала?

Комедии то важной, то игривой
Я полюбил своеобразный род,
И недурен был стиль мой прихотливый.

Отрадой стал для многих *Дон Кихот*.
Везде, всегда — весной, зимой холодной
Уводит он от грусти и забот.

В *Новеллах* слышен голос мой природный,
Для них собрал я пестрый, милый вздор,
Кастильской речи путь открыв свободный.

Соперников привык я с давних пор
Страшить изобретальности даром
И, возлюбив камен священный хор,

Писал стихи, сердечным полон жаром,
Стараясь им придать хороший слог.
Но никогда, из выгоды иль даром,

Мое перо унижить я не мог
Сатирой, приносящею поэтам
Немилости иль полный кошелек.

Однажды разразился я сонетом:
«Убийственно величие его!» —
И я горжусь им перед целым светом.

В романах я не создал ничего,
Что мог бы сам не подвергать хуленью.
Лишь *Ревность* принесла мне торжество.

Великого *Персилеса* тисненью
Задумал я предать — да служит он
Моих трудов и славы умноженью.

Вослед Филиде песен легкий звон
Моя Филена в рощах рассыпала,
И ветер уносил под небосклон

Мечтания, которых я немало
Вверял теченью задушевных строк.
Но божья длань меня не покидала,

И был всегда мой помысел высок.
Влача покорно жребий мой смиренный,
Ни лгать, ни строить козни я не мог.

Я шел стезею правды неизменной,
Мне добродетель спутницей была.
Но все ж теперь, представ на суд священный,

Я не могу не вспомнить, сколько зла
Узнал, бродя по жизненным дорогам,
Какой урон судьба мне нанесла.

ХУАН РУФО

СМЕРТЬ КРЫСЫ

(Сокращенный перевод)

Ты прежде воспевала, лира,
Героев славные дела,
О подвигах их разнесла
Ты весть во все пределы мира,

Но не о славных мужах ныне,
Не о любовных муках пой —
Восплачь о крысе молодой,
О горестной ее кончине.

Погублена не крысоловкой,
Не хищной лапою кота,
Зане была не так проста,
Зане была та крыса ловкой,

А любопытством — вот причина,
Что смерть ее настигла вдруг, —
Бедняжка забралась в сундук,
И там ждала ее кончина.

Искала крыса пропитанья,
Но не узрела ничего
Съедобного внутри него,
А только толстых книг собранье.

Там были Дант, Петрарка, Тассо,
Вергилий и Гораций Флакк,
Стишки неведомых писак,
Хуан де Мена, Гарсиласо.

Она их нюхала в сомненье,
Как вдруг хозяйская рука
Закрыла крышку сундука:
Щелчок — и крыса в заточенье.

Как выбраться к свободе, к свету?
Потыкалась и здесь, и там,
Но ей сундук не по зубам,
И выхода на волю нету.

Уж призрак голода маячит,
Что самых сильных не щадит,
А крыса в западне сидит
Среди стихов и горько плачет.

Вот день и ночь (а разом — сутки),
Темны, томительны, страшны,
Текут, ужасных мук полны,
Терзая пустотой в желудке.

Когда ж терпеть не стало силы
И вовсе подвело живот,
Изгрызла крыса переплет,
Потом стихами закусил —

Глотала и опять глодала,
Но страшный заворот кишок
Ее свалил внезапно с ног,
И крыса горько возрыдала

От непереносимой боли
И долго, жалобно стенья,
Жестокою судьбу кляня,
Свою оплакивала долю.

И так визжала крыса наша,
Что вмиг сбежалась вся семья —
Мать, братья, сестры и зятя,
Последним ковылял папаша,

Что был со свинкой схож морскою,
Понеже грудь, спина, бока
Почтеннейшего старика
Одеты были сединою.

Он, с видом подойдя печальным,
Сородичей раздвинул круг,
Взглянул на гибельный сундук
И молвил тоном погребальным:

«Как в чреве у кита Иона,
Так в сундуке ты заключен,
Мой сын, и смерти обречен,
Навеки с нами разлученный.

Я молодость твою оплачу,
Но все ж завиден жребий твой,
Зане избавлен ты судьбой
От злобной лютости кошачьей.

Скажу к тому же в утешенье,
Что ты останешься в веках:
Ведь ты на многих языках
Прославленные съел творенья.

Пусть в пище этой мало прока,
Зато в один ты встанешь ряд
С творцом бессмертных «Лузиад»
И вознесешься с ним высоко.

Для смерти мы на свет родимся, —
Продолжил горестно отец, —
И всех нас ждет один конец,
И все во прах мы обратимся.

Положен всем предел от века,
Никто от смерти не уйдет:
Она, безжалостная, ждет
Букашку, льва и человека.

Но не дивись, о сын мой милый,
Что, наблюдая смерть твою,
Я бесполезных слез не лью
Над роковой твоей могилой.

Есть в мире зло куда страшнее,
Что ужаснуть должно весь свет,
Беда, которой равных нет,
И плакать надобно над нею!

Ответь, жестокая Природа,
За что нам столько шлешь невзгод
И умножаешь каждый год
Врагов крысиного народа?

Ужель материя иная
Вошла в строенье наших тел?
За что же нам такой удел?
Откуда к нам вражда такая?

Коты — вот плуты, вот Гусманы!
Мы бедствуем на чердаках,
Они же у людей в домах
Едят, как истые гурманы.

Они с людьми от века дружны,
Им вкусный стол всегда готов,
А нас в отличие от котов
Везде преследуют бездушно.

Несчастнейшие мы созданья!
Дни наши страхами полны,
Врагами мы принуждены
Бороться за существованье.

Все, все враждебность к нам питают:
Нас гонит кот и человек,
И сократить наш краткий век
Они за доблесть почитают.

Служанка, дама и блудница,
Завидя нас, подъемлет вой
И тотчас же горшком, метлой
Иль башмаком прибить стремится.

Ловушки страшные нам ставят,
Народ наш извести хотят,
В приманки подсыпают яд
И нас бесчеловечно травят.

Доколь терпеть мы это будем?
Простить подобное нельзя!
Объявим ныне же, друзья,
Войну безжалостную людям!

Котов погубим с ними вместе,
Всем гнусным недругам своим
За злодеянья отомстим
Иль как один погибнем с честью!

Соединимся ж в легионы!
На помощь нам свои полки
Пришлют немедленно хорьки,
Куницы, ласки, ихневмоны,

Мартышки, выдры, зайцы, белки —
Все, кто по меху нам сродни,
Ведь так же доблестны они,
Как мы, хоть ростом так же мелки».

Столь сильное одушевленье
В сердцах у крыс возжег старик,
Что все решили сей же миг,
Не медля, ринуться в сраженье

С такой уверенностью ярой,
Как будто в лапах им поднес
И сунул прямиком под нос
Победу предводитель старый.

Но в этот миг внезапно в двери
Просунул морду серый кот
И тут же бросился вперед
На крыс, клыки свои ощеря.

Перепугалась крысья стая,
И все пустились наутек,
Попрятались куда кто мог,
Отвагу старца проклиная.

Как крысам, ужасом объатым,
С котом не справиться никак,
Так покоряется бедняк
Могущественным и богатым.

Над крысы раннею могилой
Я, Руфо, именем Хуан,
Затем что дар певца мне дан,
Исполнил сей рассказ унылый.

Э П И Г Р А М М А

КУРТИЗАНКЕ

Нынче в кредит отдаваться опасно.
Не уповай на одни обещанья.
Кто не заплатит в минуту соблазна,
Тот не заплатит и в час покаянья.

КРИСТОБАЛЬ ДЕ ВИРУЭС

СОНЕТЫ О ВОЕННОЙ ЖИЗНИ

* * *

Пустынный берег, мертвый мир песка,
Где не на чем остановиться взгляду,
И скалы, скалы, чуть не месяц кряду,
И ни сосенки чахлой, ни дубка.

И степь, где ни реки, ни ручейка,
Где солнцепек сулит безумье стаду,
И люди, растерявшие браваду,
Поникшие, — уж больно смерть близка.

Напасти всюду нас подстерегали;
Едва помыслишь: пережить бы эту,
И в пламя попадаешь из огня.

Глаза мои устали, но не лгали,
Такой была дорога на Барлетту,
Куда знамена привели меня.

* * *

Едва живой, пускай и не от ран, —
От горных троп, дождя и камнепада,
Оглядываюсь: Венгрия, Эллада,
Ломбардия, — везде стоял наш стан.

«Вперед, к Леванту!» — звал нас барабан,
А там ждала подмога и награда —
Великая Испанская Армада,
Которую привел маркиз Басан.

Придворным и военным, всем, кто смело
Приплыл сюда для яростных баталий,
Поддержка наша так была нужна;

Да ведь на суше победить — полдела,
И на море побед мы ожидали...
Тщета надежд, о, как горька она!

* * *

Я вижу всплески реюющих знамен
И воинов, идущих грозным строем,
Я — среди них, я барабанным боем
И мощью нашей общей упоен.

Недуг меня сразил, но даже он,
Хоть и сжигает плоть смертельным зноем,
Ничто в сравненье с мукой: вновь героям
В поход, а я здесь киснуть обречен.

Печально мне, веселые знамена,
Глядеть на вас, на это буйство цвета,
Да я бы вас и на краю земли

Догнал, я так бы мчался окрыленно,
Когда б те сотни крыл, что хворость эта
Подрезала мне, снова отросли!

* * *

Вскипает грозно барабанный бой
Под стать сердцам, разбуженным войною,
И, словно споря с брэнностью земною,
Гремит «К оружию!» и торопит в бой.

Зловещий гром! И грянут вразнобой
Клинков грома всей мощью их стальной,
И жуть окатит ледяной волною,
И содрогнется тут смельчак любой.

Мне в самый раз лихая доля эта;
Шагаешь, под собою ног не чуя,
И стискиваешь яростно эфес.

Душа, однако, шлет к престолу света
Мольбы: «Величья, славы не ищущая, —
Жить, жить под сенью всеблагих небес!»

* * *

На что мне живописный этот вид,
И шумный порт, и, тихая на диво,
Лазурь венецианского залива, —
Я — на войне, и гибель мне грозит.

На что мне Бриндис, этот верный щит
Прибрежья, отороченного нивой,
Пускай сюда я и доплыл счастливо,
Ничто души моей не веселит.

Она покоя жаждет, лишь покоя...
Тут городов и дней напрасна смена,
Так эта жажда новая сильна.

И только в небо поглядев, легко я
Вздыхнул впервые, и с тех пор блаженно
Душа моя к нему обращена.

КРИСТОБАЛЬ ДЕ МЕСА

СОНЕТЫ ПРОТИВ ПРИДВОРНОЙ ЖИЗНИ

I

Гонясь за счастьем, уделил я прежде
Пустой придворной жизни много лет,
В которой правдолюбцу места нет,
Но дверь открыта чванному невежде,

Где фаворит в сверкающей одежде
Роскошеством своим прельщает свет,
Где познает немало горьких бед
Простак, наивно верящий надежде;

Пускай смеется чернь, но во сто крат
Блаженней тот, кто на клочке земли,
Хваля судьбу, живет себе в усладу,

Кто мир вкушает, кто покою рад
От балагана этого вдали,
От мерзости его, подобной аду.

II

Быть при дворе — хотят такой судьбы
Лишь те, кто, выучившись лжи и лести,
Чтоб очутиться на высоком месте,
Готовы пресмыкаться, как рабы.

Там люди алчны, мстительны, грубы,
Там нет ни грана доброты и чести,
Но сколько щеголей, обжор и бестий,
Изобретающих себе гербы!

Всех под себя подмяли фавориты,
Смердящие, как трупы, — будто ад
Земля из своего исторгла лона.

А чьи надежды на успех забыты,
Тот гибнет, не найдя пути назад
Из этого второго Вавилона.

III

Надумав при дворе служить, забудь
Покой и сон и наберись отваги:
В большие попадают передряги
Спесивцы, этот выбравшие путь;

О почте, запропавшей где-нибудь,
Тебе придется хлопотать, бедняге,
И от писца к писцу носить бумаги,
Вникая в их расплывчатую суть,

Втираться в фавориты к фаворитам,
Искать поддержки, расшибаясь в прах,
У тех, кто властью наделен и силой,

Внимать секретам, лишь тебе открытым,
О жезлах и о золотых ключах
И, не ропща, влачить свой век унылый.

ФЕЛИКС ЛОПЕ ДЕ ВЕГА КАРПИО

ПОСЛАНИЕ БАЛТАСАРУ ЭЛИСИО ДЕ МЕДИНИЛЬЕ

Блажен, кто к стенам закопченной ниши
Лемех блестящий может прислонить
Под сенью крытою соломой крыши.

И тощий вол — взялась откуда прыть —
Уже несется в нетерпенье рьяном
Над яслями колени преклонить.

Меж тем хозяйюшка, с лицом румяным
От очага, еще не прибрана,
Стол полотном накрыла домотканым.

Здесь кресел нет, и стража не нужна,
Лакеев нет, решетки нет балконной,
Здесь носят плащ из грубого сукна.

Простой кувшин — что кубок позлащенный,
И в сельском хлебе — несравненный вкус,
Не признанный Европой утонченной.

С пыхтящей репой лук вступил в союз,
Оживлено горчицею жаркое, —
Нет льстивых слов, да не отравлен кус.

Оливками, редиской молодою
Закончен ужин. На одре простом
Ночь бысролетную проводят двое.

Какой удел достойней мы сочтем,
Элисио, в сей жизни многострадной,
Где каждый час мы зова смерти ждем?

Несутся дни; кто щеголяет ладной
И черной, словно уголь, бородой,
Узрит в ней завтра пепел неприглядный.

Пусть многие, гнушаясь сединой,
Чернилами обманывают время,
Но смерти им не обмануть, друг мой.

Благословенно неудачи бремя,
Что привела меня на склоне дней
В сегодняшний уют, забытый всеми.

РОМАНЫ

* * *

Восходит звезда Венера,
Плывет над вершиной горной,
И недруг дневного света
Свой плащ расправляет черный.
Из стен Сидонии рыцарь,
Взглянув на вечернее небо,
Выходит в долину Хереса
И скачет, исполненный гнева,
Туда, где в Испанское море
Текут Гвадалете воды
И деву Марию Морскую
Прославили мореходы.
Он знатного рода, но беден,
И дама его отвергла,
И счастье его затмилось,
И радость его померкла.
Сегодня выходит Саида
За старого мавра замуж,
Но он богатый вельможа,
Алькальд Севильского замка.
Гасуль, вздыхая и плача,

Несется дорогой длинной,
И слабым печальным эхом
Ему отвечает долина.
«Ты моря коварней, Саида,
Что властвует над моряками,
А сердце твое, Саида,
Как твердый, холодный камень.
Жестокая, как ты можешь
Позволить, чтоб в день урожая
Обещанных мне сокровищ
Коснулась рука чужая?!
Предчувствую — дуб столетний
Погубит росток весенний,
И веткам твоим зеленым
Не знать никогда цветенья.
Три года меня любила,
Клялась — не разлюбишь вечно.
Зачем же к Альбенсаиду
Уходишь при первой встрече?
Бедняк твой богат безмерно,
Богач твой беден, как нищий.
Не хочешь богатства сердца,
Лишь блага земные ищешь.
С жестокой буду жестоким,
Тебя проклиная отныне:
Пускай тебя ревность иссушит,
Как жажда сушит в пустыне.
Супруг будет мерзок в постели,
И хлеб покажется горьким,
Глаза от слез покраснеют,
Любовь обернется горем.
Его на турнир не проводишь,
Как это пристало даме,
И в праздники будешь дома
Сидеть за семью замками.
Ты вышьешь ему эмблему,
Он в бой не поедет с нею,
Твои цвета он отвергнет,
Чтоб сделать тебе больнее.
Его перед дальним походом
Обнимут чужие руки,
Он меч боевой украсит
Эмблемой своей подруги.
И, может быть, много позже,

Когда он падет в сраженье,
Аллах прояснит твой разум,
Откроет всю глубь униженья.
Но ты не молись напрасно,
Не плачь над тяжелой судьбою,
Запомни — в тот день свершится
Проклятье мое над тобою! »
И вот наступила полночь,
Гасуль доскакал до цели,
Весь замок сверкал огнями,
И лютни в замке звенели.
Толпою сбежались мавры,
Что зорко несли охрану,
Взметнулось факелов пламя
Средь ночи огнем багряным.
Под натиском дрогнули стражи,
И всадник ворвался мрачный,
Ударил мечом наотмашь,
И мертвым пал новобрачный.
Он рубит направо, налево
В слепом опьянении ратном
И вот, расчистив дорогу,
В Сидонию мчится обратно.

О ТОМ, КАК АБИНДАРРАЭС
ПОВЕДАЛ ДОНУ РОДРИГО ДЕ НАРВАЭС
ПРО СВОЮ ЛЮБОВЬ
И ПОЛУЧИЛ ДОЗВОЛЕНИЕ НАСЛАДИТЬСЯ ЕЮ

В цитадели Антекеры
Пленный мавр Абиндарраз
Горько сетовал, и столам
Эхо гулко откликалось.
И наместник антекерский,
Дон Родриго де Нарваэс,
Поражен был: воин должен
Стойкость проявлять в несчастье.
«Ах! — Абенсеррах воскликнул, —
Благороднейший Нарваэс!
Потерпел я поражение,
Но, на этот жребий плачась,
Выказал бы я Фортуне

Черную неблагодарность:
Быть в плену у вас почетно
Даже для Абенсерраха.
Нынче двадцать два мне года,
И прекрасная Харифа
Двадцать и два года правит
В этом сердце как царица.
Это имя всем известно:
Не равно ли знамениты
Меч алькайда Антекеры
И краса моей Харифы?
С ней в один мы день родились,
Но боюсь, что я ошибся,
Двадцатидвухлетним сроком
Меря преданность любимой.
Нет, я знаю, что задолго
До того, как мне родиться,
Страсть мою сама природа
Властно предопределила.
Говорят, любовь нисходит
К нам по воле звезд лучистых,
Но стыдливо меркнут звезды
Перед красотой Харифы.
Мы росли как брат с сестрою,
Нашей дружбы безмятежность
Подавила нетерпенье,
Сбила со следа надежды.
Но расстались мы — и разом
Спала с глаз моих завеса:
Краткий час разлуки нашей
Длился для меня как вечность.
Свидеться должны мы были
Нынче на заре вечерней:
Собирался я на свадьбу,
Предстояло ж мне — сраженье.
Вы напали, дон Родриго,
В миг, когда слагал я строфы;
То, что мнил я гимном счастья,
Оказалось песнью скорби.
Я отважно защищался,
Но защиты нет от рока.
Я в плену. Моей Харифе
Ждать меня придется долго.
Человек мечтать лишь властен,

Но не властен над судьбою:
Ждал объятий я любовных,
А дождался злой неволи».
Тут алькайд великодушный,
Тронутый его рассказом,
Юноше вернул свободу,
И к Харифе мавр умчался.
Но о том, что с ним случилось,
Утром лишь она узнала,
Ибо ночь любви не терпит
Длительных повествований.

РОМАНС О СТОЛИЦЕ

Умерь свои громкие стоны,
Моя разбитая лира:
Душе моей многострадальной
В аккорде одном не излиться.
Изломана ты изрядно
Немилостивой судьбою,
И твой несчастный владелец
Тебе, бедняжка, подобен.
Давай же снова расскажем
О бедах, давно не новых,
И в этой печальной песне
Печальный оплачем жребий.
Твои безумные струны —
Единственная отрада
Безумца-поэта, который
Теперь умудрен страданьем.
А если кто не поверит,
Что стал я много мудрее, —
Пусть сам пройдет мою школу,
Познает горечь изгнанья.
Тогда он скажет, наверно,
Что самый благоразумный
Не смог бы такие обиды
Стерпеть, не издав ни звука.
И все же лишь та, в ком причина
Всех мук моих и унижений,
Не может принести исцеленье
И сладостный свет надежды;

Когда в кипарис высокий
Ударит молния с неба,
Он падает, опаленный,
И гибнет в огне жестоком,
Но если злобная буря
Над тростником пронесется, —
Тот гнется и стелется низко,
А после встает невредимый...

О ты, Вавилон кишащий!
Так, видно, судьбе угодно,
Что издали я, сквозь слезы,
На пышность твою взираю.
В обители бедной и скромной,
Которая столь дорога мне,
В моем одиночестве тихом
Прозрел я и многое понял.
Я вижу, какие лавины
Позорных и подлых наветов
Катятся с гор твоих черных —
Гор клеветы и обмана...
По улицам многолюдным
Рыщут хищные звери,
На ощупь бродят слепые,
Беспомощно спотыкаясь...
А сколько там душ томится
Под мертвою оболочкой,
Честных душ, обреченных
На медленную погибель;
Сколько самодовольных
Богатых невежд и болванов,
Чьим глупостям с восхищеньем
Прислужники их внимают!
А сколько коварных Веллидо
Под маской друзей бескорыстных
И Александров Великих,
Ничтожных в своем самомненье!
Как много там хитрых Улиссов
И юных сирен сладкогласных,
Как много коней троянских,
В чьем чреве враги с оружием!
Как много судейских жезлов,
Настолько тонких и гибких,
Что гнутся они послушно

Под тяжестью страха и денег!
Как много людей никчемных,
Что прячутся за спиною
Других, достойных почтения,
Доверчивых, благородных, —
И их сосут потихоньку;
Так плющ сосет, обвивая
Мощный и стройный тополь,
Его животворные соки.
Как много там лицемеров,
Падких до денег и славы,
Чьи веки опущены скромно,
Чтоб алчность не выдать взглядом...
Сколько там важных сеньоров,
Чье чувство чести и долга
Сравнится величиною,
Пожалуй, лишь с их долгами;
Как много сеньор надменных,
Растративших состоянья
Предков с гербом золоченым
На золото позументов!
Сколько там гордых Лукреций,
Чья нерушимая верность
Рушится даже от звона
Мелкой разменной монеты!
Каждый хватает, что может,
Обманывает, как умеет,
А золота блеск, словно латы,
Любые грехи прикрывает.
И полчища разоренных
Рядятся в шелка и бархат,
Купленные ценою
Подлости и бесчестья;
Толпы юнцов безусых,
Отвагой дам умиляя,
Толкуют о фландрских битвах,
Ни разу боя не видев;
Льстецы вельмож окружают,
Униженно изгибаясь,
И сети интриг плетутся
В надежде на щедрость подачек...
Уроды в пышных нарядах,
Расшитых камзолах и брыжах
Мнят, что они красивы, —

Им лгут зеркала кривые,
А пылкие кавалеры
С ухоженными усами,
Хоть машут шпагами грозно,
На деле — жалкие трусы.
Придворные выступают
В плюмажах, огромных, как крылья,
Что их вознесли высоко...
Как больно им будет падать!
О Вавилон, гудящий
Шумом разноязыким!
Ты добрая мать чужеземцам,
Но — мачеха собственным детям!
Когда-то народы мира
Казну отдавали Риму,
А нынче все из Мадрида
Сокровища только увозят!
Но, лира, скорее умолкни!
Зашли мы слишком далеко:
Боюсь, своей головою
За это можно ответить.
О многом, что нам известно,
Болтать мы лучше не станем,
И наши обиды скроем
Под тяжелой плитой молчанья!

* * *

Если б ты пленяла нравом
Так же, как лицом и статью,
Ты царила бы в деревне
И повелевала знатью;
Твои очи, словно солнца,
Ты мила, как месяц ясный,
Только жаль, что эта прелесть
Скрыта тучкою ненастной.
Ты ль, крестьянка, не пригожа,
Иль тебе дивятся мало?
Отчего же ты сердита,
Иль на сердце ревность пала?
Ты красе своей не веришь,
Хоть на свете нет ей равной, —

Мне ль поверишь, Амариллис,
В гневе ревности неправой?
Только ты сойдешь в долину
С дальних гор, моя отрада,
Как сейчас же убедишься,
Что тебе сказал я правду:
С завистью глядят пастушки
Вслед тебе, не различая
Легкий след от стройных ножек —
Столь малы их отпечатки.
Думают — ты щеголиха,
Все хлопчешь о наряде,
Ты же и в простой холстинке
Всех подруг щеголеватей.
Ты идешь, весне подобна,
Под стопой цветы рождаются,
И ликующие птицы
К солнцу глаз твоих стремятся.
Неужель тебе потоки
На ушко не прожурчали,
Что тебе нейдет угрюмость
И ревнивые печали?
Отчего же ты в обиде,
Разве мне милей другая —
Та, что завистью исходит,
Несравненной подражая?
Так не трать напрасно перлов,
Не терзайся и не плачь ты —
Ты же выплачешь все звезды,
Что в очах твоих лучатся!
Полно злиться, Амариллис,
Лучше выйди, свет мой ясный, —
Я придумал эту песню
В утешенье милым глазкам:

«Ах, глазки, отчего
В вас слез не убывает?
Иль ревность жжет того,
Кто страстью убивает?
Не гибнет, глазки, тот,
Кто сам сердца разит,
Кто смехом победит,
Тот даром слез не льет.
Коль жалость вас берет

К сердцам, что вы разите, —
Молю вас, пощадите
Меня лишь одного!
Ах, глазки, отчего
В вас слез не убывает?
Иль ревность жжет того,
Кто страстью убивает?»

* * *

Там, где снегов на вершине
Солнце коснулось слегка
И подарило долине
Два молодых ручейка, —
Участь кляня, без участия,
Мучим любовью одной,
Что, раздавая напасти,
Счастье несет стороной,
Сильвио бродит с рассвета,
Грустен, влюблен, одинок,
Но на любовь без ответа
Смотрит со смехом поток.
Пенной стремниной потока
Вздохи уносятся вдаль.
Жалобный отзвук упреха
Слышит звенящий хрусталь:
«Страсти ревнивой не зная
И не изведав любви,
Смейся же, влага речная,
Глядя на слезы мои».
Камни и те раскалятся
В страстном огне докрасна.
Как же воде не смеяться,
Если она холодна?
Милая смотрит так строго,
Верно, из снега и льда
Сердце твоё, недотрога,
Как и речная вода.
Родом оттуда, где эхо
Бьется о горный утес.
Обе нисходят до смеха,
Не унижаясь до слез.

Или любовь не повинна,
Участь моя не горька?
Слейтесь с ручьями долины,
Слезные два ручейка!
Мишу я слезами за горе —
Горе горячей крови! —
Не засверкает во взоре
Ненависть вместо любви.
Я ни о чем не тоскую —
Вывела к милой стезя;
Знаю, другую такую
Даже придумать нельзя.
Плохо, что ведомо милой —
В радость мне мука и гнет:
Тот, кто любим с такой силой,
Трижды беспечно живет.
Вот и шепчу над потоком,
Все исходив берега
Там, где, плеснув ненароком,
Сыплет вода жемчуга:
«Страсти ревнивой не зная
И не изведав любви,
Смейся же, влага речная,
Глядя на слезы мои!»

* * *

В дни, когда и дуб могучий,
И высокий стройный тополь
Старые нагие сучья
Прячут под листвою новой,
А плодовые деревья
На зеленые покровы
Надевают плащ свой белый
Из соцветий благовонных,
Землю чествуя послушно
Этой данью ежегодной,
Как им велено премудрой,
Благодетельной природой;
В дни, когда законы жизни
Бурое жнитво сухое
Сызнова преображают

В зеленеющее поле,
Пышно зацветают травы
И своим цветеньем пестрым
Изумрудную лужайку
Делают ковром узорным,
А на травянистых склонах
Безмятежно и привольно
Корм пощипывают сладкий
Овцы со своим приплодом,

*Один пастух Альбано красы не видит вешней,
Все горестней он плачет, рыдает безутешней:
«Где ты, моя Белиса? Тоскует твой Альбано,
В кровоточащем сердце не заживает рана».*

К розмарину и тимьяну
Льнут заботливые пчелы,
Запасаясь неустанно
Сладким и прозрачным соком,
День-деньской они хлопочут,
Занимаясь медосбором,
Наполняют до отказа
Соты ароматным медом;
Медом выкормив личинок,
Выведут проворных пчелок,
Чтоб они пустые ульи
Заселили новым роєм.
Толпы муравьев прилежных
Из дворцов своих просторных
Выползают деловито
На песок, согретый солнцем.
Птицы, рыбы, травы, злаки,
Все созданья, всё живое
Радуетя и ликует,
Жизнь благословляя снова,
Но грустит пастух Альбано, —
Чуждый радости всеобщей,
Льет он слезы по любимой,
Глядя на ее надгробье.

*Один пастух Альбано красы не видит вешней,
Все горестней он плачет, рыдает безутешней:
«Где ты, моя Белиса? Тоскует твой Альбано,
В кровоточащем сердце не заживает рана».*

Нынче год, моя Белиса,
Как тоска мне сердце точит, —
Преждевременной утраты

Терпкую испил я горечь.
Год пред этим ты хворала...
Тысячу бы лет за хворой
Я ходил, когда бы этим
Горестный конец отсрочил!
Я один с тобой остался, —
Как мне быть с тобою розно?
Я любил тебя живую,
Верен остаюсь и мертвой.
И в свидетели беру я
Провидение благое:
Дорогая мне при жизни,
В смерти ты еще дороже.
И о доме, и о стаде
На меня легли заботы;
Умирая, дар бесценный
Мне оставила в залог ты, —
В ней была моя отрада,
В дочери, тобой рожденной:
Безмятежный лик младенца
Был твоим портретом точным.
Но, увы, решило небо,
За мои грехи, должно быть,
Чтобы следом за тобою
В мир она ушла загробный.

*Один пастух Альбано красы не видит вешней,
Все горестней он плачет, рыдает безутешней:
«Где ты, моя Белиса? Тоскует твой Альбано,
В кровоточащем сердце не заживает рана».*

* * *

Поет, тоскуя, Фабьо,
И, песне той внимая,
Вздыхают волны Тахо,
И слезы льют наяды.
С вершин нисходит в доли
Неторопливый вечер,
Неся в своих объятьях
Густеющие тени.
Уже примолкли птицы
И притаились в гнездах,

День светлый незаметно
Сменился темной ночью.
Одни колеса мельниц,
Не покорясь молчанью,
Сверкающие нимбы
Из волн речных вздымают.
Сгоняет бич свистящий
Разбредшееся стадо,
И ждет нетерпеливо
Овец загон дощатый.
А в хижине пастушьей
Лежит, простершись, Фабьо,
Не на одре болезни,
Не на постели праздной,
Не спит, — мешают думы,
Не бодрствует, — мечтает,
Не умирает, — мертв он
В живых воспоминаньях.
Заря уже зарделась
И, пробудясь, гвоздики
С улыбкою кивали
Жемчужинам росинок,
Когда коснулся Фабьо
Струн громкозвучной лиры,
И стало вторить эхо
Стенаниям тоскливым:

Р о м а н с и л ь о

Плененный, Амарилис,
Твоею красотой,
Любовью не посмел бы
Я свой назвать восторг.
Возвышенный твой разум
С душевной чистотой, —
Вот от чего зажегся
Любви моей огонь.
Не думай, что случайной
Я прихотью влеком,
К тебе неотвратимо
Я приведен судьбой.
Нет у меня надежды,
Утратил я ее
И, — безутешный странник, —
Утратил я покой.

Я слышу отовсюду,
Что сладостна любовь,
Но страх меня объемлет
Перед твоей красотой.
Страсть и благоговенье
Порождены тобой,
Два столь враждебных чувства
Сливаются в одно.
Ужель возможно это,
И в существе моем
Ты разжигаешь битву
Меж плотью и душой?
Могу ли я отречься
От красоты такой?
Могу ли, созерцая,
Не возжелать ее?
Но в спор душа вступает,
Гоня желанья прочь,
О чистоте любимой
Напоминает вновь.
Чтобы меня не ранил
Твой оскорбленный взор,
К тебе я прикасаюсь
Лишь робкою мечтой.
И все же дерзновеньем
Я собственным смущен:
Ничтожный, я пленился
Небесною звездой.
Внемли же, Амарилис, —
Молчать, увы, невмочь,
Хочу излить я в песне
Тоску мою и боль.

П е с н я

Пусть мне горько и больно,
Не прошу ни о чем,
Нахожу упоенье
Я в страданье самом,
Я, любовью сраженный,
Лишь любовью живу.
Безответно влюбленный,
Сладким сном наяву
Я взаимность зову.

Обескровленный страстью,
Открываю путь к счастью
И, в несчастье моем,
Нахожу упоенье
Я в страданье самом.

* * *

Меж двух долин на рассвете
Ручей торопится тихий
Получить под залог жемчужин
Горсть изумрудов лучистых.
Поит он белые чаши
Цветов, над водой поникших,
Удвоенных отраженьем,
Поистине дважды нарциссов.
Снова явилась Аврора,
И снова завистливый ирис
Ее очам подражает,
А белым рукам — жасмины.
Розы в зеленых оборках,
В перламутрово-белых мантильях
Красою недолговечной
Зависть у всех пробудили.
Птицы к воде не слетают,
Пугаются солнечных бликов —
Им кажется зыбь живая
Грудой серебряных слитков.
Из хижины вышел Лисардо,
Бодрый и яснолицый —
И можно ли быть угрюмым,
Когда весь мир веселится?
Спускается он со стадом
Полузаросшей тропинкой,
Скот на ходу пасется,
Лижет иней, кусает льдинки.
Навстречу Лисардо выходит
Его печалей причина,
Красой лишь себе подобна —
Ибо ни с кем не сравнима.
Идет, читает посланье,
Что ради очей ее дивных

Сложил однажды Лисардо,
Не надеждой — любовью движим.
Завидев ее, восхищенный,
Покорить ее песней решил он
И лютню на ленте лиловой
Тронул перстами тихо,
И в честь безупречных жемчужин
Меж двух лепестков гвоздики
Голосом полнозвучным
Пропел он слова такие:

«Матушка, встретил весной
Я взоры зеленых глаз,
За них умру хоть сейчас,
Но смеются они надо мной.
Столько лукавых проказ
В их небе зеленом искрится,
Что ревность моя рядится
В цвета надежды подчас.
Матушка, сам я не свой,
Живу лишь светом тех глаз,
Умру за них хоть сейчас,
Но смеются они надо мной.
Цвет надежды мне мил,
Он меня не обманет,
Кто в нем сомневаться станет,
Тот никогда не любил.
Матушка, жребий мой —
Погибнуть от этих глаз,
За них умру хоть сейчас,
Но смеются они надо мной».

* * *

Одиночеством к людям гонимый,
Прихожу к одиночеству снова —
Ибо, кроме моих размышлений,
Не встречал я друга иного.

Что мне хрупкая оболочка,
Где живу я и умираю?
От себя я так отделился,
Что вот-вот себя потеряю.

Мне с собой ни сладко, ни горько,
Но одно я постиг несомненно:
Человек — воплощенье духа —
Как в тюрьме, в своем теле бrenном.

Мне понятно многое в мире,
Одного не пойму до гроба:
Как безмозглый, спесивый невежда
Терпит собственную особу?

Я управлюсь с любой помехой,
Рад с любой доукукой сразиться,
Но себя защитить не умею
От назойливого тупицы.

Он меня же ославит дурнем —
Ведь ему, говоря по чести,
Невдомек, что глупость и скромность
Не могли бы ужиться вместе.

Но различие между нами
Беспристрастное видит зренье:
Его глупость — в безмерной спеси,
И моя разумность — в смиренье.

То ли в наше время природа
Изобилует мудрецами,
То ль они свой скромный рассудок
До небес превозносят сами.

Самый мудрый сказал: «Я знаю,
Что я ничего не знаю»,
Величайшее с наименьшим
В беспримерном смиренье равняя.

Но себя я не чту премудрым,
Ибо чту себя несчастливым,
А когда и где неудачник
Обладал умом прозорливым?

Этот мир, должно быть, стеклянный,
Он надтреснут, и в час урочный
На осколки он разлетится,
Потому что стекло непрочно.

Нам порой говорит рассудок,
Что и мы уцелеем едва ли:
Картой меньше — и мы внакладе,
Картой больше — опять проиграли!

Говорят, что правда на небо
Вознеслась из нашей юдоли, —
Постарались люди на совесть,
Чтоб она не вернулась боле.

Мы, испанцы, от прочих народов
Отделились чертой приметной:
Те живут в серебряном веке,
Нам на долю достался медный.

И какой настоящий испанец
С болью в сердце не видит ныне,
Что мужчины на вид все те же,
Только мужества нет и в помине!

Бог велел, чтобы хлеб свой насущный
Человек до скончанья света
Добывал в труде, — потому что
Он презрел господни заветы.

А сегодня богоотступник
На кусок дармоеда презренный
Променил, не страшась позора,
Старой чести залог бесценный.

И теперь Добродетель и Мудрость,
Как слепцы в бесприютном скитанье,
Ковыляют, держась друг за друга,
Со слезами прося подаюнья.

Есть два полюса в этом мире,
Два магнита для всякого сброда:
Покровительство (вместо счастья),
Деньги (вместо знатного рода).

Слышу колокол похоронный,
Но не вздрогну, мыслью объятьи,
Что крестов на погосте столько,
Сколько было людей когда-то.

Вижу мраморные надгробья,
Возвещающие в печали
Не о том, чем покойники были,
А о том, чем они не бывали.

Правы авторы эпитафий —
Только здесь убогий и сирый
Наконец торжество обретает
Над князьями этого мира.

Говорят, недостойна зависть;
Грешен я — она мне знакома:
Зависть к тем, кому нету дела,
Что творится за стенами дома.

Нет у них ни книг, ни записок,
Нет бумаги в шкафу ни листочка,
За чернильницей ходят к соседу,
Если надо черкнуть две строчки.

Ни бедны они, ни богаты:
Есть очаг и похлебка в миске;
Не мешают им спать заботы,
Искательства, происки, иски;

Не злословят они о сильных,
Не питают к слабым презренья,
Никогда, словно я, не пищут
Покровителям поздравленья.

С этой завистью неразлучен,
Никому не промолвив слова,
Одиночеством к людям гонимый,
Прихожу к одиночеству снова.

ЛОДКА

Ах, бедная моя лодка!
Разбито днище о скалы,
Ни сна для тебя, ни оснастки,
Игрушка вольного вала!

Куда плывешь на погибель?
Там сильные не уцелели!
Да разве надежды безумцев
Стремятся к разумной цели?

Нет — словно большой корабль
Тоскуешь ты о просторе
И прочь от земли надежной
В неверное рвешься море.

Тебе ль хвалиться удачей —
Ты всех превзошла в невзгодах,
Постоять за себя не умеешь,
А мечтаешь о дальних водах!

Но берегись их мести:
Твой замысел честолюбивый,
Того и гляди, разобьется
О зависти риф ревнивый.

Когда вблизи побережий
Ты плавала без кручины,
Тогда могла не страшиться
Коварной морской пучины,

Тогда ты плавала смело,
Не думая о погоде:
Под боком родимый берег,
Нет риска на мелководье...

Конечно, в нашей отчизне
Добродетель счастьем забыта —
Но кто же оценит жемчуг,
В родной скорлупке сокрытый?

Ты скажешь — иные челны,
Отчалив с попутным ветром,
Воротились домой со славой,
Ведомые счастьем щедрым;

Но пусть не служат примером
Тебе чужие дороги:
Немногим досталась удача,
А зависть сгубила многих;

Ведь ты и в открытом море
Не подымешь, верная чести,
Ни парусов обмана,
Ни весел корыстной лести!

И кто взманил тебя, лодка?
Вернись, измени решение!
Что, если тебя, гордячка,
Не слава ждет, а крушение?

Какой похвалишься снастью
И где, скажи, твои флаги,
Что буйно бичуют ветер,
Подражая движенью влаги?

Суждено ли тебе увидеть
Берега в зеленом уборе,
Еще неизвестные земли
За дальней окраиной моря?

А если собьешься с курса
И компас тебе откажет,
По каким угадаешь звездам,
Где дорога твоя проляжет?

К чему, скажи, тебе слава,
Коль твой остов затянет илом?
Поверь, своего добиться —
Неудачнику не по силам!

И не все ль равно, где прибиться —
К берегам у рощи зеленой
Или в алых чащах кораллов
Зарастать травой соленой?

Лавры гордые побережий
Отчего-то предпочитают
Корабли с расписными бортами,
Чье убранство златом блистает.

Полно, лодочка, я не стану
Потакать мечтам дерзновенным,
Фаэтонствовать людям на смех
И вздыхать по лаврам надменным!

Где теперь времена былые?
А когда-то весенней ранью
Ветерок раскачивал розы
И вдыхал их благоуханье;

Но сегодня грозные бури
Так неистово задувают,
Что, забрызгав в ярости звезды,
Солнца лик волной задевают;

Но сегодня грозное пламя,
Что в Вулкановой кузне пылает,
Щадит высочайшие башни,
А лачуги — испепеляет.

В те поры ты меня на берег
Выносила вместе с уловом,
Выносила мокрым до нитки,
Но зато живым и здоровым.

В перламутровом свете Авроры
Как твой невод бывал нагружен!
Больше рыбы мы добывали,
Чем рассвет наплачет жемчужин.

И она, души моей солнце,
Выходила ко мне навстречу,
И простая постель из листьев
Ожидала нас каждый вечер.

Она звала меня мужем,
Я женою звал ее милой;
При виде ее застывало
Завистливое светило.

И вот — без суда, без распри
Нас смерть разводит навеки...
Горе злосчастной лодке —
Зальют ее слезные реки!

Лежите, праздные шкоты,
Пусть вас никто не тревожит, —
Зачем тому руль и парус,
Кто к счастью приплыть не может?

О звезда путеводная лодки,
Что блаженный покой вкушаешь!
Если ты бессмертною ветвью
Мою вечную страсть увенчаешь —

Умоли предвечное Благо:
Пусть, твоей судьбе сопричастный,
Я увижусь снова с тобою —
Самой чистой, самой прекрасной!

Совершенной моей любовью
Заслужил я с тобой свиданье.
Ты ж бесчувственна, как богиня,
К человеческому страданью!

Горе мне — ты даже не внемлешь,
А жизни кратка услада:
Живому — всего не хватает,
Мертвецу — ничего не надо.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

АМУРУ

Амур, ты земли и небес угнетатель,
Всех чувств подстрекатель к блаженнейшей розни.
О, как твои козни терзают несчастных,
Тебе лишь подвластных!

В пустых наслажденьях, в безумных деяньях,
И в жарких желаньях, и в зябкой боязни,
В отраднейшей казни ты грубо и злостно
Крадешь наши весны.

Амур беспощадный, ты юных тиранишь,
Добром нас приманишь, а там и расправа!
Ты дикого нрава: кого ты полюбишь,
Того и погубишь!

Боритесь, влюбленные, с ним неустанно,
Бегите обмана, ищите защиты:
Змеей ядовитой в цветах затаилась
Коварная милость!

Омой свои стрелы водою забвенья,
Склонись на моленья, Амур, — и премного
Капризного бога восславим мы в дивных
Сафических гимнах.

СТАНСЫ О ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Час единый промелькнет —
И охватит Трою пламя,
И могучий Рим падет,
И, раскиданный волнами,
Отступает гордый флот.

Час единый упустив,
Бедняком богач проснулся,
Стал счастливец несчастлив,
Власть имущий поскользнулся:
Был прилив — настал отлив.

В час единый небосвод
Прояснится и затмится,
И пустыня расцветет,
Из разбитой клетки птица
Вольно пустится в полет.

Видим, что за миг один
Облетел миндаль в ненастье,
Стал слугою господин,
Горы стерлись до равнин
И всего превратней — счастье.

Между чашей и устами
Место есть, мудрец изрек,
Для беды. Мы видим сами:
Даже миг — немалый срок,
Чтоб расцелся случай с нами.

Счастливейшие лета
Моей весны румяной
Прошли, любовь, среди твоих владений.
В цепях, не видя света,
Я пел твои обманы,
Забыв рассудок ради наваждений.
Средь горьких заблуждений
В темнице я томился,
Душа ослепла, разум помутился.

Но я порвал со старым,
Неволя мне постыгла,
Прозреньем одолел я иго злое.
На том же солнце яром,
Что грудь мою палило,
Сушу свой плащ, исхлестанный грозою.
Прозрение святое,
Тебе без принужденья
Я посвящу алтарь и песнопенья!

Как речью жив одною
Боец — о прежней ране,
Как любит вспоминать о плене — пленный
Меж миром и войною,
Свободный — о тиране,
Так я пою, свободный и блаженный, —
О, пламень незабвенный! —
То, что в душе хранится:
Войну и рану, рабство и темницу.

Фальшивая подруга,
Любовь, пускай другие
Терзаются в твоих силках опасных!
Избавясь от недуга,
Клянусь я очи злые,
Хоть не встречал нигде таких прекрасных.
Коварная их сладость
Мне душу выжгла, отравила радость.

Пусть на коре древесной
Всем любящим на диво
Пребудет имя той, бесчеловечной,

Пусть мрамор бессловесный
Поведает правдиво,
Как я любил любовью безупречной.
Пусть знает первый встречный
Того глупца слепого,
Что пишет жизнь свою и плачет снова.

* * *

В последний только раз
Ты помоги мне, лира, друг мой нежный,
Подай печальный глас —
И я тебя оставлю, безутешный,
На ивушке зеленой,
Под коей плачу я, всего лишенный.

Созвучною душой
Ты мне состраждешь в горьких злоключеньях;
Пусть хриплый голос твой,
Расстроенный в стенаниях и пенях,
Разлуку славит, лира!
Пой, словно лебедь, уходя из мира.

От этих берегов,
Где Тахо щедрою волной струится,
Я плыть к иным готов,
Где с морем у Испании граница,
И, верно, их достигну,
Коль в половодье слезном не погибну.

Пусть правят торжество
Мои враги, завистники лихие,
Пусть друга своего
Забудете и вы, друзья слепые, —
В чужой земле, как воин,
Но в мирный день я буду упокоен.

Боюсь, что в сей же час
Умру я, не по силам мне страданье —
Ведь убивает нас
Не зло чужое, а свое терзанье:
Удары вражьей стали
Не смертоносней собственной печали.

О госпожа моя,
Разлуки день уже подъямлет вежды;
Рыданий не тая,
По ветру ставлю парус и надежды.
Уеду, но останусь:
Покинув душу, с нею не расстанусь.

Отчизна, ты не мать,
Испания, ты — мачеха испанцам,
Ты рада помогать
Не сыновьям своим, а чужестранцам;
А я лишаюсь жизни —
Неблагодарность свойственна отчизне.

Что ж — если честь велит,
Уеду — вот моим врагам отмщенье;
Вернее победит
Чужую ненависть — мое терпенье.
Меня уж не обидит
Тот, кто в своем глазу бревна не видит.

Испанца вид смешон
Германцу, а французу неприятен
Негр, ибо черен он;
Но, коль подумать, кто из нас без пятен
И в ком не узрит око
Сокрытого иль явного порока?

Счастлив, кто наделен
С рождения нуждою да бедою,
Но плыть не принужден
За славою в отечество чужое!
Завидую тому я,
Но ни врага, ни друга не корю я.

Все предали меня,
Употребив во зло мое доверье,
Чтоб лучше понял я,
В чем суть участливого лицемерья:
Мои разведав цели,
Они о пользе собственной радели.

Как родина могла
Несправедливой стать к родному сыну?
Всем бедам обрекла
Она его, отправив на чужбину,
Навстречу всем невзгодам,
Искать удачи по чужим народам.

Как ветер, ломая сад,
Прочь из гнезда выбрасывает птицу,
Как леденящий град,
Все разрушая, с бурной тучей мчится, —
Так и меня сегодня
В чужой предел несет рука господня.

Как волк среди овец
Хватает ту, что первой подвернется,
И ей принять конец
Не от ножа, а от клыка придется, —
Так зависть зубы точит,
До времени со мной покончить хочет.

Уж лучше явный враг —
Он если нападает, то открыто;
Ты упрежден, итак —
Подвоха ждешь, готова и защита;
Но нет на свете кары
Страшней, чем дружеской руки удары.

Изгнанье, отчего
Ты омрачило утро юной жизни,
Цвет сердца моего?
Но, может быть, кого в своей отчизне
Не оценили ныне,
Того оценят завтра на чужбине.

И я, пример живой
Надежд неверных, тщетных устремлений,
Найду вдали покой
От зависти, вражды и подозрений,
От жизни нелюбимой —
Иным завидной, горестной, гонимой.

О, что тебя драгоценней,
 Свобода, ты лучше злата,
 Сокровища всей вселенной уступят тебе ценой,
 Ты слаще и вожделенней,
 Чем перл, еще не изъятый
 Из перламутровых створок, сокрытых морской волной.
 Оружьем, кровью, войной
 И жизнью, явив отвагу,
 Берем богатства себе,
 Но мир находим в тебе,
 Свобода, зло изгоняя, ты нас приобщаешь благу,
 В тебе единой все есть —
 И жемчуг, и мир, и золото, и жизнь, и добро, и честь.

Когда из мрака земного
 Мне свет забрезжил небесный
 И стал звездой путеводной моих неопытных дней,
 Те три сестры, что основу
 Прядут для жизни телесной,
 Неведомыми путями ведя нас волей своей,
 Страданья жизни моей
 В блаженство преобразили —
 Свободой его зову,
 Лишь к ней стремясь, я живу;
 Но тот, кто прочтет, узнает из этой счастливой были, —
 А я не скрыл ничего, —
 Что сладостная Свобода — для нас доступней всего.

И я, владыка всевластный
 Горы, ручейка и поля,
 Свободою наслаждаюсь и чашу блаженства пью —
 Мечта о славе напрасной
 В моей смиреннейшей доле
 Не дразнит пустым соблазном безвестную жизнь мою;
 И, в жарком сойдясь бою
 С мальчишкой, слепцом крылатым,
 Пощады я не прошу —
 Ломаю, топчу, крушу
 Вспоенные ядом стрелы и лук, блистающий золотом,
 И, сам над собой король,
 О боли чужой я плачу, свою воспеваю боль.

Когда студенной и чистой
Заря обрызжет росой
Поля и горные склоны, как бисером рассыпным,
Из хижины неказистой
Иду бродить над рекою
На поиски новых пастбищ послушным овцам моим.
А в полдень, жарой томим,
Когда могучее солнце палящие стрелы мечет,
Ложусь, отходя ко сну,
Под иву иль под сосну
И слышу, как хор певуний в ветвях надо мной щебечет,
И, ветром полей дыша,
Впивает новые силы и крепнет моя душа.

Лишь темная ночь надела
Покров, звездами блестящий,
И сумеречные тени на светлый день низошли,
И в тишине зазвенела
Укрытая тьмою чаща
Печальными голосами полуночных чад земли, —
Тогда, от забот вдали,
Своих овечек рачитель,
Гоню их с пастбищ домой,
Как селянин записной,
И радуюсь всей душой, что я — лишь козий властитель,
И гнет монарших забот
Обузою непосильной моим очам предстает.

А здесь — мои вишни рдеют,
И яблоки наливные
То янтарем прозрачным, то багрецом горят,
И персики розовеют,
Как розы, и, восковые,
Струят мускатные груши свой сладостный аромат,
Синяя, сливы висят,
А там — медвяные гроздья
С лозы, охватившей вяз,
Снимаю я в ранний час;
Когда же своим дыханьем жарá, полдневная гостья,
Иссушит в садах листву —
Тогда я в соседней роще душистую рву айву.

Меня в ходьбе не стесняют
Затейливые наряды,
Причуды развратной моды я счесть бесчестьем готов,
И мне земля посылает
За скромность мою в награду
К столу урожай обильный неприхотливых дичков;
Из мягких шкур и листов
Постель меня ждет простая,
Что принцу бы подошла;
И ключ, прозрачней стекла,
У дома бурлит, играя, песок и брызги взметая,
Студена его вода —
Пусть это питье для бедных, да нет от него вреда.

Когда бы себе на муку
Искал при дворе я чина,
Алкал роскошной постели, отборных яств и питья,
Я целовал бы руку
Капризного властелина,
Воздушные замки строил, пустые мечты тая,
И с голоду б умер я
За службу правдой и верой;
Сегодня ж своей землей
Кормлюсь и в холод, и в зной,
В труде своем деревенском я счастлив полною мерой —
Коль бедность дает покой,
Она стократ драгоценней богатства с его тщетой.

Пред сильным я не робею,
Не льну к богатому с лестью,
Не стану хамелеонить перед имущим властью,
Ни завистью не болею,
Ни в гранды не стану лезть я
И не хочу ни славы, ни счастья чужого красть.
Барапка нежную часть,
Бокал вина благовонный,
Насущный хлеба кусок,
Воды ключевой глоток
Найдет у себя в лачуге пастух, трудом утомленный;
Велик иль мал ты рожден —
Мы все равны меж собою, пока не прервется сон.

ПЕСНИ

МАЙ

*На рассвете в мае,
Месяце зеленом,
Трелям соловьиным
Поле вторит звоном.*

На рассвете в мае,
На заре росистой
Полон соловьями
Тополь серебристый,
И ручьи со смехом
Брызжут жемчугами
На цветы и травы
Вровень с берегами.
На ветвях цветущих
Краски блещут жаром —
Им наряды эти
Достаются даром.
Рады косогоры
Шалям благовонным,
*Трелям соловьиным
Поле вторит звоном.*
Красен май ручьями
И прохладой росной —
Март ему оставил
Ветер тученосный;
И апрель дождливый,
Не скупясь дарами,
Огненные кудри
Переплел цветами.
Для влюбленных в мае
Счастье вновь наступит,
А любви не знавший
В первый раз полюбит, —
*Потому что в мае,
Месяце зеленом,
Трелям соловьиным
Поле вторит звоном.*

Охотится кабальеро
От Парижа невядалеке,
В левой руке — поводыя,
Сокол — на правой руке.
Он не простился с дамой,
И сердце его в тоске —
Она со своим супругом
Осталась, верна судьбе.
О ней одной его думы,
Он едет, забыв о себе,
Псы между скал и буков
По звериной рыщут тропе.
Пустив жеребца по воле,
Он едет лесом густым;
Вдруг конь его остановился
Перед утесом крутым;
Тогда оглянулся охотник
И видит — дама пред ним
В одежде простой горянки,
Прекрасна, как серафим.
— Одной, через лес и горы,
Как мне пройти?
Ах, я погибну в пути!
Влюбленная, в горе безмерном
Я брошена другом неверным;
Без помощи, без опоры
Куда мне идти?
Ах, я погибну в пути!
— Куда спешите, горянка,
Одна по глухим лесам?
Одной здесь бродить опасно,
Я здесь заблудился и сам.
— В этом лесу, кабальеро,
Без помощи брошена я —
Мой милый друг за медведем
Погнался, оставив меня.
— Позор тому кабальеро,
Охотнику диких скал,
Что на медвежью шкуру
Даму свою променял!
Я вас провожу до дома,
Желанья ваши — приказ,

И от дождя, сеньора,
Плащом я укрою вас. —
Они на горе затерялись,
Укрыла их темнота;
В расщелине скал угрюмых
Их час рассветный застал.
Удача предпочитает
Безлюдные места.

* * *

По зеленым склонам
Ступает девица,
А ручей смеется,
И щебечут птицы.
По склонам зеленым
Девица ступает,
Раззвенелись волны,
Птицы не смолкают.

Пусть сосна с оливой
Про то не болтают,
Что, завидя Фабио,
Все девицы тают!
Пусть лилея розе
Не проговорится,
Что, завидя Фабио,
Тают все девицы!

ПЕСНЯ СТРАЖА

— Зоркий страж стены зубчатой,
Не сгуби меня, гляди,
Да и сам не пропади!
Там, в долине, сном объятый,
Враг не спит вооруженный.
— Истомился я, влюбленный,
Изнемог твой страж привратный.
— Бей же в колокол набатный
И врага опереди —
Не сгуби меня, гляди!

* * *

О светлые ветры Валенсии,
Вы морю дарите бризы,
Венчаете белым цветом
Ветви дерев апельсиновых,
Свежие гости апреля,
Вы — посвисты дудочек птичьих,
Вы — любви колокольцы,
Из-за вас влюбленным не спится;
Вздохи мои и песни
Туда несите,
Откуда они вспорхнули —
В белые руки милой.

* * *

В ночь на Сан-Хуана
Праздничной толпой
Приезжают дамы
На берег морской.
— Матушка, как звонко
Весла и ветер
Плещут в синем море
На рассвете!
— Милая сеньора,
Полно спать —
Солнцу Сан-Хуана
Время воссиять!

* * *

К морю приглашаем
В ночь на Сан-Хуана —
Пусть земля ликует,
Даль гремит морская!
Спляшем и сыграем
В радости блаженной,
Свежею вербеной
Кудри увенчаем!

К морю приглашаем
В ночь на Сан-Хуана —
Пусть земля ликует,
Даль гремит морская!

КЛЕВЕР

Господи, как пахнет клевер,
Алый клевер полевой!
Клевер любящей супруги,
Чья любовь годами длится;
Клевер той отроковицы,
Чьи невинные досуги
Стерегут замки и слуги,
Да не уследят порой;
Господи, как пахнет клевер,
Алый клевер полевой!
Клевер дамы, всем готовой
Уступить товар бесценный;
Клевер вдовушки почтенной,
Втайне ждущей свадьбы новой:
Под одеждою суровой —
Нижней юбки край цветной...
Господи, как пахнет клевер,
Алый клевер полевой!

* * *

Девушка просила
Возчиков обозных
У ворот Хетафе
Взять ее с собою.
— С тем, сеньора, парнем
Лучше не рядиться —
У него в упряжке
С норовом мулица.
— Смажь, разиня, оси,
С ними плохи шутки:
Если не подмажешь —
Не поедешь, дудки!

— Ну-ка, головные,
Воз назад подайте,
Не душите мулов,
Это вам не тати!
— Ох ты, матка-тетка,
Вишь, как развалилась!
Не возил бы старых,
Кабы божья милость.
— В этакой повозке
Ехать лишь поэтам —
Никакого весу
В них, надутых ветром.
— Всьшь-ка этой сивой —
Так ведь и ушла бы:
Зелень углядела.
Ох, уж эти бабы!

* * *

И откуда это чудо?
— Прямо из Панамы.
— Вы откуда, кабальеро?
— Прямо из Панамы.
— Самоцветы на сомбреро —
Прямо из Панамы.
— Золотая цепь на шее —
Прямо из Панамы.
— Рукава — штанин пышнее —
Прямо из Панамы.
— Ослепляют туфли блеском —
Прямо из Панамы.
— В размахае он турецком —
Прямо из Панамы.
— И откуда это чудо?
— Прямо из Панамы.

— Ах, идальго, вы откуда?
— Прямо из Панамы.
— Шеи нет, кулак в полпуда —
Прямо из Панамы.
— При кинжале воин храбрый —
Прямо из Панамы.

— От перчаток веет амброй —
Прямо из Панамы.
— На посулы не жаденек —
Прямо из Панамы.
— Но навряд ли даст вам денег —
Прямо из Панамы.
— Он прилипчивый и дерзкий —
Прямо из Панамы.
Сей Амур — петух индейский,
Прямо из Панамы.
Прежде был кастильцем голым —
Прямо из Панамы,
Ныне рядится креолом —
Прямо из Панамы.
— И откуда это чудо?
— Прямо из Панамы.

Б А С Н И

НАЗИДАНИЕ ЛЮБИМЦАМ

Знакомая это картина:

Не должен казаться слуга,
Коль жизнь ему дорога,
Ученее господина.

Король однажды сказал
Своему любимцу такое:

— Мне лист не дает покоя,
Что так ладно я написал;

Я взгляну, как напишешь ты,
Лучше выбрать умея. —
У придворного вышло ладнее,
Когда сравнили листы.

Королем расхваленный, к дому
Направляется он скорей
И, из трех своих сыновей,
Обращается ко старшему:

— Нам здесь оставаться опасно,
Большая грозит мне беда. —
О причине спросил тогда
Сын, испугавшись ужасно.

— Что в отце твоём больше прока,
Чем в нём, наш король нашёл.
А того, кто его превзошёл,
Не терпит тот, кто высоко!

ДРОВОСЕК И СМЕРТЬ

Послушай сказку: дряхлый старец,
Годов восьмидесяти, не меньше,
Из леса дальнего в Афины
Таскал огромные поленья.
Был труд его настолько тяжёк,
Что жаждал он одной лишь смерти
И лютую молил смиренно:
— Приди, о Смерть! О Смерть, не медли! —
И Смерть услышала однажды,
Стуча доспехами скелета,
Пред ним явилась и сказала
На костяном своём наречье:
— Ты звал меня, чего ты хочешь? —
И старец, задрожав, ответил:
— Хочу, чтоб ты мне пособила
Вязанку дров взвалить на плечи.

С О Н Е Т Ы

ИЗ КНИГИ «СТИХИ»

* * *

Стихи любви, живых умов забава,
Плоды души, где чувства отгорели,
Стояли возле вашей колыбели
Скорее боль, чем легкость или слава.

Подкидьши без крова и без права,
Я в рубище узнал вас еле-еле,
Но вас бы вновь, как близких, обогрели
Там, где отчизна ваша и держава.

Пусть вы смелее замыслов Дедала,
Искуснее, чем лабиринт на Крите,
А с вашим жаром не сравниться аду,

Но если та, чье смертоносно жало,
Отвергнет вас — смиряясь, обретите
В себе успокоенье и награду.

* * *

Амур! Тебе подвластен человек,
Он — жертва гнева твоего слепого:
Двум жизням жизнь дая, ты нас сурово
Караяшь, радостей лишив и нег.

Так служит Трое перебежчик грек,
Так лечит и калечит врач больного;
Луна растет, но убывает снова —
У золота Мидаса краток век.

Зовут тебя отцом — за то, быть может,
Что, как Сатурн, ты ешь своих детей?
Неужто счастье только муки множит?

Не уберечься от твоих затей;
Лишь смерть моя, как Геркулес, положит
Конец бесстыдной подлости твоей.

* * *

Твой дол, неблагодарнейший поток,
И берег твой, волнами охлажденный,
Да вздыбят скалою раскаленной
И закипит живительный твой сок!

Пусть молния спалит твой влажный лог
В пунцовых ирисах, в осоке сонной,
Пусть ты меж гор иссякнешь, изможденный,
И слышишь только слезный мой упрек!

И тот песок, что ты взрываешь ныне,
Пусть аспидами гнева обернется!
Но что мои проклятья? — Звук пустой:

Едва моя любовь стопой коснется
Тебя — и обращаются в святыни
Дол, воды, ирисы и берег твой.

* * *

Все те же ивы, травы и родник,
И те же берега, и те же горы,
Где я впервые встретил милой взоры
И просиял мне безмятежный лик.

Все та же речка блещет сквозь тростник.
Четвертая весна прядет уборы
Для тех же мест, и вешние просторы
Вновь огнедышащий Телец настиг.

И все же вы переменились, ивы.
О, всепобедность перемен! Равнина,
Не правда ль — встарь была горою ты?

Сегодня — я другой... И то не диво:
Не ты ли, время, дланью исполина
Стираешь даже горные хребты?

РАССТАВАЯСЬ С ДАМОЙ НА РАССВЕТЕ

На ясные небесные высоты
Вступало солнце, огненные кони
Топтали звезды, рдел на небосклоне
Цвет ревности с оттенком позолоты.

И все живое, выйдя из дремоты,
Уже за дело принялось спросонья,
Порхали птицы в радостной погоне,
Пчела гудела, покидая соты.

И золотом круги и полукружья
Чертил рассвет, румянец обретая,
И каждой травке жемчуга хватило.

Но чем светлее делалось снаружи,
Тем глубже в грудь вливалась тьма густая:
С восходом дня зашло мое светило.

* * *

Железный дух свою судьбу и веру
На четырех столпах крепил когда-то:
На силе моря, паруса, каната —
Все три доверя ветру-лицемеру.

Неужто мог смутить его, к примеру,
Меч Ориона в центре небоската,
Злой Нот, грозящий мглою без возврата,
И лунный круг, расплывшийся не в меру?

Блаженны те, чью жизнь решала разом
Раскрученная стрелка на магните
И диск, на тридцать две деленный части.

Но горе тем, кто, отвергая разум,
В безумье впал (мужайтесь и внемлите!),
Доверив сердце морю женской страсти!

* * *

Плачевная судьба постигла Троию,
Но и благословенная. Быть может,
Непобедимых греков зависть гложет
К ней, ставшей дымом, пеплом и золою.

Так я ревнивой страсти пыл утворю,
Сгорю, но век, который мною прожит,
Смысл обретет и стать душе поможет
Той бабочкой, что льнет к огню порою.

Пока живешь победно-величаво,
Безвестен ты, и лишь самосожженье
На славу даст неписаное право.

Да будет несчастливцу утешенье:
Раз от победы отвернулась слава,
Она собой венчает поражение.

* * *

В том не моя вина — моя беда,
Что, как бойцы, сошлись в неравной схватке
Мой пыл и холод твой; надежды шатки,
Что завершится миром их вражда.

Любовь и безразличие — два плода
На дереве одном, и нет разгадки,
Как может быть, чтоб горький плод и сладкий
Рождали те же почва и вода.

В одном и том же пламени горячем
Воск, размягчаясь, плавится, а глина
Твердеет, жару противостоя.

И мы не в силах поступать иначе:
В огне, любовь которому причина,
Все непреклонней ты, все мягче я.

* * *

Пылает Троя, облаками дыма
Пожарища уходят к небосклону,
Но плач и пламя радуют Юнону —
Мечь женщины — увы! — ненасытима.

И в храмах нет спасения, и мимо
Бежит народ, и стены внемяют стону,
И Ксант по растревоженному лону
Кровавый прах уносит нелюдимо.

Растет пожар, и, взглядываясь зорче,
Мы различим, как, зверствуя бесчинно,
Войска ахейцев множат разрушенья.

Пока Парис исходит в смертной корче,
Великих бед прекрасная причина
В объятых грека ищет утешенья.

* * *

Вы, ветерки, что миру рассказали,
Как горько я страдал, и вы, ручьи,
Где слезы замутили блеск струи,
Когда я плакал у любви в опале;

Лес, эхом вторивший моей печали,
Гора, где я метался в забвенье,
Река, рыданья несшая мои,
Как смертоносный яд, в морские дали,

Скажите милой (в том ее вина,
Что немота, как тяжкие оковы,
Мне сжала горло): день придет, она

За нрав свой непокорный и суровый,
Как Дафна, будет в лавр превращена;
И я себе сплету венок лавровый.

* * *

Верни ягненка мне, пастух чужой,
Ведь у тебя и так большое стадо,
А он — моя последняя отрада,
В разлуке с ним я потерял покой.

Не мил ему ошейник золотой,
Бубенчик медный — лучше нет наряда;
А нужен выкуп — вот тебе награда:
Теленок, будет год ему весной.

Ты доказательств просишь? Вот приметы:
Глазенки с поволокой, как спросонок,
Шерсть темная, сплошные завитки.

Хозяин — я. Чтобы проверить это,
Пусти его — ко мне придет ягненок
И будет соль лизать с моей руки.

* * *

Разумней тот, кто дал гадюке кров,
Кто вверил жизнь волнам и ждет ответа —
Как будто их растрогать может это —
От скал немых на свой молящий зов;

Кто требует на севере плодов,
В игре — приличий, среди ночи — света,
Лекарств — у хворых, у глупцов — совета
И помощи — у греческих богов;

Кто без меча погнался за ворами,
Кто со слепым о красках спор ведет,
Кто выжать из камней вино собрался,

Кто ищет в пекле влагу, в море пламя,
В песках цветы, у эфиопов лед —
Чем тот, кто с тощей женщиной связался.

* * *

Хоть женщин Бог мужчинам дал в награду,
А не для мук, как думает простак,
Одним они приносят море благ,
Другим же смерть несут, подобно яду —

Как небо, что сродни бывает аду,
Когда его застелет черный мрак...
Пороки их кляню, но если так,
И совершенства их прославить надо.

Ведь им на свет производить дано
Мужчин, хоть ненасытна их утроба,
А в сердце — ангел с чертом заодно.

Прекрасна их любовь, ужасна злоба;
Они — вино, что исцеляет, но
Порой доводит пьющего до гроба.

* * *

Как счастлив пахарь в урожайный год,
Моряк, к земной причаливший твердыне,
Паломник, завершивший путь к святыне,
Бедняк, урвавший крохотный доход,

И сочинитель сладкозвучных од
Про жизнь в родном краю и на чужбине,
Стяжавший лавры, в чьей листве поныне
Тоскующая Дафна слезы льет!

Но пахаря, матроса, пилигрима,
Страдальца, что с долгами расплатился,
Поэта, заслужившего венец,

Счастливее влюбленный несравнимо,
Который долго ждал, но очутился
В объятиях любимой наконец.

* * *

Лусинда, покормить решив птенца,
Не думала, что тот ее обманет
И выпорхнет из клетки, что поманит
На вольные просторы беглеца.

Пропал птенец! Рыданьям нет конца.
Бедняжка тщетно к небу руки тянет.
Как в снежной белизне гвоздика вянет,
Так у нее румянец спал с лица.

«Зачем, — кричит она, — ты от хозяйки
Бежишь — чтоб угодить в силок искусный,
Чтоб выстрел меткий жизнь твою унес?»

Разжалобившись, с солнечной лужайки
В свою тюрьму вернулся птенчик грустный
Столь беспредельна сила женских слез!

* * *

Кто в Аттике отыщет столько меду,
Дубов — в нагорьях, глыб — на берегу,
Весной — цветов на бархатном лугу,
Тяжелых гроздьев — в дни, когда природу

Лелеет осень, в зимнюю погоду —
Дождей, гонящих греться к очагу,
Каленых стрел, сулящих смерть врагу, —
В жестокой Мидии, по небосводу

Разбросанных в полночной тишине
Бессонных глаз, пронзительных и зорких,
В морях — валов, несущих гибель шхуне,

Песка — в ливийском царстве, рыб — на дне
И птиц — в дубраве, сколько вздохов горьких
Я по Лусинде источаю втуне.

* * *

Хрустальной, чем ручей, сбежавший с гор
И кружевом сверкающий у ската,
Желтей, чем приисков восточных злато,
Синей, чем лен, слепящий синью взор,

Черней стволов, ценимых с давних пор,
Эбеновых, душистей аромата,
Которым амбра дивная богата,
Красней, чем кошенилевый узор,

Лицо и локоны, глаза и брови,
Дыхание и губы милой нимфы,
В чьем теле, превратившем сказку в быль,

Воссозданы из плоти и из крови
Хрустальный блеск и золотые нимбы.
Эбен и амбра, лен и кошениль.

* * *

Любовь — иных даров я не припас
Для вас, Лусинда; я не ждал годами
Иной отрады, кроме встречи с вами,
Иного солнца, кроме ваших глаз.

Жить — значит к вам стремиться каждый час,
Счастливым быть — вас видеть временами,
Поэтом стать — восславить вас стихами,
Стать Геростратом — уничтожить вас.

Так пусть возносят вас перо и слово
К высотам, полным дивного сиянья,
Где ангелы витают в облаках!

Вблизи великолепия такого
Мои печали, песни и страданья
Останутся нетленными в веках.

* * *

Как дым, фигуру в воздухе почти
Слепивший — а фигура улетела;
Как ветер, что везде шныряет смело,
А сеть расставишь — пустота в сети;

Как пыль, что тучей вьется на пути,
Но дождь пошел — и тут же пыль осела;
Как тень, что похищает форму тела,
Но тела нет — и тени не найти, —

Так речи женщин — фальшь в любом ответе;
Прельстятся чем-нибудь — рассудок вон! —
Стыд потеряв, забудут все на свете.

Непостоянство — имя им. Смешон,
Кто верит женщине: лишь дым и ветер,
Лишь пыль и тень — то, в чем уверен он.

* * *

Должны терпеть матросы в океане
Безумство бури, буйных волн игру,
И вдаль смотреть, и стынуть на ветру,
Пока земля не проблеснет в тумане.

Должны бойцы терпеть на поле брани
Норвежский снег, ливийскую жару.
Должны, вставая рано поутру,
Пахать и сеять бедные крестьяне.

Моряк, солдат, бедняк — любой согрет
В скитаниях, в боях, в трудах мечтой
О близком порте, деньгах, урожае.

Но никаких надежд на счастье нет
У слуг, что терпят холода и зной,
Бессовестных хозяев ублажая.

* * *

Между колонн, оставшихся доньяне
На пепелище, выжженном пожаром,
Где славный город, уступив ударам,
Застыл примером попранной гордыни;

Среди руин, где сделались святыни
Норой звериной, логовищем старым,
В золе забвенья, где теперь недаром
Минувшей славы не найти в помине;

У стен, что были доблестью одеты,
А ныне лишь в плюще да повилике,
В развалинах без смысла и без строя,

Ищу бывшего милые приметы
И вопрошаю камень многоликий —
И слышу голос: «Здесь стояла Троя!»

* * *

Педро Линьяну

О благородства помыслы живые,
Чьи вечные плоды взаправду сладки!
Ты прав, Линьян, о жалком ли достатке
Радеть душе, избрав пути кривые!

Не стыдно ли, познав нужду впервые,
Дрожать и кинуть в сумрачном упадке,
Прельстившись блеском глянцевого облатки,
Искать ярмо для подъяремной вьи?

Всегда спокоен неразлучный с честью:
Ее не взять житейским ураганам,
Не наделяет ею благодетель.

И жалок тот, кто, пробавляясь лестью,
Никак не купит счастья чистоганом:
Сама себе награда добродетель!

* * *

Когда в пустынной пойме вас сажали,
Густые вязы несравненной стати,
Несовершенным разумом дитяти
Добро и зло я различал едва ли.

Уж тридцать раз, покинув край печали,
К Стрельцу от скорпионовых объятий
Водило солнце огненные рати
Кружным путем в неведомые дали.

Я с вами рос, и молодые годы
Нам обещали радость и удачу,
Я возмужал — окрепли ваши своды.

Но есть одно различие в придачу:
Бесплодые ваше — умысел природы,
А о своем я втихомолку плачу!

* * *

Увидел Сильвио, зайдя на луг:
Сплетясь узлом, грызутся две гадюки
И, яростные издавая звуки,
Друг другу доставляют много мук.

«Наверное, супруга и супруг, —
Решил пастух, — передрались со скуки:
Ни вместе жить не могут, ни в разлуке,
Их брак уныл и тяжек, как недуг».

И, сострадая двум несчастным гадам,
Он так сказал им: «Не могу понять я,
Зачем любить, чтобы себя губить,

Быть рядом — и травить друг друга ядом,
Шепча проклятья, заключать в объятия?..»
И палку взял: «Уж лучше вас прибить».

* * *

Пренебреженье в виде благостыни
И град насмешек справа или слева...
Да ниспошли мне милость вместо гнева,
Не буду знать, что делать с ней отныне.

Не радуясь ничуть такой судьбине,
Не ожидая всходов от посева,
Я лишь затем терплю обиды, дева,
Чтоб быть достойным избранной твердыни.

О, не скупись на милость! Но, коль скоро
Ты сжалишься, в мечтах о новом благе,
Как возвращусь к страданиям, сеньора?

А впрочем, до щедрот ли мне, бедняге,
Когда и крохи гнева и укора
Ты даришь с осмотрительностью скряги!

* * *

Я кораблей не жду из дальних стран,
У неба тихой не прошу погоды,
Когда Нептун, мутя трезубцем воды,
Вздывает на Бермудах ураган,

И не бросаю в борозду семян,
И не тружусь в поту, лелея всходы,
И, чтоб деньгами запастись на годы,
Не собираю подати с крестьян,

А одного хочу, сказать по чести:
Жить так, как с тополем живет вьюнок —
Прильнув к нему, словно жених к невесте;

О, как я был бы счастлив, если б смог
С тобой, Лусинда, встретить старость вместе
И умереть, когда настанет срок.

* * *

Гляжу на вас и вижу два светила,
О саламандра, любящая пламя, —
Ведь солнце, восходящее над нами,
Ваш ясный свет в сиянье воплотило.

Любовь меня крылами наделила.
Икаром я парил под небесами.
Но скоро ночь, и слезы льются сами,
И в море слез я падаю бескрыло.

Когда без вас округа тьмой объята,
Не ясно ли, что вы в первоначале
Дневных лучей, которым нет возврата!

Придете вновь, и озарятся дали,
А нет — прощай, вечерний луч заката,
Последний луч в очах моей печали.

* * *

Утратить разум, сделаться больным,
Живым и мертвым стать одновременно,
Хмельным и трезвым, кротким и надменным,
Скупым и щедрым, лживым и прямым;

Все позабыв, жить именем одним,
Быть нежным, грубым, яростным, смиренным,
Веселым, грустным, скрытным, откровенным,
Ревнивым, безучастным, добрым, злым;

В обман поверив, истины страшиться,
Пить горький яд, приняв его за мед,
Несчастья ради счастьем поступиться,

Считать блаженством рая адский гнет —
Все это значит — в женщину влюбиться,
Кто испытал любовь, меня поймет.

* * *

Уйти — и не уйти, бежать, остаться,
Чужую душу взять взамен своей,
Внимать Сирене, словно Одиссей,
Пут не порвать, но к ней всем сердцем рваться,

Свечой истаять, снова разгораться,
И строить на песке, и ждать вестей,
Упасть с небес в круг адových страстей,
Не каяться и духом не смиряться,

Молиться, верить, впасть с собой в разлад,
Терпенье звать труднейшею наукой
И временную муку — вечной мукой,

Отринуть правду, пить обмана яд —
Вот что зовется на земле разлукой:
Пожар в душе и вместо жизни — ад.

* * *

На берегах египетского Нила,
Учув человека издалека,
Рыдает крокодил под шум потока
Коварными слезами крокодила.

И ты, кому его притворство мило,
Ты слезы льешь, чтоб я страдал жестоко,
Кляня себя и мучась от упрёка,
Что боль моя тебя обременила.

Стремясь помочь в твоём притворном горе,
Спешу к тебе, не ведая угрозы,
Благословляя слезы неприязни.

О мой палач с сочувствием во взоре!
Казня меня, зачем роняешь слезы,
А плача, приговариваешь к казни?

ДАМЕ, ИЗ КОРЫСТИ ПОКИДАЮЩЕЙ МИЛОГО
РАДИ ПОСТЫЛОГО

Кларинда, устыдись, — Любовь внакладе,
Когда ликует Марс, Адонис плачет,
Когда подделка истину дурачит,
В душе не то, что видится во взгляде.

Страдалец или плут, кто, пользы ради
Предав любовь, ее на сердце прячет?
Лишь верность, если путь достойно начат,
Всегда при нас и с нами не в разладе.

Порой, кому расчеты не постылы,
Находит слезы вместо чистогана,
А эта ноша отнимает силы.

Придет расплата поздно или рано:
Внутри огонь, снаружи лед могилы —
Оскомина корысти и обмана.

* * *

Все копыя, греков ведшие к победам
За десять лет осады Илиона,
Рим, въджженный дотла во время оно,
Отчизна, притерпевшаяся к бедам;

Прибавь коней, возвращенных Диомедом,
И медного быка глухое лоно —
Все зло, что бесконечно и бездонно
Со слепотой, отчаяньем и бредом,

Пускай бы жгло, кололо, донимало,
Терзало, доводя меня до края, —
Так скорбь мою не превзойти нимало.

Но если вдруг... о, только б, умирая,
Тебя увидеть, чтобы ясно стало:
Я и в аду — лишь на пороге рая.

Тянусь к перу, но слезной пеленою
Туманятся чернила и бумага,
Хочу заплакать, высыхает влага —
Мои желанья не в ладу со мною.

Я не пишу — глаза тому виною,
Не плачу — все жива в груди отвага.
Ни к смерти, ни к бессмертию ни шага,
И жизнь меня минует стороною.

Не тронут лист, но, может быть, вы сами
Запишете (мне, право, слишком скверно,
И если вы не видите, поверьте)

Мои слова моими же слезами,
Тогда и вам откроется, наверно:
Слова и слезы только лики смерти.

ВАВИЛОН

Мой Вавилон, где я увидел свет,
Чтоб стать навеки притчей во языцех!
Своих и пришлых ты укрыл в гробницах,
Гнездо мое, приют в годину бед!

Тюрьма уму и сердцу с давних лет,
Ты — школа зла, ты — представленье в лицах;
Вся спесь твоя — в разряженных тулицах,
Элизий, где живому места нет!

Оплот невежества, вражды кипенье,
Притон, где языки — страшной клинка.
Нет — еду прочь, и Турия-река

Да смоеет эту грязь без промедленья!
Я видел ум в шутах у дурака,
И гнев спалил мое долготерпенье.

К НОЧИ

О сумасбродка Ночь, гнездо обмана,
Ты — пряха снов, ткачиха наваждений,
В край зыбких гор, безводных наводнений
Ты нас ведешь сквозь облако дурмана.

Твой дом — в мозгу безумца, шарлатана,
Ты — мать письмен, волшбы, изобретений,
Слепая рысь, пестунья преступлений,
Ты начеку и в страхе непрестанно.

Тьма, ужасы и зло в твоей отчизне;
Ты — сказочница, знахарка, больная,
Ты — жертва и палач: вот суть твоя.

Сплю иль не сплю, плачу тебе полжизни:
Днем усыпишь, коль ночь провел без сна я;
Когда ж я сплю, не знаю — жив ли я.

* * *

Я говорю, как прежде говорил,
Что дружба — лучший дар для человека;
Но нет испанца, римлянина, грека,
Кто знал бы совершенной дружбы пыл.

Блажен, кто этот перл в себе открыл,
Кому дала небесная опека
Дар дружбы, нам неведомый от века, —
Когда бы я таким счастливец был!

О друге печься, другом величаться —
Вот благо! С другом ведро и ненастье
Делить, всю душу другу поверять —

Не дай нам бог вовеки повстречаться!
Уж лучше никогда не видеть счастья,
Чем жить под страхом друга потерять.

* * *

Разорванных цепей стальные звенья;
Обрывки карт на отмелях морских;
Гнилые древки алебард лихих;
Орудия, разбитые в сраженье;

Руины башен; мерзость запустенья,
Где пахарь не приложит рук своих
К земле; лоскутья стягов боевых;
Разбитых панцирей нагроможденье;

Хоругви, сброшенных колодок груды,
Плен, вихрь, Алжир, тюрьма, пучина моря,
В земле — штандарты, в храме — знамена;

Так и стихи мои: и в них повсюду
Цепей любовных плен, пучина горя,
Моих страстей смертельная война.

* * *

Мой преданный, разбитый мой челнок!
Гоним враждой и дружбою притворной,
Ты уцелел, и я гребу, упорный,
Пером и шпагой, а причал далек.

Перо истерлось, выщерблен клинок;
Но следом за удачей иллюзорной
Ты все плывешь — живучий, непокорный —
Из гавани надежд в моря тревог.

Правь на свою звезду, презрев события;
Лишь дураку в диковину открытье,
Что вечных нет ни дружбы, ни вражды.

Мы лучшие года с тобой скитались,
И ради дней, что нам еще остались,
В порт не спеши и не страшись беды.

* * *

Сдается мне, что в каменной утробе
Ты выношена — в Сьерре, где дубы
Топорщатся, корявы и грубы,
Или в альпийском рождена сугробе,

Или в гирканской вскормлена чащобе
Тигрицей, или — нет страшной судьбы! —
Среди пожарниц, воплей и пальбы
Зачата на войне в безумной злобе.

Поэтому ты зла и холодна;
Посмотришь в ярости —дохнет могилой,
Но улыбнешься — вновь мне жизнь дана.

Я жив — и вижу вновь твой образ милый,
И верю: ты красива и нежна,
И, что ни день, влюбляюсь с новой силой.

* * *

Дочь времени, что в веке золотом,
Прекрасная, на свете пребывала,
Откуда кривда прочь тебя изгнала
Под стон несчастных и железа гром,

Святая Истина, ты божий дом
Украшила, в нем солнцем воссияла,
Ты миром в нашей вечной битве стала
И лучшим благом на пути людском.

О дева непорочная, нагая,
Сразишь ли ты измену, алчность, злобу —
Ты, солнца божьего живой зрачок?

Жизнь совести, глагол земли! Но, что бы
Я ни сказал, — почту ль тебя, благая?
Не ты ли, Истина, сама есть бог?

* * *

Гадать, уже в дороге или дома?
Была ли? Увидали? Оболгали?
Вертелась ли у зеркала? Едва ли.
Все непривычно, даром что знакомо.

Дрожать, вдруг чье-то сердце к ней влекомо?
Вдруг блеск монет, речей или регалий
Ее пьянит? Ушла ли? Отмела ли?
Уж не пришло ль время перелома?

И там, и тут тебе соперник мнится.
Ты победил — ну как враги нагрянут?
И днем, и ночью твой покой нарушен.

Вот, Марсий, какова любви темница.
Но стоит убедиться — ты обманут,
И ты не просто волен — равнодушен.

* * *

О, как нехорошо любить притворно!..
Но как забыть, отдав ей больше году,
Свою любовь? Прогонишь в дверь природу,
Она в окно стучится вновь упорно.

Отвергнутой заискивать — позорно,
И верной быть неверному в угоду, —
Необходимо дать себе свободу —
Предмет любви избрать другой проворно.

Увы! Любить без чувства невозможно,
Как ни обманывай себя прилежно,
Тому не выжить, что в основе ложно.

Нет, лучше ждать настойчиво и нежно,
И может быть, от искорки ничтожной
Он вспыхнет вновь, костер любви мятежной.

* * *

То ждешь и льнешь, то гонишь и клянешь,
То чтишь и льстишь, то мстишь и презираешь,
То знать не знаешь, то души не чаешь,
То глаз не сводишь, то не ставишь в грош,

Переиначиваешь правду в ложь,
Остыв, горишь, прельщая, запрещаясь,
Открыв, скрываешь, глядя, ослепляешь,
Как лунный диск, уменьшившись, растешь.

Любимого, пора понять бы это,
Не подберешь себе по точной мерке —
Твоя затея, Сильвия, смешна.

Да или нет? Устал я ждать ответа.
Быстрее прекращай свои проверки,
Любовь не в тягость — в радость быть должна.

ИЗ РОМАНА «АРКАДИЯ»

* * *

Рассыпав пышных прядей покрывало,
Что затмевают солнце блеском чудным,
У Кадиса на берегу безлюдном
Ракушки Сильвия в подол сбирала.

Ложились волны на берег устало,
Замедлив бег в покрове изумрудном;
Она сплела корзинку, сбором скудным
Наполнила — и та венцом ей стала.

Спеша домой, промолвила сердито:
— Вода морская, до чего ж ты зла —
Ты солью ноги мне сожгла и платье.

А я сказал: — Сколь должен проклинать я
Ту соль, что в розовых устах сокрыта —
Она всю душу мне огнем сожгла.

* * *

Теперь Амур — не тот стрелок прилежный,
Что мы рисуем мальчиком кудрявым,
Крылатым божеством, слепцом лукавым,
С железной хваткою ручонки нежной;

Он — не охотник, дикий и мятежный,
Стрел ядом не поит, не злобен нравом,
Не ветер он волнам, не солнце — травам,
Не пламя Этны, не Монкайо снежный.

О, слабое, невинное дитя!
Он из тростинки сделал лук и стрелы,
Сам неумело тетиву свивает;

Нет, он не губит ни души, ни тела —
Шалун играет, целится шутя
И — ненароком пташек убивает.

ИЗ КНИГИ «ДУХОВНЫЕ СТИХИ»

* * *

Кто я и что тебе в любви моей,
Иисусе? Пусть пойду я за тобою —
Что проку в том? В ночи, один, зимою
Зачем ты мерзнешь у моих дверей?

Да есть ли сердце моего черстей?
Ужели впрямь тебе я не открою?
О, если б равнодушье ледяное
Целило боль святых твоих ступней!

И каждый раз твердит мне ангел вечный:
— Встань, выгляни в окно, душа слепая,
Какую ты отринула любовь!

И каждый раз я в лености беспечной,
— Успеется и завтра, — отвечаю,
А завтра — то же повторяю вновь.

СТРАХ ВО СПАСЕНИЕ

Когда своей рукой, Царю предвечный,
Твой крест к устам смиренно подношу —
Я, недостойный, в страхе чуть дышу,
Приемля дар любви безупречной.

То спрячу в сердце ужас бесконечный,
То свой восторг слезами разрешу,
Во всех грехах покаяться спешу,
Страшусь, вздыхая в горести сердечной.

Ты милосердным взором освети
Заблудшего на гибельном пути,
Где тянут в бездну помыслы пустые —

И мы любой преодолеем страх! —
Ибо тому, в чьих грешных ты руках,
Протягиваешь ты свои — святые.

* * *

Когда, устав от долгого хожденья,
Я озираю пройденный мой путь, —
Мне дивно, что, блуждая как-нибудь,
Свои постиг я ныне заблужденья.

Когда гляжу, в каком пренебреженье
Был разум мой, его святая суть, —
Я сознаю, что бездны ускользнуть
Мне помогла лишь милость провиденья.

Сквозь хитрый лабиринт я был влеком,
Доверяясь нити жизни, столь непрочной,
И к вечеру изверился во всем.

Ты тьму рассеял, Свете непорочный,
Обман исчез, прозрел я в час урочный,
Заблудший разум отыскал свой дом.

О, сколько раз ко мне взывал Ты сам,
И откликался я, стыдом убитый,
Листком со древа Зла едва прикрытый,
Нагой перед Тобою, как Адам!

Я столько раз шел по Твоим следам,
И припадал к стопе, к кресту прибитой;
Искуплен кровью, за меня пролитой,
Я, низкий, вновь бежал к своим грехам!

Тебя пятнало уст моих лобзанье;
Но беглеца хозяин в наказанье
Велит, поймав, клеймить своим клеймом.

К Тебе пришел я ныне со слезами —
Даруй мне место на кресте Твоем
И поддержи меня — тремя гвоздями.

СОНЕТ
НА ДОКУКУ СУДЕБНЫХ ТЯЖЕБ

Вам, Тяжбы, бью челом, покуда цел;
Темна юрис-премудрость, не взыщите!
Когда ж конец судебной волоките,
Иль ей дано бессмертие в удел?

Попрала кривда столько правых дел!
Надежды вы без жалости крушите,
И правота нуждается в защите,
Коль крючоктвор крючком ее поддел.

О горы ябед, реки словоблудья!
Рождают вас и губят лишь чернила,
Над правом правовед творит расправу.

О дева Истина, о Правосудье!
Продажностью стяжав худую славу,
Ужели ты невинность сохранила?

НА СМЕРТЬ ДОНА ЛУИСА ДЕ ГОНГОРЫ

Всколебли сон серебряных зыбей,
О, Бетис, кипарисами венчаный,
На отчий край, издревле осиянный
Сенеками, хрустальный плач пролей!

Слезами затопи печаль полей,
Пой «Одиночеств» переплеск чеканный —
Неповторимый свет, чудесник странный,
Друг Полифема канул в мир теней.

Он смертной частью должен откупиться
От Времени; изысканная лира
Последний пункт включает в договор.

Он мертв и жив: пусть Гонгору для мира
Сей погребальный сохранит костер,
Где лебедь пал, там феникс возродится.

ИЗ КНИГИ «ЦИРЦЕЯ» С ДРУГИМИ СТИХАМИ И ПРОЗОЙ»

* * *

«Как опознать великого поэта?
Мозгляк ли он, хорошего ли роста?
Всегда в седле, пешком ли ходит просто?
Есть у него особая примета?

Что, милый мой, ты думаешь про это,
Поведай нам с талантом диагноста!
Один язык он знает или дó ста?
Он бритый? Бородатый, как Дамета?

Ты, Леонид, во всех искусствах дока.
Открой мне поскорей секрет секретов:
Как различить, кто гений, кто не гений?»

«Друг Сильвио, не слушай — все морока.
Ты спрашивал, кто лучший из поэтов?
Для этого довольно их творений».

* * *

Justissime vivis, si alios reprehendis,
quod ipse non facis.

Diog. lib. 1¹

Заглавными — должно быть, по старинке —
Премудрый чужеземец речи эти
Когда-то начертал, и, словно дети,
Обрадовались мы такой новинке.

И всякий грешный с грешным в поединке
Уверен, что сосед за все в ответе.
В своем глазу бревна не заприметя,
Он не прощает ближнему соринки.

Лициний, берегись навета злого,
Стремись к добру, к его высоким сферам.
Опасно мерить по себе другого —

Не прибегай, дружок, к таким замерам.
Вершить над ближним суд, увы, не ново —
Уж лучше помоги ему примером.

* * *

Поведай о рождении Елены,
О Лидия; о том, как в Трою кляча
Ввела войска; как, все переиначя,
Рок отомстил за гибель Поликсены.

Поведай мне о воинстве Порсенны,
Ты Сцеволу знавала, вот удача!
И при тебе Сеян, не слыша плача,
Во тьму с кровавой нисходил арены.

Ты знала Вальдовиноса не хуже,
Так расскажи, как гибнет благородство
И сколь обманов ядовиты всходы.

Но только не тверди, что хочешь мужа:
Не стыдно ли такое сумасбродство
С таким умом и в этикие годы!

¹ Воистину праведен, кто не прощает другому того, чего не делает сам. Диоген, книга 1 (*лат.*).

* * *

Beatus qui invenit amicum verum.

Eccl. cap. 35¹

Твердил, твержу и неизменно буду
Твердить, что в дружбе — счастье человека.
Но где испанца, римлянина, грека
Сыскать, чтоб верен был всегда и всюду?

Благословений кучу, уйму, груду
Счастливицу, вкусившему от века
Отраду дружбы; дружества опека
И мне знакома — вечно не забуду!

О бескорыстной дружбы упоенье!
Глубокое взаимопониманье,
И в радости, и в горе единенье!

Но лучше обойдусь без обожанья
Ввиду того, что счастье обретенья
Всегда чревато риском расставанья.

* * *

«Фернандо, нет завиднее удела:
Слыть мудрецом, не мудрствуя лукаво.
Найдется на хулителя управа —
Хвалителей толпа уладит дело.

Кто думает, что действует умело,
За тем умельца укрепитесь слава.
Да, мудрость благо, но она — отрава
И скольких загубить уже успела.

На жизнь глупца похож удел провидца.
Уж лучше чванной глупости одежда —
С поддельным знаньем легче примириться».

«Но, Леонид, помилуй, есть надежда:
Кто с дураком по мудрости сравнится,
Когда проведал он, что он невежда!»

¹ Блажен, кто находит верного друга (в русском переводе соотв.: Двоим лучше, нежели одному). Екклесиаст, глава 35 (*лат.*).

Honorans alios, se ipsum honorat.

Chysost.¹

Встречались мне на суше и на море
Добра и зла особые приметы.
Их знают летописцы и поэты —
Ты, Целио, доверься мне, не споря.

Я видел мир, войну, любовь и горе,
И полководцев, чьи дела воспеты,
Рожденья царств, злодейства и наветы,
И человека в славе и позоре.

Но не видал, — хоть утверждать не смею,
Что изреченье древних ныне ложно, —
Чтоб честь воздал не осененный ею.

Бесчестному, пожалуй, слишком сложно
Осуществить подобную затею:
Дать, не имея, просто невозможно.

ИЗ КНИГИ «СВЕТСКИЕ И ДУХОВНЫЕ СТИХИ
ЛИЦЕНЦИАТА ТОМЕ ДЕ БУРГИЛЬОСА»

К ПАРНАСУ

Гора, всех неприступнее в округе,
Нехоженные тропы да ухабы,
Ты, право, поотложе быть могла бы,
Чтоб всякий мог взобраться без натуги.

В сиянье солнца, в светозарном круге,
Твои снега растоплены и слабы,
А в зелени отрогов цвета жабы
Лежит покой, врачующий недуги.

Я к роднику, бегущему со склона,
Стремлюсь пешком — а лучше б на кобыле! —
И лавров жду смиренно и влюбленно.

Не проще ли сидеть в родной Мембрилье,
Чем сдуру лезть на кручи Геликона,
Подобно Дон Кихоту из Кастильи!

¹ Лишь воздавая честь по чести другому, воздаешь и самому себе. Хризостом, или Златоуст (*лат.*).

ПОЭТ СЕТУЕТ НА ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ ХУАНЫ К ЕГО
ПИСАНИЯМ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕЕ О ТЩЕТЕ ЛЮБВИ

К тебе, Любовь, подобно всем влюбленным,
К Хуане, чья душа несокрушима,
Стремлюсь с ревнивым пылом пилигрима,
Ее веленья объявив законом.

Сокрытое ценней по всем канонам
Того, что сотням глаз досужих зримо,
Но ты, Хуана, красоты помимо,
Наделена и сердцем непреклонным!

Твоя душа от стонов не смягчится,
Хоть впору бы тебе, роняя слезы,
Как Анаксарте, в мрамор превратиться.

Да, но путем какой метаморфозы?
И так из камня ты, моя гробница,
Мой мрамор цвета лилии и розы.

О ЗАРОЖДЕНИИ ЛЮБВИ С ФИЛОСОФСКОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Живые токи теплыми парами
Из сердца в мозг взмывают вместе с кровью
И из очей, пылающих любовью,
Другим очам ниспосылают пламя.

Когда любовь проходит рядом с нами,
То жар ее крадется к изголовью,
И, угрожая нашему здоровью,
Тоска нас пожирает временами.

Вот вкратце суть моей философемы:
В чужой душе и на иной орбите
Рожденный ток течет легко и немощно...

Но что за наказание, взгляните:
Я воздвигаю стройные системы,
А ты со стиркой возишься в корыте!

О ТАЙНЕ ТАЙН

О, тайна тайн, открытая неожиданно!
О, дамы, нет заманчивей секрета!
О, тайна, что доньне не воспета, —
Превыше откровений Иоанна!

Та, что была капризна и жеманна,
Теперь и вспомнит нехотя про это.
К чему вздыхать с заката до рассвета,
Когда любовь отныне постоянна!

Лекарство от любовного недуга —
Не выпрренной схоластики метанья
И не пустой алхимии потуга,

А истиной отмеченное знание...
Но слышу от читателя и друга:
— Ступай, приятель, с богом, до свиданья!

О ТОМ, КАК СЛЕДУЕТ ПОСТУПАТЬ ВСЕМ ВЕЛИКИМ В ОТВЕТ НА ЗЛОСЛОВИЕ

Борзой, чья стать, конечно, всем знакома, —
Бока и хвост как будто в черном лаке, —
С достоинством породистой собаки
Неспешно шел по улице вдоль дома.

Вдруг стая шавок, завистью влекома,
К нему рванулась, побуждая к драке, —
Так за деревню через буераки
Псы гонят волка в гущу бурелома.

Но как луна, скользя по небосклону
Над серебристым облачным оврагом,
Не внемлет лаю, вою или стону,

И наш борзой, не снизойдя к дворнягам,
Приподнял лапу, оросил колонну
И удалился горделивым шагом.

СЕТОВАНИЯ ПОЭТА НА РАВНОДУШИЕ ХУАНЫ

Когда твержу, не поднимая взгляда,
Хуане о любви, в ответ ни слова.
Шепну: «Ты жизнь моя!» — и слышу снова,
Что если так, ей только смерть отрада!

Когда ищу ее у водопада,
Она в лесу хоронится сурово.
«Куда ты?» — крикну, не расслышит зова
Иль отмахнется, будто так и надо.

Сравню с Еленой, сердится девица:
Мол, на гречанку похожу едва ли!
Припомню Поликсену — разъярится.

Доныне так меня не отвергали!
Сказал бы — ты бенгальская тигрица,
Да здесь Мадрид, и мне не до Бенгалий!

ДАМЕ, СПРОСИВШЕЙ О БЕГЕ ВРЕМЕНИ

Оно все то же каждое мгновенье,
Течет себе, и нет ему предела.
Твердить, что наше время повзрослело, —
По меньшей мере недостаток зренья.

Есть день и ночь, подъемы и паденья.
Одно пришло, другое отшумело,
С деньгами — рай, без денег — плохо дело,
И те же звезды светят нам с рожденья.

Хищенья, тяжбы, мелкие заботы,
Тьмы гнусных сделок, сплетен и секретов
И та же грязь под слоем позолоты;

Хватает дрязг, подлогов и наветов,
В любом углу друг с другом сводят счеты,
В любой дыре три тысячи поэтов!

О ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ С ОКЕАНОМ

Привет тебе, непостижимый Боже, —
Рай для акул, раздолье осьминогам,
Где мидии таятся по чертогам
И все страшит и радует до дрожи!

Ты, ни на что иное не похожий,
Губивший корабли по всем дорогам —
Трагедии с кровавым эпилогом
Судьба смотрела с рифов, как из ложи!

Ты, умудривший Дрейка с Магелланом
Пройти через пролив, почти вдоль стыка,
Назло волнам, сиренам и кайманам,

Не утай, всеведущий владыка, —
Я сыт отчизной, скукой и обманом, —
Откуда тут отплыть в Пуэрто-Рико?

О ТОМ, ЧТО БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

Могучий сын, ниспосланный Алкмене,
На берегу туманного затона
Сразил девятиглавого дракона —
Речную гидру в чешуе и пене.

Казалось бы, в победе нет сомнений,
Но лишь глава покатится со склона,
Уж новая растет непокоренно:
Точь-в-точь моя любовь назло измене.

Я зримых бед не опасаюсь, грешен,
Но чем смелей воюем с гидрой напей,
Тем злей она, и труд наш безуспешен.

Печали, что удачу гонят взашей,
Совсем как летний урожай черешен:
Найдешь одну — вернепья с полной чашей!

ТОМЕ БУРГИЛЬОС ПРОСИТ У ЛОПЕ ДЕ ВЕГИ ИЗВИНЕНИЯ
ЗА НЕСОВЕРШЕНСТВО СВОЕГО СТИЛЯ

Мне, Лопе, донесли уже, не скрою:
Ворчали вы, что в стиле я нестоек,
Что дружен с музой свалок и помоек
Весьма неблагоприятного настроения.

Да, я нестоек. Верно и второе.
Но я исправлюсь (как бы ни был горек
Излишек метафизик и риторик
С иною несъедобною мурою!).

Итак, я начинаю: — О, как тяжко
В священном блеске солнечной державы
Погибнет фаэтонова упряжка!..

Но чу! — увы, видать, вы снова правы:
За мной явилась муза-замарашка,
Ревнуня к позолоте вашей славы!

ПОЭТ ОПРАВДЫВАЕТСЯ В ТОМ,
ЧТО ПИШЕТ В НИЗКОМ СТИЛЕ

Небесный Свете, на высокий лад
Я восхвалял тебя былой порою;
Но квинта лопнула, и в низком строе
Запела лира; я ли виноват?

Среди моих бесчисленных утрат
Моя же боль смеется надо мною;
Я в крайности, и ты тому виною:
Ведь ты на милости не тароват!

Сколь высоко тебя бы я восславил,
Когда бы помогла мне исцелиться
Хвала вельмож от нищеты и прозы!

Ты все же мне сокровища оставил,
Хотя на них и зависть не польстится:
Две книги, три холста, четыре розы.

ЭПИГРАММЫ

* * *

Уж как я тебя люблю,
Люблю, как сладстена пряник,
Как воробей коноплю,
Как землю предков изгнанник,
Как старьй скупец казну,
Как воду поля в апреле,
Как муж младую жену
Четыре первых недели.

ЭПИТАФИЯ АСТРОЛОГУ

Лежит известный астролог
Под сим надгробием убогим.
Судьбу предсказывал он многим,
Но вот свою узнать не смог:
Лягнул осел провидца в спину...
Будь старец более умен,
Держал бы в поле зренья он
Не небо, а свою скотину.

* * *

Над «Тайной вечерей» бессонно
Трудился славный богомаз
И к бакалавру окрыленно
Пришел вручить его заказ.
А тот: «Испорчена работа:
Ведь сколько числится святых
Апостолов? Двенадцать? То-то!
А у тебя тринадцать их».
«Сеньор, — ответствовал художник, —
Клянусь, один из них вот-вот
Почувствует, что он безбожник,
Отужинает и уйдет».

* * *

Короли искоренят ли
Зло, что правит миром? Вряд ли,
Даже ежели стократ
Встанет истина пред ними:
Ведь глазами не своими
Все они на жизнь глядят.
Так в неведение их души
Пребывают искони.
А коль ищут зло они,
Им глазами служат уши.

АНОНИМ

ПРАВОУЧИТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ К ФАБИО

Друг Фабио, беги цепей придворных,
Они приводят к смерти гордецов
И метят ранней сединой упорных.

Тот, кто разбить не смеет сих оков,
Не вправе называть себя мужчиной
И домогаться лавровых венков.

Ничтожный дух робеет пред судьбиной,
Страшится он падений и невзгод,
Желая неизменности единой.

Муж, благородный духом, предпочтет,
Поверженный судьбой, пред ней склониться,
Но перед сильным выи не согнет;

И на венки судьба не поскупится
Для мудрого, что отступает в срок,
Когда глупец не хочет отступиться.

Дел и событий гибельный поток
Подхватывает нас от колыбели
И в даль уносит, полную тревог.

Пусть мчится мимо нас к безвестной цели,
Как ярый Бетис при разливе вод,
Круша утесы, размывая мели.

Героем истинным да будет тот,
Кто награжден за подвиг многотрудный,
Поскольку мнимые права не в счет.

Мы ждем от господина платы скудной,
А в старину богатство к нам текло
Из чистых рук Астреи правосудной.

Несправедливость, золото и зло
Идут с тираном, обогнав благого;
Куда нас, Добродетель, завело?

Вернись, мой друг, в имение отцово,
К земле, где ты возрос, опять прильни —
Нет благотворней воздуха родного!

И если там свои окончишь дни —
«Земля да будет пухом!» — каждый скажет
И помянет, как было искони.

Простой обед поститься не обяжет,
Пусть нет бесценной рыбы на столе
Иль мать богов в павлине нам откажет.

Ищи покой, столь редкий на земле,
Как ищет кормчий маяка мерцанье
В Эгейском море, в полуночной мгле.

Ты скажешь, укротив свои желанья:
«Тот, кто отринет, боле обретет;
А суд профана стоит ли вниманья!»

Для соловья гнездо, что сам он вьет
Из пуха и травы, стократ милее,
В неизвестной чаще звонче он поет,

Чем пел бы, слух властителя лелея,
Меж золоченых прутьев заключен,
О прежней воле горько сожалел.

Несчастлив тот, кто жизни обречен
В сем древнем обиталище порока,
Читать в душе тирана научен.

Пусть случай вознесет тебя высоко:
Знай, что, приемля жертвы, идол сей
Глумится над усердием жестоко.

Рассудок с жизнью согласить сумей,
На утро с вечера не отлагая,
Да и на миг откладывать не смей.

Разрушена Италика родная,
Чего ж ты ждешь, рассудку вопреки?
Вот в чем ошибка вечная людская!

Прошли знамена эллинов, полки
Сенаторов, промчались колесницы,
Истлели триумфаторов венки.

Что жизнь? — Лишь краткий день: блеснет
денница,
Едва достигнет солнце высоты
И вновь спешит в ночи холодной скрыться.

Что жизнь? — Росток, расправивший листы
И ввечеру увянуть обреченный;
Безумец! Скоро ли проснешься ты?

Возможно ли, что, жизнью увлеченный,
Я жизнь свою теряю по часам,
С нещадной смертью вживе обреченный?

Как реки устремляются к морям,
Так я стремлюсь от своего начала,
Доколе вздох последний не отдам.

За эти годы что со мною стало?
Какое благо смог я сохранить?
Лишь свет надежды мне судьба послала.

Хотел бы я познать и уяснить
Науку умирать, пока не поздно,
Пока не оборвется жизни нить

И жатву праздную косою грозной
Не скосит смерть, навеки приобщив
К материи единой колос розный.

Проходит лето, землю расцветив;
Проходит осень, щедрая плодами;
Зима проходит, снегом мир укрыв.

Листву дерев мы видим под ногами,
Но, закоснев рассудком, все живем
В том заблужденье, что владеет нами.

Так убоимся Бога, ибо в нем
Насущный хлеб, что он нам посылает,
И облака, чреватые дождем.

Не будем, как земля, что отвергает
Небесный дождь и труженика плуг,
Как та лоза, чей грозд не вызревает.

Ужели впрямь ты полагаешь, друг,
Что муж рожден для пламени сраженья,
Или чтобы земной измерить круг,

Иль солнечное вычислить движенье,
Иль в океане проложить пути?
Какое пагубное заблужденье!

Нет, наша доля — к высшему идти,
Стремиться к благороднейшим свершеньям
И подлинное благо обрести.

Ты, человеку данный провиденьем
Священный разум в нимбе из лучей,
Тебе мой дух обязан пробужденьем,

И в тех краях, где властвует Борей,
В моей груди твой огонь пылает снова,
И свет угасший воскресает в ней!

Хочу я, высшему послушен зову,
В молчании идти своим путем;
Что мне до славы и суда людского!

Восточный царь, кичащийся добром,
Заполнив башни в гордости надменной
Сияющим и чистым серебром,

Не купит всех соблазнов во вселенной;
Одна лишь добродетель ничего
Не стоит людям, будучи бесценной.

Несчастлив тот, кто дома своего
Бежит, корыстью за моря гонимый,
Добытчик золота и раб его.

Мне нужен угол, Ларами хранимый,
Да книга на столе, да верный друг,
Да краткий сон, заботой не томимый.

Природа из своих дарует рук
Воздержному, вдали соблазнов света,
Простую пищу и благой досуг.

Не думай, Фабио, что по обету
Взрастить в себе я добродетель смогу —
То не под силу даже Эпиктету.

Вначале следует презреть порок
И душу чистоте учить упорно —
Лишь в этом милости небес залог.

Тот, кто бежит услад, еще, бесспорно,
Не добродетелен, пусть даже он
Пороки ненавидит непритворно;

Но согласись, что множество препон
Встречается на сем пути высоком,
Где будет мир душевный обретен.

Не сразу плод нальется сладким соком;
Ум также созревает в свой черед,
Не связанный определенным сроком.

Сначала цвет прекрасный расцветет,
В нем завязь терпкая отвердевает,
А там и зрелость сладкая придет.

Таков и разум; он определяет
Поступки наши; взвесить он готов
Все, чем судьба и жизнь нас наделяют.

Не хочет Бог, чтоб я спешил на зов
Измученных, по торжищам снующих
Ничтожных добродетели шутов,

Бесчестных лицедеев, жадно ждущих
Рукоплесканий; их сердца темны,
Они — как мертвецы среди живущих.

Как вздохи ветра полны тишины
В безлюдье гор, где лишь молчанье живо!
Как в частых камышах они шумны!

Как добродетель скромных молчалива!
И как она у суетных душой
Трескуча, лицемерна и болтлива!

Хочу ходить в одежде я простой,
А поступать — как лучшие меж нами,
Не хвастая притворной нищетой;

Но не прельстимся яркими плащами
С шитьем, где блещет золотая нить, —
Равняться ль нам с дорийскими певцами!

Хотел бы я обычной жизнью жить,
Иметь и вид, и нрав обыкновенный,
Дабы во всем на прочих походить.

Иной достойный муж в судьбе смиренной
С не меньшей жаждою из глины пьет,
Чем из муранской чаши драгоценной,

Другой, снискавший славу и почет,
Не выше деревенской глины ценит
Хрусталь, что свет сияющий лиет.

В чем совершенство, если нам изменит
Умеренность? О Смерть, приди тайком,
Пусть тихая стрела меня заденет,

Нет, не в машине с громом и огнем —
Явись неслышно, сил не тратя все,
Поскольку я не запираю дом.

Здесь — истина, которой я взыскую,
Наставница моя, и только с ней
Желанья и дела я согласую.

Не смейся же над верою моей,
Ты думаешь — мне б только молвить красно?
Нет, искренен огонь моих речей.

Ужели истина не столь всевластна,
Не столь могущественна, как порок?
Верь, не робка она и не безгласна.

Хватает Гнев убийственный клинок,
Корысть вверяется стихии водной,
И Честолюбье — храбрости залог.

Уж если пыл, для лучшего пригодный,
Мы тратим ради низменных затей —
Что сделаем для цели благородной?

Я бросил все, что любо в жизни сей,
Для высшей цели, друг: порвал я путы.
Последуй мне, покуда из горстей

Не утекли последние минуты.

ЛУПЕРСИО ЛЕОНАРДО ДЕ АРХЕНСОЛА

К НАДЕЖДЕ

Устал он и продрог,
В усах — комочки льда,
Но чудится крестьянину, что снова
Подходит жатвы срок,
И август — хоть куда,
И зреют грозди золота хмельного.
Он пашет, но иного
Труда он жадно ждет
И забывает вечный этот гнет.

Железом тяжких лат
Усердно защищен,
Торопится юнец на поле брани.
Забыты мир и лад,
Родную землю он
Сменил на вражью. И не щедрой дани
Он ищет в океане
И в павших крепостях,
Но славы. И ему неведом страх.

Коварной глади вод
Судьбу свою вручив,
Мечтает мореход озолотиться.
Пусть ураган ревет
И волны, тяжело взмыв,
Несутся к жертве жадной вереницей, —
Он смерти не страшится,
Одним лишь одержим, —
Скорее к щедрым копиям золотым!

Оставив теплый дом,
Где сладко спит жена,
Охотник в лес бредет, презрев ненастье.
Земля покрыта льдом,
И зябко так со сна,
Зато ему и улыбнется счастье,
Ведь не в его ли власти
Прервать могучий бег
Любого зверя, — вот он, человек!

Да, нам за всякий труд
Награда суждена,
Какой бы ни была бесплодной нива, —
Так холода идут,
Чтоб их смела весна,
Все тот же круг, все им одним и живо.
И лишь надежды диво
Наперекор всему
Нас учит постоянству своему.

Так не лишай меня
Надежды. Без нее
Устройство мира будет в прах разбито,
И счастье, помяня,
Уйдет в небытие, —
А все твоя упрямая защита;
Отводишь ты сердито
Кольцо влюбленных рук,
И нет награды после стольких мук.

Два пола, но одна
Любовь довлест им.
Он требует, и вот она согласна,
И не ее вина —
Он страстью одержим,
Она лишь уступает силе властной.
И, стало быть, напрасно
Дашь ты мне отпор:
Любви уступка вовсе не позор.

С О Н Е Т Ы

К РАЗВАЛИНАМ САГУНТО

Уже не стены, нет, — в обличье стен
Я вижу призрак нашей горькой славы:
Здесь пал Сагунто, город величавый,
Презревший смерть и посрамивший тлен.

Векам корыстолюбья, лжи, измен
Вот он, пример величия кровавый:
Ни лестью, ни угрозами расправы
Не пошатнул твердыни Карфаген.

О, как бы мне твое, Сагунто, горе
С моим сплести — я с веком жил в раздоре,
Неколебимость возведя в закон.

И если, грозной жертве Ганнибала,
Тебе могила памятником стала,
Пусть и моим надгробьем станет он.

* * *

Я не страшусь ни злых зыбей, ни шквала,
Ни яростных пиратских каравелл,
Достанься даже рабство мне в удел —
Привыкнешь, и цепей как не бывало.

Я не страшусь ни подлого кинжала,
Ни — прямо в сердце — ливня скифских стрел,
Ни жарких пуль — пусть выстрел прогремел,
Спокойно жду я свой комок металла.

От смерти нам не спрятаться — она
Всех подчинит своей безликой силе,
Но разве *это* нас должно страшить?

Лишь тень забвенья смертному страшна,
Ведь о забытых и не скажешь: «Были...»
А что страшней, чем никогда не быть?!

* * *

Пойми, Хуан, уж так устроен мир:
Нам не уйти от первородной кары,
И как там ни ломись твои амбары,
Ты будешь наг, беспомощен и сир.

Неужто для наследников-проныр
Стяжаешь? Как представлю эти свары...
Нет, золото бесплоднее Сахары,
Иное дело слава — наш кумир!

Стяжай-ка лучше славу, но делами,
А не своей гробницею надменной,
Где только мастерство да матерьял

И славятся. А ты — в могильной яме —
При чем здесь ты? Ведь мастер вдохновенный
Твоих останков нам не изваял!

* * *

Я время вызвал (вытянул!) на бой,
Когда наперекор его уставу
Пустился возрождать былую славу
Тех, кто в забвенье брошен был судьбой.

Но к этой увлеченности слепой
Могла ли спесь не подмешать отраву?!
Помстилось мне, что я нашел управу
На тьму веков. Как я был горд собой!

И тут меня, безумца, полонила
Любовь, чтоб ей одной мои чернила
Расплескивали радужную лесь.

И хоть могло бы время эти узы
В прах источить — оно бежит обузы,
Из мести оставляя все как есть.

* * *

О призраке смерти, беспощадный сон,
Уймись, развежь зловещее виденье,
Что этот узел, нет, — хитросплетенье
Отчаянья и счастья — рассечен!

Лети к тому, чей ненавистный трон,
Как там бы ни блистал он, ждет паденье,
Или к тому, кто по ночам — в смятенье,
Ведь сундуков своих не видит он.

Пускай тирану снится, что ворота
В щепу разнес бунтующий народ,
Что подлый раб уже кинжал берет...

А богачу — что есть в подвале кто-то,
Что сбит замок... Но сладкая дремота
Пусть вьется там, где властвует Эрот.

* * *

Чтоб стрел тебе, Амур, не тратить даром,
Чтоб я ярмо любви смиренно нес
И в храм твой шел, сдержанье не в силах слез,
Как в юности, покорный женским чарам,

Вторую жизнь рождая в теле старом,
Верни мне пышную копну волос,
Пух над губой, румянец ярче роз
И зоркость глаз — пусть вновь пылают жаром!

Расставшись с прежней кожей, как змея,
Я б у порога той, в кого влюблен,
Стоял бы в дождь и холод, может статься.

Но если молодым не стану я,
Поскольку неизменен ход времен,
Зачем же мне менять привычки старца?

* * *

Октябрь уже с уборкой винограда
Управился, и хлынул дождь, суля
Разливом бурным смытые поля,
Ведь берега для Эбро не преграда.

Уже Монкайо снежная громада
Мелькает в тучах, и черней угля
С восходом солнца кажется земля, —
Так робко эта теплится лампада.

Вновь Аквилон скликает холода
Надрывным воем, прячет вновь тревога
Людей в домах и в гаванях — суда.

И Фабьо, распростертый у порога
Лукавой Таис, плачет от стыда,
Что времени потеряно так много.

* * *

Едва лишь солнце тысячами копий
Пронижет очертания вершин,
Торопится на папшню селянин,
Кляня безделье, вечный дождь и топи.

И вот могучий зверь — таким Европе
Предстал, красуясь, грозный властелин —
Уже в ярме, и чернозем долин
Ждет превращенья в золотые копи.

Вернется пахарь к вечеру. Жена
Ему навстречу выйдет, и, ликуя,
Вокруг него завьется детвора.

И будет пир горой и чудо сна
Живительного... Кто ж судьбу такую
Сменял бы на сумятицу Двора?!

* * *

Промаявшись на пашне допоздна,
Спит селянин, а чуть сошла дремота,
Он вновь на пашне — новая работа
Рассветом для него припасена.

Едва уймутся плуг и борона,
Черед лозы, ей так нужна забота,
А дальше время жатвы, обмолота,
И снова пожня требует зерна.

Так вот предназначение людское:
Трудиться и, мечтой об избавленьи
Прельщаясь, подвигаться вновь на труд.

Вот так жестоким кажется благое,
Ведь постоянство мира — в обновленьи,
И лишь безумцы с ним войну ведут.

БАРТОЛОМЕ ЛЕОНАРДО ДЕ АРХЕНСОЛА

СОНЕТЫ

* * *

Рукоплесканья, Мауро, не в счет,
Когда о славе речь; ее мерило —
Та мастерством питаемая сила,
Которая к бессмертью нас влечет.

Поверь: восторги, почести, почет,
Пускай толпа их славой окрестила,
В действительности — хищная могила,
Где нас (что дважды — смерть) забвенью ждет.

Все дело в похвалах. Они преградой
Становятся на избранном пути —
Так нам ли верить суетной удаче?

Ведь как там дифирамбы нас ни радуй,
В себе, в себе самих, и не иначе,
Величье мы способны обрести.

* * *

Пускай по жилам у тебя бежит
Кровь легендарных готов, это пламя,
И золотыми римскими орлами
Ты увенчал громады пирамид.

Пускай сандал, какао и нефрит
Подносишь Марсу ты в походном храме,
И Рим запружен черными рабами,
И вся земля у ног твоих лежит,

Пускай для смертных стал ты вышним светом
И в тысячах восторженных поэм
Твоих деяний слышатся перуны,

Пускай ты правишь колесом Фортуны,
И все ж, коль добродетели при этом
Не нажито, остался ты ни с чем.

* * *

Ты, Лаусо, натерпишься обид,
Коль не остынешь и не бросишь споры
С философами, суд их очень скорый,
Понятно им, какой ты Стагирит.

Уже один ученый этот вид,
С каким ты затеваешь разговоры, —
Большой соблазн, одолевать который
Им, к счастью, сердце доброе велит.

Однако ж ты мудрец уж больно шумный,
И быть беде... А впрочем, есть надежда,
Что, может быть, поймешь ты наконец:

Кто знает свое место, тот и умный,
Кто ничего не знает, тот невежда,
Кто знает, сам не зная что, — глупец.

* * *

Лишь под конец всех этих испытаний,
Всех этих споров с жизнью и судьбой,
Всех этих сумасбродств и за любой
Надеждой этих суетных метаний,

Скитаний этих, вновь и вновь скитаний, —
Так пилигрим кружить бы мог слепой,
Всей этой гонки за самим собой
Все дальше от благих предначертаний,

Лишь под конец увидел выход я, —
Жить, словно канув навсегда в забвенье,
И суетность мирскую побороть.

Да, незаметной станет жизнь твоя,
Да, тяжкий это крест — исчезновенье,
Но ведь зато награда — сам Господь!

* * *

Открой же мне, о вседержитель правый,
В чем промысл твой всевышний заключен,
Когда невинный в цепи заточен,
А суд творит неправедник лукавый?

Кто мощь деснице даровал кровавой,
Твой, божий, попирающей закон?
Чьей волей справедливый взят в полон
И наделен несправедливый славой?

Зачем порок гарцует на коне,
А добродетель стонет из подвала
Под ликованье пьяных голосов?

Так мыслил я. Но тут явилась мне
Вдруг нимфа и с усмешкою сказала:
«Глупец! Земля ли лучший из миров?»

* * *

Взгляните на Эльвиру, дон Хуан,
Да, да, румянец, белоснежность кожи, —
Так вот: все это стоит не дороже
Щепотки притираний и румян.

Однако ж так хорош ее обман,
Что будь и вправду это все ее же,
В правдивой этой красоте, похоже,
И то скорей бы я нашел изъян.

И не беда, что хитрости успешной
Поддался я; да ведь сама Природа
Не так ли взор обманывает наш?

Там, где лазурь мы видим небосвода,
Ни свода, ни лазури нет, конечно, —
Вся эта красота, увы, мираж!

* * *

Так ты считаешь, Фабьо, что узор
В ладони наши врезавшихся линий
Предскажет нам и божьи благостыни,
И божий гнев? Ну до каких же пор

Мусолить нам плебейский этот вздор,
Подобно черни хныча о судьбине, —
Пойми, в руках у нас (не в паутине
Морщин!) и слава наша, и позор.

Пускай ты не король, но ты как дома
И во дворце. Да при твоём-то счастье
Державные нужны ли чудеса?

Ты над собой и так не знаешь власти,
И чем тебя ни потчуй небеса,
Тебе как будто все уже знакомо.

* * *

Вот, искупавшись, башенку тюрбана
Из тонкого ты строишь полотна,
И тотчас ты — заморская княжна,
Смиренная избранница султана.

Залюбовался я, но тут, Сусана,
Ты распустила перевивы льна,
И кудри, кудри за волной волна
Обрушились на влажный мрамор стана

И захлестнули трепетную грудь,
Чьи два холма — ландшафт земного рая,
Где добродетель кроткая живет.

И не пойму — добить или вернуть
Меня ты к жизни хочешь, затевая
Ревнивый спор беспорнейших красот.

* * *

Какие б там ограды и замки
Родня твоя ни выдумала, Ана,
Клянусь, я в сердце вражеского стана
Проник бы, что мне пули и клинки!

Но вот гулянья эти у реки,
Да по утрам, да в пелене тумана,
Пускай ты в эту стынь уж так румяна,
Что вы с Аврой прямо двойники,

Нет, нет, уволь, — я знаю: март лукавый
Нагие тщится долы и дубравы
Отъять у хладной (вроде так?) зимы,

Но эти живописные боренья
Горячкой, друг мой, дарят и мигренью
И громоздят могильные холмы.

* * *

«Ты, чьим рукам беспечно доверяла
Свой жалкий пульс когорта смельчаков,
Похоже, ты и в жалости таков,
Что жалость обнаруживает жало.

Перо твое куда страшней кинжала, —
Да это ж праздник для гробовщиков —
Твои рецепты, дюжина листков,
Они, ей-богу, стоят арсенала».

«Да, да, все так! Я и рожден пресечь
Ваш драгоценный род, исчадья тлена,
И если с легкой этой вот руки

Вас убивают ваши порошки,
Я — Ганнибал, который, спрятав меч,
Крушит несчастных зельями Галена».

Э П И Г Р А М М Ы

* * *

Франсиско, зная, что беда
Здесь только жулика да вора
Не посещает никогда,
А с честных не спускает взора,
Ограбил одного сеньора
И схвачен был к исходу дня.
И вот, на свете всё кляня,
Судью он спросил с испугом:
«Как? Неужели по заслугам
В тюрьму посадят лишь меня?»

* * *

Инес, красой своей мужчин
Не раз пленявшая, бывало,
Увидя в зеркале в один

Прекрасный день мильон морщин,
Так на судьбу свою пеняла:
«Увы, не женскому уму
Вдаваться в тайны долголетия.
Я смерть безропотно приму.
Бессмертных нет. Но почему
Должна сначала постареть я?»

НА ЛЕГЕНДАРНУЮ
ОСНОВАТЕЛЬНИЦУ КАРФАГЕНА ДИДОНУ

Увы, Дидона, с самого начала
С мужьями скверно шли твои дела:
Когда явился первый — ты сбежала,
Когда сбежал второй — ты умерла.

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА-И-АРГОТЕ

РОМАНСЫ

* * *

Праздники, Марика!
Праздники, сестрица!
Значит, нам с тобою
Завтра не учиться.
Ты корсаж наденешь,
Будешь в тонкой токе,
Новенькая юбка,
Воротник высокий.
Я же покрасуюсь
В выходной рубашке,
В курточке из шерсти,
В башмаках на пряжке.
Будет ведро, выйду
Я в суконной шапке —
Это мне подарок
От сеньоры бабки;
Образок подвешу
С алою тесьмою,
Дядей привезенный
Прошлою весною.
Если мессу в храме
Простоим мы тихо,
Даст нам полпесетки
Тетушка портниха.
И тайком мы купим

На те полпесеты
Бобов два кулечка
И по две конфеты.
Мы пойдем с тобою
Вечерком на угол,
Я — играть в корриду,
Ты — понятно, в кукол,
С сестрами — Хуаной
И малышкой Росой;
Выйдут и кузины:
Линда с длинноносой.
Мама кастаньеты
Даст, и ты немного,
Их красиво вскинув,
Спляшешь у порога,
И Андреа с бубном
Выйдет и споеет нам:
«Я не верю, мама,
Зельям приворотным».
Мантию я ловко
Из бумаги склею
И покрасить соком
Тутовым сумею;
Смастерив, надену
Шлем в зубцах узорных
И его украсу
Парой перьев черных —
Их на огороде
Мне петух подарит:
Пост пройдет, беднягу
Все равно зажарят;
На высоком древке
Подниму я знамя
И шнурок крученный
С белыми кистями;
Из тисненой кожи
Голова гнедого,
Взял кусок веревки —
И узда готова;
А потом пройдем мы
Улицею в марше —
Все, кому тринадцать
Или чуть постарше,
И турнир устроим —

Пусть Барбола выйдет
И меня в сраженье
На коне увидит.
Эта Барболилья,
Пекарева дочка,
Жаренного в масле
Даст мне пирожочка,
И вчера давала:
Мне она соседка,
И мы с ней за дверью
Возимся нередко.

* * *

Веселую свадьбу
Сыграли едва,
И вот уже, мама,
Я полувдова.
Горючие слезы
Могу ли сдержать,
Когда мой желанный
Уходит на рать!

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

Зачем я, любимый,
Венчалась с тобой?
Короткое счастье
И вечная боль!
В каком тридевятом
Постылом краю
С собой похоронишь
Ты долю мою?

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

Уходит на гибель
Мой мильй, мой свет!
Теперь уже света
В очах моих нет.
На всем белом свете
Лишь черная мгла...
Сожгите же, слезы,
Мне очи дотла!

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

Пустите, пустите!
Моя ли вина,
Что с горем отныне
Я обручена?
Держите, коль худа
Желаете мне:
Рыдать, не рыдая,
Больнее вдвойне.

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

И кто не рыдал бы
На месте моем,
Будь сердце не сердцем,
А твердым кремнем?
И кто не оплакал бы
Долю мою?
Весне моей, мама,
Увясть на корню!

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу.*

Когда-то всю ночь
Не до сна было мне:
Светили мне очи
Его при луне.
Но сгинь и ослепни
Отныне, луна!
Постель моя вдовья,
Как снег, холодна.

*Пустите меня: я к реке убегу
Печаль свою выплакать на берегу!*

* * *

Рыдала девица,
Стирая белье:
Ее ненаглядный
Оставил ее.
В ту пору ей было
Четырнадцать лет;
Но весны проходят,

А милого нет.
Сияет ли солнце,
Горит ли луна,
О горькой измене
Все плачет она.
И множит ей памяти
Едкая соль
На слезную муку
Сердечную боль.

Милая, плачь:

Вылечит плач.

Но мать ее просит:
«Дочурка моя,
Утешься, иначе
Не выдержу я».
А та отвечает:
«Ах, матушка, нет,
Мне горя не выплакать
За десять лет.
Не хватит очей мне,
Не хватит мне слез —
Такую обиду
Мне милый нанес.
Пусть слезы струятся
Соленым ручьем,
Смывая с души моей
Память о нем.
Я петь разучилась,
А если пою,
Зовут все рыданием
Песню мою.
Мой милый с собою
Мой голос унес,
Оставив молчание,
Полное слез».

Милая, плачь:

Вылечит плач.

Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!

Девчонки мои, землячки,
Глядите в оба, гордячки,
Обманет вас ваша гордость,
Накажет беспечных!
Вы молодостью прекрасной
Не обольщайтесь напрасно —
Гирлянды сплетает Время
Из роз недолговечных.

Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!

Крылатые годы мимо
Пронесутся неувидимо
И лучшую нашу радость,
Как гарпии, похищают.
Спросите у чудоцвета —
Он вам подтверждает это:
Ведь что ему дарит утро,
То ночь назад забирает.

Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!

Нам вешние зорьки любви,
Но времени злые трубы
Не збрю уже играют,
Трубят нам сигнал к отбою;
А значит — погаснут глазки,
Поблекнут на щечках краски,
И юная ваша прелесть
Исчезнет сама собою.

Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!

Я знаю одну старуху:
Когда-то она, по слуху,
Была белокурой, нежной,

Меж девушками блистала;
А нынче самой ей гадки
Былой красоты остатки,
Обвисли на щеках складки,
Как мантия кардинала.

Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!

Знавал я еще старуху,
Угрюмую вековуху,
Единственный зуб имела —
Да в киселе утопила;
Она над ним причитала
И так его называла:
«Жемчужинка дорогая,
Прощай, мой дружочек милый!»

Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!

Так помните же, девчонки,
Упрямые головенки:
Все прахом пойдет под старость,
Что в молодости не растратишь.
Любите, пока вас любят,
Пока вас время голубит!
Опомнитесь вы, да поздно —
Судьбу за подол не схватишь.

Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!

* * *

Он Первый Знаменщик мавров,
А в сечи — он смерч разящий.
И храбр он, и благороден,
Галантен он и изящен.
Его и чернь, и дворяне
За сто шагов замечают;
Ему подражает войско,

В нем дамы души не чают.
Любимец судьбы и славы,
Слуга эмиру и чести,
Трофеями боевыми
Украшил он все мечети.
И все заселил темницы
Плененными кабальеро,
И дважды, вооруженный
Одной отвагой и верой,
Отбил он свирепый натиск
Отборной испанской рати...
Не знал он, какою платой
За службу эмир заплатит.
Не ведал и не гадал он,
Что ждет его наказанье,
И вдруг по воле владыки
Он приговорен к изгнанию.
Так в чем же Абенсулема
Прославленный провинился?
Влюбился он в мавританку,
Которой эмир пленился.
Она цветы ему дарит,
Даря его нежным взглядом;
И дар этот сладок мавру,
Эмиру же — горше яда.
Примнилось ему, что витязь
Нарушил монарху верность.
Чернит он Абенсулему,
Свою обеляя ревность!
...Сегодня опальный рыцарь
Исполнит волю эмира.
С утра напоил коня он
Водой из Гвадалквивира.
Звеня марокканской сбруей,
Отделанной филигранью,
Скакун его горячится,
Копытами землю рая.
Танцует нетерпеливо,
Сердясь, головой поводит, —
Но властною дланью всадник
Натягивает поводья.
Весь в черном, а плащ — как пена!
И ветер сливает вместе
Цвет безутешного горя

И цвет безупречной чести.
Узором из сотен копий
Свою накидку украсил
И надпись «Вот мое войско»
Он выткал арабской вязью.
Но веря, что не оружие,
А доблесть — залог победы,
Он взял с собой только саблю,
Кованную в Толедо.
Над шлемом белые перья
Трепещут в жемчужной пряжке:
Они окрыляют сердце,
Когда на душе так тяжело.
На крыльях мечты вернется,
Быть может, он в край родимый —
С надеждой он неразлучен,
Хотя разлучен с любимой.
Он едет в кольце алькальдов
Архоны и Мармолехо,
И вслед ему город плачет
И вздохи разносит эхо.
Прощаются с ним дворяне,
Прощаются простолюдины,
И дамы глядят из окон,
Не пряча своей кручины.
Кропили душистой влагой
Они его, а сегодня
На рыцаря льются слезы, —
Увы, — а не благовонья.
...Невеста Абенсулемы,
О скорой узнав разлуке,
Рыдала в девичьей спальне
И в горе ломала руки.
Услышав крики, метнулась
Она к перилам балконным
И молча сказала взором,
Отчаянным и влюбленным:
«Ступай со спокойным сердцем,
Мой витязь, и знай: покуда
Живу я на белом свете,
Тебя я не позабуду!»
«Любимая, будь же твердой, —
Ответил ей рыцарь взглядом, —
Разлучник наш просчитался:

Мы даже в разлуке рядом!»
И с этим прощальным словом,
Невнятным чужому слуху,
Он выехал на дорогу,
Ведущую на Андухар.

ИСПАНЕЦ В ОРАНЕ

Королю служил в Оране
Шпагою один испанец,
А душой служил и сердцем
Он прекрасной африканке,
Столь же гордой и прекрасной,
Сколь любимой и влюбленной.
Ночью на любовном ложе
Был он с ней, и вдруг: «Тревога!»
Приближенье берберийцев —
Вот что вызвало тревогу:
Их щиты сияньем лунным
Были выданы дозору.
Под луной щиты сверкнули
Искрой для костров сигнальных,
Молния огней тревожных
Породила гром набатный,
И в объятиях любимой
Был возлюбленный разбужен:
Он услышал гул набата,
Конский топот, лязг оружия.
Долг в него вонзает шпоры,
Страсть удерживает повод:
Не пойти в сраженье — трусость,
Женщину покинуть — подлость.
Только он за меч свой взялся,
Как к нему она метнулась,
Шею обвила руками,
Телом трепетным прильнула:
«Что ж, иди! В слезах бессильных
Утоплю я это ложе,
Без тебя оно, любимый,
Мне страшней, чем поле боя.
Одевайся, что ж ты медлишь?
Ждет тебя военачальник,

Ты его приказам внемлешь,
Глух к моим мольбам печальным.
Для чего тебе кираса?
Сердце ведь твое — из стали:
Скорбью мне его не тронуть,
Не смягчить его слезами! »
Но, в доспехи облачаясь,
Так испанец ей ответил:
«О любимая! И в страсти
Ты прекрасна и во гневе.
Движим долгом и любовью,
Ухожу и остаюсь я,
Плоть моя идет в сраженье,
Но душа с тобой пребудет.
О властительница сердца,
Не печалься и не сетуй:
В честь твою пойду на бой я,
В честь твою вернусь с победой».

* * *

Посреди коней быстроногих,
У берберов в бою отбитых,
Что искали живую зелень
На равнинах, кровью залитых,
Выбирает коня оранец,
Предводитель испанской рати,
Выбирает за звонкое ржанье
И за крепость поджарой стати.
На коня испанец садится
И сажает с собою вместе
Предводителя сотни неверных,
Полоненного им по чести.
И летит скакун быстроногий,
Подгоняем двумя седоками,
И четыре звонкие шпоры
Четырьмя обернулись крылами.
Закручинился мавр полоненный,
Подавляет он вздох глубокий,
Низко голову он опускает,
Проливает он слез потоки.

И дается диву испанец,
Сострадательным глядя оком, —
Отчего безутешно плачет
Мавр, бесстрашный в бою жестоком?
И тогда он пленника просит,
Просит скромно и благородно,
О причине горя поведать,
Если только тому угодно.
И ему повинуется пленник,
Словно боль свою облегчает,
На участливые расспросы
Он испанцу так отвечает:
— Ты не только храбр, предводитель,
Но и столь же учтив, без сомненья,
Ныне ты полонил меня дважды —
И оружием, и обхождением.
Ты желаешь знать, отчего я
Одержим тоской беспокойной,
И мой долг — открыть тебе правду
С прямою, тебя достойной.
Я родился в Гельвах, когда вы
Потерпели там поражение;
Я — сын турка и берберийки
Благородного происхожденья.
Рос я с матерью в Тременене —
Испытанье послала судьба нам:
Мы тогда отца потеряли,
У корсаров он был капитаном.
И жила по соседству с нами —
На погибель моей свободы —
Дева юная из Мелионы,
Мавританка знатного рода.
Всех красавиц она прекрасней,
Но тирана злейшего злее, —
И поистине дочь пустыни,
В чьих песках рождаются змеи.
*(И была она столь прекрасна,
Что цветы ее уст румяных
Были ярче, душистей, свежее,
Чем гвоздики на вешних полянах.)*
А чело у нее сияло —
Словно солнца двойник явился:
Каждый волос в тяжелых косах,
Словно яркий луч, золотился.

С ней росли мы друг подле друга,
И Амур, подшутив над нами,
Поразил сердца наши с детства,
Но различными острями.
В моем сердце стрела золотая
Обожанья сковала звенья,
А свинцовая в ее сердце
Утвердила вражду и презренье.
*(И она, смеясь над безумцем,
Повелела забыть о награде
И терпеть любую жестокость
Красоты ее дивной ради.)*
Лишь недавно поколебалась
Непреклонность змеиного нрава;
Вдруг — я в плен к тебе попадаю!
Как же мне не казниться, право?
*(Такова, господин, причина,
Омрачившая сердце и разум;
Сам суди, достойны ли горя
Столько зол и несчастий разом.)* —
Потрясен рассказом испанец,
Осадил он коня лихого —
Если б так же ему покорились
Беды пленника молодого!
— Благородный мавр! — восклицает. —
Если дама тобой любима
Точно так, как ты мне поведал,
То страдаешь ты нестерпимо.
И, твои злоключенья видя,
Не дивиться нельзя — ужели
Ты хранишь столь нежную душу
В столь могучем и крепком теле?
Что ж! поскольку ты пленник Амура,
Возвращайся в его владенья:
Что считал я своей добычей,
То чужое, вижу, именье.
И от дамы твоей не приму я,
Как велит обычай старинный,
Ни цветных ковров драгоценных,
Ни ярчайших сортов кармина.
Так ступай — люби, и терзайся,
И живи, господь тебе в помощь!
А когда ты ее увидишь,
И меня тогда, верю, вспомнишь! —

И с коня предводитель сходит,
Тотчас мавр коня покидает,
Он испанцу падает в ноги
И губами к ним припадает.
— Сотню лет живи, — восклицает, —
Рыцарь храбрый и благородный!
Пленный, дал бы тебе я выкуп,
Мою душу отдам — свободный!
Да пребудет аллах с тобою
И победу даст над врагами —
Чтобы множил ты свою славу
Столь же доблестными делами!

* * *

Белую вздымая пену,
Мчат алжирские галеры
За майоркским галеотом,
Словно гончие по следу.
В нем с женой — валенсианкой
Благородной и прекрасной —
От Испании к Майорке
Плыл счастливый новобрачный.
Он, любовью окрыленный,
На двойной стремился праздник:
Праздновать хотел он свадьбу
Вместе с празднованьем Пасхи.
Весело плескаясь, волны
К веслам ластились бесшумно,
К парусу с лобзаньем нежным
Ветерок прильнул попутный.
Но предательская бухта,
Давшая приют корсарам,
Выпустила вдруг на волю
Их — грозу морей испанских.
Галеот вперед рванулся,
Но четыре вражьих судна
Мчатся по волнам — о, горе! —
За добычей неотступно.
Их подстегивает алчность,
А преследуемых — ужас...

Жемчуг слез роняя в волны,
Молит юная супруга:
«О зефир, о вольный ветер,
Взысканный любовью Флоры,
В час опасности ужели
Не поможешь ты влюбленным?
Если только пожелаешь,
Ты в своем всеильном гневе
Дерзновенные галеры
Сможешь выбросить на берег.
Ведь не раз, могучий ветер,
Вняв молениям беззащитных,
Утлые челны спасал ты
От флотилий горделивых.
Не отдай наш бедный парус
В руки извергов бездушных,
Из когтей их ястребиных
Вырви белую голубку!»

* * *

Невольника злая доля,
И удачливость вражьего судна,
И немалое расстоянье,
А вернее, прихоть Фортуны,
Что дыханьем предателя-ветра
Отогнала крест христианский,
Чтоб уйти в свой порт от погони
Полумесяц мог оттоманский, —
Вот что пленника отлучило
От всего, чем владел он прежде, —
От родных парусов и башен,
От Испании, от надежды.
И следит он, как море грабит
Все добро его постепенно, —
Милый берег скрывает тучей,
Белый парус сменяет пеной.
И, когда утих ненадолго
Крик надсмотрщика за гребцами, —
С тяжким вздохом воскликнул пленник,
Обливая щеки слезами:

*Кого же мне винить?
Я гибну поделом —
Я сам себя гублю услужливым веслом!*

И мои злосчастные очи
Никогда не увидят снова,
Как оставлю я эти весла,
Как собьют с моих ног оковы.
Мне Фортуна открыла тайну,
И беда моя в том порукой:
Сколько в мире лет проживу я,
Столько лет не расстанусь с мукой.

*Кого же мне винить?
Я гибну поделом —
Я сам себя гублю услужливым веслом!*

Паруса собратьев по вере,
Возвращайтесь в свои владенья,
Вам меня не догнать, я знаю:
Неудачнику нет спасенья!
Враг уходит от вас с добычей,
Помогает ему погода —
Верно, ради моей неволи,
А не ради его свободы.

*Кого же мне винить?
Я гибну поделом —
Я сам себя гублю услужливым веслом!*

Так вернитесь в родную гавань,
Что на том берегу приветном,
И оплачьте мои несчастья,
И не спорьте напрасно с ветром,
А ты, мой вздох безнадежный,
Полети сквозь простор эфира,
Долети до жены моей милой
И вернись к берегам Алжира!

*Кого же мне винить?
Я гибну поделом —
Я сам себя гублю услужливым веслом!*

Где башня Кордовы гордой,
По пояс в реке и в небе,
Купает в Гвадалквивире
Короны гранитный гребень,
Там правит в стремнине синей
Челном Алкион влюбленный,
Пуская в пучину невод
И ввысь испуская стоны.

*А нимфа с надменным взглядом
Терзаньям страдальца рада.*

В пожаре любви и страсти
Сгорают жалкие стоны,
А тонкие сети с плеском
В бездонном затоне тонут.
Как весла взрезают воду,
Так душу стенанья режут,
И частые вздохи чаще
Тончайших рыбацких мрежей.

*А нимфа с надменным взглядом
Терзаньям страдальца рада.*

Так близко глядят с утеса
Глаза ее злым укором,
Но так далека свобода,
Плененная этим взором.
Как весла с размаху рубят
Волны голубые грани,
Так светом очей прекрасных
Печальный гребец изранен.

*А нимфа с надменным взглядом
Терзаньям страдальца рада.*

И он, из сил выбиваясь,
Торопится к ней, как будто
Взметнулись над сердцем крылья
И парус над лодкой утлой.
А нимфа ничуть не дальше,
И нимфа ничуть не ближе...
В пяти шагах недоступна,
Она его песню слышит:

*«Развернись, прими, пучина,
Меня и мою кручину.*

Взвиваясь на крыльях ветра,
Взгляните, стенанья, сверху,

Как вами пронзает смертный
Небес голубую сферу.
Ступайте, милые сети,
На дно голубого плеса,
Где вас в тишине отыщут
Страдальца скупые слезы.

*Развернись, прими, пучина,
Меня и мою кручину.*

И тем отомсти жестокой,
К которой взывал я тщетно,
Хотя и служил всем сердцем
Ей верно и беззаветно.
У вас узелков так много,
Мои любимые сети,
И все же отныне больше
Причин у меня для смерти.

*Развернись, прими, пучина,
Меня и мою кручину».*

* * *

Поет Алкиной — и плачет.
И плач потому так горек,
Что радости скоротечны,
Зато вековечно горе.
Поет Орфей Гвадианы;
Рокочут на цитре струны,
И в лад им вершины тают,
И стынет поток бурунный.
Как сладко он славит счастье!
Как горько клянет невзгоды!
И слушают замороженно
Вершины его и воды.

*«И брезжит надежда,
Да время не ждет:
Добро за горами,
А смерть — у ворот...»*

Добро — цветок-однодневка;
Распустится он под утро,
Да в полдень уже увянет,
Совсем и не цвел как будто.
А горе могучим дубом

Упрямо вздымает крону;
Его бороды зеленой
Века сединой не тронут.
Жизнь мчится, как лань-подранок,
А смерть ей под сердце метит...
Удача ползет улиткой, —
Успеть ли ей раньше смерти?
 «И брезжит надежда,
 Да время не ждет:
Добро за горами,
 А смерть — у ворот...»

* * *

— Кто ко мне стучится ночью?
Кто мне шепчет: «Отвори»?
— Я, сеньора, благородный
Рыцарь, дьявол побери!
Четырем громадным грандам
Я роднею довожусь,
Да и сам почти что *светлость*:
Аж без света спать ложусь.
Щит мой — вот мое именье;
На щите том тридцать тыщ
Нарисованных дукатов —
Кто же скажет, что я нищ?
Моему гербу, пожалуй,
Позавидовал бы луг:
Девять лилий, плюс репейник,
Две ромашки и латук.
Лишь бы только конь мой верный,
Собираючись в поход,
Сослепу не унавозил
Этот чудо-огород.
Благородного я роду
И болтать не стану зря:
Все исколесил я страны,
Все избороздил моря.
Но не встретился с мошною;
Не обидно ль, рассуди:
Столько раз я *маре види*
И ни в жизнь — мараведи!

Кровь во мне урчит, клокочет;
Благородство так и прет...
Но манеры нас подводят,
Коль живот нам подведет.
Потому к моей доле
Снисходили иногда
И участливо делились
Кошельками господа.
В час, когда все кошки серы,
С парой дюжих молодцов
Мы удили у дороги —
И случался знатный клев!
Выйду из лесу, бывало,
Хлопну дона по плечу,
Будто бы в Мальтийский орден
Посвятить его хочу.
И, почище Сан Мартина,
Он без звука отдавал
Мне свой плащ, а то и шпагу,
Ну а шпаги нет — кинжал.
Словом, что мне слава Сида,
Откровенно говоря?
Пусть он даже первый ратник,
Обиратник первый — я!
Мой тесак острее Тисоны,
А рубаха — та тверда,
Словно латы Сида, ибо
Не стиралась никогда.
От ее железной хватки,
Как от вражеской руки,
У меня не то чтоб шрамы —
Волдыри и синяки,
Потому как я, сеньора,
Нежно-голубых кровей.
Чтоб совсем не посинел я,
Отвори мне дверь скорей!

* * *

И плюхнулся глупый отрок
С разбега в садок тунцовый,
Как будто пролив не шире
Лужи у дома отцова.

Вдали, на прибрежном камне,
Его штаны голубели —
Те, из-за коих десятки
Юниц абидосских млели.
Он не заметил даже,
Как отмахал полпролива,
Видя свечи далекой
Трепетные призывы, —
Но вдруг аркебузы неба
Открыли огонь трескучий,
И ночь совсем взбеленилась,
И стали мочиться тучи.
Ветры, узды не чуя,
Пустились наперегонки,
Впущены из меха
Греком одной побасёнки.
Гордое море когда-то
Ксерксовых весел сносило
Удары — его, однако,
Дерзость юнца бесила.
Но правильный курс находит
Пловец, дерзновенья полный,
Глазами, когда всплывает,
Душой, уходя под волны.
Среди огонь охранявших
Не было нимф у Весты,
Чтобы равнялись рвеньем
С прекрасной дамой из Феста.
Стоя на башне, в страхе
Хочет спасти она пламя:
То заслоняет подолом,
То прикрывает руками.
Все бесполезно — бессильны
Руки ее и одежды:
Ветер, дохнув, кончает
И с пламенем, и с надеждой.
Тогда по тыще жемчужин
Излив из звезд своих, Геро
Жертвы и воскуренья
Сулит Амуру с Венерой.
Но голый Амур страшился
Ливней и был простужен,
Тогда как Венера с Марсом
Делили скромный ужин.

Пловец, огонька не видя,
Слабел от каждого маха,
Все меньше в ударах сердца
Любви и все больше страха.
И вот он совсем слабеет,
Все чаще воду хлебает,
Вот смерть свою видит рядом,
Идет ко дну, погибает.
Когда почти не дышал он,
На мощных плечах подъявля,
Его носильщики-ветры
Вытряхивают на землю,
Близ вожделенной башни,
Где, изнуряя силы,
Геро одну за другою
Звезды кляла и винила.
И в свете громадных молний
Увидев мертвое тело,
Когда оно на мгновенье
Среди камней забелело,
К милому без раздумий
Телом она устремилась,
А нежной своей душою
Туда, где сера дымилась.
Едва, озаря вершины,
Солнце успело выйти,
Девушка бедной Геро
Пришла на место события,
И, видя цветок достоинств
Раздробленный о камень,
Она нарыдала слезок
Пригоршни две, не мене.
После взяла свой гребень
И грустно на камне белом
Его зубцом начертала,
Точно резцом неумелым:
«Лежат здесь Леандр и Геро.
Всегда мы, глупые, людям
Служить образцом высоким
Любви и верности будем.
Как два яйца, наши жизни
Расхлопал Амур в безлунье:
Одно — вареное всмятку,
Другое — как для глазуни.

Родителей наших молим,
Чтоб траура не носили.
И пусть нас, погибших вместе,
Положат в одной могиле».

* * *

Я про Фисбу и Пирама
С позволения гитары
Вам поведаю — про верность
И страданья юной пары.
Как и вам, мне не известно,
Кто их родичи, лишь знаю,
Как зовется их отчизна,
А засим я начинаю.
Серебра была светлее
Фисба, младости картина,
Отсвет хрусталя и злата,
Двух смарагдов и рубина.
Словно памятки золотые —
В перстни свившиеся кудри.
Лоб ее — как жаркий полдень,
Отраженный в перламутре.
А глаза — само веселье,
Если не сполох надежды,
Чьи берет весна оттенки
В день триумфа на одежды.
Губы Фисбы — из кармина,
Зубы — белых перлов нити
(Ведь и вы в суконке — злато,
Жемчуг — в кумаче храните).
Так Венера с юрким сыном
С помощью трех юных граций
Примешала к нежным розам
Белых лепестков акаций.
Ни дитя, ни дева (зубки
Скажут вам о том же самом),
В туфлях, тесных с непривычки,
С пряжкой, на зависть дамам.
Был отец смиренный старец,
Матушка — точь-в-точь колода,
Милые простоллюдины,

Мягче воска, слаще меда.
Что бы дочка ни спросила,
Старики всегда на страже:
Молоко лебяжье спросит —
Сливки ей несут лебяжьи.
Это ль диво, если в мире
Не сыскать прелестней чада?
Очи, милые двум душам,
Четырех очей услада,
Материнских рук сноровка
И забота рук отцовых;
Прежде — Зорька колыбели,
Нынче — День перин пуховых...

* * *

Здесь, в зеленых копьях осоки
(Словно лебедь вод белоснежный,
Что прощается с жизнью счастливой
В пеленах гармонии нежной),
В пеленах погребального плача,
Распрошусь я с жизнью несчастной
И тогда разочтусь с тобою —
Столь холодной, сколь и прекрасной.
Дам покой я отныне луку,
Истомленному тетивою,
Им украшу древо Алкида,
Чтоб висел он веткой живою,
И у горлинки одинокой
На вершине старого клена
Украду тишину, о которой
Умоляет она монотонно.
О прекраснейшая из лучниц,
Ты дика, словно лань лесная,
За которой ты мчишься следом,
Мой тиран, моя мука злая!
Красота твоя и жестокость
Столь безмерны, что мир дивится,
Лес и поле в недоуменье:
Кто ты — нимфа или тигрица?
Ты возносишься тем надменной,
Чем покорней мое смирение,

Все ловцы лишь о нас толкуют,
И выходит по их суждению,
Что мы оба подобны дубу,
Уцелевшему под ураганом,
Оба мы себя показали:
Ты — устойчивой, я — постоянным.
Только этим ты дубу подобна —
В остальном ты схожа с лозою,
Что трепещет от дуновенья
И сгибается под грозою.
С той поры, как ты меня гонишь,
У тебя уже нет желанья
Гнаться в поле за грозным вепрем,
Ни в лесу за быстрою ланью,
И в приюте твоём счастливом
Не висят на стенах непокрытых
Ни рога, ни шкуры животных,
Словно я, тобою убитых.
Не к ловитве ты охладела,
Но терзает тебя досада —
Вдруг тебя на охоте встречу,
Твоего удостоюсь взгляда.
По тебе любой истомится,
Кто увидит тебя однажды;
Если ты не пройдешь по лесу,
Даже лес иссохнет от жажды.
Вслед тебе расцветают розы,
Рассыпаются птичьи трели:
Для полян твои быстрые ноги —
Животворные два апреля.
Я хотел бы тебе в угоду —
Не того ль ты сама хотела? —
Отпустить истомленную душу,
Что еще живет мое тело,
И на этом закончим распрю,
Каждый честно дошел до края —
Ты до края вражды, ненавядя;
Я — до края любви, умирая.
О Сегура, всех рек царица,
Что, покинув горные страны,
Пробегаешь тучные земли,
Достигая вод океана,
Ты, приившая в полное лоно
Столько слез из очей моих сырых,

Что отныне впадают в море
Два горючих Гвадалквивира, —
Сделай так, чтоб ее жестокость
И великой верности сила
Стали всем известны в том мире,
Где владычицей — мать Ахилла,
Чтоб не только лесные дебри,
Но и все водяное царство
Знали правду о верном Далисо
И о Нисе, полной коварства.

* * *

Не свою верность, пастушка,
Ты стадо беречь должна:
Ведь ранее, чем пастушкой,
Ты женщиной создана.
Пусть чистота горностая
Славой своей бела;
С нею ты, как с овчинкой:
Надела — потом сняла.
Твердость оставь гранитам
И поуступчивей стань:
Ведь даже в суровом камне
Гранило делает грань.
Ствол крепкостопой ивы
Ветры колеблют едва,
Зато покорна зефирам
Податливая листва.
Видишь — лоза упруго
Обвила красивый вяз,
А простодушной ветвью
С соседним лавром сплелась.
Жалобно горлица стонет,
Приманивая самца,
Но прячет второе ложе
В густой листве деревца.
Разве гвоздика раскрылась
Для одного шмеля?
Цветет она, среди многих
Гнет красоты деля.
Верная отраженью,

Ручья прозрачная гладь
Лишь образ того, кто рядом,
Будет волной ласкать.
Непостоянство дало
Сыну Венеры крыла
И перья, чтобы точнее
Разила его стрела.
И всякого интереса
Лишится его игра,
Если своею волей
Ты лишь с одним добра.
Так сбрось дорогие путы —
Не золотом узда ценна —
Крепость шнура шерстяного
Обуздывает скакуна.
Знаю: злосчастной и трижды
Злосчастной ты родилась,
Если, подобно орлице,
С солнца не сводишь глаз
Или же, в простодушной
Прихоти естества,
Подобна голубкам пенно-
Рожденного божества.
А вспомни, как поплатилась
За неприступный свой нрав
Нимфа лесная, однажды
Голоса тенью став!
Но если хочешь, пастушка,
Чтоб огласился весь край
Твоею красой жестокой —
Слова мои презирай.

* * *

Разочарованье,
Неба дар бесценный,
Ты открыло клетку,
Где сидел я, пленный!
Я твой храм украшу
В честь освобожденья
Тяжкими цепями
Злого наважденья,

И ярмом железным,
Что сорвал я с шеи,
Разрешая узы
С помощью твоею,
И разбитой лодкой,
Символом крушенья,
Что привел я в гавань,
Хоть не ждал спасенья, —
Пусть они украсят
Храм тебе во славу,
Злобного Амура
Устыдив по праву,
Пусть мальчишка-лучник
Пред тобой смирится,
Ты влачишь трофеи,
Стоя в колеснице:
Глупые надежды,
Тщетные мечтанья,
Вздорные поступки,
Пылкие желанья,
Жгучие тревоги,
Ревность горше яда,
Райские мученья
И блаженства ада.
Пусть тебя восславят
Песни, гимны, оды,
Ты слепцу — прозренье,
Узнику — свобода;
Пусть лампы теплят
Твоему кумиру
И пред ним в кадилах
Возжигают мирру!
Кто ж вернул мне разум,
Снял безумья бремя,
Чтоб сумел сказать я
Правду в наше время,
Если только шутки
Ныне в обиходе
И одни фигляры
Неизменно в моде?
Это ты, сеньора,
Что со мной свирепа,
Но желанна, словно
В пост великий — репа!

Приклони вниманье,
Слушай, недотрога,
Как мои безумства
Сам сужу я строго.
Сколько раз ночами
Мерз я и томился —
Пес твой, верно, думал,
В столб я обратился,
И, задравши ногу,
С наглой простотою
Башмаки страдальца
Серебрил рососою!
Сколько раз ночами
Я в тоске безбрежной
Камешки с дороги
Подбирал прилежно,
Чтобы бросить в ставень,
Знак тебе давая!
Знать бы, что напрасно
Руки я мараю!
Сколько дней бродил я,
Облеченный сталью!
От нелегкой службы
Высох и устал я,
Погремку пустому
Я подобен ныне:
Скорлупа стальная,
Кости в середине!
Сколько лет я прожил —
Чахлый, жалкий, бледный —
Скорбным Амадисом
На Стремнине Бедной!
Сколько дней несчетных
Я вкушал при этом
Собственные ногти,
Мучась над сонетом!
Сколько глупых бредней —
Многие страницы!
Ты теперь смеешься —
Каюсь я сторицей.
Эту писанину
Мы считали вместе:
Я — великой правдой,
Ты — великой лестью.

Сколько раз о полночь
Пел я под гитару:
— Дай воды, сеньора,
Гибну от пожара! —
Ты не помогла мне,
Черствое созданье, —
Лишь сосед на помощь
Подоспел с лоханью...
Что ж — прощай, сеньора,
Ты добра со мною:
Обогреешь летом,
Снега дашь зимою,
А мою печенку
Наливаешь желчью —
Чтоб свое безумье
Сам решил пресечь я.

АНДЖЕЛИКА И МЕДОР

В той пастушеской лачуге,
Что войны свирепой сила
Не заметила в чащобе
Иль за бедность пощадила,

Там, где вместе с пастухами
Кроткий мир, надев овчины,
Гонит коз высоко в горы,
А овечек — с гор в долины,

Там нашел приют счастливец,
От погибели спасенный,
Благосклонностью Амура
До небес превознесенный.

...Он лежал на поле битвы,
Взор затмился соколиный,
А по полю проезжала
Дева — жизнь и смерть мужчины.

Вмиг с коня она слетает —
Не затем, что знает мавра,
А затем, что слишком ярко
Расцветают кровью травы.

Кровь с ланит ему отерла —
И Амура ненароком
Зацепила: он таился
В розах, осужденных роком.

В бледных розах он укрылся
И надумал, своенравный,
Ограничь Алмаз Китайский
Ради этой крови славной.

Он околдовал ей очи —
И непрошенная жалость
В сердце черствое вонзила
Нежных скорпионов жала.

Раненый кремень смягчился,
Гордость боле не сражалась,
Засверкали слезы-искры —
О, предательница-жалость!

Дева рвет лесные травы
И прикладывает к ране —
Но врачует не лекарство,
А целительные длани.

Дал Амур ей с глаз повязку,
Но, покров с кудрей срывая,
Грудь она бинтует мавру,
Блеском солнце затмевая.

Затянув последний узел,
Видит — небо, не иначе,
Шлет ей в помощь селянина,
Что верхом трусит на кляче.

Пастуха остановили
Девы жалобные крики,
Что деревья клонят долу
И смягчают камень дикий,

И, поскольку здесь ютится,
Глушь дворцам предпочитая,
Милосердье, — к ним на помощь
Он спешит, душа простая.

Спешивается крестьянин,
Уступив седло учтиво
Обескровленному телу,
Что двумя сердцами живо,

И ведет их в дом убогий;
Солнце между тем садится,
Но дымок над скрытой кровлей
Не дает с дороги сбиться.

Там встречает их хозяйка —
Эту тень, едва живую,
Но зато с двумя сердцами,
И — в заре двух солнц — слепую.

Не периной пуховою —
Им постель застлали сеном;
Быть ей вскоре брачным ложем,
Быть Медору здесь блаженным!

О божественные руки,
Чудодейственно и скоро
Новой силой и здоровьем
Одарили вы Медора!

Он от вас приемлет ныне
И любовь, и трон в придачу,
И двойную ревность Марса,
И Адониса удачу.

Над лачугой резвым роем
Вьются крошки-купидоны,
Словно над лесною бортью
Пчелы с ношей благовонной.

Как шипит, в узлы свиваясь,
Аспид ревности злосчастной,
Счет ведя любовным стонам
Голубков в истоме страстной!

Как его Амур нещадно
Хлещет плетью-тетивою —
Пусть Амура не позорит,
Место не сквернит святое!

Сарацин шелками блещет,
Дышит миррой ароматной,
Брошен полумесяц лука,
Позабыт и меч булатный;

Барабаны в его войске —
Рокот горлинок влюбленных,
Рой крылатых чад Венеры —
Верные его знамена.

И она, полунагая,
В буйных кудрях золотистых,
То подобранных жасмином,
То в венке гвоздик душистых,

Шествует в златых сандалях,
Дабы ножка отдыхала
И красу земного мира
Пыль земная не пятнала.

Все вокруг влюбленным служит:
Птичьи крылья — опахалом,
Легковейные зефиры
Сон несут очам усталым,

Им ковры дарит поляна,
А дубрава — балдахины,
А лесной родник — дремоту,
Песню — голос соловьиный,

Им дарят кору дерева,
Чтоб они на ней писали
Долговечней, чем на камне
Иль на бронзовой скрижали.

Здесь на каждом клене имя,
Вензель каждый тополь метит;
Лес окликнет: — Анджелика!
— Анджелика! — дол ответит.

Даже мрак пещер зловещих,
Где царит теней залятье,
Святотатственно тревожат
Двух любовников объятья.

Сих свидетелей безмолвных —
Ложе, дом, дубравы, логи —
От безумного Орландо
Да спасут благие боги!

Л Е Т Р И Л Ь И

* * *

Был бы я обут, одет —
До других мне дела нет.

Поболтать иные рады
Про монархов, их свершенья
И систему управленья,
Ну а мне немного надо:
Утром — водки с оранжадом,
Хлеба с маслом — на обед,
До других мне дела нет.

Принцу в вечном страхе смерти
Яства лучшие не сладки
Даже в золотой облатке,
Я же насажу на вертел
Колбасу — и сыт, поверьте,
И живу себе без бед —
До других мне дела нет.

Пусть январь несет туманы,
Пусть в горах зима в разгаре —
Слушать бы, на углях жаря
Желуди или каштаны,
Сказки про чужие страны.
Про царей минувших лет —
До других мне дела нет.

Пусть купец иные земли
Ищет — я ищу ракушки
На песке возле речушки,
Песням Филомены внемля

В роще, что спокойно дремлет,
Мне не нужен Новый Свет,
До других мне дела нет.

На валы, что бушевали
В ночь, когда, тоской томимый,
Плыл Леандр к своей любимой,
Я бы променял едва ли
Струи вин в моем подвале,
Терпкий вкус их, яркий цвет —
До других мне дела нет.

Пусть Амур в ожесточенье
Вместо спальни шлет Пираму
Меч, пронзив его и даму:
Зуб — мой меч, а увлечение
У меня одно — печенье,
Я смеюсь влюбленным вслед,
До других мне дела нет.

* * *

Коль сеньоры станут слушать,
Воспою без промедленья —
Не великий подвиг Сиды,
Не Саиды злоключенья, —
Воспою четыре дела,
Что свершают, без сомненья,
Иль, напротив, не свершают, —
Убоюсь людского мненья.

Появляется охотник —
Родамонт на мелколесье,
Бравонель, гроза всех зайцев,
Полный глупостью и спесью,
И, поскольку пес героя
Еле жив от утомленья,
Тот стреляет дичь... в трактире,
Убоюсь людского мненья.

Из ножон не вынет шпаги
Щеголь, робкий в деле чести,
Он что сокол быстрокрылый:
Миг — и нет его на месте!
Но в укромном закоулке
Сталь он зубрит о каменья,
Трижды плащ себе дырявит, —
 Убоюсь людского мненья.

Перед нами дон Такой-то,
Утешающий обедней
От двенадцати до часу
Свой желудок безобедный, —
Он, не проглотив ни крошки,
Простакам на обозренье
Ковырять в зубах выходит, —
 Убоюсь людского мненья.

Секретарь суда златыми
Фердинандом с Изабеллой
(За приписку иль подчистку)
Кошелек наполнит цельй;
Если ж вы ему внесете
По закону поступенье —
Сдаст вам грошик с золотого,
 Убоюсь людского мненья.

Вот юрист — вдвойне премудрый
И в двойной игре примерный —
Двери настезь для клиента
(Если даже год холерный).
Морит голодом он мула
И со вздохом сожаленья
Напрокат берет он платье,
 Убоюсь людского мненья.

Я пою со слов правдивых
Знаменитого поэта,
Что ночной увенчан вазой
Над рекою, им воспетой;
Пусть разинет рот пошире
Всяк, мое услыша пенье,
И до плеч развесит уши, —
 Убоюсь людского мненья.

ФОРТУНА

Фортуна дары
Раздает как придется:
Когда улыбнется,
Когда отвернется.
По-быстрому делит,
И все — шито-крыто:
Кому — кучу денег,
Кому — санбенито.

Дает, и не знает,
Кого награждает:
И верно, и скверно,
И всяко бывает.

Лишит козопаса
И стада, и крова,
Захочет — с лихвою
Вернет ему снова.
С лихвой — не с лихвой,
А такое случится:
У хрбмой козы
Два козленка родится.

Дает, и не знает,
Когда награждает:
И густо, и пусто,
И всяко бывает.

Бродяга яйцо
Из курятника свистнет,
И вот он, как персик,
На солнышке виснет.
А этот — почище
Любого бандита —
Ворует и грабит,
И все — шито-крыто.

Фортуна на это
Глядит как придется:
Когда улыбнется,
Когда отвернется.

Каждый хочет вас обчесть.
Так и есть.

Баба дому голова.
Черта с два!

«Кто без денег — тот бездельник;
Без эскудо — скудоум», —
Судит толстый толстосум.
Богу мил богатый мельник,
А не богомол-отшельник.
Деньги купят рай и честь.
Так и есть.

Но поверить сдуру крале,
В чье окно стучится рать
Ухажеров, и считать,
Что помянутая краля
Изменяет вам едва ли:
Зря-де злобствует молва, —
Черта с два!

Продается все на свете!
Кто с мощною — тот сеньор.
Распродал дворянство Двор;
Может пень, в магистры метя,
Степень в Университете
За дукаты приобрести, —
Так и есть.

Потаскушки из столицы
В Ронде дамами слывут...
Призадумаешься тут.
Но поверить, что девицей
Стала ты, успев проститься
С повитухой едва, —
Черта с два!

Просит милостыню нищий,
А в ответ он слышит: «Прочь!»
И не вздумают помочь
Ни грошом ему, ни пищей,

Пусть в кармане даже тыща,
А в кубышке и не счесть, —
Так и есть.

Но считать, что тверже стали
Дух у дона Размазни,
Оттого что искони
Он при шпаге и кинжале,
Воротник его в крахмале
И в помаде голова, —
Черта с два!

Сможет опытный сутяга,
Будь он даже казнокрад,
Выплыть по реке *Дукат*
(Если только он не скряга)
Из болота *Передряга*
В море под названьем *Честь*, —
Так и есть.

Но чтоб верная супруга
Разноглазых дочерей
Понесла вдруг, хоть убей,
От законного супруга,
Если год уже округа
Знает, что она вдова, —
Черта с два!

* * *

Мысль моя, дерзання плод,
Внемли доброму совету:
Не ищи чудес по свету,
Не вверяй ветрам полет.

Мысль моя, небесной дочерью
Ввысь не вздумай заноситься —
Ты, что метишь выше птицы
Да роняешь наземь перья;
Тот, кто внял высокомерью
И взлетел в слепой отваге, —
Он хлебнул соленой влаги
В глубине Эгейских вод.

Мысль моя, дерзанья плод,
Внемли доброму совету:
Не ищи чудес по свету,
Не вверяй ветрам полет.

Не ищи тайком дороги
В сердце, полное презренья, —
Лучше водами забвенья
Утоли свои тревоги;
Тот охотник быстроногий,
Что взалкал запретной дичи, —
Стал он псов своих добычей,
Жертвой собственных тенет.

Мысль моя, дерзанья плод,
Внемли доброму совету:
Не ищи чудес по свету,
Не вверяй ветрам полет.

* * *

*То еще не соловей,
Что щебечет меж ветвей, —
То серебряная стая
Звонких бубенцов,
То фанфара золотая
Шлет рассвету зов,
Свет очей моих встречая.*

Нет, не всякий звучный глас —
Зов сирены окрыленной,
Что в прибой листвы зеленой,
Словно в море, манит нас;
Но, гармонией плененный,
Все ж не покоряйся ей, —

*То еще не соловей,
Что щебечет меж ветвей, —
То серебряная стая
Звонких бубенцов,
То фанфара золотая
Шлет рассвету зов,
Свет очей моих встречая.*

Истый мастер, слава мира,
Врачеватель бед могучий —
Не летучий рой созвучий,
Не порхающая лира:
Инструмент, во власти чьей —
Высший строй души твоей.

*То еще не соловей,
Что щебечет меж ветвей, —
То серебряная стая
Звонких бубенцов,
То фанфара золотая
Шлет рассвету зов,
Свет очей моих встречая.*

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Голубка, ты умчалась
От нежного супруга,
Разлукой ранив друга.
Вернешься ли со стоном —
Он ласками встречает,
Воркуя, привечает;
Счастлива ты стократ,
Неверное творенье,
В любовной сладкой битве и сладком примиренье!

Любовнику свидетель —
Густая эта крона,
Сень сладостного стона;
Она и твой свидетель —
Густая крона эта,
Твоих утех примета:
Здесь бой кипел любовный
В приюте неги страстной —
Столь редкостному древу и пламя не опасно!

Моя печаль считала
Стенанья голубицы —
Блаженные вы птицы!
Считала моя зависть
Лобзанья сокровенные —
О птицы вы блаженные!
Их насчитал я боле,
Чем слез я пролил в мае,
Чем звезд я видел в небе, по лучику считая!

Неблагодарный к людям,
Амур один виновник,
Что слезы льет любовник, —
Он внемлет лишь голубке,
Но глух к людским рыданьям
И слеп к людским страданьям.
Он, верно, любит перья,
Поскольку сам пернатый, —
Пером и улецаю тебя, божок крылатый!

НА НЕСНОСНЫЕ КРИКИ ЛАСТОЧКИ

В висячей колыбели
Ютишься ты, незваная, как дома;
Крикунья, в тесной щели
Устроилась под кровлей из соломы —
Затем, что роща в ревности своей
Лишает гнездышко дневных лучей.

Не будь же столь крикливой,
Меж певчих птиц докучное созданье!
Найдя приют счастливый,
Зачем пронзаешь ты покой молчанья?
Что думать мне о посвисте твоём —
Иль это зависть обросла пером?

Писк жалоб неуместных
Пусть раздирал бы в залах позлащенных
Слух госпожей прелестных;
Зачем ты мне меж этих ив склоненных
Мешаешь наслаждаться соловьем
На мураве, вспоенной хрусталем?

О злобная пустыня,
Какого аспида ты породила
И мне прислала ныне —
Ты скромной хижины покой смутила,
Где жизнь моя блаженна, хоть бедна,
Где уст не размыкает тишина.

Заботу и досаду
Я не впущу, попасть им невозможно
В мой садик, за ограду
Сребра живого спрятанный надежно, —
И аромат не излетит отсель,
С чужих лугов не залетит и шмель.

ДАМЕ,
КОТОРОЙ ПОЭТ ПРЕПОДНЕС ЦВЕТЫ

Жасмин я рвал на склонах —
Чуть жемчугом заря их заткала, —
Чтоб из цветов сплетенных
Гирлянду свить для твоего чела,
Хотя признать готов —
Соседство слишком лестно для цветов.

Стерег их от покражи
Летучий эскадрон дозорных пчел.
Сей неподкупной страже
Я отдал плоть свою на произвол
И куст ограбил вмиг,
Терпя мученья от алмазных пик.

Твоей гирлянды ради
Я, Хлорис, разогнал охрану злую.
Не откажи в награде:
За каждую пчелу — по поцелую!
Мне мил такой расчет:
Тебе — цветы, а мне — душистый мед.

С О Н Е Т Ы

* * *

Чистейшей чести ясный бастион
Из легких стен на дивном основаньи,
Мел с перламутром в этом статном зданьи,
Божественною дланью сочленен,

Коралл бесценный маленьких препон,
Спокойные оконца, в чьем мерцаньи
Таится зелень изумрудной грани,
Чья чистота для мужества — полон,

Державный свод, чья пряжа золотая
Под солнцем, вьющимся вокруг влюбленно,
Короной блестящей венчает храм, —

Прекрасный идол, внемли, сострадав,
Поюще коленопреклоненно
Печальнейшую из эпиталам!

* * *

Где кость слоновая, где белоснежный
Паросский мрамор, где сапфир лучистый,
Эбен столь черный и хрусталь столь чистый,
Сребро и золото филиграни нежной,

Где столь тончайший бисер, где прибрежный
Янтарь прозрачный и рубин искристый
И где тот мастер, тот художник истый,
Что в высший час создаст рукой прилежной

Из редкостных сокровищ изваянье, —
Иль все же будет плод его старанья
Не похвалой — невольным оскорбленьем

Для солнца красоты в лучах гордыни,
И статуя померкнет пред явленьем
Кларинды, сладостной моей врагини?

* * *

О влага светоносного ручья,
Бегущего текучим блеском в травы!
Там, где в узорчатой тени дубравы
Звенит струной серебряной струя,

В ней отразилась ты, любовь моя:
Рубины губ твоих в снегу оправы...
Лик исцеленья — лик моей отравы
Стремит родник в неизвестные края.

Но нет, не медли, ключ! Не расслабляй
Тугих поводьев быстрины студенной.
Любимый образ до морских пучин

Неси неколебимо — и пускай
Пред ним замрет коленопреклоненный
С трезубцем в длани мрачный властелин.

* * *

Как зерна хрустала на лепестках
Пунцовой розы в миг рассветной рани
И как пролившийся по алой ткани
Искристый жемчуг, светлый и впотьмах,

Так у моей пастушки на щеках,
Замешанных на снеге и тюльпане,
Сверкали слезы, очи ей туманя
И солоня стенанья на устах;

Уста же были горячи, как пламень,
И столь искусно исторгали вздохи,
Что камень бы, наверно, их не снес.

А раз уж их не снес бы даже камень,
Мои дела и вовсе были плохи:
Я — воск перед лицом девичьих слез.

* * *

Зовущих уст, которых слаще нет,
Их влаги, окаймленной жемчугами,
Пьянящей, как нектар, что за пирами
Юпитеру подносит Ганимед,

Страшитесь, если мил вам белый свет:
Точно змея меж яркими цветами,
Таится между альыми губами
Любовь, чей яд — источник многих бед.

Огонь пурпурных роз, благоуханье
Их бисерной росы, что будто пала
С сосков самой Авроры — все обман;

Не розы это, нет, — плоды Тантала,
Они нам дарят, распалив желанье,
Лишь горький яд, лишь тягостный дурман.

* * *

Пусть твоего не омрачит чела
Скорбная мысль о кончившемся крахом
Дерзком полете юноши, чьим прахом
Бездна морей прославлена была!

Ветру подставив нежные крыла,
Ты воспаришь над леденящим страхом
Темных глубин, поднявшись, взмах за взмахом,
К сферам, огнем сжигаемым дотла.

В знойном сиянье золотого шара,
Там, где царь птиц вперяет в пламя взор,
Плавится воск от солнечного жара.

Море — твой гроб — и цепь прибрежных гор
Примут, почтя, что нет ценнее дара,
Имя твое нетленное с тех пор.

ДАМЕ С ОСЛЕПИТЕЛЬНО БЕЛОЙ
КОЖЕЙ, ОДЕТОЙ В ЗЕЛЕНОЕ

Ни стройный лебедь, в кружевные всплески
Одевший гладь озерного стекла
И влагу отряхающий с крыла
Под золотистым солнцем в перелеске,

Ни снег, в листве соткавший арабески,
Ни лилия, что стебель в мирт вплела,
Ни сливки на траве, ни зеркала
Алмазных граней в изумрудном блеске

Не могут состязаться в белизне
С белейшей Ледой, что, зеленой тканью
Окутав дивный стан, явилась мне;

Смирило пламень мой ее дыханье,
А красота умножила вдвойне
Зеленый глянец роц и рек сиянье.

* * *

Я пал к рукам хрустальным; я склонился
К ее лилейной шее; я прирос
Губами к золоту ее волос,
Чей блеск на приисках любви родился;

Я слышал: в жемчугах ручей струился
И мне признанья радостные нес;
Я обрывал бутоны алых роз
С прекрасных уст и терний не страшился,

Когда, завистливое солнце, ты,
Кладя конец любви моей и счастью,
Разящим светом ранило мой взор;

За сыном вслед пусть небо с высоты
Тебя низринет, если прежней властью
Оно располагает до сих пор!

* * *

Взойди, о Солнце, вспыхни, расчерти
Узором пестрым вздыбленную гору,
Сменяя в небе белую Аврору,
Спешу по алому ее пути;

Своей привычке верное, впусти
В рассветный мир Фавония и Флору,
Веселые лучи дара простору,
Зыбь серебри и ниву золоти;

Чтоб, если Флерида придет, цветами
Был разукрашен дол, но если зря
Я жду и не придет она, то пламя

Не расточай, в вершинах гор горя,
Вслед за Авророй не спеши, лучами
Луг золота и воды серебря.

* * *

Я выпил из твоих хрустальных рук
Амура сладкий яд, глоток нектара,
Что сердце мне сжигает, и пожара
Смирить не в силах даже лед разлук.

Как золотой гарпун, которым вдруг
Жестокий мальчик грудь пронзил мне яро, —
Твой светлый взгляд, и рана от удара,
Чем дальше я, приносит больше мук.

Здесь, Клаудия, в изгнанье, в ссылке дальней,
Я потерял дорогу среди мглы,
И ныне слезы — мой удел печальный.

Любовью я закован в кандалы.
Когда ж развяжешь ты рукой хрустальной,
Мой серафим, железные узлы?

* * *

Вы, сестры отрока, что презрел страх,
В долине По укрывшие на кручах
Колонны стройных ног — в стволах могучих
И косы золотистые — в листьях,

Вы зрели хлопья пепла, братний прах
Среди обломков и пламен летучих,
И знак его вины на дымных тучах,
Огнем запечатленный в небесах, —

Велите мне мой помысел оставить:
Не мне такую колесницей править,
Иль солнце равнодушной красоты

Меня обрушит в пустоту надменно,
И над обломками моей мечты
Сомкнется безнадежность, словно пена.

* * *

Нет ни в лесу, ни в небе, ни в волне
Такого зверя, рыбы или птицы,
Что, услышав мой голос, не стремится
С участием и сочувствием ко мне;

Нет, не пришлось в полдневной тишине
Моей тоске без отклика излиться —
Хоть в летний зной живая тварь таится
В пещере, в чаще, в водной глубине, —

Но все же, скорбные заслыша стоны,
Оставя тень, и ветвь, и глубь ручья,
Собрались бессловесные созданья;

Так собирал их на берегах Стримона
Певец великий; верно, боль моя
Влечет, как музыки очарованье.

* * *

Рои печальных вздохов, ливни слез,
Исторгнутые сердцем и глазами,
Качают ветви, льются меж стволами
Алкидовых деревьев и влажных лоз;

Но ветер, заклиная силы гроз,
Туманы вздохов гонит с облаками,
Деревья слезы жадно пьют корнями —
И вздохи тают, и мелеет плес.

И на моих ланитах слез потоки —
Несчитанную глаз усталых дань —
Благого мрака оттирает длань;

Поскольку ангел, по-людски жестокий,
Не верит мне, — где сил для слез возьму?
Напрасны вздохи, слезы ни к чему.

* * *

Как трепетно, на тысячу ладов
Рыдает надо мною Филомела —
Как будто в горлышке у ней запело
Сто тысяч безутешных соловьев;

Я верю, что она из-за лесов,
Алкая правосудья, прилетела
Изобличить Теряя злое дело
Печальной пеней в зелени листов;

Зачем ты плачем тишину тревожишь —
Ты криком иль пером свой иск изложишь,
На то тебе дан клюв и два крыла;

Пусть плачет тот, кто пред лицом Медузы
Окаменел, — его страшнее узы:
Ни разгласить, ни уничтожить зла.

* * *

Едва зима войдет в свои права,
Как вдруг, лишаясь сладкозвучной кроны,
Свой изумруд на траур обнаженный
Спешат сменить кусты и дерева.

Да, времени тугие жернова
Вращаются, тверды и непреклонны;
Но все же ствол, морозом обожженный,
В свой час опять укутает листва.

И прошлое вернется. И страница,
Прочитанная, снова повторится...
Таков закон всеобщий бытия.

И лишь любовь не воскресает снова!
Вовеки счастья не вернуть былого,
Когда ужалит ревности змея.

* * *

О дьявольское семя! Род напасти!
Ехидна, скорпион, осиный рой...
О подлая змея в траве густой,
Пригревшаяся на груди у счастья.

О яд, примешанный к нектару страсти;
В любовном кубке гибельный настой.
О меч на волоске над головой,
Лишающий Амура сладкой власти.

О ревность, раю вечный супостат!
Коль сможет эту тварь вместить геенна,
Молю, сошли туда ее, господь!

Но горе мне! Свою снедая плоть,
Она растет и крепнет неизменно,
И, значит, мал ей сам бездонный ад.

* * *

Моя Селальба, мне примнился ад:
Вскипали тучи, ветры бушевали,
Свои основы башни целовали,
И недра извергали алый смрад.

Мосты ломались, как тростинки в град,
Ручьи рычали, реки восставали,
Их воды мыслям брода не давали,
Дыбясь во мраке выше горных гряд.

Дни Ноя, — люди, исторгая стоны,
Карабкались на стройных сосен кроны
И кряжистый обременяли бук.

Лачуги, пастухи, стада, собаки,
Смешавшись, плыли мертвенно во мраке...
Но это ли страшней любовных мук!

* * *

Фантазия, смешны твои услуги, —
Напрасно тлеет в этом белом сне
Запас любви на призрачном огне,
Замкнув мои мечты в порочном круге, —

Лишь неприязнь на личике подруги,
Что любящему горестно вдвойне:
Как нелюдимый лик ни дорог мне, —
Уж это ль снадобье в моем недуге?

А Сон, податель пьес неутомимый
В театре, возведенном в пустоте,
Прекрасной плотью облачает тени:

В нем, как живой, сияет лик любимый
Обманом кратким в двойственной тщете,
Где благо — сон и благо — сновиденье.

* * *

Пусть со скалою веры стройный бот
Златые узы накрепко связали
И убажают взор морские дали
Спокойствием и мирной негой вод;

Пускай зефиром прихоть назовет
Тот шквал, что паруса вместят едва ли,
И путь суровый на родном причале
Сулит окончить кроткий небосвод;

Я видел кости на песке унылом,
Останки тех, кто доверялся морю
Любви, о вероломнейший Амур,

И с мощными теченьями не спору,
Когда унять их пеньем и кормилом
Бессильны Арион и Палинур.

* * *

Вы, о деревья, что над Фазтоном
Еще при жизни столько слез пролив,
Теперь, как ветви пальм или олив,
Ложитесь на чело венком зеленым, —

Пусть в жаркий день к тенистым вашим кронам
Льнут нимфы любострастные, забыв
Прохладный дол, где, прячась под обрыв,
Бьет ключ и шелестит трава по склонам,

Пусть вам целует (зною вопреки)
Стволы (тела девические прежде)
Течение этой вспененной реки;

Оплачьте же (лишь вам дано судьбой
Лить слезы о несбыточной надежде)
Мою любовь, порыв безумный мой.

О Кордова! Стобашенный чертог!
Тебя венчали слава и отвага.
Гвадалквивир! Серебряная влага,
Закованная в золотой песок.

О эти нивы, изобилья рог!
О солнце, источающее благо!
О родина! Твои перо и шпага
Завоевали Запад и Восток.

И если здесь, где средь чужого края
Течет Хениль, руины омывая,
Хотя б на миг забыть тебя я смог,

Пусть грех мой тяжело покарает рок:
Пускай вовеки не узрю тебя я,
Испании торжественный цветок!

О МАДРИДЕ

Как Нил поверх берегов — течет Мадрид.
Пришелец, знай: с очередным разливом,
Дома окраин разбросав по нивам,
Он даже пойму Тахо наводнит.

Грядущих лет беспорный фаворит,
Он преподаст урок не мертвым Фивам,
А Времени — бессмертием кичливым
Домов, чье основание — гранит.

Трон королям и колыбель их детям,
Театр удач столетье за столетьем,
Нетленной красоты слепящий свод!

Здесь зависть жалит алчущей гадюкой,
Ступай, пришелец, бог тебе порукой,
Пусть обо всем узнает твой народ.

* * *

Вальядолид. Застава. Суматоха!
К досмотру все: от шляпы до штиблет.
Ту опись я храню, как амулет:
От дона Дьего снова жду подвоха.

Поосмотревшись, не сдержал я вздоха:
Придворных — тьма. Двора же нет как нет.
Обедня бедным — завтрак и обед.
Аскетом стал последний выпивоха.

Нашел я тут любезности в загоне;
Любовь без веры и без лишних слов:
Ее залогом — звонкая монета...

Чего здесь нет, в испанском Вавилоне,
Где, как в аптеке, — пропасть ярлыков
И этикеток, но не этикета!

* * *

Величественные слоны — вельможи,
Прожорливые волки — богачи,
Гербы и позлащенные ключи
У тех, что так с лакейским сбродом схожи.

Полки девиц — ни кожи и ни рожи,
Отряды вдов в нарядах из парчи,
Военные, священники, врачи,
Судейские — от них спаси нас, Боже! —

Кареты о восьмерке жеребцов
(Считая и везомых и везущих),
Тьмы завидущих глаз, рук загребущих

И веющее с четырех концов
Ужасное зловонье... Вот — столица.
Желаю вам успеха в ней добиться!

Сеньора тетя! Мы стоим на страже
В Маморе. К счастью, я покуда цел.
Вчера, в тумане, видел сквозь прицел
Рать мавров. Бьются против силы вражьей.

Кастильцы, андалузцы. Их плюмажи
Дрожат вокруг. Они ведут обстрел —
Затычками из фляжек. Каждый смел —
Пьют залпом, не закусывая даже.

Один герой в бою кровавом слег —
И богатырским сном уснул. Бессменно
Другой всю ночь точил кинжал и пику —

Чтобы разделать утренний паек.
А что до крепости, она отменна —
У здешних вин. Мамора. Хуанико.

ПОЧИТАТЕЛЯМ ЛОПЕ ДЕ ВЕГИ

Вы, утки луж кастильских, коих дух
Зловонен, птичник Лопе, чьи уголья
Вовеки не страдали от бесплодья —
Там в изобилии растет лопух,

Вы, кряканьем терзающие слух,
Язык попрали древний: нет отродья
Подлей — кто вырос в жиже мелководья,
К искусству греков, к знаниям римлян глух!

Вы чтите жалких лебедей, без нужды
Предсмертным криком будящих пруды.
А лебеди высокого полета,

Питомцы Агапины, — те вам чужды?
Вам мудрость их претит? Так прочь в болота!
Не загрязняйте перьями воды!

* * *

Желая жажду утолить, едок
Разбил кувшин, поторопясь немножко;
Сменил коня на клячу-хромоножку
Среди пути измученный ездок;

Идальго, в муках натянув сапог,
Схватил другой — и оторвал застежку;
В расчетах хитроумных дав оплошку,
Снес короля и взял вальта игрок;

Кто прогорел, красотку ублажая;
Кто сник у генуэзца в кабале;
Кто мерзнет без одежды в дождь и мрак;

Кто взял слугу — обжору и лентяя...
Не перечеть несчастных на земле,
Но всех несчастней — заключивший брак.

* * *

Пока руно волос твоих течет,
Как золото в лучистой филиграни,
И не светлей хрусталь в изломе грани,
Чем нежной шеи лебединый взлет,

Пока соцветье губ твоих цветет
Благоуханнее гвоздики ранней
И тщетно снежной лилии старанье
Затмить чела чистейший снег и лед,

Спешу изведать наслажденье в силе,
Сокрытой в коже, в локоне, в устах,
Пока букет твоих гвоздик и лилий

Не только сам бесславно не зачах,
Но годы и тебя не обратили
В золу и в землю, в пепел, дым и прах.

О СКРЫТНОЙ БЫСТРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ

Не столь поспешно острая стрела
Стремится в цель угаданную впитаться
И в онемевшем цирке колесница
Венок витков стремительных сплела,

Чем быстрая и вкрадчивая мгла
Наш возраст тратит. Впору усомниться,
Но вереница солнц — как вереница
Комет, таинственных предвестниц зла.

Закрывать глаза — забыть о Карфагене?
Зачем таиться Лицию в тени,
В объятьях лжи бежать слепой невзгоды?

Тебя накажет каждое мгновенье:
Мгновенье, что подтачивает дни,
Дни, что незримо поглощают годы.

НАПОМИНАНИЕ О СМЕРТИ И ПРЕИСПОДНЕЙ

В могилы сирые и в мавзолеи
Вникай, мой взор, преодолевая страх, —
Туда, где времени секирный взмах
Вмиг уравнил монарха и плебея.

Нарушь покой гробницы, не жалея
Останки, догоревшие впотьмах;
Они давно сотлели в стылый прах:
Увы! бальзам — напрасная затея.

Обрушья в бездну, пламенем объят,
Где стонут души в адской круговерти,
Скрипят тиски и жертвы голоса;

Проникни в пекло сквозь огонь и чад:
Лишь в смерти избавление от смерти,
И только адом побеждают ад!

НАДПИСЬ
НА МОГИЛУ ДОМЕНИКО ГРЕКО

Сей дивный — из порфира — гробовой
Затвор сокрыл в суровом царстве теней
Кисть нежную, от чьих прикосновений
Холст наливался силою живой.

Сколь ни прославлен трубною Молвой,
А все ж достоин вящей славы гений,
Чье имя блещет с мраморных ступеней.
Почти его и путь продолжи свой.

Почиет Грек. Он завещал Природе
Искусство, а Искусству труд, Ириде
Палитру, тень Морфею, Фебу свет.

Сколь склеп ни мал, — рыданий многоводье
Он пьет, даруя вечной панихиде
Куренье древа савского в ответ.

* * *

В Неаполь правит путь сеньор мой граф;
Сеньор мой герцог путь направил к галлам.
Дорожка скатертью; утешусь малым:
Нехитрой снедью, запахом приправ.

Ни Музу, ни себя не запродав, —
Мне ль подражать придворным подлипалам! —
В трактире андалузском захудалом
Укроюсь с ней от суетных забав.

Десяток книг — неробкого десятка
И не смиренных цензорской рукой, —
Досуг — и не беда, что нет достатка.

Химеры не томят меня тоской,
И лишь одно мне дорого и сладко —
Души спасенье и ее покой.

СОНЕТ,
НАПИСАННЫЙ ПО СЛУЧАЮ ТЯЖКОГО НЕДУГА

Я был оплакан Тормеса волною,
И мертвенный меня осилил сон,
И трижды по лазури Аполлон
Прогнал коней дорогою дневною.

Случилось так, что силой неземною,
Как Лазарь, был я к жизни возвращен;
Я — Ласарильо нынешних времен,
И злой слепец повелевает мною!

Не в Тормесе рожден я, а в Кастилье,
Но мой слепец воистину жесток:
Сожжен в огне страстей и втоптан в пыль я.

О, если б я, как Ласарильо, мог
За злость слепца и за свое бессилье
Сквитаться — и пуститься наутек!

О СТАРЧЕСКОМ ИЗМОЖДЕНИИ,
КОГДА БЛИЗИТСЯ КОНЕЦ, СТОЛЬ ВОЖДЕЛЕННЫЙ
ДЛЯ КАТОЛИКА

На склоне жизни, Лиций, не забудь,
Сколь грозно семилетий оскуденье,
Когда любой неверный шаг — паденье,
Любое из падений — в бездну путь.

Дряхлеет шаг? Зато яснее суть.
И все же, ощутив земли гуденье,
Не верит дом, что пыль — предупрежденье
Руин, в которых дом готов уснуть.

Змея не только сбрасывает кожу,
Но с кожей — оболочку лет, в отличие
От человека. Слеп его поход!

Блажен, кто, тяжкую оставив ношу
На стылом камне, легкое обличье
Небесному сапфиру отдает!

НАИСИЯТЕЛЬНЕЙШЕМУ ГРАФУ-ГЕРЦОГУ

В часовне я, как смертник осужденный,
Собрался в путь, пришел и мой черед.
Причина мне обидней, чем исход, —
Я голодаю, словно осажденный.

Несчастен я, судьбою обойденный,
Но робким быть — невзгода из невзгод.
Лишь этот грех сейчас меня гнетет,
Лишь в нем я каюсь, узник изможденный.

Уже сошлись у горла остря, —
Но, словно высочайшей благостыни,
Я жду спасения из ваших рук.

Была немой застенчивость моя,
Так пусть хоть эти строки станут ныне
Мольбою из четырнадцати мук!

Э П И Г Р А М М Ы

НА НИМФУ ДАНТЕЮ

Дантея, перед чьей красой
Уродство — красота любая,
Кошунство — идеал любой,
Упала, нимф опережая, —
Точнее, с легкостью такой
Она божественное тело,
Послушное движенью рук,
На землю опустить сумела,
Как будто, падая, хотела
Опередить своих подруг.

* * *

Приор, в сутане преля, делал вид,
Что проповедь — нелегкая работа:
Мол, я читаю до седьмого пота
И страшно распахнуться — просквозит.
Ужель он не заметил до сих пор,
Что хоть в одеждах легких мы внимали
Его нравоученьям и морали,
Но утомились больше, чем приор?

ФРАНСИСКО ПАЧЕКО ДЕЛЬ РИО

СОНЕТЫ

НА СМЕРТЬ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Все видят ныне: даже мрамор хладный,
В который дух твой царственный проник,
Теряет жизнь и, обратясь в родник,
Льет слезы, полн тоскою безоглядной,

И даже цвет, живой и благодатный,
Которым ты подобия достиг
Самой природы, помрачившись вмиг,
В обыденности гаснет безотрадной,

И даже высококолонный храм,
Тобой одетый в царственный убор,
Теперь охвачен скорбью неизбывной,

Но жив дотоле Аганиппы хор,
Доколь внимает он твоим стихам,
О Микеланджело, о ангел дивный!

К ДИЕГО ДЕ СИЛЬВА ВЕЛАСКЕСУ

Вспари, о славный юноша, к свершеньям
Таланта дивного! Король тебе дает
В художестве твоём достигь высот
Невиданных своим благоволеньем.

Пускай тебя наполнит вдохновеньем
Монарх, что августейший свет лиет
Вселенной всей, и твой высокий взлет
Ему всечасным должен быть служеньем.

Вершится твой полет в его лучах,
Под солнцем сим твой гений вызревает,
И в том залог бессмертья твоего.

Ты вместе с ним останешься в веках,
Зане он Александра затмевает
Величьем, ты же — Апеллес его.

КИСТЬ

(Загадка)

Поскольку сделана из меха,
Я так податлива, мягка
И обхожусь без языка,
Что красноречью не помеха.

Ведома мудрою рукою,
Натуру повторяю я,
Но безграничной власть моя,
Чем всемогущество людское.

Все то, что в мире сущем зримо,
Не затруднясь, я повторю,
В высоком стиле сотворю,
Что зрением непостижимо.

Что захочу, изображаю,
И мне ни в чем предела нет,
А пожелаю — целый свет,
Мной созданный, уничтожаю.

Творцу предвечному подобна,
Могу я властью своей
На небо возносить людей
И в ад низринуть их способна.

И мне отпущено столь много,
Что между двух пределов сих
Могу не только что святых
Изобразить, но даже Бога.

Э П И Г Р А М М А

* * *

Художник петуха намалевал
И вдруг увидел петуха живого,
Но сходства между ними никакого
Найти не мог он, сколько ни искал.
Не выдержал художник и, всплыв,
Занес над ним топор: «Умри, проклятый!»
Так поплатился жизнью гость пернатый
За то, что был доподлинно правдив.

ХУАН ДЕ АРГИХО

К ВИУЭЛЕ

Напрасно, о, напрасно
Я эти струны мучу
И музыкою боль унять желаю:
Я лишь величье скорби оскорбляю,
Когда стремлюсь, несчастный,
Развеять звуками печальну тучу, —
И жду от них подмоги
В своей напасти и своей тревоге,
Надеюсь на минуту утешенья...
Напрасно я ищу в тебе забвенья!

О, не твои ли струны вдохновенны
Гнев бури умирjali
Или, чаруя камни, воздвигали
Фиванские воинственные стены?
Не ты ли — та божественная лира,
Что от печалей мира
По страшной и неведомой дороге
Вела певца пустынной
Стигийскою долиной
В подземные Плуттоновы чертоги?

Нет в мире силы,
Чтоб камень снять с души моей унылой!
Но слышу я упрек твой справедливый:
Зачем пренебрегаю

Той, с кем делил часы уединенья, —
Когда мрачился день ночью тенью,
Или когда Аврора молодая
Являла морю лик свой горделивый,
Или когда под солнцем полуденным
Я предавался жалобам и стонам?

И пользу от певучей
Гармонии могучей
Ты мне напоминаешь: даже узник
Ей ободрен в темнице, песня с воли
К несчастному приходит, как союзник.
Нет в мире боли,
Беды столь непомерной,
Чтоб ей не поддалась, — и раб галерный
С ней утешается в своей доле,
Под звон цепей он песню запекает
И тяжесть грубых весел забывает.

Вот так мы рассуждаем,
Дабы развлечь друг друга,
О нежная подруга!
Но тягостной тоски не побеждаем;
Наоборот, разымчивые звуки
Лишь изоцряют муки
И возвращают старые печали;
Угрюма и сурова,
Приходит память снова
Язвить и жалить хуже, чем вначале.

Теперь я вижу ясно,
Что не поможет пенье сладкогласно,
Что утешенья мнимы:
Ведь музыка, увы, не уврачует
Того, кто сердцем чувствует,
Что горести его неисцелимы.

СОНЕТЫ

ГВАДАЛКВИВИРУ

О ты, кому моря и океаны,
Проведав о твоей звезде счастливой,
Иным рекам на зависть и на диво
Несут свои богатства невозбранно;

Владыка вод испанских, увенчанный
Паллады благородною оливой,
Переплетенной с той лозой строптивой,
Что Аполлону светлomu желанна;

О, как неистово ты затопляешь
Взбурленной, пенною волной своею
Окрестные селения с полями!

Но, подступив к Севилье, усмиряешь
Мятежный норov свой, благоговей
Перед ее старинными стенами.

ВРЕМЕНА ГОДА

Сияя вешней синевою взора,
Из рога сыпя щедрыми дарами,
Надеждами и яркими цветами,
Младая по лугам проходит Флора.

Но радужные краски вянут скоро,
Небесный Рак на землю мечет пламя,
Холмы желтеют под его лучами,
Обмелевают реки и озера.

Приходит осень, смертным в утешенье,
С лозою Вакха в праздничном уборе,
За ней зима суровая влачитя.

О вечное времен круговращенье!
Кто на тебя не упоает в горе?
Кто в счастья тебя не устрahитя?

АРИОН

Навстречу дню в ясном просторе
Плывет он, на дельфине восседая;
Стихает ветер, и волна седая
Чуть плещет, сладостной кифаре вторя.

И nereиды с ним в согласном хоре
Поют, чертог подводный покидая,
И множат эхо, голоса сплетая
В торжественном амфитеатре моря.

Нерей с Доридою, и сам великий
Нептун, и старый Главк, чудесным пеньем
Пробуждены, всплывают из пучины.

О власть необоримая музыки!
Тебе внимают с равным восхищеньем
Ветра и волны, боги и дельфины.

ТАНТАЛ

Так небеса карают святотатца
Тантала, что сгубил дитя родное,
Безумно вздумав хитростью земною
С божественною мудростью тягаться:

Средь влаги — влаги жаждет он, томятся
Уста его в невыносимом зное,
К плодам созревшим тянется рукою,
Но ветви, как живые, прочь стремятся.

О ты, что, мук не ведая Тантала,
Всю жизнь простому радуешься благу
И жизнь поддерживаешь скромной пищей,

Скажи, ужель таких безумцев мало
Вокруг тебя? Возьми хотя бы скрягу:
Он, и в богатствах утопая, нищий.

СИЗИФ

Стеная от усталости фатальной,
За шагом шаг, пятой ища опоры,
Он тяжкий камень вкатывает в гору;
Но лишь приблизится к вершине скальной,

Выскальзывает камень колоссальный
Из рук — и вновь, согласно приговору
Судьбы враждебной, вверх по косогору
Он должен груз толкать первоначальный.

Но, как бы ни был труд Сизифа тяжек,
Его измученные казнью руки
Порою ведают отдохновенье;

Лишь мне судьбина не дает поблажек:
От гнета памяти моей и муки
Нет передышки даже на мгновенье.

УЛИСС

Победоносный воин, закаленный
С Фортуною в сраженьях непрестанных,
Избегнувший Цирцеи чар обманных —
Волшебницы докучливо влюбленной,

Испытанный в морях, не уstraшенный
Опасностями в чужедальних странах,
Достигший даже берегов туманных
Аида — и оттуда возвращенный,

Он зрение и слух свой замыкает
Для музыки и прелести опасной,
И, к мачте привязав себя надежно,

Благоразумным бегством побеждает
Красот и звуков гибельных соблазны,
И продолжает путь свой непреложно.

РОМУЛ И РЕМ

На плоть родную поднял меч в запале
Квирин — и камни, легшие основой
Стен оградительных постройки новой,
Кровь братскую пророчески впитали.

Так, разделенные уже вначале,
Потомки Марса сделались готовы
К любым жестокостям судьбы суровой,
Как то деянья дедов предвещали.

Невмочь душе честолюбивой было
Власть разделить хотя бы на две части,
Где царствовать возможно без условий.

Любовь естественную победила
Сильнейшая любовь — к венцу и власти,
Она же не щадит и братней крови.

ЦЕЗАРЬ ПРИ ВИДЕ ГОЛОВЫ ПОМПЕЯ

Когда, усердьем рабьим обуянный,
В дар Цезарю поднес тиран жестокий
Главу героя, что на всем Востоке
Внушала страх своей отвагой бранной,

Не пересилил жалости нежданной
Вождь победивший; увлажнились щеки
Росою поздней скорби; стон глубокий
Исторг он и промолвил покаянно:

«Помпей великий! Это — назиданье
Для всех, кто ищет славу мировую
И мнимую преследует удачу.

Так вот моей победы увенчанье!
Увы! как я печально торжествую:
С живущим враждовал, над мертвым плачу».

ФРАНСИСКО ДЕ МЕДРАНО

ОДА

Хоть казной превзойдешь
Ты сокровища инков несметные,
Хоть себе возведешь
Вдоль морей всех дворцы многоцветные,
Но от смертной косы
Не уйдешь, и ее ожидание
Вздыбит страхом волосы,
В душу сытую вселит страдание.
Лучше жить, как цыган,
Без забот при дороге ночующий,
Иль полуденных стран
Обитатель, привольно кочующий,
Где обильна земля
Круглый год и всегда плодородные
Колосятся поля,
От межей и наделов свободные,
Где не больше чем год
Заниматься положено пашнею
Каждому в свой черед,
Где супругу войною домашнею
Не грозитя жена,
Хоть богатством принесенным гордая;
Любодея она
Гонит прочь, в добродетели твердая.
Доблесть предков и честь
Там от века невесте приданое;
За измену ждет месть —
Чистоте там законы охраню.

Ты, что жаждой влеком
Подвиги совершить, за которые
Ты «Отчизны отцом»
Наречен будешь после в истории,
Ополчись на порок,
Будь суровым с распутством и скверною,
И по смерти в свой срок
Взыскан славою будешь безмерною.
Мы ревнивы, для нас
Чистоты ненавистны радетели,
Но уйдут — и тотчас
Мы, скорбя, плачем по добродетели.
Что без толку пенять,
Коль проступок мечом не карается?
Что закон обвинять,
Коль народ перед ним не смиряется?
Ведь и ужас быллой
Перед странами, солнцем сожженными,
Иль полночной землей,
Что в снегах вся лежит под Трионами,
Никого не свернет
С гнусных троп к барышу непомерному,
И спешит мореход,
Споря с ветром, по морю неверному.
Это бедность велит
(Нынче слыть бедняком — поношение!)
Позабить честь и стыд,
Все снести ради обогащения.
Может, лучший удел —
Под народные рукоплескания
Для общественных дел
Передать все свое достояние
Или в море, на дно,
Бросить золото и драгоценности?
Пусть же примет оно,
Если мужи мы, корень растленности!
Всюду скряги, скупцы...
Где вы нравы суровые, прежние?
Стали наши юнцы
Избалованы: женственно-нежные
Сесть боятся они
На коня и мчатъ полем с охотою,
Знай лишь, целые дни
В зернь да в карты играют с охотою.

Лихоимец-отец,
Ты, друзей грабя, хочешь беспутному
Сыну полный ларец
Отказать, и к тебе, безрассудному,
Деньги льются рекой,
Их все больше... Но нет утоления
Алчной страсти слепой,
Меры черному нет вожделению!

СОНЕТЫ

НА РУИНАХ ИТАЛИКИ, НЫНЕ ИМЕНУЕМОЙ
СТАРОЙ СЕВИЛЬЕЙ, ПОБЛИЗОСТИ ОТ КОИХ
НАХОДИТСЯ МОЕ ПОМЕСТЬЕ «РАДОСТЬ ОЧЕЙ»

Где ныне мы проходим по полям,
Италики руины спят в молчанье:
Вот здесь народ воздвигнул изваянья
Траяна, Феодосия, а там

Стояла Флора, а вот тут был храм;
Здесь, в цирке, слышались рукоплесканья,
И гордый победитель состязанья
Внимал толпы ликующей хвалам.

Погибло все. Лишь кое-где доселе
Под времени безжалостной пятой
Поверженные камни уцелели.

Но коль они бессильны пред судьбой
И коль противостать ей не сумели,
Смиримся же пред ней и мы с тобой.

Лишь человек, персть жалкая земная,
Приходит в этот мир и слеп, и наг,
Беспомощен, однако алчен так,
Как ни одна на свете тварь живая.

Ему дала природа всеблагая
Способность плакать, сей страданья знак,
И он, жестокий, всем живущим враг,
Жизнь начинает, слезы проливая.

Лишь он столь беззащитен при рождении:
Сам пищи не добудет ни глотка,
Ни для защиты, ни для нападения

Не приспособлена еще его рука.
И все ж он мнит себя венцом творенья...
О, сколь тщеславность смертных велика!

К ДОНУ ХУАНУ ДЕ АРГИХО

Аргихо, если нам немного надо,
Зачем привык я менее ценить
Достаток, что дает мне скромно жить,
Чем Мексики златообильной клады?

Да, груды денег радостны для взгляда,
Их сладко тратить. Но ужели пить
Из родника, чтоб жажду утолить,
Иль из реки — не равная услада?

И все ж , отыщется ль мудрец такой,
Кто, помня — Бетис может вдруг разлиться
И пьющего, взъярясь, унести с собой,

Умеренности ведает границы?
Он минет лужи с затхлою водой
И жизни в бурных водах не лишится.

НА БЕРЕГУ В БАРСЕЛОНЕ
ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ РИМА

Люблю смотреть я, как за рядом ряд
Валов громады катятся бурливо,
Когда и кормщик опытный стыдливо,
Скрывая страх, тревожный прячет взгляд.

Люблю, когда, лазурные, шуршат
Прибоя волны, ластьясь к берегу льстиво,
Как бы в грехах винятся торопливо
И отпущенье получить спешат.

Всегда пред морем полон восхищенья,
Им любоваться без конца могу,
Ревет оно иль дремлет лучезарно,

Но не затем, чтоб чье-то зреть крушенье;
Нет, здесь, на безопасном берегу,
Я вспоминаю, сколь оно коварно.

* * *

Прошла, взглянула — я сражен красой...
То ангел, воплотясь в прекрасной даме,
Явился перед смертными очами,
Не ослепив небесной чистотой.

Так солнце ранней утренней порой
Нам любоваться первыми лучами
Дает в тот миг, когда меж облаками
Багряноцветный лик являет свой.

Сражен я, но так сладко, так блаженно...
Она прошла и тут же скрылась с глаз,
Лишь миг собой позволив любоваться,

Но столь мгновенье было драгоценно,
Что мне вовеки скорби предаваться:
Узрев, ее утратил я тотчас.

* * *

Рубином уст меня бы ты пленила,
Не будь я стройной ножкой покорен;
Рукою бы взяла меня в полон,
Когда б кудрями воли не лишила.

Небесный свод, хоть совершенен он,
Мне бровь твоя округлая затмила;
Полярная звезда бы мне светила,
Но блеском глаз твоих я ослеплен.

Ты в этом состязанье победила
Полярную звезду и небосвод
Бровями и лучистыми очами,

А восхищенный взгляд мой, Амарилла,
Кудрям и ножке первенство дает
Перед лилейной ручкой и устами.

РОДРИГО КАРО

РУИНАМ ИТАЛИКИ

Оплачем, Фабью, сей, застывший сонно,
Увядший холм среди полей пустынных —
Италикой в иные времена,
Колонией победной Сципиона
Была сия, сокрытая в руинах,
Суровая и славная стена,
 Так сделалась она
 Реликвией слепою.
 Печальною тропою
Герои в царство теней отошли,
Их даже память видеть перестала.
Здесь храм стоял, там площадь клокотала,
Чей контур еле различим в пыли.
Гимназия искрошена веками,
От дивных терм остались только камни,
А шпили башен, ранившие высь,
Ее покою вечному сдались.

Амфитеатра рухнувшие стены,
Богов жестоких славившие ране,
Унизил беспощадно желтый дрок.
В безмолвии трагической арены
Струится время, как напоминанье,
Сколь жалок давней пышности итог.
 Все поглотил песок.
 Умолк народ великий,
 В столетьях стихли крики.

Где тот, который на голодных львов
Шел обнаженным? Где атлет могучий?
Здесь превращен судьбою неминуемой
В безмолвие многоголосый рев.
Но до сих пор являют нам руины
Былых ристаний страшные картины,
И чудится душе в седых камнях
Предсмертный хрип, звучавший в давних днях.

Здесь был рожден сын молнии военной —
Траян, отец испанского народа,
Воитель доблестный и честь страны,
Пред кем земля была рабой смиренной
От колыбели алого восхода
До побежденной кадикской волны.

О славные сыны, —
Здесь Адриан и Силий
И Теодосий были

Детьми: слоновая сияла кость
На колыбелях, облаченных в золото,
Жасмин и лавр венчали их когда-то
Там, где былье глухое разрослось.
Дом, сложенный для Кесаря, — глядите, —
Сегодня гнусных ящериц укрытые.
Исчезли кесари, дома, сады
И камни, и на них имен следы.

Коль ты не плачешь, Фабью, — долгим взглядом
Окинь умерших улиц вереницы,
Разбитый мрамор арок, алтарей,
Останки статуй, ставших жалким сором,
Все — жертва Немезидовой десницы
Там, где безмолвье погребло царей
В столетней тьме своей.
Так Троя предо мною
Встает с ее стеною,

И Рим, чье имя только и живет
(Где божества его и властелины?!),
И плод Минервы — мудрые Афины
(Помог ли им законов честных свод?!).
Вчера — веков соперничество, ныне —
Ленивый прах в безропотной пустыне;
Ни смерть не пощадила их, ни рок —
И мощь, и разум спят в пыли дорог.

Но почему фантазии нейметса
Искать в былом пример для состраданья?
И нынешних не счесть: то там, то тут
Заблещет огонек, дымок пробьется,
То отголосок прозвучит рыданья:
Душа — видений призрачных приют —
 Томит окрестный люд,
 Который изумленно
 Вдруг слышит отзвук стона
В ночи немой — немолчный хор кричит:
«Прощай, Италика!», и эхо плачет:
«Италика!», и слово это прячет
В листве, но и в листве оно звучит:
«Италика!» — так имя дорогое
Италики, не ведая покоя,
В руинах повторяет теней хор...
Им сострадают люди до сих пор!

Гость благодарный, — этим славным теням
Я краткий плач смиренно посвящаю,
Италика, простертая во сне!
И если благосклонны к этим пеням
Останки жалкие, чьи различаю
Следы в сто крат печальной тишине, —
 Открой за это мне
 В любезной благостыне
 Таящийся в руине
Приют Геронсия, — направь мой шаг
К могиле мученика и прелата,
Пусть я — слезами горестного брата —
Открою этот славный саркофаг!
Но тщетно я хочу разжиться частью
Богатств, присвоенных небесной властью.
Владей своим богатством, дивный храм,
На зависть всем созвездьям и мирам!

ПЕДРО ДЕ ЭСПИНОСА

ЛЕГЕНДА О ХЕНИЛЕ

(Фрагмент)

Был и Хениль меж ними, бог речной,
Влюбившийся в наяду Сираниду;
Отверженный, растерзанный тоской,
Слезами он возрос, терпя обиду.
Взметая брызги белою рукой,
Резвится нимфа иль, пропав из виду,
Нырять в глубину струистых вод,
К своим подругам в изумрудный грот.

Вслед поспеша красавице надменной,
Наяд за вышиваньем он застал,
И чтоб смягчить сей бриллиант бесценный,
Своей души немеркнувший кристалл,
На синей рыбе сидя, вдохновенно
Запел он и на цитре забряцал;
Застыл поток, внимая нежным стонам,
И ветлы наклонились над затоном.

«Узрите все, — он пел, — сей скорбный вид!
В свидетели вас призываю ныне
Моих жестоких ран и злых обид
От красоты, коснеющей в гордыне;
Я — бог потока, что, вивясь, бежит
Хрустальной жилой по речной долине;
Я — внук Нептуна, я Фетиде мил,
Хоть Бетис нас ревнивый разделил.

На берегах моих пышноцветущих —
Ковры душистой мяты луговой,
Священный лавр произрастает в кущах,
Омытых ясной, как янтарь, волной,
Нигде не встретишь ни крапивы жгущей,
Ни режущей осоки водяной, —
Лишь заросли левкоев и лаванды,
Из коих нимфы вьют свои гирлянды.

Тут — шпажник, водосбор, и львиный зев,
И белый ирис в зарослях дурманных,
А там — гвоздик рубиновых посев
И россыпи фиалок на полянах,
Шелк и парча под кронами дерев
Цветов лазурных, золотых, шафранных;
И носит ветер, вея наугад,
Лимонных рощ приятный аромат.

Из недр земли, окутавшись прохладой,
Я выбегаю на простор лугов,
И утро перламутровое радо
Дарить мне горсти круглых жемчугов;
Не возмущает блеющее стадо
Ни волн моих, ни мирных берегов,
И никакие жабы не пугают
Дриад, что мне на радость распевают.

Там вяз могучий тесно окружен
Зазубренной листвою виноградной,
Там гибкий тамариск переплетен
Густым плющом; ни полдня зной нещадный
Не същут щели, чтобы тот заслон
Прорвать, ни урагана вихорь хладный:
Счастливый, свищет соловей в кустах,
И вторит лес окрестный пенью птах.

Но для чего, о светоч мой драгой,
Мне все мои богатства — без веселья?
В тебе — моя отрада и покой,
А без тебя все мрачно, как в ущелье! »
Он смолк; а нимфа, топнувши ногой,
С досадой отшвырнула рукоделье
И отвернулась, ясно дав понять,
Что не желает глупостям внимать.

Пред этим новым горем бог влюбленный
Остолбенел и голос потерял,
Застыл он, как моряк, замороженный
Сиренами между опасных скал,
Как бедный пахарь, громом пораженный
В ночном лесу, он сник и задрожал:
Так робкая бы дева задрожала,
Узрев змеи раздвоенное жало.

Когда же первый миновал испуг
И он, оправившись от наважденья,
Узрел, что цитра уплыла из рук
С потоком слез его — вниз по теченью,
Воскликнул, гневный, застонав от мук:
«О ты, волков и тигров порожденье!
Сколь яростно мне сердце ни терзай —
Полюбишь поневоле, так и знай!»

Сказал, взбурлил — и поспешил скорее
К властительному Бетису в чертог;
Он знал: сей старец, равный чародею
Умом, один ему помочь бы мог;
Не платит Бетис подати Нереею,
Но делится добром, добытым впрок:
Владыка рек, он все же в царском сане,
Цари же никому не платят дани.

ПСАЛОМ

Тебе возносит небосвод хваленье,
На всем — твоя ладонь,
Земля и море, воздух и огонь,
И книга сердца моего — творенье
Твоих могучих рук;
Все, что я зрю вокруг,
К смирению склоняет
И жаждою любви воспламеняет:
Но своеволие, увы, сильней.
Ты все читаешь сам в душе моей:
Я глух, мой Боже, к чудесам священным,
Какие ты, с усердьем неизменным
Являешь мне, любя.

Скажи, Господь, кто научил тебя
Бутон весенний выводить из почки
И украшать столь дивно лепесточки,
Чтоб радовали взор?
Откуда — розы царственной убор,
Где дремлют ароматы,
Лилеи завиток витиеватый,
Гвоздики тонко вышитый узор?
Где взял ты кисти,
Чтоб разукрасить ириса цветок,
Прорисовать все жилки и разводы?
Откуда ты извлек
Луну и солнце — очи небосвода,
Лампады яркие ночей и дней?
А эту горсть огней —
Дрожащих драгоценных слез вселенной?
А этот беглый факел дерзновенный,
Летающий знак беды?
А гибкую материю воды —
И все ее извивы, переливы,
Что ропота полны
И, как душа, прохладно-прихотливы?
А возмутителя морской волны,
Полуседой от бурь и треволнений, —
Родителя смерчей и наводнений?
Скажи, а Мать-Земля
На чем покоится? Царей палаты,
Громады гор, цветущие поля
И берегов испытанные латы,
Что отбивают приступы морей...
О мой всевышний Бог! Ответь скорей,
Я продолжать не смею:
Ты мощью оглушил меня своею.

СОНЕТЫ

О ПОЗНАНИИ САМОГО СЕБЯ

Поток, забывший свой исток смиренный,
Гремит, катясь меж склонами крутыми,
И воинству дубов грозит своими
Волнами ярыми, и брызжет пеной;

И возрастает силою надменной,
И мчится к морю все неотвратимей,
А там — теряет мощь и топит имя
В пучине безвременной, неизменной.

Но ты безумнее трикрат, без страха
Стремящийся за тению лукавой
Дорогой невозвратной и печальной!

О смертный, сын ничтожества и праха,
Как можешь ты, спеша за брэнной славой,
Забыть свой край святой, первоначальный?

ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЕ МАРИИ

Как мореход усталый впадает в скорбь и горе,
Застигнут бурей лютой в пучине беспредельной,
И мается при виде опасности смертельной
В плюющем черной пеной, беснующемся море,

Но вдруг — о счастье! — видит, с надеждою во взоре,
Огни Святого Эльма на башне корабельной
И прекращает ропот бессильный и бесцельный
И в порт благополучно приводит судно вскоре, —

Так я, скитаясь в море отчаянья и гнева,
На гибель обреченный средь гор и впадин водных,
Звезду свою утратил и веру в провиденье,

Когда твой свет увидел — о Пресвятая Дева! —
Очей твоих сиянье, благих и путеводных,
Что путь мне указали до гавани спасенья.

К ЛЕТНИМ ВЕТЕРКАМ,
С ПОДНОШЕНИЕМ ЦВЕТОВ

Охапку роз пурпурных, что впервые
Узрело небо на груди Авроры,
И лучшие из лилий, чьи уборы
Белей, чем гор вершины снеговые,

Я подарю вам, ветерки живые! —
Обвейте лик моей прекрасной Флоры,
Чтоб солнца жгучего шальные взоры
Не обожгли ее ланит и выи.

О странники небесные, взгляните:
Свежи, как нимфы девственной объятья,
Мои цветы — прекрасней нет на свете!

От слез рассветных — их жемчужны нити,
От солнца — блеск, от Флориного платья —
Шелк лепестков и ароматы эти.

ЛУИС КАРРИЛЬО ДЕ СОТОМАЙОР

РОМАНС

Грусть велит мне песни множить,
Горе — волку дать рыданным,
Жизнь велит мне умереть,
Чем терзаться, изнывая.
Их печальным зовам внемлю,
Беспощадной мукой маясь:
*Только мук не доставало
Мне для пущего несчастья!*
Полнят слезы мне глаза,
Их в озера превращая,
В тех озерах тонет мука,
Но никак ей не уняться —
Слишком слезы солонь;
И томлюсь я, неприкаян.
От рыданий онемев,
Не могу стихи слагать я:
*Немоты не доставало
Мне для пущего несчастья!*
Смерть ищущу я, смерть зову —
Не дожидаться, не дозваться:
*Эдак жить не доставало
Мне для пущего несчастья!*
Виноватый без вины,
Сам себя готов карать я:
Так велит мне мысль-тиран,
День и ночь меня тираня.
Хоть судьба ко мне щедра,
Шлю ей пени да роптанья,

И за то, чего в них нет,
Зол на наши времена я.
Знаю, не поймут меня,
Мастер путано писать я:
Вот чего недоставало
Мне для пуцего несчастья!

ЭКЛОГА

Избавившись от плена ледяного,
Ручей смешливый к морю держит путь,
Чтоб вволю отдохнуть
И позабыть про зимние оковы, —
И серебром излук
Он изумрудный прорезает луг.

Деревья, что клонились, еле живы,
Под тяжким грузом снежной седины,
Свежи и зелены,
Вонзают в небо кроны горделиво,
Так высоки, — смотри! —
Что их касается стопа зари.

На зависть небу лето устелило
Ковром из звезд-цветов простор полей,
И, чтоб сиять светлей,
Ревнивое крадет у них светило
Их блеск и, с высоты
За звезды мстя, палит огнем цветы.

Кочевник-ветер, кроткий и влюбленный
(И ветер не свободен от любви),
Признания свои
Твердит полям и рощице зеленой
И, чтя любви закон,
Цветы целует, травы нежит он.

Не правда ль, Фабью, радостное лето
Божественно и прелести полно?
Так вот, ничто оно
В сравненье с той, что, вся в сиянье света,
Владеет мной всегда,
Венец красы и чистоты звезда.

С О Н Е Т Ы

О БЕССМЕРТИИ МЫСЛИ

Самой земле — да что земле! — внушала
Светилам зависть красота чела,
Которое ты к небу вознесла,
Когда Сагунт — о башня! — украшала.

И вот лежишь руиной обветшалой,
И камни повилика оплела:
Она твою обиду приняла,
На скорбь твою легла, как покрывало.

Повеет ветер — и мощной нет стены.
Что устоит пред властью бесконечной,
Которой крылья Времени грозны?

Взгляни же, путник, в горести сердечной
И знай: бессмертье, стойкость, мощь даны
Не камню и не бронзе — мысли вечной!

О ДЕРЗНОВЕННОСТИ МЫСЛИ И ОБ УТЕШЕНИИ

Служа заблудшему, вы заблудились.
Прочь, мысли дерзкие! С меня довольно
Шагов, что завели в тупик неволью,
Шагов, что на распутьях заблудились.

Что нужно вам и чем вы возгордились,
Мои печали вознеся крамольно?
Ведь вам подобных покарали больно,
Ведь боги на дерзнувших осердились.

Даруют жизнь моим досужим думам
Сосна могучая, ручей проворный
Здесь, в милой сердцу роще сокровенной.

Но ветром древо зыблется угрюмым,
Но мчит без устали поток покорный:
Страшится мощный, слезы льет смиренный.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОБ ОПАСНОСТЯХ,
КОИМИ ГРОЗИТ МОРЕ

Ты снова, мысль моя, стремишься в путь
По волнам, что вчера тобой играли,
Выводишь снова челн в морские дали,
Раз море гнев умерило чуть-чуть.

И хоть уже пришлось тебе тонуть
И ризы влажные сушить в печали,
Хоть бури первый твой корабль разъяли,
О мысль, ты с новой страстью рвешься в путь!

Ты видишь на песке обломки эти:
То море говорит с тобой без слов —
Вся мудрость вечная в его совете.

Пусть грозных не страшись ты валов,
Ждет риф тебя, тебе не жить на свете,
И я тебя оплакивать готов!

В СВОЕЙ БЕДЕ
ПОЭТ СРАВНИВАЕТ СЕБЯ С ФАЭТОНОМ

Ты пал? О да — ведь ты дерзнул, храбрец.
Дерзнул ты? Да — и пал, о дерзновенный.
Твой прах сокрыт в могиле белопенной,
А слава в небо вознесла венец.

К чему ты был покорен, о юнец,
Судьбе (ошибка горькая!) надменной?
Чьи слезы льются? То янтарь бесценный,
Дар Гелиад, дань любящих сердец.

Решился ты, отвагою младою
Подвигнутой, достигь своей мечты;
Огнем объятый, принят был водою.

И я, пусть не достигнув высоты,
Тебя, бесстрашный, превзошел бедою:
Пал, неоплаканный, — и пал, как ты.

О БЫСТРОЛЕТНОСТИ ВРЕМЕНИ

Как ускользаешь ты легко, незримо!
О время, как ты мчишься быстролетно!
Увы, тиран, в руке твоей бесплотной —
И сам я, и всё то, что мной любимо!

Хочу остановить — несешься мимо;
Бегу вослед — ты скрылось беззаботно;
Тебя искал — и тратил я бесцеленно:
Пока искал — терял невозполнимо.

Унижен я судом твоим жестоким:
Косе твоей даровано всецеленно;
О, горечь правды, сердцу непонятной!

Я жил слепым, но в бедах стал стооком
И вижу: вдаль тебя уносят крылья
И я тебя утратил безвозвратно.

ПРИМЕР ТОГО, ЧТО ВСЕ НА СВЕТЕ ПРЕХОДЯЩЕ

Боясь хозяйских окриков и кары,
Пегас в былом, с терпеньем бедняка
Влечет он плуг и сносит боль пинка,
Прикрыт рядом, униженный и старый.

Он, злато презиравший, в битвах ярый,
Ослаб и одряхлел, дрожат бока:
Ему, смиренному, страда тяжка,
Ему, смиренному, тяжки удары.

Сопровождал его ретивый бег
Лишь огонь его дыханья; долгий век
Сломил того, кто первый был меж всеми.

Пред правдой, юный, он не трепетал,
Но вот последний день его настал:
Всему несет конец седое время.

О ТОМ, ЧТО НАДОБНО СТРАШИТЬСЯ
БЛАГОПРИЯТСТВА ФОРТУНЫ

Мое чело и думы вознеслись
Над пеленою туч, густой и темной,
И в страсти честолюбья неумной
Мне даль — земля и мне светила — близь.

Глядел орлом, орлом взмывал я ввысь,
Но знаю, что крыла мои заемны,
И страшно пасть мне с высоты огромной,
Отколь уже другие сорвались.

Они презрели рок, фортуны, время,
И сами — гибели своей виной;
Но я-то прав во всем и перед всеми:

Коль прахом я паду во прах земной,
Причиною — не злодеяний бремя,
Нет, то злосчастье завладело мной!

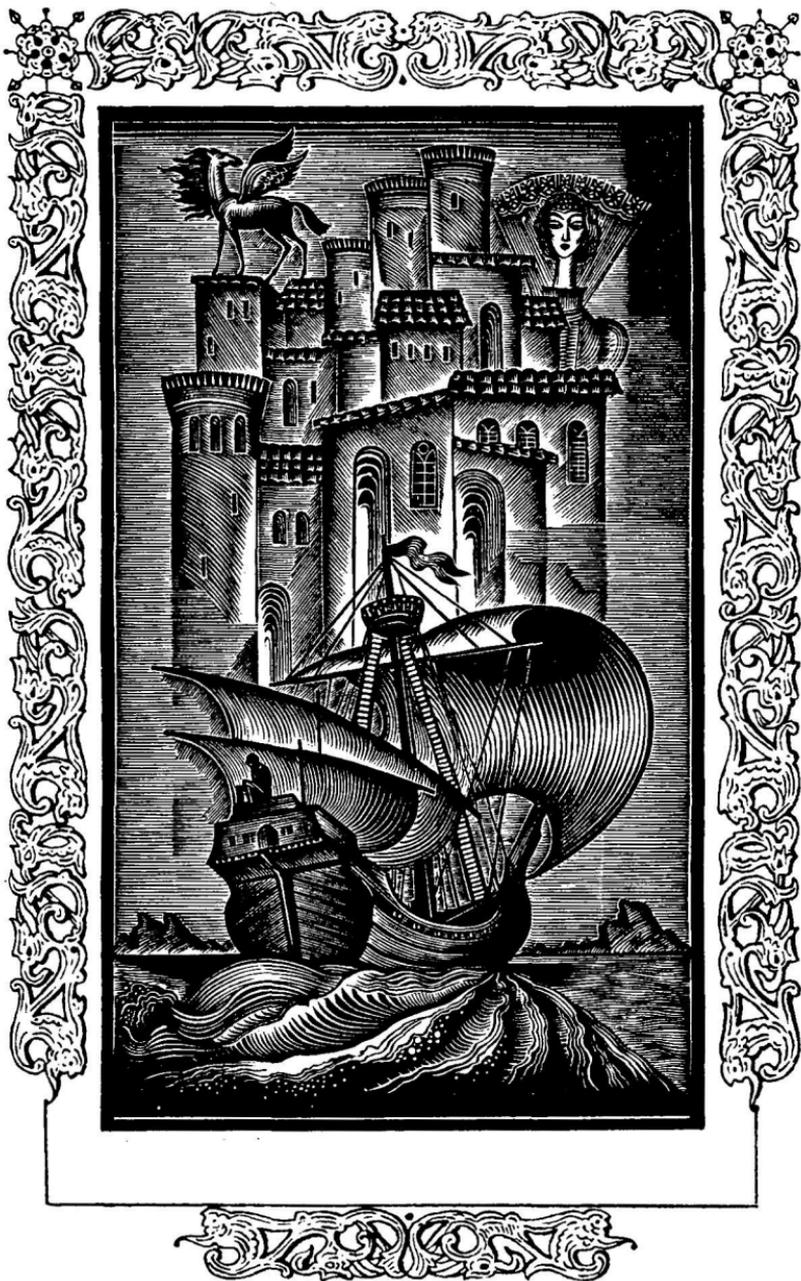
ГОРЬКАЯ ПРАВДА О ЖЕСТОКОСТИ ЛЮБВИ

Коль, в душу заглянув свою, застану
Ее во власти призрачной и милой
Обмана, что сама она просила,
Сочту я легким бремя, легкой рану.

Но если не поддамся я обману
И душу боль охватит с прежней силой,
Взмолюсь Амуру: «Исцели, помилуй!
Меня преследуешь ты слишком рьяно».

Звезда меня жестокая мытарит:
Влача незрячих подозрений бремя,
Не вижу благ, провижу лишь мученья.

И лишь одно сулит мне исцеленье:
Кончину мне в свой срок подарит время,
Но знаю: мне и жизнь оно подарит.

О РАЗЛУКЕ ПОСЛЕ ОТПЛЫТИЯ НА ГАЛЕРЕ

Властитель-ветер отдал свой приказ —
И паруса несут галеру споро.
Прощай, далекий брег! Прощайте, горы, —
Я возносился мыслью выше вас!

Полны соленой влагой чаши глаз,
Куда ни глянь — соленых вод просторы;
Все горше мне утрата, о которой
С тоской и скорбью думаю сейчас.

Уже не виден за грядою пенной
Высокий кряж, любимый с давних пор:
Суров он, моря приговор надменный!

Таков же и разлуки приговор —
И все ж стремлюсь я мыслью неизменной
К тебе, о госпожа, за гребни гор.

ОДНОЙ ДАМЕ, КОТОРАЯ ТО ОТКИДЫВАЛА ПОКРЫВАЛО, ТО СНОВА ПРЯТАЛА ЛИЦО

Ты на меня взглянула — и одел
Мне лик (о, счастье!) ясный блеск светила;
Ты покрывало снова опустила —
И мрак ночной всем миром завладел.

О Лиси, как печален мой удел,
Поймет лишь тот, кем правит та же сила:
Сама Аврора свет свой погасила,
И мрак моей душою завладел.

Но, не смиряясь с темнотою ночною,
Я горько сетовал — и вновь блестит
Светило дня красую неземною,

И песнь душе о нем благовестит:
Так образ твой всегда владеет мною,
Открыт ли взорам иль от взоров скрыт.

К ЛИМОНУ, КОТОРЫЙ ОДНА ДАМА
БРОСИЛА С БАЛКОНА СОЧИНИТЕЛЮ

Любимец неба, золотистый плод,
Ты дорог мне в сей доле безотрадной:
Как мысль моя, свет солнца пил ты жадно,
Как мысль моя, низринулся с высот.

Луч солнца ты? За что ж светило шлет
Тебя в изгнание? Лиси беспощадна!
Иль, может, ты — звезда, что безоглядно
Покинула родной небесный свод?

Но падают ли звезды с неба в руки
Несчастному? Ужель разят лучи
Того, кто неповинно терпит муки?

О сердце, покорись и замолчи!
Сей плод звездою будет мне в разлуке
И малым солнышком в моей ночи.

ХУАН
ДЕ ТАССИС ПЕРАЛЬТА,
ГРАФ ДЕ ВИЛЬЯМЕДИАНА

БЕСЕДА ДВУХ ПАСТУХОВ О ПРАВЛЕНИИ
КОРОЛЯ ФИЛИППА IV

— Наш король могуч, велик,
Трепет он внушает свету.

— Нам знаком он по портрету,
То личина, а не лик.

— Значит имя для царей
Больше, чем для прочих — сила.

— Имя — только звук, мой милый,
Человек всего важней.

— Молод наш король годами,
Но суров, умом глубок.

— Знаешь, правду видит Бог,
Да и сами мы с глазами.

— Хищных он изгнал мздоимцев,
Он с предателями крут.

— Да другие тут как тут:
Худших он пригрел любимцев.

— Безупречны имена
Всех, кто у него в фаворе.

— Те ли, эти ль — вор на воре,
А ворам одна цена.

— Взял он в свой совет вельмож,
Что радетьельны на диво.

— Если пчелка нерадива,
Скуден сбор и нехорош.

.....
.....
— Вкривь и вкось дела пошли,
Кой-кому здесь тесно стало.

— Ибо ненасытным мало
Золота со всей земли.

— Что же, есть на зло управа:
Выполнять, что решено.

— Ветру, братец, все равно,
Он ведь ветреного нрава.

— В чем же зло для государства,
Объясни, премудрый друг?

— В том, что застарел недуг
И бездейственны лекарства.

— Если б разум был в чести,
А не лесть да поклоненье...

— Что способны, без сомненья,
Лишь к погибели вести.

— Если б вздора не вещали
Нам пророки-болтуны...

— Да нажившись от казны,
Впредь ее не истощали.

— Если б людям отдавалось
Точно в меру их заслуг...

— Да бесстрашие честных слуг
Глупостью б не называлось.

— Если бы Марс-кощун притих,
Не держал бы нас в печали...

— Да притом не забывали
Мы с тобой себя самих.

— Если б в глубях наших вод
Злые твари не кишели...

— Что, в судах проделав щели,
Сгубят даже целый флот.

— Если б, наконец, блюли
Все закон святой и строгий,

— И король не рвался в боги,
А министры — в короли...

— Если бы не подлецы,
Что под пару Катилине...
— Встарь нашлись — найдутся ныне
Вириаты-храбрецы.

ГЛОССА

*Снилось мне, обретены
Сердцем радости без меры.
Мать, не дам обману веры,
Ибо сны — всего лишь сны.*

Мало шалуну с колчаном,
Что, хоть жив я, не живу:
Чувства мне прельстив обманом,
Отобрал он наяву
То, что дал во сне туманном.
Блага все — им нет цены,
Заслужить их невозможно —
Были мне в том сне даны,
Были мною непреложно,
Снилось мне, обретены.

То, что сон мой усладило,
Горькой болью въявь терплю.
Знать, божку угодно было,
Чтобы память пробудила
Муку чуткую мою.
Мне примнилась благодать,
Но без сладостной химеры
Неоткуда счастья ждать,
Нет мне способа познать
Сердцем радости без меры.

От обмана только зло,
Страх сильней, слабей надежды.
Облегченье вмиг ушло;
Стоило поднять мне вежды —
Вновь на сердце тяжело.
Лживы сны, познал тому
Я на опыте примеры.
Мнимых благ я не приму,

Сна нет горю моему.
Мать, не дам обману веры.

О, сколь дорогой ценой
Я плачу за обольщенья
Сладостного наважденья!
Шутит злобно явь со мной,
Шутят злее сновиденья.
Жалобы мои грустны:
Нет лекарств, а боль жестока.
Пусть сужденья и верны,
Да от них немного прока,
Ибо сны — всего лишь сны.

РЕДОНДИЛЬИ

* * *

*Рассказать про круговерть
Жизни я своей хотел,
Чтобы изменить удел, —
За рассказ грозит мне смерть.*

Время слишком неприветно:
Лучше ждать кончины мне
С мукою наедине,
Чем писать о ней, запретной.

*Видно, мне сужден и впредь
Тот же горестный удел:
Он мне в муках жить велел,
В горших муках — умереть.*

Нет беде моей исхода,
Выход же один — уйти:
Если в жизни нет пути,
В смерти будет мне свобода.

*Жить мне — как в огне гореть,
Кто б такую боль стерпел!
Чтоб исправить мой удел,
Мне осталось умереть.*

Ни взлететь, ни пасть во прах
Не могу; но средь невзгод
Разве не благой исход —
Пред судьбой утратить страх?

Видно, я себя обрек,
Сетуя на время наше,
Зло испытать из полной чаши,
А добра вкусить не смог.

Мудр иль впрямь безумен тот,
Кто под бременем обид
Благ от времени не ждет
И ничем не дорожит.

С О Н Е Т Ы

О КРАСОТЕ ВСЕГО СУЩЕГО

Прекрасное — луч трепетный рассвета,
Рожденный в бесконечной высоте;
Запечатлевшись в чистой красоте,
В нем Солнца Вечного живет примета.

Не передать достойно диво это
Искуснейшею кистью на холсте
И не сыскать слова благие те,
В которых может быть оно воспето.

Диана ль посребрила ночь луной,
Квадрига ль Феба полдень позлатила, —
Во храм преобразился мир земной,

И чудеса, что в нем любовь явила,
Под силу описать любви одной:
Мир — холст ее, слова ее — светила.

К РУЧЬЮ

Рождаясь в изумрудной колыбели,
Бегучим серебром блестит волна,
И вьется струйка, радостна, юна,
Меж светлых берегов виднеясь еле.

Оковы льда преодолев и мели,
Все ширится, все полнится она
И мчит, не зная отдыха и сна,
К погибели, к недостижимой цели.

Вот зеркало твое, вот твой портрет,
О жизнь! На крыльях суеты обманной,
В неведенье грядущих горьких бед

Летишь ты к цели — к избранной, желанной, —
Чтоб в чаяньях пустых сойти на нет,
Чтоб умереть в погоне постоянной.

* * *

Пройдя чреду и радостей, и мук
По воле времени, любви, судьбины;
Надежды все утратя до единой
И цепи, ваш подарок, сбросив с рук;

Постигнув суетность всего вокруг —
И вы, и целый мир тому причиной;
Остыв душою — в этом вы повинны —
И честолюбья излечив недуг;

Вкусив покой, хотя его смутила
Угроза, жизнь мрачившая мою
И страх в нее вселившая постылый,

Я обольщеньям веры не даю;
Скрестил я руки перед грозной силой,
Впервые в жизни побежден в бою.

* * *

Он, в белоперый облачен убор,
Брат нежный нимф из рощи густолистой,
Стремится вдаль кометой серебристой,
Стихии пенной бороздя простор.

И пусть сатир вперяет острый взор:
Не аквилон вздувает парус чистый,
А тщится белизна красой лучистой
Сравняться с вечными венцами гор.

Так пусть же, сил божественных орудье,
Гладь озера он белой режет грудью
И снега затмевает торжество!

Всё воды эти обрекут забвенью:
Мои мольбы, мое уединенье,
Мой вздох завистливый — и песнь его.

* * *

Пришел, увидел, был я побежден;
Как все, я заплатил свой долг пред вами —
В единый миг опутан был цепями
И без вины на муки осужден.

Непостижим вердикт, но утвержден.
Надежд лишенный, тешусь я мечтами,
Живу одним — своим служеньем даме,
И знаю, что умру, не награжден.

Тот, для кого надежда — преступленье,
Не может согрешить и в помышленье,
Я эту истину познал вполне.

Но коль несчастья виной сочли вы,
Конечно же, виновен несчастливый.
И оправдаться не под силу мне.

* * *

Вторично я на опыте своем
Познал, Фортуна, гнев твой и гоненья;
Ты, как Луна, щедра на измененья,
Но мне печали шлете вы вдвоем.

Надежды я теряю с каждым днем,
Сбываются одни лишь опасенья;
Не обольстясь, отверг я обольщенья,
Честолюбивым не горю огнем.

Порой читаю в немоте страданья
Слова, которые теперь таю,
Слова, в которых веку отдал дань я.

В молчанье чашу скорби изопью,
Чтоб не постигло разочарованье
Вторично страсть опасную мою.

* * *

Хоть аспид злой к твоей груди приник
И, в одоленье доблести напрасной,
Из мук твоих творит свой яд опасный,
В исток отравы обратив родник,

Лови спокойствия блаженный миг
Под ширью неба безмятежно ясной:
Не слышен здесь рев бури своевластной,
Не виден времени свирепый лик.

Так, не склоняясь пред нещадным роком,
Лишь зрителями будем мы с тобой
В театре мира суетно жестоком.

Там недостойный вознесен судьбой.
Следит Фортуна равнодушным оком,
Кто победит, кто проиграет бой.

* * *

Молчанье, в склепе я твоим укрою
Перо слепое, хриплый голос мой,
Чтоб скорбь не обратилась в звук пустой,
В знак на песке, что будет смыт волною.

Ищу в забвенье смерти и покоя,
От опыта, не от годов седой;
Не перед разумом — перед судьбой
Склонюсь, дань времени платя — собою.

Желанья и надежды укрошу
И в ясности, откинув обольщенья,
Жизнь в тесные пределы помещу,

Чтобы меня не одолело мщенье
Того, чьих ков я избежать хочу
В спасительном моем уединенье.

* * *

С тех пор, как отлучен я от фавора
Фортуны, злобной и предубежденной,
Живу куда вольней, освобожденный
От уз терпенья, от его укора.

Ничто мне боле ни ума, ни взора
Не обольстит в свободе обретенной:
Одним владеет благом осужденный —
Ждет только исполненья приговора.

Быть может, безрассудство — не смиренье —
Убережет того, кто от страданья
Привычного не в силах отрешиться.

И коль Судьбы неправой оскорбленья
Смягчает лишь отказ от упованья,
Лишенному надежд — чего страшиться?

* * *

Двойная мука мне в удел дана:
Когда молчу, я не в ладу с собою,
А между тем признание любое —
И новый риск, и старая вина.

Вот и сейчас угроза мне слышна:
Сулит мне кары враг, грозит бедою;
Он знает: права нет за правотою,
За все я обречен платить сполна.

Мне суждено Фортуной своенравной
Принять в молчанье смерть и злой навет:
Коль право немо, истина бесправна.

Таков подлеиший времени завет:
Сойди с ума, умри в борьбе неравной,
Но воли ни перу, ни слову нет.

* * *

Пусть время множит без конца гоненья,
Обиды нанося мне ежечасно,
Я не хочу губить себя напрасно
Словами, что сказал без умышленья.

Пусть будет добрым иль дурным правленье
Того, кому закон и жизнь подвластны,
Мы оба — я и мой судья пристрастный, —
Не изменяясь, примем измененья.

И пусть крыла свои надежда сложит:
Мне ведомо, погибель ждет изгоя,
Что на полет решился дерзновенный.

Умри же, упованье: век твой прожит,
Коль зависть — не намеренье благое —
Врата открыла клевете презренной.

Сколь малым времени обязан тот,
Кто родился на свет в наш век бесплодный,
Когда обман и зло царят свободно,
Гонима доблесть, низости почет;

Когда ничьей души не увлечет
Пыл бескорыстья, доброты природной,
И должен быть доволен неугодный
Обидами и чередой невзгод.

Ловушки честолюбья, месть, измены;
Одно лишь правда — правый страх того,
Кто, чуя гибель, прочь спешит с арены.

Лесть ярая попрала естество,
Попрала честь, лжи даровав презренной
Всю власть закона, славу, торжество.

НА СВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛЬКАЛА,
КУДА ОН БЫЛ СОСЛАН

Вот я опять студентом без ученья
Здесь, в городишке ректорском и книжном,
Где волен не внимать я шаромыжным
Указам, чуждым смысла и значенья.

Пусть кто-нибудь поет в колообраченье
Двора хвалы хулителям облыжным,
Властям бессильным, судиям сквальжным,
Тяжебщика ввергающим в мученья.

Пусть Адонис смелей усы расправит:
Марс стерпит с безразличием привычным,
Зато Венере по сердцу прикрасы.

Измену, кражу в наше время славят!
Ох, вновь я тщусь проткнуть пером обычным
Стальные новомодные кирасы!

ПРОТИВ ПРИДВОРНЫХ СОБЛАЗНОВ ЧЕСТОЛЮБИЯ

Не обольстят меня надежды впредь,
Не огорчат, рассеясь, обольщенья:
Мне дорого дались года ученья,
Смирив себя, сумел я присмиреть.

Зато смогу без горечи смотреть
На перемены все и превращенья,
Как должное, приму вражду и мщенье,
Прощу обиды, чтобы их презреть.

Не обманусь, как все, тщетой придворной,
Где выгод ищут в низости позорной,
Чтоб, проиграв, изведать стыд вдвойне.

Обычай общий изменить посмею
И буду горд, коль сохранить сумею
То, что бесценно, хоть и не в цене.

* * *

Избыть бы тщетные мои стремленья,
Упрямой одержимости сродни,
Избыть бы мне надежды, жить в тени,
Обманы позабыв и сожаленья, —

И слов моих не загрязнит глумленье,
Участье добрых обретут они;
Увижу солнце я, увижу дни,
Дарящие покой и просветленье.

Склоняюсь я к прозрачному ручью
И в беге чистых вод, живящих поле,
Читаю кару зримую свою.

В одном уверился я поневоле:
Свой иск на суд я ветру отдаю,
От смутных чаяний жду лучшей доли

ОПИСАНИЕ КОРДОВЫ

Скорей подворья, нежели дворцы;
Кривые улочки; бездомных рати;
Здесь женщины — как жеребцы по стати
И слабосильней женщин — жеребцы;

Богач епископ, нищие купцы;
В речах уколы — к стати и некстати;
Тьмы санбенито, мало благодати;
Дрянъ на виду, в загоне храбрецы;

Прокисший и поблекший Вакх в таверне;
Церера хилая; Гермес — прохвост;
Тончайший Гонгора средь глупой черни

Да провалившийся навеки мост —
Вот Кордова; кто к сей прибавит скверне,
Пускай присочинит к сонету хвост.

АКТРИСЕ ХОСЕФЕ ВАКА ЕЕ МУЖ, НАСТАВЛЯЮЩИЙ ЕЕ НА УМ

«Хосефа, стольный град под стать Содому:
Благоразумно здесь себя ведите;
Чернь любит сплетни, за собой следите —
Льстецы не научили бы худому!

Верны союзу нашему святому,
На герцогов да графов не глядите;
Со всей заботливостью честь блюдите
И преданность супругу, церкви, дому».

Докончив, наш Моралес помолился.
«Ох, провались ты! Что стращаешь букой! —
Ему Хосефа отвечает лихо. —

Что я честна, в том честь моя порукой!»
Тут сумасброд простушке умилился
И прочь пошел. И снова стало тихо.

ЭПИГРАММЫ

НА ЧЕТУ НЕОБЫКНОВЕННО БЕЗОБРАЗНЫХ ГРАФА САЛАСАРА И ДОНЬЮ МАРИЮ ЛАСО ДЕ КАСТИЛЬЯ

Сейчас граф Саласар Страшило
Смотрелся в зеркало опять,
Чтоб на жену свою взирать
Ему не так уж страшно было.

НА ПРИДВОРНОГО АЛЬГУАСИЛА ДОНА ПЕДРО ВЕРХЕЛЯ

Великолепия полны,
Горят брильянты на Верхеле,
Которыми вчера владели
Любовники его жены.

ЭПИТАФИЯ РОДРИГО КАЛЬДЕРОНУ

1

В тебе, прохожий, горестного вздоха
Да не родит покойный Кальдерон:
Хорошее он делал столь же плохо,
Сколь хорошо плохое делал он.

2

Друзья, здесь похоронен тот,
Чья слава в мире не умрет,
Кто славно разорял державу,
Кто славно шел на эшафот,
Кто был преступником на славу.

ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО-И-ВИЛЬЕГАС

РОМАНЫ

О ТОМ, КАК ДОНА АЛЬВАРО ДЕ ЛУНА ВЕЛИ НА КАЗНЬ

«Ваша благостыня будет
Благом для души греховной», —
Так молящиеся пели
Под трезвон под колокольный.
«Жертвуйте на погребенье!»
Был богаче всех вчера он,
А сегодня подаянья
Просит он у вас на саван.
Состраданья он достоин:
Нынче милостыню просит
Тот, кто милости дарил вам,
Снисходя на ваши просьбы.
Он, кто мог своею властью
Сделать каждого маркизом,
Графом, герцогом, прелатом,
Командором иль магистром,
Он, кто жаловал поместья,
Титулы дарил вельможам,
Умирает как преступник.
«Жертвуйте, кто сколько может!»
Лишь вчера всем королевством
Помыкал он, а сегодня
Отдан сам на помыканье
Палачам скотоподобным.
Главной улицей он едет
К месту казни, а давно ли

Ехал здесь в сопровожденье
Короля и всех придворных?
Почитал себя счастливым
Тот, кто был тогда с ним рядом,
Все придворные ловили
И слова его, и взгляды.
А теперь другая свита
Вслед за ним валит толпою, —
Разношерстный сброд: зеваки,
Нищие, бродяги, воры.
Он, кто был вершитель судеб,
Сам судьбою изничтожен,
Умирает как преступник.
«Жертуйте, кто сколько может!»
«Мир бессильный, мир порочный!»
Вот как ты вознаграждаешь
Слуг своих. Увы, немногим
Ведомо твое коварство!» —
Так один монах воскликнул,
Видя, как толпа людская,
Набережную заполнив,
Устремилась к месту казни.
А разъезды личной стражи
Государя дон Хуана
Надзирали, чтоб для казни
Не было помех нежданных,
И на каждом перекрестке —
Альгуасилы и солдаты,
Под началом двух алькальдов,
Трех славнейших капитанов.
«Прочь с дороги!.. Прочь с дороги!..
Расступись!..» — кричат герольды.
«Ваша благостыня будет
Благом для души греховной».
Вот и Альваро де Луна,
Он в сермяжном балахоне,
Едет он верхом на муле,
Мул под траурной попоной.
В черном колпаке де Луна,
Изможден он заточеньем,
Справа от него — священник,
Слева от него — священник.
У людей у самых черствых
На глазах — слеза печали.

Но за что он умирает?
Пожимают все плечами.
Шепот, вздохи сострадания —
Словно стон многоголосый.
Осужденного выводят
На позорные подмости,
Где трагедия де Луны
Завершается развязкой...
«Ваша благостыня будет
Благом для души несчастной».

ОГОРОДНАЯ СВАДЬБА

Дон Редис и донья Редька —
Не креолы, не цветные,
Вроде там Цветной Капусты,
Но испанцы коренные —
Пожились. И на свадьбу
Их высокоогородья,
Чьим благодаря щедротам
Кормится простонародье,
Всю свою родню созвали,
Пригласили цвет дворянства,
Тех особ, кому подвластны
Все земельные пространства.
Прикатила донья Тыква,
И дородна, и спесива, —
Оттого, что всех дородней,
И спесива особливо.
А за нею — донья Свекла,
Неопрятная уродка,
Все лицо в буграх и ямах,
Бахрома вокруг подбородка.
Вот дон Лук — торчат нахально
В шляпу воткнутые перья;
Скольких дам до слез довел он,
Обманувши их доверье!
Не замедлила Маслина:
Этой смуглой андалуске
Надо быть без опоздания, —
Без нее ведь нет закуски.

Вон дон Апельсин. Министром
Стал он, двор его возвысил.
Глянесь — гладок, верно, сладок,
А когда раскусишь — кисел.
Вот сварливый и колючий
Дон Каштан; в его владенья
Не проникнешь, не имея
Должного вооруженья.
Вот обсыпанная пудрой
Куртизанка донья Слива:
Смугловата, нагловата,
Но округлости на диво.
Вот капризная и злая
Низкорослая Горчица:
Всякий, кто не вышел ростом,
Свыше меры горячится.
Вот изящная Черешня:
Молодая — скулы сводит,
Но зато, когда созреет,
Тьму поклонников находит.
Вот ее сестрица Вишня:
Поислей, темней оттенков,
Смолоду — в цене, а позже
Продается за бесценок.
Вот обманщица Капуста:
С виду — сдобненькая пышка,
Но под массой белых юбок —
Лишь сухая кочерыжка.
Дыня — образец матроны
Добродетельной и честной:
Вид ее сулит блаженство,
Вкус, увы, довольно пресный.
Вот дон Баклажан — сияет
Лысиной своей лиловой:
В годы юности зеленой
Был он малый непутевый.
Вот дон Огурец: сутулый,
Прыщеватый, малокровный;
Сразу виден в нем идалго
С безупречной родословной.
Вот дон Кабачок. Он бледен,
Давней одержим любовью:
Даст в куски себя разрезать,
Спечь, стушить, — но лишь с Морковью.

Прибыл и двуличный Персик.
Зависть его сердце точит,
Жесткость внутреннюю скрыть он
Бархатной улыбкой хочет.
Дон Лимон толк знает в свадьбах,
Не пропустит ни единой;
Побуждаем тонким вкусом,
Судит-рядит с кислой миной.
Вот карета с доном Хреном,
Очень важною особой;
Дряхлый, скрюченный подагрой,
Жив он горечью да злобой.
Вот хвастун, бретёр дон Перец,
Он — причина слезных жалоб:
Стоит Перцу поперечить —
Вмиг глаза полезут на лоб.
Вот ввалилась донья Брюква.
Все ухватки грубиянки
Обличают в ней утеху
Школяров из Саламанки.
Но достаточно. В злословье
Перешел я грань приличья.
Впрочем, свадьбы, мой читатель,
Так скучны без злоязычья!

КОШАЧЬЯ СХОДКА

Кровля моего жилища
В прошлую субботу стала
Местом общего собрания
Для котов всего квартала.
По чинам расположились —
Чем почтеннее, тем выше:
Наиболее маститым
Отведен конек был крыши.
Черные стеснились слева,
Белые сомкнулись справа,
Ни мур-мур, ни мяу-мяу
Ни единый из конклава.
Встал, дабы открыть собранье
Пестрый кот с осанкой гордой,
Загребущими когтями
И величественной мордой.

Но другой на честь такую
Заявил права, — тем паче,
Что он слыл как провозвестник
Философии кошачьей.

«Братья! — вслед за тем раздался
Вопль заморыша-котенка;
Был он тощим, словно шило,
Чуть держалась в нем душонка. —
Братья! Нет ужасней доли,
Чем судьба котенка в школе:
Терпим голод, и побои,
И мучительства. Доколе?»

«Это что! — сказал иссохший
С перебитою лодыжкой
Инвалид (не поделил он
Колбасу с одним мальчишкой). —
Это что! Вот мой хозяин,
Из ученого сословья,
Исповедует доктрину:
«Голод есть залог здоровья». —
Чем я жив, сам удивляюсь.
Адские терплю я муки,
Поглощая только знанья
И грызя гранит науки».

«Мой черед! — мякнул пестрый
Кот-пройдоха сишлым басом.
Был он весь в рубцах, поскольку
Краденым питался мясом. —
Вынужден я жить, несчастный,
С лавочником, зверем лютым;
По уши погрязший в плутнях,
Он кота ругает плутом.
И аршином, тем, которым
Всех обмеривает тонко,
Бьет меня он смертным боем,
Если я стяну курчонка.
Пряча когти, мягкой лапкой
Он ведет свои делишки:
Покупателю мурльча,
С ним играет в кошки-мышки.
Ем я досыта, и все же
Я кляню свой жребий жалкий:
К каждому куску прибавка —
Дюжина ударов палкой.

Хоть не шелк я и не бархат,
Мерит он меня аршином.
Вы мне верьте — хуже смерти
Жизнь с подобным господином».

Повздыхав, все стали слушать
Следующего собрата.
Речь, манеры выдавали
В нем кота-аристократа.

«Вам поведаю, — он всхлипнул, —
О плачевнейшей судьбине:
Отпрыск знаменитых предков,
Впал в ничтожество я ныне.
Обнищав, от двери к двери
Обхожу я околодок
И свои усы утратил
На лизанье сковородок.
Должен я в чужих помойках
Черпать жизненные блага,
Ибо хоть богат сеньор мой,
Он отъявленнейший скряга.
Голодом моря, однако
Он не пнет и не ударит:
Ведь тогда б он дал мне взбучку,
А давать не может скаред.
Нынче, из-за черствой корки
Разозлясь, он буркнул хмуро:
«Жалко бить: скорняк не купит,
Коль дырявой будет шкура».
Неужели вас не тронул
Страшной я своей судьбою?»

Он замолк. Тут кот бесхвостый
И с разорванной губою,
Кот, что выдержать способен
Десять поединков кряду,
Кот, что громче всех заводит
Мартовскую серенаду,
Начал речь: «Я буду краток —
Не до слов пустопорожних, —
Сущность дела в том, сеньоры,
Что хозяин мой — пирожник.
С ним живу я месяц. Слышал,
Что предшественников масса
Было у меня; в пирог же
Заячье кладет он мясо.

Если не спасусь я чудом,
Вы устройте мне поминки
И на тризне угощайтесь
Пирогами без начинки».

Тут вступил оратор новый,
Хилый, с голосом писклявым.
Познакомившись когда-то
С неким кобелём легавым,
Вышел он из этой встречи
Кривобоким и плешивым.

«Ах, сеньоры! — обратился
Он с пронзительным призывом. —
То, что вам хочу поведать,
Вы не слышали вовеки.
Злой судьбой определен я
К содержателю аптеки.
Я ревенного сиропа
Нализался по оплошке.
Ах, такой понос не снился,
Братцы, ни коту, ни кошке!
Ем подряд, чтоб исцелиться,
Все хозяйские пилюли;
Небу одному известно,
Я до завтра протяну ли».

Он умолк. Тут замурлыкал
Кот упитанный и гладкий,
Пышнохвостый, на загривке —
Жирные, в шесть пальцев, складки.
Жил давно безгрешной жизнью
В монастырской он трапезной.
Молвил он проникновенно:

«О синклит достолюбезный!
От страстей земных отрекшись,
Я теперь — от вас не скрою —
К сытости пришел телесной
И к душевному покою.
Братие! Спасенья нет нам
В сей юдоли слез, поверьте:
Заживо нас рвут собаки,
Гложут черви после смерти.
Мы живем в боязни вечной
Высунуться из подвала,
А умрем — нас не хоронят,
Шкуру не содрав сначала.

Я благой пример вам подал.
От страстей отречься надо:
Оградит вас всех от бедствий
Монастырская ограда.
Вы пройдете некий искус,
Ознакомитесь с уставом, —
И трапезная откроет
Вожделенные врата вам.
Добродетели кошачьей
Мир не ценит этот черствый.
Хочешь быть блажен — спасайся,
Тщетно не противоборствуй.
Страшен мир, где кошек топят,
С крыш бросают, петлей давят,
Шпарят кипятком и варом,
Бьют камнями, псами травят.
Главное, что угрожает
Гибелью нам, мелкой сошке, —
То, что с кроликами схожи
Освежеванные кошки.
Ловкачами и ворами
Нас молва аттестовала:
«Знает кот, чье съел он мясо»,
«Жмурится, как кот на сало».
А хозяева-то наши
Разве не плутуют тоже?
На сукне ловчат портные,
А башмачники — на коже.
Каждый норовит снять сливки.
Им ли укорять нас, если
Плут указы составляет,
Плут сидит в судейском кресле?
Альгуасил, сеньор мой бывший,
Прятался в чулан, коль скоро
Слышал по соседству крики:
«Караул! Держите вора!»
Братья, следуйте за мною,
Процветем семьей единой...»
Тут собранье всколыхнулось:
Явственно пахнуло псиной.
Миг — и крыша опустела,
Врассыпную вся орава,
Дабы избежать знакомства
С челюстями волкодава.

И шептались, разбегаясь:
«До чего ж ты безысходна,
Жизнь кошачья! И на крыше
Не поговоришь свободно».

РАССКАЗ НЕУДАЧНИКА
О СВОЕМ РОЖДЕНИИ
И ВОСПОСЛЕДОВАВШИХ
ОТ ТОГО
ЗЛОСЧАСТИЯХ

«Хоть была моя мамаша
Хрупкого телосложения,
Вышел я живым из чрева,
Чтобы клясть свое рожденье.
В эту ночь луна сияла,
Как червонец, над опушкой;
Если б знала, кто родился,
Стала б ломаной полушкой.
Я родился поздней ночью:
Солнце погнушалось мною;
Тучки тоже это место
Обходили стороною.
Ровно в полночь дело было, —
Так в какой же день недели?
Вторник и среда об этом
Препираются доселе.
Под созвездьем Козерога
Я рожден, и провиденье
Предопределило, чтобы
Стал козлом я отпущенья.
Я не обойден дарами
Прочих знаков зодиака:
Красотой я в Скорпиона,
Поворотливостью — в Рака.
Я родителей лишился,
С ними чуть сведя знакомство:
Уберечь решил господь их
От дальнейшего потомства.
С той поры хлебнул я горя:
Столько видел черных дней я,

Что чернильницей бездонной
Мог бы стать для грамотея.
Каждый час судьбина злая
Шлет мне новую невзгоду:
Коль об пень не расшибусь я,
Так ударюсь о колоду.
Если родственник бездетный
Хочет мне отдать угодыя, —
Вмиг родится сын-наследник:
Я — лекарство от бесплодыя.
Слепота на всех находит,
Коль я еду в экипаже,
Но слепец — и тот заметит,
Как ведут меня под стражей.
Может предсказать погоду
Каждый, кто следит за мною:
Налегке я выйду — к стуже,
Потеплей оденусь — к зною.
Если приглашен я в гости,
Дело пахнет не пирушкой,
А заупокойной мессой,
Где гостей обходят с кружкой.
По ночам мужьям-ревнивцам,
Приготовившим дубины,
Чудится во мне соперник, —
Я плачусь за чьи-то вины.
Крыша ждет, чтоб подошел я,
Если рухнуть наземь хочет.
Камень, брошенный в собаку,
Мне, конечно, в лоб отскочит.
Дам займы — прощай дукаты,
И притом должник-мерзавец
На меня глядит при встрече,
Будто он заимодавец.
Каждый богачей грубит мне,
Каждый нищий просит денег,
Каждый друг мой вероломен,
Каждый мой слуга — мошенник,
Каждый путь заводит в дебри,
Каждые мостки — с надломом,
Каждая игра — с потерей,
Каждый блин выходит комом.
Море мне воды жалеет,
В кабаке — воды избыток:

Захочу купаться — мелко,
Вьпью — не хмелен напиток.
И торговля, и ремесла
Мне заказаны, бог с ними:
Будь, к примеру, я чулочник, —
Все ходили бы босыми;
Если б я вступил, к примеру,
В медицинское сословье, —
Воцарилось бы в округе
Поголовное здоровье.
Холостым был — жил я худо,
А женился — стало хуже:
Взял я в жены образину,
Бесприданницу к тому же.
Говорят, что я рогатый;
Будь притом я травоядный,
Мне б ее стряпня казалась
Не такой уж безотрадной.
Не везет мне и в соседях,
Нет покоя даже в спальне:
Чуть рассвет — кузнец с размаха
Бухает по наковальне.
День-деньской без перерыва
Бьет башмачник по колодке,
Ночью выволочку шорник
Задаёт жене-молодке.
Если я перед сеньорой
От любовной страсти млею, —
Или гнать велит монету,
Или гонит меня в шею.
Я зевну — кричат: «Разиня!»
Оброню платок — «Неряха!»
Коль румян я, — со стыда, мол,
Если бледен, — мол, от страха.
Бархатный камзол надень я —
Люди скажут: «Вот дерюга!»
Возведи я пышный замок —
Молвят люди: «Вот лачуга!»
Если тот, чье домоседство
Всем и каждому знакомо,
Позарез мне нужен, — слышу:
«Только что ушел из дома».
Тот, кто хочет скорой смерти,
Пусть мне посулит подарок:

Сей же час отыдет с миром
Без бальзамов и припарок.
И, для полноты картины
Рокового невезенья,
Я, ничтожный неудачник,
Встретил вас, венец творенья.
Сто мужчин при вас, все носят
Званье гордое «поклонник»;
Недостойный этой чести,
Я всего лишь подбалконник».

Так зывал к Аминте Фабьо.
Но прелестное созданье
Не имело и понятия
О его существованье.

ОТПОВЕДЬ ПОПРОШАЙКАМ, КЛЯНЧАЩИМ ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Сестры, вы зачем стучитесь?
Лепты ждете? Вот те на!
Кто толкнул вас к этой двери?
Не иначе — сатана!
Собираете вы деньги,
Что же, я — банкирский дом?
Или я — корабль, груженный
Золотом и серебром?
Я и деньги! Вот так штука!
Хочешь смеяться, хочешь плачь.
Если б не моя борода,
Был бы голым я, как мяч.
Кабы золотом владел я,
Я б его потратил сам,
Будь я болен золотухой,
Подарил бы ее вам.
Видите, в каком я платье?
Гляньте — дырка на дыре.
Плащ мой лоснится, как ряшка
Келаря в монастыре.
Вылезают мои пальцы
Из разбитых башмаков,

Как из домика улитки
Кончики ее рогов.
Набиваю я утробу,
Если в гости пригласят,
Если ж нет — я утоляю
Только свой духовный глад.
И древней окрестных зданий,
И светлей мое жилище:
Гляньте — крыша прохудилась,
Солнце светит сквозь нее.
Широки мои владенья,
Велики мои права —
По пословице: гуляка
Всему городу глава.
Если уйду из дома,
То спокоен я вполне:
Все мое добро — со мною,
Весь мой гардероб — на мне.
Знайте, что, ко мне взывая,
Зря вы тратите труды:
Здесь вовеки не дождаться
Вам ни денег, ни еды.
Было бы умнее кланчить
У меня луну с небес:
Тут отказывать, быть может,
Я не стал бы наотрез.
Если ж у меня монетка
Завелась бы непутем, —
Каюсь, с нею бы я тотчас
Побежал в веселый дом.
С богом, сестры! Проходите!
И не появляйтесь впредь.
Высох пруд, и рыбы нету,
Не закидывайте сеть.

* * *

«Горсть каштанов и бутылка —
У огня мы коротаем
Вечерок вдвоем так славно,
Что январь нам мнится маем.
Я из всех поэтов первый

Воспеваю вечер зимний
Без потоков, вихрей, ливней —
Новшество уж ты прости мне.
В тоге — мог бы простудиться,
Мне в тулупчике уютней;
И привычной обращаться
С кочергою мне, чем с лютней».
Так я молвил, — не взъщтите,
Если изъяснялся низко:
Не Белардо пел Филиде —
К Марте подъезжал Франсиско.
Я не звал ее пастушкой:
Не случилось быть ей рядом
Со скотами — коль влюбленных
Не считать козлиным стадом.
Я сказал ей, восхищенный,
Пламенный восторг не спрятав:
«О подруга, ты прекрасна,
Словно тысяча дукатов!
Ротик твой, моя голубка,
До того приятен — чудо!
Словно бы кошель раскрытый,
Полный звонкими эскудо.
Если б реже ты просила,
Чаще просьбы выполняла,
Денег бы скопил я много,
Ссорился б с тобою мало.
Подарить тебе намерен
Я сонетец с пылу с жару,
Сладостный романс, а также
Звонких редондилий пару».
С жалостью она взглянула
На бездельника поэта,
Оценила предложенье
И ответила на это:
«Бог подаст! Ты, друг любезный,
Попусту хлопчешь, ибо
Отдавать свою любовь я
Не привыкла за спасибо».

О ТОМ, КАК МОИ ИЗЪЯНЫ
ВИДЯТСЯ СО СТОРОНЫ

Скольким людям я не нравлюсь,
Скольких сам сужу я строго!
Мне опасней изливаться,
Ибо я один, их много.
Слухи про меня — частенько
Просто выдумки и сказки;
Но, признаться, сам я тоже
Иногда стущаю краски.
Не на что мне обижаться,
И оправдываться не в чем —
Им и мне равно внимайте,
Как внимают птицам певчим.
Что скрывать, мои успехи
Впрямь походят на качели:
Только, смотришь, взмыли кверху —
Снова книзу полетели.
Может, впрямь, я вроде дыма,
В коем снисхожденья нету:
Всех черню, вгоняю в слезы
И сиять мешаю свету.
*Не вельможей я родился,
Не вельможей кончу дни,
Но ученым стать пиитом?
Мне? Да Боже сохрани!*
Молвят — я в мечтах витаю,
Словно бы святой Антоний,
Но при этом искушеньям
Поддаюсь без церемоний.
Говорят — я, дескать, робок,
Дескать, избегаю риска.
Что ж, быть храбрым должен Юлий,
Должен кротким быть Франсиско.
Жалуются — скупают я,
Мол, нечасто угощаю:
Как подсесть бы им хотелось
К даровому караваю.
Дескать, все мои писанья —
Из трактирного кувшина:
И недешево, и кисло,
И воды в них половина...
Впрямь, в своих я начинаньях

Часто прихожу к конфузу:
Так игрок, шары гоняя,
Их загнать не может в лузу.
Лишь к удачливым коллегам
Подойду — кричат: «Изыди!..»
А дальнейшего не смею
Повторить в печатном виде.
Сколько всякого отребья
Развелось в земной юдоли!
То-то радость этой швали
Наступать мне на мозоли.
Я, мол, как потоп всемирный
Для кропателей элегий.
Верно! И нечистым тварям
Места нет в моем ковчеге.
«Только на бурдюк он годен», —
Пущен слух по околотку;
Это выдумали злыдни,
Что заткнуть хотят мне глотку.
Я для них — чужой. Как славно!
Пусть швыряют комья грязи!
Но чтоб стал на них похож я?
Чур меня! Ни в коем разе!
*Не вельможей я родился,
Не вельможей кончу дни,
Но ученым стать пиитом?
Мне? Да Боже сохрани!*

ВЛЮБЛЕННЫЙ ОБРЕТАЕТ В СВОЕЙ ЛЮБВИ
ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА

Я узнал тебя, и все
В мире драгоценно стало.
Как прекрасно солнце дня!
Как в апреле розы алы!
Не гляжу я по утрам
На восшествие Авроры:
Для меня рассеять мрак
Лишь твои способны взоры.
Кто желает, пусть следит
В небе звезды и светила —
В астрологии моей
Ты давно их всех затмила.

Сколь ничтожны и бедны
Копи Азии богатой,
Коль ласкаю я рукой
Локонов любимых злато.
Пусть жемчужница живет
Безбоязненно в пучине:
Я к устам лобзаньем льну,
В них нашел я жемчуг ныне.
Не страшусь теперь судьбы,
Столь безжалостной со всеми,
Не пугаюсь перемен,
Что несет с собою время.
Чтоб твою отсрочить смерть,
Время прекратит течение,
Ибо ты — его краса,
Лучшее его творенье.
И о счастье небесам
Я мольбой не докучаю,
Хоть блаженству своему
Срок, увы, недолгий чаю.
Пусть любовь обманна — ей
Каждый счастлив покориться,
Ведь подвластны в мире все
Кипрской ветреной царице.
Объявлю на целый свет,
Что тебя прекрасней нету,
И войну еретикам,
Кто не верит в догму эту!

ОБЛИЧАЮ ЛЮБОВЬ

Слеп Амур, но в наше время,
В том поклясться я могу,
Все увидит, только стоит
Показать ему деньгу.
Кошелек открой — он зрячий,
Душу — слепнет, словно крот.
Ложью, плутнями любого
Ловкача он проведет.
Но теперь мальчишка дерзкий
Пусть нальет в колчан чернил —

У него давно писаки
Перья выдрали из крыл.
От весьма достойной пары
В мир явился сорванец:
Мать, рожденная из пены,
Грязный и хромой отец.
Маму выловил из моря
Сетью некий рыболов
Для трясения кроватей,
Уминанья тюфяков.
Эта славная сеньора
С кузнецом вступила в брак,
Но при этом обожала
За длину мечей вояк.
И сама была предоброй
Кузней: все, кому не грех,
В этом горне жар вздували
И качали этот мех.
Нас любовь дурит, дурманит,
Отнимает ум и честь,
Заставляет все до нитки
На ее алтарь принести.
Так умильно умоляет
Верить, нежностью слепя,
И душой клянется, чтобы
Душу вынуть из тебя.
Вот ко мне она явилась,
Вздев невинности убор, —
Скрыта платьем лиходейность,
Чист и целомудрен взор.
Хоть в желаньях скоромна,
Принимает скромный вид,
Хочет денег, денег, денег
И надеждою манит.
Честность тут лишь при посулах,
При расчете — плутовство:
Обдирает, словно липку,
Верующих божество.
Обещание блаженства
У нее горит в очах:
Я не прочь, коль это даром,
Но за деньги я — монах.
На такие предложенья
Я машу в ответ большой,

Сплошь обтянутою кожей
Бородатой булавой.
Но когда богами были
Пауки да мошкара,
Был Амур в великой силе,
То была его пора.
Он изрядно забавлялся,
Превзойдя всех шутников:
Юношей влюблял в скульптурь
А девиц влюблял в быков.
Двух любовников однажды
В два яйца он превратил
И, одно сварив, глазунью
Из другого сотворил.
Он белянок в мавританок
Превращал, окрасив их
Лица черной шелковицей, —
Как красильщик был он лих.
Одного глупца он сделал
Виноградною лозой,
Даму, что тянулась к гроздам,
Вмиг оборотил скалой.
Но ведь это — только малость
Из Амуровых проказ,
Коль припомнить все, до завтра
Я не кончил бы рассказ.

ПРОТИВ БЕЗУДЕРЖНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕСТИ

Чтоб воспеть улыбку милой,
Жемчуг песнопевцу нужен:
Как же он прославит зубки,
Не упомянув жемчужин?
А вот зубы коренные,
Не в пример передним, нищи,
Хоть на них лежит забота
Пережевыванья пищи.
В мадригалах и сонетах
Непремнейшие гости —
Перламутровые ушки,
Носики слоновой кости.

Чем же провинились локти,
Что о них молчат поэты?
Челюсти, виски и скулы
Тоже вовсе не воспеты.
В виршах множество сравнений
Для слезинок вы найдете,
Но не сыщете полслова
О слюне и о мокроте.
Если дева плачет — бисер
И роса идут тут в дело;
Ну, а что мне надо вспомнить,
Если милая вспотела?
Кудри — золото, но если,
Веря стихотворной справке,
Локон я подам меняле,
Выгонят меня из лавки.
Были женщины из мяса
И костей; теперь поэты
Видят розы в них и маки,
Лилии и первоцветы.
Эх, зеленщики-поэты!
Женщинам вы не польстили,
Прелести их воспевая
В этом травянистом стиле.
Нет, с кораллом целоваться
Было б делом невеселым,
Так же, как лобзать гвоздики
Сладостно лишь разве пчелам.
Очи зарятся на деньги,
А уста подарков просят,
И, однако, виршеплеты
Без конца их превозносят.
А ведь есть тихони-бедра,
Есть бессребреницы-ляжки,
Коим не присущи зависть
И спесивые замашки.
Вот кому за бескорыстье
Посвящать должны поэты
Оды, стансы, и канцоны,
И романсы, и сонеты.
А рубинам ненасытным
И сапфирам завидующим
Лишь презренье вместо гимнов
Пусть достанется в грядущем.

Алчные уста, о коих
Приторный несете вздор вы,
Называть бы надлежало
Устьями бездонной прорвы.
Глазки, в коих блещет жадность, —
Это язва моровая,
Зубки, рвущие добычу, —
Хищная воронья стая.
Разорительны прически,
Так что волосы — Бог с ними —
Даже черные как сажа
Могут зваться золотыми.
Знай: слагая гимны зубкам,
Не вкусишь ты жизни мирной, —
Тощей стервой поперхнешься
Или будешь съеден жирной.

Л Е Т Р И Л Ь И

* * *

*Дивной мощью наделен
Дон Дублон.*

Золотой мой! Драгоценный!
Матушка, я без ума!
Верьте, в нем достоинств тьма.
Он кумир мой неизменный.
Верховодит он вселенной
С незапамятных времен.
*Дивной мощью наделен
Дон Дублон.*

Жил он, вольный и беспечный,
В Индиях, где был рожден,
Здесь, в Кастилье, тает он
От чахотки скоротечной,
В Генуе найдет он вечный
Упокой и угомон.
*Дивной мощью наделен
Дон Дублон.*

Ослепительный мужчина!
Что за стать и что за прыть!
Может он равно пленить
Мавра и христианина.
Всем причудам властелина
Подчиняется закон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублин.

Из блестящего он рода:
Кровь золотиносных жил
Он в наследство получил
От державного Восхода.
Герцога и скотовода
Уравнять способен он.
Дивной мощью наделен
Дон Дублин.

Странно мне, что не дается
Донье Бланке дружба с ним.
Кто властителем любим —
В жизни многого добьется:
Трус сойдет за полководца,
За пророка — пустозвон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублин.

Он главенствует в совете, —
Все древнейшие гербы
Ждут решения судьбы
От герба, что на монете.
Благороднейших на свете
Золотой чарует звон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублин.

Несусветному уроду
Придает он красоту,
Он наводит слепоту
На судейскую породу.
Умники, ему в угоду,
Ходят к дурням на поклон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублин.

В шествии своем победном
Он шагает напролом, —
В облаченье ль золотом,
В скромном ли размене медном.
Повелителям наследным
В дружбе с ним — прямой резон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

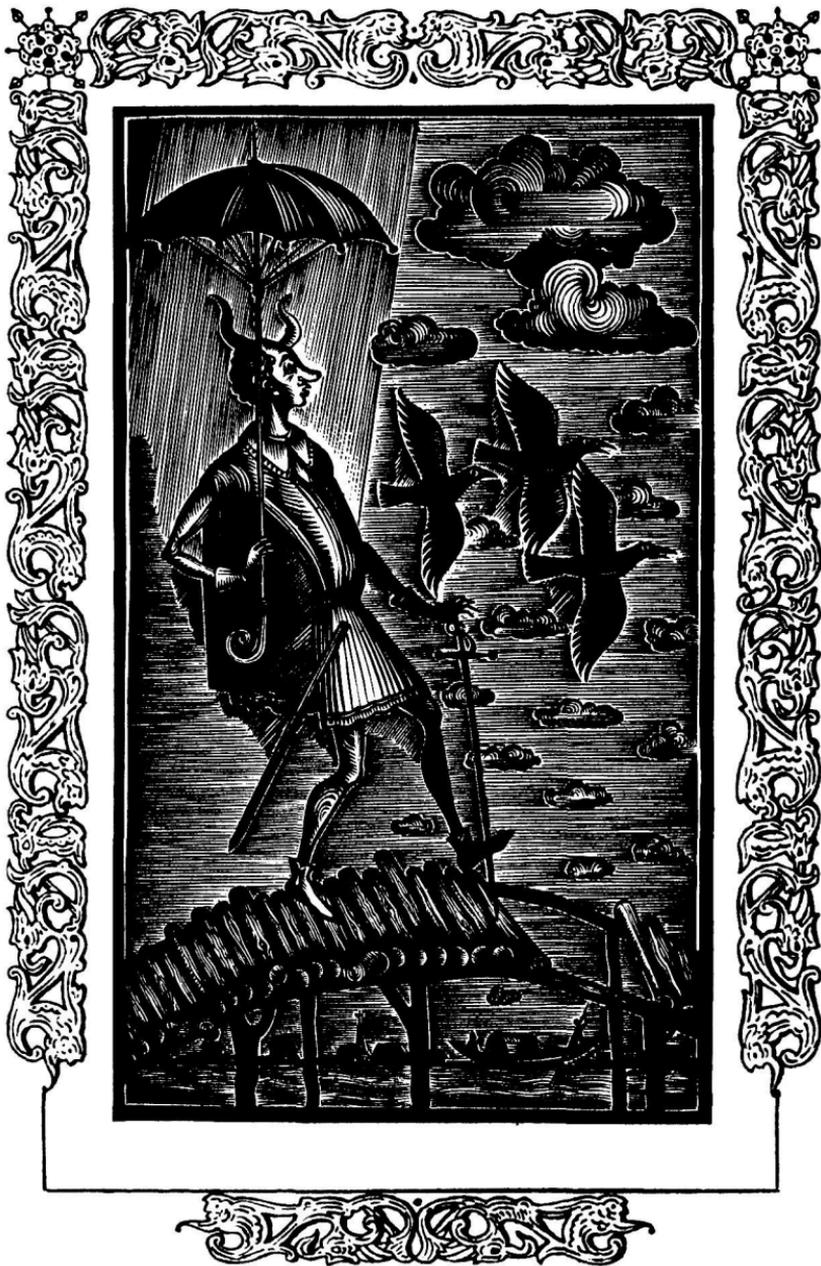
Дамам он особо дорог,
Тут ему отказа нет,
Этот желтый сердцеед
Знать не хочет отговорок,
На умы наводит морок
И сердца берет в полон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

Жизней тратится без счета,
Чтобы город взять мечом,
Он же золотым ключом
Мигом отопрет ворота.
Бой с ним не сулит почета,
Лезть не стоит на рожон.
Дивной мощью наделен
Дон Дублон.

* * *

Посетив разок Мадрид,
Вот какой узрел я вид.

Видел времени щедроты:
То, что было тополями,
Нынче сделалось пеньками;
Видел мост: его пролеты
Так забили нечистоты,
Что вода едва сочится;
Видел: щебетали птицы,
Люди плакали навзрыд.
Вот какой узрел я вид.

Видел много лекарей,
Что внезапно стали нищи,
Переправив на кладбище
Всех недуживших людей;
Видел: клялся брадобрей,
Что, мол, вовсе нет работы
И что в кошельке с субботы
Ни монетки не звенит.
Вот какой узрел я вид.

Видел голод, столь голодный,
Что глотать отвыкла глотка,
Что на нем уже чесотка
Сдохла, став совсем бесплотной;
Видел я, как благородный
Дон не вылезал из долга,
И я думаю, что долго
Долга он не возвратит.
Вот какой узрел я вид.

Видел сотни родников:
Хоть водой они обильны,
Жажду утолить бессильны —
Это очи бедняков;
Видел множество домов,
Толпы сирых и бездомных,
Видел, что в церквах огромных
Пламя свечек не горит.
Вот какой узрел я вид.

Видел город, что судьбою,
Столь к нему неблагоприятной,
Был низвергнут с небосклона
И повержен над рекою.
Кто бы вынести мог такое?
Пронята его страданьем,
Речка с горестным рыданьем
От него стремглав бежит.
*Вот какой узрел я вид,
Посетив разок Мадрид.*

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

Для чего тебе гордиться,
Роза, прелестью своей?
Умираешь ты скорей,
Чем успеешь народиться.
Плакать нам иль веселиться,
Видя в тот же самый день
Жизни цвет и смерти тень?
От восхода до заката
Исчезает без возврата
Совершенство красоты.

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

Видеть спесь твою нет мочи —
Всех ты краше, но смотри:
Выйдя из пелен зари,
Ты наденешь саван ночи.
Век твой царственный короче
Дней любого сорняка, —
Нет Аврорина цветка!
И смеется, нам кивая,
Мальва, грива луговая,
Чьи обычаи просты.

*Роза, чем гордишься ты
Пред незнатными цветами?
Завтра сменятся шипами
Пышные твои цветы.*

РЕДОНДИЛЬЯ

К ЛИСИ

Тот, кто с возлюбленной в разлуке
Скорбит безудержно в тиши,
Подобен телу без души
И обречен на скорбь и муки.

Разлука — смерть души и тела;
В отъединении дана
Телам возможность лишь одна —
Страданья, боли без предела.

Когда б, все чувства сохраняя,
Я жизнь, отвергнутый, влачил, —
Как тело без души бы жил,
Законы смерти попирая.

Кто, душу лгущую покинув,
Лишь тело по свету влечет, —
С разъятым царством сходен тот:
Еще живет, уже погибнув.

Мне смерть милей, чем одиноко
В юдоли горестной блуждать;
Лишь мертвым можно блага ждать,
Судьба отвергнутых жестока.

Усопший может ждать спасенья —
Отвергнутый надежд лишен;
Усопшего ждет вечный сон.
Отвергнутого — униженья.

О нет, не мни, что, разлученный,
Жизнь сохранить желаю я:
В тебе осталась жизнь моя,
И вот я — смерти обреченный.

Я от тебя ушел, страдая,
И, зная скорый свой конец,
Пред тем, как стану я мертвец,
При жизни по себе рыдаю.

Но стонов грудь не исторгает,
И плакать больше нету сил:
Все слезы я давно излил
На пламя, что меня сжигает.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

РУЧЕЙ

Как по камням вприпрыжку
Ты мчишься, клокоча,
И солнцу на алтарь несешь ледышку —
Счастливый дар священного ключа!
О, как, пригретый царственным светилом,
Гордишься ты своим студеным пылом
И, приобщась к весенней кутерьме,
Бросаешь вызов дряхнувшей зиме!
Уйми-ка лучше свой порыв хвастливый,
Не то, когда на следующий год,
Уже озлившись, вновь зима придет,
Припомнятся тебе твои порывы.
Раскованность, увы, толкает в плен, —
В природе все во власти перемен,
И, волею небес, метаморфозы
Вершит, кочуя, каждая пора:
Морозом остужается жара,
Жарой испепеляются морозы.
И пусть весна приходит растворить
Хрусталь твоей темницы, —
Как ей угомониться
И лету не доверить эту прыть!
Боюсь, твоя свобода — лишь насмешка:
К чему такая спешка,
Ведь, воспарив, твой испарится ток;
И на весну тебе роптать бы надо.
А что зима?! Радушная прохлада,
Чтоб, наскакавшись, ты остынуть мог.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Что вам, часы докучные, считать
Назначено в несчастной жизни этой,
Когда вы — ей под стать —
Своим путем идете, верной метой
Вновь избирая утро всякий раз,
Едва протиснув сутки в узкий лаз?

Мои напасти явно вам не впору,
Ведь вы же просто колбочка с песком,
Привыкшим к равнодушному простору
На берегу морском.
Пускай меня минует ваше бремя —
Размеренное время,
Я не хотел бы свой последний час
Выведывать у вас,
Да я и власти вашей не приемлю;
Не отравляйте мне остатка дней, —
Натешитесь вы кротостью моей,
Когда сойду я в землю.

Но если от меня
Нельзя вам отступиться,
Не сетуйте, что нет конца работе, —
Вы скоро отдохнете,
Недаром же кипит вокруг меня
Злорадная возня,
А жар любви, сжигая по крупице
Рассудок мой, на пытки не скупится, —
И в жилах меньше крови, чем огня!
Но ведь, помимо понуканья смерти,
Еще один подвох
Таится в этом пыле:
Казалось, не застать меня врасплох,
А я уже одной ногой в могиле.
И тут меня сравненье повело
По грани упования и страха:
Когда умру — я стану горсткой праха,
Пока живу — я хрупкое стекло.

ЧАСЫ С БОЕМ

Вот он — живой металл,
В котором жизни тайную пружину
Лишь мастер искушенный угадал
И воплотил в машину,
Чей хитроумный ход
Нам ежечасно голос подает
И, вверясь провиденью,
Стремится стрелкой указать ответ

(Пренебрегая тенью!).
Как движется по кругу жаркий свет
И как по тропке этой
Часы летят беспечной эстафетой,
Покуда роли солнца и луны
Колесикам простым отведены.
Однако эта дивная машина
Еще и поучительный пример
Бессилья полумер,
И сколько ни впивай чудные трели,
Чтоб разузнать, который час настал, —
Сокрытый в этом голосе металл
Не достигает цели.
Ты, для кого часов точнейших бой —
Лишь повод разразиться похвальбой,
Рассудок преклони
К тому, о чем тебе твердят они!
Час прожитый оплачь, — не наверстаешь
Минут его, и невелик запас;
Пойми, что ты в один и тот же час
Растешь и в смерть врастаешь.
Но восхвалять часы едва ли стоит,
Не то, пожалуй, будь они в чести,
Гербов таких бы нам не завести.
Часы и впрямь, как ты за них ни ратауй, —
Изящный соглядатай,
Посланец тьмы, бессонный пилигрим.
О, как вы схожи с ним,
Когда, чтобы шагать со светом в ногу,
Светилу вы диктуете дорогу,
Всей вашей мощи дерзостный порыв
На волоске тончайшем утвердив,
А он, уж такова его природа,
Все тоньше и дряхлее год от года.
И все ж не сторонись
Тревожных откровений циферблата, —
В них тайну каждодневного заката
Нам поверяет жизнь:
Всю вереницу суток, солнц, орбит
Считает смерть, а время лишь растит.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Ты видишь, Флор, как, хитрой геометрии
Цифирную премудрость подчиня,
Мы вычисляем продвиженье дня!
А ты подумал, как могло случиться,
Что удалось незыблемой черте
И солнца легкокрылой красоте
В одну полосу слиться?
Ты благодарен, тут сомнений нет,
За то, что можно каждый шаг на свете
Припомнить, оглядев полоски эти.
Но разве только свет
Всечастной жизни видишь ты, а след
Всечастной смерти не подмечен зреньем?
Не грех ли раздвоеньем
Коверкать бытие?
Как верхоглядство пагубно твое!
Зови-ка лучше разум на подмогу,
За косную привычку не держись,
И, в солнечной узнав свою дорогу,
Ты смерть откроешь, вписанную в жизнь.
Ведь раз ты только тень на этом свете,
Как сказано в Завете,
То с тенью света солнечного схож,
От цифры к цифре так же ты бредешь,
Покуда не настанет обретенье
Последней цифры и последней тени.

ПОСЛАНИЯ

КРИТИКО-САТИРИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ ГРАФУ-ГЕРЦОГУ ОЛИВАРЕСУ, ОБЛИЧАЮЩЕЕ НЫНЕШНИЕ КАСТИЛЬСКИЕ НРАВЫ

Пришла пора, пусть слово прогремит,
Уста молчанья дерзко разнимая, —
Все выскажу, что на сердце лежит.

Иль не пристала мужу речь прямая?
Пусть люди мыслят так, как говорят,
И говорят, как мыслят, не петляя.

Пусть выскажется разум чувству в лад
Без страха пред властительною дланью —
За правду в наше время не казнят.

Страшились прежде обнаружить знанье
Иль истины явить сокрытый лик —
Красноречивым было лишь молчанье.

Когда б и закоснелый ум постиг,
Что истина — язык живого бога,
Единый, вечный господа язык!

Она ему опора и подмога,
И только богом истина сильна,
Они равенствуют в единстве строго.

Как бог един, так истина одна,
И, если бога истина оставит,
Уже не будет истиной она.

Но истина и бог в согласье правят,
Бог милосерд, и благ, и справедлив,
Лишь в истине он суть свою изъявит.

О мой сеньор! Все берега размыв,
Мои стихи границы преступили,
Моих стихов неудержим разлив!

Глаза мои слезами затопили
Провалы щек, и льется слез волна
На алтари великих двух Кастилий.

Былая доблесть! Где теперь она,
Что грозною была, хоть небогатой?
В тщету и сон она погружена.

А прежде с той свободой крылатой,
Что долголетней жизни предпочтет
Блистательную смерть, презрев утраты,

Душою щедрый, крепкий наш народ
Считал, что, побежденный лишь летами,
От славных дел испанец отдохнет.

А те, что были праздности рабами,
Обманывая ход часов и дней,
В Испании считались чужаками.

Никто не думал, сколько в жизни сей
Он проживет, и за спиной чужою
Дешевой славы не стяжал своей.

Была тогда народу госпожою
Лишь добродетель, властью крепка,
Мы с нею одолели время злое.

Щитом для сердца крепкая рука
Служила, все удары отражая;
Не прятал панцирь сердце от клинка.

Бесценнейшую честь приумножая,
Считал боец почетом ратный труд,
Свой долг перед отчизной уважая.

Спал на земле неприхотливый люд,
Не думая, что в этом есть заслуга;
Ум не дремал, когда глаза уснут.

Ткала жена для своего супруга
Не плащ цветной, а саван гробовой,
Ценя героя в муже прежде друга.

Не только ложем — жизнью самой
Делилась с ним, шла с мужем под знамена
И, мстя за мертвого, кидалась в бой.

Не дама — благородная матрона,
Чья верность не страшилась низких ков:
Превыше чести не было закона.

Нас отделял от блеска рудников,
Разжегших в душах к злату вождельенье,
Разбег океанических валов.

С бездушным златом чуждое растленье
Не плыло к нам, и честь не торговал
У нас Восток за яркие каменья.

Лишь добродетели алмаз сиял,
Лишь доблестное дело украшало,
Не ждали за достоинство похвал.

Еще перо копья не побеждало,
И кантабрийца толстая мошна
Наследственных земель не отчуждала.

В те времена испанская казна
В Лигурии еще не побиралась —
Скорей бы мавров предпочла она:

При них не столь отчизна разорялась;
А ныне прибыль хуже, чем урон, —
Глядишь, она процентщикам досталась.

Бывал лишь ветром птичий клин сметен,
Лишь старость уносила жизнь оленью,
Их век ловитвой не был сокращен.

Тогда алкало чрево насыщенья,
Не пресыщенья — скромная нужда
Была насущной, чуждой прегрешенья.

Для благородного была тогда
Корова — благоденствия основой,
Не сторонился дворянин труда.

Еще не обольщал нас блажью новой
Ни перец сморщенный, ни пряный плод
Гвоздики, извратившей вкус суровый.

Корове и барашку был почет —
С горючим перцем, с чесноком ядреным —
Одна еда для слуг и для господ.

Склонялась жажда над ключом студеным,
Теперь возносим здравицу больным,
Коварной влагой Вакха опоенным.

Живот был впалым и лицо — худым,
Свидетельствуя о труде привычном;
Доход и честность шли путем одним.

Испанец мог с достоинством обычным
Германца выпивохой называть,
Голландца же — еретиком двуличным,

Он мог бы в зависти подозревать
Италию, когда бы мы не стали
Всем без разбора сами подражать.

Потомки славу предков промотали;
Гербы все те же, дух уже не тот:
Отцы им только имя передали.

Пусть амбру нам на радость изблюет
Могучий кит иль пена океана —
Сей аромат развратом отдает.

Столь наше воинство благоуханно,
Сколь дисциплины крепкой лишено;
Зато на всех алмазы без изъяна.

А прежде домотканое сукно
Носили подвиги, и дамам чванным
Надеть не стыдно было полотно.

Шелк, оскверненный слизняком багряным,
Что римлянин изнеженный носил,
Неумолимым сделался тираном.

Ужели червь испанца улестил,
Чтоб летом жарким муж неприхотливый
В его блестящем саване ходил?

У труженика честь забрал ленивый,
А прежде обретали честь трудом,
Бесчестьем был порок празднолюбивый.

Сегодня стадо разлучить с быком
Стремится младость, алчущая славы;
Не чтит она Цереру божеством.

Рожденный для трудов, не для забавы,
Бык, образец усердья для людей,
Чей вид приял Юпитер величавый,

Бык, утруждавший длани королей
И консулов, жуящий жвачку света
Среди небесных голубых полей!

За что нас поразила кара эта,
Зачем мы подлость, словно подвиг, чтим
И топчем наши нивы в блеске лета?

Вовек бы не видать очам моим,
Как дворянин трясет короткой пикой,
В потешных игрищах неутомим!

Пусть тешится дитя погоней дикой
За петухом с игрушечным мечом —
Не муж, надежда армии великой.

Пусть юноша в ученье боевом
Десницу закаляет, но не тычет
В быка, кормильца нашего, копьем!

Пусть юношу труба на подвиг кличет —
И, над собой признав ее закон,
Себя он бранной славой возвеличит.

Мужчину украшает мушкетон
И тяжкое копьё в деснице верной,
Когда и впрямь кастильской крови он.

Сколь неприятен людям хлыщ манерный,
Что почестей ничтожеством достиг,
Великий разве спесью непомерной!

Ни вычурной езды, ни куцых пик!
Вернем себе турнир и состязанье!
Да примирятся человек и бык!

Взамен забав — высокие дерзанья;
Король и ты, избранник короля,
Осуществите наши притязанья!

Все наши упованья утоля,
Ты добродетель возвратишь народу,
Вздохнет спокойно отчая земля.

От пышных брыжжей шее дав свободу,
Чтоб можно было голову склонить,
Ты воротил нам на учтивость моду.

Ты призван наши нравы исцелить:
Дабы народу впрок пошло лечение,
Фундамент прочный должно заложить.

Твоя звезда, полна благоволенья,
Тебе велит прощать и примирять,
Тем повергая зависть в исступленье,

Тебя склоняет прямодушных брать
К себе на службу, ибо не пристало
Слепому послушанью доверять.

Недаром слава предков возблистала
В твоём наистариннейшем гербе
И нимбом мучеников засияла;

Гусманов добрых призови к себе,
И ширь полей под мирной синевою
С крутых вершин откроется тебе.

Воспользуйся возможностью благою,
И если только крепость наших сил
Враг пожелает испытать войною —

Военной дисциплины грозный пыл
Сплотит бойцов верней, чем уговоры;
Дадим шелкам отставку: час пробил.

Заменим мавританские уборы
На латы, ибо пышной мишурой
Не разрешишь ни трудности, ни споры.

Тот, кто лакейской окружен толпой,
Тот, кто быка на гибель обрекает,
Как пику, перст в него уставив свой, —

На службе пусть отвагу проявляет,
И ты Пелайо превзойдешь во всем;
Поскольку страх войсками управляет —

Пребуди грозен, аки божий гром.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ ФИЛИППУ IV
МЕМОРИАЛ

Король и католик, пресветлый властитель,
От бога ниспосланный нам повелитель!

Я, бедный, взыскующий правды старик,
К стопам твоим ныне с мольбою приник.

Открыв тебе правду, у неба прошу я,
Чтоб слово мое не пропало впустую;

Я, старый слуга твой, чей доблестен род,
Молю: не чуждайся монарших забот!

И пусть на нижайшее это прошение
Тебе добродетель подскажет решение.

Хотя от налогов столица вольна,
Поболе провинции платит она.

Но наши рыданья звучат слишком глухо,
Они твоего не касаются слуха;

Тем паче не ведаешь ты, мой король,
Обеих Кастилий страданья и боль.

Взгляни же: нарядом былым не блистая,
Теперь Андалусия ходит босая.

Заморскому золоту у нас грош цена,
А сыты ль пославшие дань племена?

С арробы прокисшего в бочках осадка —
По девять реалов, да с масла — десятка,

С ягненка — по восемь реалов берут,
На прочее также налоги растут.

Здесь нет рыбаков, дохнет рыба от смеха:
Дешевле налога — улов, вот потеха!

Бог, тварь создавая, предвидеть не мог,
Что твари дороже — с той твари налог.

Не смогут и сто королей, без сомненья,
С испанца взять больше, чем в наше правленье.

Народ опасается: как ему жить,
Когда и за воздух придется платить?

Хоть небо дарует плоды для отчизны,
Их как бы и нет — из-за дороговизны,

И если в нужде дворянин занемог,
Никто не подаст ему хлеба кусок.

В Испании с мужеством нынче не густо,
Поскольку питает его лишь капуста;

А хунта, коль это сулит ей доход,
Живого испанца с костями сожрет.

Без пенсии вдовы, без хлеба сироты
Ждут ныне защиты и отчей заботы.

Внемли — разве в сердце твое не проник
Их стон молчаливый, безмолвный их крик?

Министр проедает поболее дохода,
Чем десять отрядов за время похода.

Нахальный чужак, что с лотка продает,
Последнюю шкуру с испанца дерет,

И, деньги ссужая нам в рост, не по праву
Он нашим судом нам чинит и расправу.

Испанцев возвысь — это край их отцов,
Над нами не след возносить пришлецов.

Шутя вносит подать женевец-пройдоха:
С твоих бедняков он разжился неплохо.

Тебе, государь, мы уплатим пятьсот,
Да тысячу с нас ростовщик заберет.

Кто в должности важной, сам цены вздувает,
А прочие стонут да смерть призывают.

Сих малых попать — недостойно тебя:
Птенцов сам господь охраняет, любя.

Напрасно нас август дарит урожаем —
Процентщику в ларь мы зерно провожаем;

Запас ячменя, для голодного дар,
Скупой ростовщик запирает в амбар.

Опасен народ, коль уздою не сдержан:
Ничто ему казнь, к жизни он не привержен;

«Пусть вешают! — скажет. — Беда не беда,
Страшнее голодная смерть и нужда!»

Твердят богачи: «Сколько б нам ни досталось,
Источник иссяк — украдем, что осталось!»

Идет распродажа постов, должностей —
И власть, и управа в руках палачей.

Продажа земель тебе дорого встала —
Король, ты бедней своего же вассала!

Распроданы пастбища, продан и скот:
Вся прибыль — убыток, добра перевод!

Пройди по испанской земле — ты внакладе:
Твоей, государь, не осталось и пяди!

Богач беззаконьем богатства стяжал,
А платит за все тот, кто беден и мал.

Сам дьявол здесь перст приложил, не иначе,
Лукавый и вкрадчивый демон бродячий,

Что графу в Сан-Пласидо так говорил,
Когда Оливарес молитву творил:

«Сместить тебя жаждут Филипповы слуги;
Разрушь, уничтожь и развей их потуги!

Спиши на корону грехи свои, граф,
В казне отчитайся — и будешь ты прав.

Ведь если Филиппово царствие сгинет,
Твой недруг погибели также не минет.

Останется жив тот, кто с бою пленен,
Не тот, кто судьбою на смерть осужден.

Суть в том, что хапуги богатство умножат,
И если не сгубят страну, то заложат».

Так дьявол шептал ему, лжец и смутьян,
И граф для испанцев — второй Хулиан.

Король, не пристало законам державным
Губить справедливость побором неравным.

Вот список убытков, представленный мной, —
Еще я бумаги не счел гербовой.

Коль в чем я ошибся — прошу снисхожденья:
Боль сердца у разума не в подчиненье!

Открытая правда — вот помощь от зла,
А лживая речь — потайная стрела.

Но нынче в ходу те, кто льстит преступленью,
Хулит за победу, кадит пораженью.

Твоя похвала — наивысшая честь,
Но губит она, коль завистники есть.

Мы — дети твои перед богом; нельзя же,
Чтоб мы погибали, как скот, от поклажи.

Нас войны ввергают в огромный расход,
Но лишь милосердьё — победы оплот.

Нет риска, который война оправдала,
Коль жертвуют кровью и жизнью вассала.

А тут сумасброд, в довершение зол,
Французов к испанским границам привел;

Лишив Мантуанского принца престола,
Он вверг нас в пучину войны и раскола.

Несчастья, пожары, мильоны примет
Сулят нам немало страданий и бед.

В Италии, Фландрии нашим потерям
Нет меры — что ж дома расходов не мерим?

Пусть кровью детей твоих вместо воды
Не полнятся в парках дворцовых пруды!

На зрелища мы отпускаем мильоны,
Зато отнимаем у храмов колонны.

Дворцы на холмах разрослись без препон —
Святой Исидор и часовни лишен.

С сумою Мадрид обращается к бедным,
Но в тратах вознесся над Римом победным.

У пахаря плуг, отобрав, продают,
Потом дорогие ограды куют.

Во что нам охотничья встала забава,
На то снарядить можно армию, право.

Король волен тратить, но выше всего
В монархе умеренность, не мотовство.

А ныне, Филипп, не считаюсь с долгами,
Во славу твою громоздят храм на храме.

Тем более эта повинность тяжка,
Что хлеб отнимают от уст бедняка.

Твой царственный пурпур поистине страшен —
Он кровью голодных и сирых окрашен.

Достатка вовек не увидит страна,
Коль слезы — сей роскоши праздной цена.

Ужели парады, дворцы, развлеченья
Достойно твое возвеличат правленья?

Не блеск бриллиантов величье дает:
Величье монарха — довольный народ.

Король — всей стране голова; плохо дело —
Чело в бриллиантах, да в рубище тело.

Легко учредить непомерный налог,
Да трудно собрать, коль он слишком высок.

Мрет у моря войско, оплот государства, —
С судебных поборов жиреет коварство.

Стяжает победу отважный боец —
Снимает плоды осторожный хитрец.

Кто славу в бою добывает отвагой,
Пусть пищет о ней вражьей кровью да шпагой,

Чтоб истинных доблестей светоч затмил
Кудрявые вымыслы льстивых чернил.

Видна по делам настоящая слава,
К шумихе она не прибегнет лукаво.

Хоть мы и не слепы, иные хотят,
Чтоб верили мы, будто ад — райский сад.

Продажные перья нам лгут без смущенья,
Что камень есть хлеб, а тумак — угощенье.

Во власти твоей это зло побороть,
Решись — и тебя возвеличит господь!

Твоя доброта — златоносные недра;
Великий, ты всех одаряешь прещедро:

Кто больше попросит — тот больше возьмет;
Дари по заслугам почет и доход.

И пусть не смутят тебя ловкие люди,
У коих орудье — одно словоблудье.

От почестей выигрыши твой небогат,
Но честь короля — драгоценнейший клад.

Открытая правда — вот помощь прямая,
А лживое слово — стрела потайная.

Коль в чем я не прав — не взыщи, мой король:
Глуха к разуменью душевная боль!

СОНЕТЫ

О ЧЕМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ В АРАГОНЕ,
ПО КОНЧИНЕ МИЛОСТИВЕЙШЕГО КОРОЛЯ ФИЛИППА III,
И КАК ПО-РАЗНОМУ ЕГО СЛЫШАТ

Не ветер ли грядущего далекий
Отходную поет колоколами
Или с мольбой, клубя свечное пламя,
К усопшему склоняется в упреке?

А может быть, угасший дух высокий
Глашатаем поставлен был над вами
И краткими, но темными словами
Теперь к ответу требует пороки.

Пророческая медь, твоё дрожанье
Не возмутит покоя в этих селах,
И не прервут веселья горожане.

Но пение ладов твоих тяжелых
Ознобом отзывается в тиране,
И короли бледнеют на престолах.

К РИМУ, ПОГРЕБЕННОМУ В РУИНАХ

Дорогой в Рим ты шел на встречу с Римом,
Но в Риме том от Рима нет и тени;
Мертв Авентин, и Форум в запустенье,
И все в могильном сне необоримом.

Не разбудить бывшего пилигримам —
В рубцах веков останки укреплений
Еще твердят о гибели и плене,
Но смолкла мощь, развеянная дымом.

Лишь воды Тибра помнят, как поили
Ту землю, где теперь их кантилена
Звучит подобно плачу на могиле.

О Вечный Рим, и ты добыча тлена!
Могущество и твердость изменили,
И только быстротечность неизменна.

НЕРАЗУМИЕ ЖИЗНИ,
НАСТИГАЕМОЙ СМЕРТЬЮ ВРАСПЛОХ

Жизнь не длинней дневного перехода,
Живая смерть, укрытая в личины.
И мы с рожденья, Ликий, до кончины
В себе ее хороним год от года.

Кичась, она не ведает исхода;
Скудея, метит в райские долины.
Что для нее, одушевленной глины,
Ее недолговечная природа!

И вдруг она, слепа и безрассудна,
Споткнется у могильного обрыва,
Которого в упор не замечала.

Так ветер неуклонно гонит судно
И кормчий забывается лениво,
Едва успев очнуться у причала.

ВНИКАЙ,
КАК ВСЕ ПРОРОЧИТ СМЕРТЬ

Стою у стен отеческого края,
У тех камней, где были бастионы, —
В осаде лет, устав от обороны,
Не устояла доблесть вековая.

Смотрю, как чахнет лето, допивая
Ручей, снегами вешними вспоенный,
Как губит заросль пастбищные склоны,
Печальным овцам небо закрывая.

Вхожу в мой дом, пристанище невзгоды,
Навстречу разоренью и разладу;
Гляжу, как посох сгорбили скитанья,

Как затупили шпагу мою годы, —
И не на чем остановиться взгляду,
Не увидав печати умиранья.

ПЛАЧ
НАД ЗАБЛУЖДЕНИЯМИ ЖИЗНИ

Тягучий день теряется за мглою,
Заветный час туманит дол и воды,
И в тишине и таинстве природы
С упреком возвращается бывшее.

Дышало утро юностью хмельною,
Весна не замечала непогоды —
И скрылись молодые мои годы
За непроглядной снежной пеленою.

Я их терял и тратил без разбору,
И вот они смеются надо мною,
На старости оплакавшим потерю.

Не плакать, а раскаиваться впору —
Обманутый, я сам тому виною
И, бедствуя, жду бед и в них не верю.

ВСПОМНИ НИЧТОЖНОСТЬ ПРОЖИТОГО
И ПРИЗРАЧНОСТЬ ПЕРЕЖИТОГО

Эй, жизнь моя!.. Молчание ответом?
Вот все, что я оставил за собою,
А краткий век мой, загнанный судьбою,
Исчез из глаз, и путь его неведом.

Ушли года, ушло здоровье следом,
И проглядел их я за суетою.
И жизни нет, одно пережитое,
Как нет и сил сопротивляться бедам.

Вчера прошло, а Завтра не настало,
Мое Сегодня мимолетней взгляда,
И то, чем был я, быть уже устало.

Вчера, сегодня, завтра... Та триада,
Что из пеленок саван мне сметала
В тягучей повседневности распада.

КРАТКА ЖИЗНЬ И НЕОСТАНОВИМА

Кладя конец и бедствиям и благу,
Уходит жизнь и с нею все земное,
Затмится мрамор тусклой желтизною,
И время сломит доблестную шпагу.

Я не умел ступить еще ни шагу,
А смертный путь уж лег передо мною,
И пило море черной глубиною
Глухую жизнь, ручья скупую влагу.

Едва шагнув за колыбельный полог,
Пустился я в дорогу без возврата
И даже спящий двигался вслепую.

Последний вздох и горек, и недолог,
Но если смерть — завещанная плата,
Не казнь, а дань, зачем же я тоскую?

ОЩУТИ СКУДОСТЬ ЖИЗНИ, ТАК НЕЖДАННО И НЕЩАДНО ОГРАБЛЕННОЙ СМЕРТЬЮ

Вчера был сном, а завтра стану тленом!
Едва возник и вскоре — горстка пыли!
И, проглядев, что крепость обступили,
Я тешу дух, а ядра бьют по стенам.

Я краткий бой с исходом неизменным
В постылой бойне, гибельном горниле.
В самом себе как заживо в могиле,
Я не оплотом был себе, а пленом.

Былого нет, грядущее в дороге,
В минувшем настоящее — и оба
Похожи на кладбищенские дроги.

Удар часов как заступ землероба,
И жизнь моя, поденщица тревоги,
Уже готовит место мне для гроба.

УЧИТ УМИРАТЬ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО, А ЕЩЕ УЧИТ, ЧТО
ТА ЧАСТЬ СМЕРТИ, КАКОВАЯ ДЛИТСЯ ДОЛЬШЕ, ТО ЕСТЬ
УМИРАНЬЕ, И ЕСТЬ ЖИЗНЬ, МЫ ЖЕ ТОГО НЕ ЧУВСТВУЕМ
И О ТОМ НЕ СОЖАЛЕЕМ, А ПЕЧАЛИТ НАС ТА ЧАСТЬ СМЕРТИ,
КАКОВАЯ МГНОВЕННА, ТО ЕСТЬ ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

Мой дон Хуан, коль наша кровь остыла
И горячит ее нам лишь одно —
Недуга жар; и коль она давно
Едва живит — не напрягает — жилы;

Коль Время нам уста опустошило,
Коль инеем чело убелено,
И в ясный день больным очам темно,
И на деянья не хватает силы,

Свою ищите среди могильных плит
И гроб свой созерцайте без смятенья:
Нам мудрость вживе умереть велит.

Мы начинаем умирать с рожденья,
Но жизнь утехи и безумства длит,
И нам во скорбь лишь смертное мгновенье.

ПОЗНАЙ ГНЕТ ВРЕМЕНИ И БЫТИЯ, МЫТАРЯ СМЕРТИ

Как таешь ты в горсти, как без усилия
Выскальзываешь, время золотое!
Как мерно, смерть, бесшумною пятою
Стираешь ты земное изобилье!

Бездушная, ты все пускаешь пылью,
Что юность возвела над пустотою, —
И в сердце отзываются тцетого
Последней тьмы невидимые крылья.

О смертный наш ярем! О злая участь!
Дня не прожить, не выплатив оброка,
Взымаемого смертью самовластно!

И ради смерти и живя и мучась,
Под пыткой постигать, как одинока,
Как беззащитна жизнь и как напрасна...

К СМЕРТИ

Бич мудрости и мощи, наша кара,
Зову тебя, сомкни же тень за тенью
Над оскорбленным духом, и к забвенью
Прильну я ртом, обутленным от жара.

Так Деций пал, так Фабий ждал удара,
Так Курций нас учил исчезновенью;
Приди же и, цепей срывая звенья,
Уверишься, что жду тебя как дара.

И если слезы чувствую щекою,
Мой жгучий плач во мраке ожиданья,
Исторгнут естеством, а не тоскою.

Был первый вздох мой вестником рыданья,
И лишь последним сердце успокою,
Всего себя земле вручая данью.

ЛЮБОВЬ НЕИЗМЕННА ЗА ЧЕРТОЙ СМЕРТИ

Последний мрак, прозренья знаменуя,
Под веками сомкнется смертной мглою,
Пробьет мой час и, встреченный хвалою,
Отпустит душу, пленницу земную.

Но и черту последнюю минуя,
Здесь отпылав, туда возьму бывшее,
И прежний жар, не тронутый золою,
Преодолеет реку ледяную.

И та душа, что бог обрек неволе,
Та кровь, что полыхала в каждой вене,
Тот разум, что железом жег каленым,

Утратят жизнь, но не утратят боли,
Покинут мир, но не найдут забвенья,
И прахом стану — прахом, но влюбленным.

СКРЫТНОЕ ПЛАМЯ

Ручная саламандра под листвою,
Ты некогда был огненной колонной
И небу мстил рукой испепеленной,
Везувий, о титан в угаре боя!

Притих и ты, пресыщенный борьбою,
Отвесный сад, заласканный Помоной,
И с той поры не воздух раскаленный,
А бабочка мерцает над тобою.

Но феникс оживает огнекрыло
И тьмой слепит, и звездами в придачу;
Вздохнет — и полдень полночью сменило.

Под стать тебе я сердце свое прячу,
Пока огнем не хлыну из горнила,
Как ты, вулкан, соперник мой по плачу!

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Студеный пламень, раскаленный лед,
Боль, что, терзая, дарит наслажденье,
Явь горькая и радость сновиденья,
Беспечность, что полным-полна забот;

Предательство, что верностью слывет,
Средь уличной толпы уединенье,
Усталость в краткий миг отдохновенья,
И права, и бесправия оплот;

Сама себе и воля, и темница —
Покончить в силах с ней лишь смерть одна, —
Недуг, что от лекарств не исцелится, —

Любовь, едва рожденная, дружна
С небытием. В ней рай и ад таится,
И враг самой себе во всем она.

ЛЮБОВЬ, ПРЕОДОЛЕВ ЧУВСТВЕННОЕ ВЛЕЧЕНИЕ,
СТАНОВИТСЯ ДОСТОЯНИЕМ ЧИСТОГО УМА

Мне Флора обожать себя велела,
А не желать, и, покорясь в смущенье,
Я совершаю чистое служенье
Той красоте, которой нет предела.

Чем страсть слепая обладать хотела,
Я разумом люблю, без вожделья:
Люблю тот дух, что неподвластен тленью
В темнице совершеннейшего тела.

Любовь — высокой истины познание
(Небесное предвечно и незримо).
Корыстно, грубо страстное желанье:

Плоть — это прах, и жизнь проходит мимо.
Мой ум бессмертный — Божье достоянье;
Любовник вечный вечной я любимой.

УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ТАЙНА КРАСОТЫ —
В ДВИЖЕНИИ

Не от искусства красота, что взгляду
Являет моему моя сеньора;
Не числа изъяснят мне прелесть Флоры,
Что даже солнцу в зависть и досаду;

Она не от мусического ладу,
Что дал Орфею славу чудотвора;
Я в ней, влекущей, признаю без спора
Власть тайную, благих небес награду.

Мученья принесет — не постиженье,
Не познанною может быть — желанной
Душа под оболочкою такою.

Ведь красота — огонь, всегда в движенье,
Она чужда застылости ледяной,
И ей при жизни не дано покоя.

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА
РОЖДАЕТСЯ, ЖИВЕТ, РАСТЕТ
И СТАНОВИТСЯ ВЕЧНОЙ

О Лисиды! Уж долгих десять лет
Живу я, солнцем глаз твоих пронзенный,
С тех пор, как в них увидел отраженный
И красотой удвоенный рассвет.

Остылой крови ток огнем согрет —
Он десять лет горит, тобой зажженный...
И десять лет для мысли ослепленной
Другого солнца в этом мире нет.

Однажды осенила благодатью
Меня навеки красота твоя
И вечной на душу легла печатью.

В ней тайн бессмертья причастился я:
Она не сдастся времени проклятью,
Над ней не властна брэнность бытия.

ЛЮБОВНЫЙ СОНЕТ

Пусть стону моему все мирозданье вторит,
Коль к жалости я вас склоняю плачем.
Безумен я? Но как же быть иначе:
Любовь с рассудком в непрерывной ссоре.

Как цепи разорву? Как о моем позоре
Я умолчу? Как униженье спрячу?
Я вашим стал рабом, едва любить вас начал —
Себе на радость и себе на горе.

Все слушайте меня! Хотя бы состраданье
Имейте вы ко мне — к тому, кто, видит Бог,
Так долго ждал, так ждал, что в ожидании

Ее любви истаял, изнемог...
Пусть мог я умереть, сдержав в себе рыданья,
Но вырвать из себя любви своей не смог.

ЛЮБОВНЫЙ СОНЕТ

По гребню нелюдимого отрога
Едва бреду дорогою крутою,
Тоска мне путеводною звездой,
Единственной опорой — тревога.

Темнеет ночь, теряется дорога,
Внизу ущелье пенится седое
И ни мостка, ни кладки над водою,
Одна надежда, да и та на Бога.

Спешу в обход негаданной преграды,
Гнетет меня безвестность и забота,
Зовут воды дремотные рулады.

И вдруг я на песке у поворота
Заметил след и замер от досады,
Что здесь и до меня искали брода.

**О ТОМ, ЧТО СОЛНЦЕ РАСТОПИТ АЛЬПИЙСКИЕ СНЕГА,
А ГЛАЗА МОЕЙ ЛИСИ НЕ РАСТОПЯТ ЕЕ ХОЛОДА**

Я вижу, как январь состарил горы,
Поникшие под тяжелой сединою,
Как на вершины солнце ледяное
Глядит украдкой, словно из-за шторы,

И где прогреет зимние заторы,
Во льду струна оттает за струною
И, тронутые лаской неземною,
Певучие польются переборы.

Но мне не увидеть, пока не сгину,
Как отогрело, тронутую взглядом,
Груди твоей воздушную вершину.

Чем крепче жар, тем холоднее рядом,
И в собственной золе горю и стыну,
Завидуя счастливым водопадам.

ВЛЮБЛЕННЫЙ БЛАГОДАРЕН
ОБМАНЧИВОЙ ЛЕСТИ СНА

Мне снилось, будто я... Не знаю, право,
Как и сказать, а впрочем — сон не в руку.
Но сон, Флоральба, скрашивал разлуку,
И снилось, будто я тебе по нраву.

Любовь смешала сладость и отраву
В одном колчане, чтобы вверить луку,
Огонь и бред мой, холод твой и скуку —
И, признаю, смешала их на славу.

Гадал я, сон ли, явь ли это были.
О, если явь, пусть век я сна не знаю,
А если сон — молчу, чтоб не будили!

Но пробудился, изгнанный из рая,
И не пойму, живу ли я в могиле
Или еще при жизни умираю.

ЛИСИДЕ

С ПРОСЬБОЙ ДАТЬ МНЕ ЦВЕТЫ, ЧТО У НЕЕ В РУКЕ,
И ВЗЯТЬ ЗА ОБРАЗЕЦ СЕБЕ РУЧЕЙ

Ты, Лисида, уйдешь, но обещаю мне
Уйти, как эта влага ключевая
Минует берега, не забывая
Цветами одарить их на прощанье.

Сдержи великодушно обещанье,
И, как земля сухая, но живая,
Останусь я, от жажды изнывая,
Но хоть былинкой скрасив обнищанье.

И пусть уйдешь ты, радуясь разлуке,
Пусть я твоей красе обязан болью,
А сам тебе смешон, как эти муки,

Но дай мне искупить себя любовью
И, одного покинув на излуке,
Неси прощальный голос мой к низовью.

СРАВНЕНИЕ ЛЮБОВНОЙ РЕЧИ С РЕЧЬЮ РУЧЬЯ

Изменчив, звонок, виттьеват и юн,
Ты меж цветов крадешься по полянам,
От зноя прячась в беге неустанном,
Златой — посеребрённый пеной — вьюн.

Алмазами соря, пернатых струн
Своим касаясь влажным плектром пьяным,
Ты кружишь голову младым селянам,
Но злит меня смешливый твой бурун!

Звеня стеклом в своем порыве льстивом,
Ты обмираешь над крутым обрывом —
Седеешь от предчувствия беды!..

Не так ли кровь, горячая вначале,
Охладевает в омуте печали?..
О, смех самонадеянной воды!

БЕЗМОЛВНАЯ ЛЮБОВЬ

Глаза! Не выдайте любви секрета:
Его хранят безмолвные уста.
Любви тем совершенней красота,
Чем скорбная видней на сердце мета.

Коль слезы хлынут, не страшась запрета, —
Страдающего сердца немота
Их выжжет. И страданья правота
Не даст глазам нарушить их обета.

Любите тайну сердца своего,
Не выдайте кому-нибудь случайно,
Пред муками его склонитесь ниц.

Любви недостижимо торжество —
Так пусть хранима будет сердца тайна
Безмолвьем уст и сухостью ресниц.

ПРЕДСТАВИВ АД В СЕБЕ САМОМ,
СИЛЮСЬ УКРОТИТЬ ЕГО, ПОДОБНО ОРФЕЮ,
НО ВСЕ НАПРАСНО

Куда ни обернусь, подобно змеям
Клубится ад, свивая в кольца пламя,
И муки караулят за углами,
И смертный грех хоронится злодеем.

В тюрьме влачим мы жизнь и все не смеем
Признаться, что тюремщики — мы сами,
И на цепи я, смоченной слезами,
Под лязг ее пытаюсь быть Орфеем.

Но бешенство и боль во мне теснятся,
Пока любовь тиранствует на славу,
И не перечу, преклонив колена.

Владыка, тяжела твоя десница!
Не отдалит гармония расправу,
И музыка не выкупит из плена.

ВЛЮБЛЕННЫЙ УЧИТСЯ ЛЮБВИ
У НЕРАЗУМНОЙ ПРИРОДЫ

Пещерой горбясь, горная громада
Певучих слез рассыпала каскады,
И обратила каменные скаты
В цевницы влага песенного лада.

Таится нелюдимая прохлада,
Немилы ей восходы и закаты —
Лишь ты, отшельник, плакальщик пернатый,
Единственный, кому бывает рада.

И образ твой и голос, что вначале
Был голосом разлуки, а не птицы,
Всех одиноких плачу обучали.

Теснины гор и влажные цевницы
Ты научил выплакивать печали,
И боль мою возьмешь ты в ученицы.

СРЕДИ ХИМЕР

Какого склепа сумрачные своды
Меня пугают отсветами ада?
Каких тиранов тайная досада
Меня лишает мира и свободы?

Кто сон мой похищает и на годы
Надежду прячет от немого взгляда?
Кто мстит мне за тебя, моя отрада,
Кто не прощает мне мои невзгоды?

Зачем в мои затерянные степи
На пустоши песка и чернобыла
Былых скорбей вторгается лавина?

Зачем воскресший звон постылой цепи
Тому, о ком и думать ты забыла,
Не помня зла, в котором неповинна?

УПОРСТВО ЛЮБВИ, ЛИШЕННОЙ НАДЕЖД

Как медленно и как неумолимо
Плетется смерть и как она желанна!
Далек и долог путь самообмана,
Кричат во мне слепые пилигримы.

Сознание спит, а истина незрима —
Ее так долго прятали румяна,
Что не надеюсь выйти из тумана,
И жизнь и явь, как сон, проходят мимо.

Сменила чрево матери темница,
Сменю ли я темницу на могилу,
Тоски не одолеет и могила.

То подступает смерть, то сторонится,
Но все хитрит и, набирая силу,
Заботится, чтоб пытка не добила.

МСТИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ В ФОРМЕ СОВЕТА КРАСАВИЦЕ,
УТРАТИВШЕЙ БЫЛУЮ ПРЕЛЕСТЬ

Какая тягостная тишина
Теперь, Лаура, под твоим балконом,
Где так недавно голосам влюбленным
Гитары томной вторила струна!

Но что поделать? Бурная весна
Впадает в осень, и по всем законам
Мертвеет свет зари в стекле оконном,
А кровь и кудри метит седина.

Препоручи же зеркало Венере,
Красавица, сводившая с ума,
И не сходи теперь с ума сама,

Разглядывая в нем свои потери, —
Увы, весна ушла, и ныне в двери
Стучит не осень даже, а зима.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ИСПАНИИ В ТОМ,
ЧТО, СТАВ ВЛАДЫЧИЦЕЙ МНОГИХ,
ВОЗБУДИТ ОНА ЗАВИСТЬ И НЕНАВИСТЬ
МНОГИХ ВРАГОВ, А ПОТОМУ ЕЙ ВСЕГДА
НАДО БЫТЬ ГОТОВОЙ ОБОРОНИТЬ СЕБЯ

Гот, житель горных ущелий, сумел
Объединить вместе графства Кастилий;
К быстрому Бетису, к водам Хениля
Вышли наследники доблестных дел.

Ты получила Наварру в удел;
Брак с Арагоном (брак равных по силе)
Дал тебе земли Обеих Сицилий;
Гордым Миланом твой меч овладел.

Ты Португалию дланью железной
Держишь. Приводит Колумб-мореход
Готов к пределам земли неизвестной.

Но берегись, чтоб враги в свой черед,
Соединившись, не взяли совместно
Все, что как дань тебе каждый несет.

ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Фавор, продажная удача — боги,
Вся власть — у злата, что с добром в раздоре,
Кошун и неуч — в жреческом уборе,
Безумье и стяжанье — в белой тоге;

Достойный плахи — в княжеском чертоге,
И в утеснении — людское горе,
Науки, ум — в опале и позоре,
В чести спесивец, пустозвон убогий.

Вот знаки, что согласно предвещают
Твое падение, о Рим надменный,
И лавры, что чело твое венчают,

Гласят о славе, но таят измены
И гром карающий не отвращают —
Зовут его на капища и стены.

О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО В ЕГО ВРЕМЯ, КЕВЕДО РАССКАЗЫВАЕТ В СЛЕДУЮЩИХ СОНЕТАХ

I

Четыре сотни грандов круглым счетом;
Титулоносцев — тысяча и двести
(Что за беда, коль кто-то не на месте!)
И брыжей миллион, подобных сотам;

Нет счету скрягам, подлипалам, мотам,
Побольше их, чем сладких слов у лести;
Тьмы стряпчих, чья стряпня — погибель чести,
Беда и горе — вдовам и сиротам;

Иезуиты, что пролезут в щелку, —
Все дело в лицемерье и в расчете;
И месть, и ненависть — за речью лживой;

Немало ведомств, в коих мало толку;
Честь не в чести, но почести в почете, —
Вот образ века, точный и правдивый.

Подмешивали мне в вино чернила,
 Как паутиной, оплели наветом;
 Не ведал я покоя, но при этом
 Меня ни злость, ни зависть не томила.

По всей Испании меня носило,
 Я был замаран мерзостным памфлетом,
 Вся мразь пыталась сжить меня со свету,
 Вся сволочь мне расправую грозила.

О кабачок, храм истины! О кубки!
 О вольное житье отпетой братьи!
 О резвые дешевые голубки!

Пусть состоит при королях и знати,
 Кто в честолюбие ищет благодати,
 А мне милее выпивка и юбки.

КАРТИНЫ ИЗ ЖИЗНИ КАБАЛЬЕРО, ПРЕДАЮЩИХСЯ ПРАЗДНОСТИ

«Была вчера прелестна донья Ана!»
 «Я обожаю ледяную воду».
 «Пусть нарочные подождут у входа».
 «Немедля денег раздобудь, Кинтана!»

«Граф, ваш слуга. Уже рассвет? Как странно!»
 «Рысак отменный, и видна порода».
 «Эй, кучер, стой!» (Дворцовые ворота.)
 «Где камердинер мой? Позвать болвана».

«Король кивнул, и очень благосклонно».
 «Клянусь вам честью, дивный шут! Умора!»
 «Одры кузена добредут не скоро».

«Цыганочке вручите два дублона».
 «Ах, все шуты — мошенники и воры».
 Столичные сеньоры,

Пустые болтуны и вертопрахи,
 Забыв о совести и божьем страхе,
 Ведут такого рода разговоры.

РАВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОЧИТАЕТСЯ
НЕРАВНЫМ, ЕСЛИ НЕ РАВНЫ СВЕРШИВШИЕ ОНОЕ

Коль Клиту суждена за преступленье
Петля на шею, а Менандру — трон,
Кто будет, о Юпитер, уstraшен
Пред молнией, что стынет в промедленье?

Когда б ты дровом был от сотворенья,
Не высшим судьей, чей свят закон,
Твой ствол кричал бы, кривдой возмущен,
И, мраморный, ты б вопиял о мщенье.

За малое злодейство — строгий суд,
Но за великое — на колеснице
Преступника в венце превознесут.

Клит хижину украл, и он — в темнице;
Менандр украл страну, но люди чтут
Хищенье — подвигом его десницы.

ПРОДАЖНОМУ СУДЬЕ

Вникать в закон — занятие пустое,
Им торговать привык ты с давних пор;
В статьях — статьи дохода ищет взор:
Мил не Ясон тебе — руно златое.

Божественное право и людское
Толкуешь истине наперекор
И купленный выводишь приговор
Еще горячей от монет рукою.

Тебя не тронут нищета и глад;
За мзду содеешь с кодексами чудо:
Из них не правду извлечешь, а клад.

Коль ты таков, то выбрать бы не худо:
Или умой ты руки, как Пилат,
Иль удавись мошною, как Иуда.

О ТОМ, СКОЛЬ ОБМАНЧИВА
ОКАЖЕТСЯ НАРУЖНАЯ ВИДИМОСТЬ,
ЕСЛИ СУДИТЬ ПО ИСТИННОЙ
ВНУТРЕННЕЙ СУТИ

Ты смотришь, как проходит горделиво
Сей великан над праздничной толпою?
Так знай — внутри он весь набит трухою,
Простой носильщик тащит это диво.

И кукле карнавальной терпеливо
Дарит он жизнь и дух своей рукою.
Но тем, кто знает, что она такое,
Смешон ее убор и вид спесивый.

Таков величья образ преходящий,
Которым суетно тиран гордится, —
Роскошный мусор, пестрый и блестящий.

Ты видишь, как венец его искрится,
Как, ослепляя, рдеет багряница?
Так знай, внутри он — только прах смердящий.

СКОЛЬ НИ МОГУЩЕСТВЕН ОСКОРБИТЕЛЬ,
ОН ОСТАВЛЯЕТ ОСКОРБЛЕННОМУ
ОРУЖИЕ ДЛЯ ОТМЩЕНЬЯ

Имущий власть! Страшись затронуть честь
Того, чье достоянье — лишь десница:
Знай, коль серебра и злата он лишится,
Оставишь сталь ему, чтоб счеты свести.

Оставишь право на святую месть,
Оружие, чтоб торжества добиться:
Народ голодный смерти не боится,
Клинки у нищего народа есть.

Кто верную свою погибель видит,
Тому сама погибель не страшна —
Он тех, кто в ней повинен, ненавидит.

И коль его душа оскорблена,
Тем, кто его ограбит и обидит,
Он отомстит — и отомстит сполна.

РАССУЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ИМЕЮЩИЙ
МНОГИЕ БОГАТСТВА БЕДЕН

Не накапливать, но щедрою рукою
Дарить — вот, Казимир, к богатству путь;
Пусть шелком Тира ты оденешь грудь —
Нет места в ней душевному покою.

Ты господин, но вижу пред собою
Всю твоего существованья суть:
Ты раб своих забот, не обессудь,
В плену томимый собственной алчною.

Ты душу золотом мудрости укрась,
Не попусти ее стать гробом золота,
Поскольку золото перед богом — грязь.

Не верь богатству — слово неба свято,
Вот правда: обделен на свете сем
Бедняк во многом, а скупец — во всем.

ДРУГУ, КОТОРЫЙ, ПОКИНУВ ДВОР ЮНОШЕЙ,
ВОШЕЛ В ПРЕКЛОННЫЙ ВОЗРАСТ

От юности до старости, дыша
Чистейшим воздухом, в лачуге милой
Ты жил, где колыбелью и могилой —
Кров из соломы, пол из камыша.

В тиши спокойной солнце не спеша
Тебя целебной наделяет силой,
Здесь день просторней темноты постылой,
И прозревает в немоте душа.

Ты не по консулам считаешь годы,
Твой календарь — весенних пашен всходы,
От веку благостны твои края.

Здесь воздержанье служит к пользе поздней,
И если нет наград, то нет и козней,
И чем скромней, тем ярче жизнь твоя.

ЯВЛЯЕТ ОБРАЗЫ
ОБМАННОГО И ИСТИННОГО БОГАТСТВА

Ты видишь пышный Ликаса наряд,
От золота тяжелый и шершавый?
Ты видишь солнца в кандалах оправы,
Что на перстнях всеильного горят?

А вот чертог: из кедра — створки врат,
И яшмовые стены величавы;
Придал им царственность багрец кровавый,
Что тирского ценнее во сто крат.

Но пусть влечет тебя стезя иная:
Высокой зависти достоин тот,
Кто малым дорожит, алчбы не зная.

Не льстись на жалкий суетный почет:
Водяночная, бледная, шальная,
Мишурным блеском жажда злата лжет.

ПОКОЙ И ДОВОЛЬСТВО НЕИМУЩЕГО
ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЙ ЗЫБКОГО ВЕЛИКОЛЕПИЯ
СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО

Пусть стол в заморских яствах у вельможи —
Мне с кружкой кислого вина не хуже.
Уж лучше пояс затянуть потуже,
Чем маяться без сна на пышном ложе.

Храни на мне мой плащ дырявый, боже, —
Прикроет он от зноя и от стужи.
Я не завишу от портных; к тому же
И вору мало выгоды в рогоже.

Мне трубочка моя подруги ближе;
Чтоб влезть повыше, я не гнусь пониже,
Не жертвую покоем ради блажи.

Похмельная отрыжка лучше дрожи.
Пускай деляга лезет вон из кожи,
Мне — вакховы дары, ему — куртажи.

ПРЕИМУЩЕСТВА ДОБРОДЕТЕЛИ И ОПАСЕНИЯ ЖЕСТОКОГО ВЛАСТЕЛИНА

Взъярился громовержец-водолей,
Разверзлась твердь зияющею раной;
Эвр гасит солнце, тучи гонит рьяно,
Во мгле и хладе топит ширь полей.

Дрожит властитель в крепости своей:
Мощь стен и кровли — слабая охрана;
И гром с небес, что леденит тирана,
Простолюдину музыки милей.

О добродетель! Стойкий, духом смелый
Блюдет всегда и всюду твой закон:
Хулу и лесть душа его презрела;

До тех высот, где пребывает он,
Не долетают огненные стрелы,
Он страхом и надеждой не смущен.

НА СМЕРТЬ ГРАФА ВИЛЬЯМЕДИАНЫ

Оплачь его, изгнанница Астрея,
Он был недолгим гостем в жизни дольной;
Перо и речь он отдал мысли вольной
И, слову жизнь даря, играл своею.

Он лебедь был, и, с ветром спорить смея,
Дивил он песнью дерзкой и крамольной;
Не ведал он, что смерть тропой окольной
Шла с каждым звуком песни все быстрее.

Записывай же злое назиданье
Своею кровью, что на ране стынет,
Тебя навек безмолвием карая:

«Кто сердце выскажет, тот сердце вынет.
Где речь — вина, немощство — наказание.
Я не молчал — и молча умираю».

ЭПИТАФИЯ
ДОНУ ЛУИСУ КАРРИЛЬО ДЕ СОТОМАЙОРУ

Ты видишь, путник: в тесной сей могиле
Спит пленником извечного закона
Он — тот, чьи доблести во время оно
Испанию надеждой окрылили.

Вот меч, а вот перо — их освятили
Бог войн и бог, зачавший Фаетона;
Здесь лживым снам воздвигнута препона,
Здесь смерть — дань мужеству, печаль — дань силе.

Так пусть твой дух исполнится почтенья:
Ведь воды Леты хладные не властны
Над сей гробницей с именем Каррильо!

Иди же мимо в скорби и смиренье.
Знай: он, и телом и душой прекрасный,
Стал прахом — и во прах распались крылья.

* * *

Стихий разбушевавшихся игра
Испании рассерженное море
На берег бросила, и сдался в споре
Песок, что был защитой вчера.

Чудовищная вздыбилась гора
И рухнула; померкло солнце в горе.
И даже не помыслить об отпоре,
Когда тебя трясет, как школяра.

Какой мне был преподнесен урок!
Сколь страшную сулила мне могилу
Судьба! От гибели на волосок

Я был, казалось. Но всему свой срок,
И снова, слава Богу, приютила
Забвенья гавань утлый мой челнок.

НАСЛАЖДАЯСЬ УЕДИНЕНИЕМ
И УЧЕНЫМИ ЗАНЯТИЯМИ,
АВТОР СОЧИНИЛ СЕЙ СОНЕТ

Здесь у меня собранье небольшое
Ученых книг, покой и тишина;
Моим очам усопших речь внятна,
Я с мертвыми беседую душою.

И мудрость их вседневно правит мною,
Пусть не всегда ясна — всегда нужна;
Их стройный хор, не ведающий сна,
Сон жизни полнит музыкой немою.

И если смерть великих унесла,
Их от обиды мстительной забвенья
Печать — о славный дон Хосеф! — спасла.

Необратимые бегут мгновенья,
Но всех прекрасней те из их числа,
Что отданы трудам блаженным чтенья.

НОСАТОМУ

Так носом он своим обременен,
Что носа он носитель и вожатый,
И до того носатостью богатый,
Как будто ему хобот отдал слон.

Нет, взял у рыбы-меч носище он;
Нет, это посох, длинный, суковатый;
Нет, то колосс, и с этакой громадой
Носач — точь-в-точь носатейший Назон.

Нет, вовсе то не нос — таран галеры,
А задранный — превыше пирамид;
Зияют в нем мохнатых две пещеры;

Двенадцать он колен носов вместит
И так уродлив, так велик без меры,
Что Каиафы рожу осквернит.

Те, кто в погоне за твоим товаром
Способны поднести лишь мадригал,
В ответ не удостоятся похвал,
Неблагодарность заслужив недаром.

Пускай зудят — мол, обрекаешь карам
Ты, как Далила, — что бы там ни врал
Ударившийся в выпренность бахвал,
Ты без даров не соблазнишься даром.

Все те, кто не из Марсова колена,
Тебя к любви лишь золотом склонят,
А нет его, — как ни склоняй колена,

Бессилен шквал стихов и серенад,
Пером не завоеешь Телемсена:
Амур — дитя и лишь подаркам рад.

О ЧЕЛОВЕКЕ БЕДНОМ И ЖЕНАТОМ

Правдивейшее это показанье
О муже, что достоин стать святым;
Пускай спознался он с грешком каким,
Вся жизнь его — сплошное покаянье.

К жене прикован, ницетой томим,
Он тещины изведаль истязанья;
Был шурин у него — как наказанье
И сын — характером не херувим.

Меж кузницей и мастерской каретной
Он проживал; всегда был жизни рад,
Хоть не видал в глаза монетки медной;

Нуждою да несчастьями богат,
Жил мучеником: был женатый, бедный;
Содеял чудо: умер не рогат.

О ЛЮБВИ К МОНАШЕНКЕ

Мне о Тантале вспомнился рассказ:
Как он стоит, наказанный богами,
По грудь в воде, и ветвь, дразня плодами,
Качается пред ним у самых глаз.

Захочет пить — уйдет вода тотчас,
Захочет есть — плод не достать руками;
Средь изобилья стонет он веками,
От жажды и от голода томясь.

В сей притче видишь ты, как, окруженный
Богатствами, терзается скупой, —
Мне ж видится в монашенку влюбленный:

Вблизи плода стоит он над водой,
Но, голодом и жаждой изнуренный,
Лишь иногда дотронется рукой.

* * *

Слова твои, Херонимо, — обман!
С Хинесой сделал ты меня рогатым?
Нет, не рогатым — сытым и богатым
Я стал благодаря тебе, болван.

Ты лоб украсил мне? В сырой туман
Ты дом украсил мне ковром мохнатым.
Рогами стан мой отягчен? Куда там!
Скорей, деньгами отягчен карман.

Поэтому смешны твои попытки
Прозвать меня рогатым, да к тому ж
Ты мной обобран до последней нитки.

Не тот рогатый, кто срывает куш,
А тот, кто рад платить, неся убытки,
За те объедки, что оставил муж.

ЭПИГРАММЫ

* * *

Ты знатен, ты в высоком чине,
И здесь, сеньор, твоей гордыне
Богатства все принадлежат:
Твой этот лес, твой этот сад,
Твой этот пруд в твоей долине,
Твой этот погребок вина,
Твое и этих звезд сиянье.
Здесь все твое, и лишь одна
Твоя законная жена —
Общественное достоянье.

* * *

Все уверяют, что Элой
Не увлекается едой
И целый день молчит сурово.
Мне ненавистен друг такой,
Но вот бы мне слугу такого!

НА ОРФЕЯ

Когда Орфей за Эвридикой
В Аид спустился, бог Плутон
Был беспредельно возмущен
Такою дерзостью великой.
Запел пленительный Орфей,
Как никогда не пел. Однако,
Хотя Плутону в царстве мрака
Вдруг стало на душе светлей,
Багровый от негодованья,
Вернул Орфею он жену,
Что было даже в старину
Тягчайшей мерой наказанья.
Засим смягчился грозный бог
И смертному в вознагражденье
За удивительное пенье
Вновь потерять ее помог.

ХУАН МАРТИНЕС ДЕ ХАУРЕГИ-И-УРТАДО ДЕ ЛА САЛЬ

ЗОЛОТО

Искусна и мудра,
Явила нам природа
Свой прозорливый ум в который раз:
Желая нам добра,
От алчного народа,
Дабы соблазны не дразнили глаз,
Она укрыла ценные металлы
В подземном мраке, в чреве гор глубоко,
Их заточила в скалы,
Запрятала в песчаном русле рек,
Чтоб самородков золотых вовек
Не углядела завидующим оком
Прожорливая хищная корысть,
Не прекращающая души грызть.

К несчастью, род людской
Исправить не удастся,
У человека на уме одно:
С буравом и киркой
В далекий край податься
И отыскать там золотое дно;
В работе тяжелой расточая силы,
Долбя годами твердую породу,
Достичь богатой жилы,
Где, обрета и колыбель, и склеп,
Лежит металл презренный, глух и слеп,
Пока не выберется на свободу,
Чтоб сеять в мире горе и печаль
И жаждать слез, как жаждет крови сталь.

И вот из черных дыр,
Из тьмы земной утробы
Показывает он свой бледный лик
И, разрушая мир
Огнем вражды и злобы,
Все царства завоевывает вмиг.
Ничтожество, себе он знает цену:
Вчера еще — уродливый обломок,
Приговоренный к плену
И даже Солнце, своего отца,
Не видевший, монаршего венца
Сумел добиться, выйдя из потемок,
И всю свою употребляет власть,
Чтобы над нами поглумиться всласть.

О золото, тиран,
Которому, как богу,
Мошенник поклоняется и плут!
Ты, гнусный чистоган,
На скользкую дорогу
Толкаешь женщин: ударяясь в блуд,
Они наносят оскорбление небу;
Ты поощряешь подлость и коварство
Мерзавцам на потребу;
Повелевая алчными людьми,
Ты в бой их шлешь, чтоб там легли костями,
В края чужие гонишь на мытарства
Или приказываешь в ураган
Переплывать в скорлупке океан.

Доверив ратный труд
Всем остальным металлам,
Ты царствуешь, владыка из владык.
Пласты подземных руд
Дают булат кинжалам,
Сталь грозным остриям мечей и пик,
Железо метким дротикам и стрелам,
Медь горнам, призывающим упорно
Солдат к атакам смелым,
А бронзу пушкам, молнии и гром
Из жерл выплевывающим со злом...
И все они, служба тебе покорно,
Твое тщеславье тешат, вновь и вновь
На поле брани проливая кровь.

В любом конце земли
Ты всем известно ныне
Как главная причина смут и ссор.
Мир помнит, как вели
Три гордые богини
О красоте своей горячий спор
И яблоко делили золотое
Так страстно, что пришел конец их гневу
Лишь после краха Трои.
Из-за таких же яблок не смогла
Достигнуть цели острая стрела,
Запущенная Аталантой: деву
Прельстил их блеск. Ах, знать бы ей тогда,
Какая вскоре ждет ее беда!

Всех зол источник — ты!
Когда над морем смело
На златорунном Фрикс летел овне,
Упала с высоты
Испуганная Гелла
И в мрачной захлебнулась глубине.
Потом, о золотой мечтая шкуре,
Отправился в неведомые дали,
Сквозь грозы и сквозь бури,
С друзьями-аргонавтами Ясон.
Какой ценой добился цели он,
Какие ужасы их ожидали
И сколько из-за этого руна
Людей погибло!.. В том — твоя вина.

Из-за тебя не смог
Царь Аргоса Акрисий
В глубоком подземелье спрятать дочь:
Зевс, олимпийский бог,
К ней устремился с высей,
В сверкающий преобразившись дождь;
К тебе безумной страстью пламеня,
Пигмалион, Дидоны брат свирепый,
Решил убить Сихея;
Мидас, тобой желавший обладать,
Был вынужден страдать и голодать;
Такой же целью задалась нелепой
Красс, римский консул, и лидиец Крész —
Обоих смерть избавила от грез.

Как вожденный плод,
Ты трепет пробуждаешь
В бесчувственных сердцах скупцов и скряг,
Но тысячью невзгод
За страсть их награждаешь:
Они твои друзья, а ты им — враг.
Тот, несомненно, разума лишился,
Кто, страшной не предчувствуя угрозы,
Служить тебе решился!
Искать тебя — желать себе вреда,
Хранить — не знать покоя никогда,
Терять — терзаться, проливая слезы...
Кто жить не хочет, плача и скорбя,
Пусть держится подальше от тебя!

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ НА СОВРЕМЕННЫЙ ЛАД

Любовь презрению сестра,
Презрение — любви подобно;
И зло ее на вид беззлобно
Перед посулами добра.

Она — предательская верность,
Вернейшая из всех измен:
Кто знал любви сладчайший плен,
Тот знает горестей безмерность.

Она — двулика: свет и тень,
Печаль и радость — все в ней слито;
Зарей рассветной ночь убита,
Убит зарей закатной — день.

Она для сердца пробный камень:
Слепой — и тот увидит вмиг
Сокровищ истинных тайник,
Коль вспыхнет там любовный пламень.

Она — невинная свеча,
Причина буйного пожара;
В ней победителя ждет кара,
А жертву — участь палача.

Она — та глубина, где мелко,
Мель, в коей не достигнешь дна;
Похожа на весы она,
Чья вечно в колебанье стрелка.

Она — небесная лазурь
И ввысь взмывающая птица,
Тишь, в коей ураган таится,
Тишайшая из грозных бурь.

В конце концов, любовь — игра,
Хотя никто не верит в это:
Она — фантазия поэта,
Плод шаловливого пера.

ЭЛЕГИЯ О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

Подражание Марциалу

Ты, жизнь счастливой полагая эту,
Себя, мой друг, обманываешь зря,
Хоть для людей ее завидней нету.

Играть перстнями, чтоб они, горя,
Чужие завораживали взоры
Алмазным блеском, медом янтаря;

Укутать плечи в белый мех, который
С таким усердьем холили для нас
Московии бескрайние просторы;

И в сладостный отдохновенья час
Предаться неге на роскошном ложе,
Разубранном в шелк, бархат и атлас,

В стенах, отделанных тисненой кожей,
Где золото на потолке резном, —
Нет для тщеславья ничего дороже...

Отборнейшим из Африки зерном,
Вращенным на земле ее горячей,
Все закрома свои набить битком;

В плену у алчности, тупой, незрячей,
Богатства несусветного достичь,
Всех презирая, кто не знал удачи;

Вкушать всяк день изысканную дичь
И мясо редких тварей, коих в чаще
Удачливый охотник смог настичь;

Без устали пецись о славе вящей,
Держать бесчисленные толпы слуг,
Всех затмевая роскошью кричащей, —

Сколь мнимы эти радости, мой друг,
Для счастья истинного и простого,
Сколь чужд ему тщеславия недуг!

Свое к тебе я обращаю слово
И к тем, кто, в заблужденье роковом,
Не ведает, в чем счастья основа...

А счастье — это деревенский дом,
От предков унаследованный нами,
Где мирным жизнь заполнена трудом;

Клочок земли, что мы с усердьем сами
Возделываем раннею весной
И не дрожим за урожаем ночами;

Жилище скромное, где в летний зной
Всегда спасительная сень прохлады
И греет пламя очага зимой.

Покой в душе — нет сладостней отрады:
Благословлять то, что дала судьба,
И от нее не ждать иной награды;

Не хвастать силой, чтобы похвальба
Не увлекла тебя на поле брани,
Чуть запоеет военная труба;

Благоразумьем обуздать заране
Рассудок, рвущийся за облака,
Бессоннице не отдавая дани;

Иметь друзей, с кем дружба столь крепка,
Что знаешь — коль тебе придется худо,
То дружеская вызовет рука;

Есть за столом, где грубая посуда
И где без поварских затей обед,
Способных отравить любое блюдо...

Мы смертными являемся на свет,
У смерти от рожденья мы во власти...
Но ты живи так, словно смерти нет,
И ты узнаешь, что такое счастье.

С О Н Е Т Ы

О ВРЕМЕНАХ ГОДА

В блаженном детстве, принимая в дар
Мхи, травы и цветы, земля одела
В их блеск и свежесть девственное тело,
Украшив лоб ярчайшей из тиар.

Став женщиной, она познала жар
Безбрежной страсти неба и, несмело
Прильнув к нему, в его объятьях млела,
И плыл, как вздохи, над лугами пар.

Потом она плодами разрешилась,
Отверзла чрево щедрые долины,
Стал нрав ее суровой и грубей.

И вот она морщинами покрылась,
Увяла, в кудрях — снежные седины:
Все губит время в ярости своей.

О РАЗБИТОМ СУДНЕ, ВЫБРОШЕННОМ НА БЕРЕГ

Погиб корабль, который не пугали
Ни Эвр, ни Нот, ни штормы, ни туман;
С презреньем созерцает океан
Его обломки, полные печали.

Он грезил о сверкающем металле,
Раб кормчего, гордыней обуян,
Везя сокровища индейских стран
В Иберию сквозь пенные дали.

Он сгнил, с родимой рощей разлучен,
Где мог бы зелень сохранять и ныне
Верней, чем сохранить богатства смог.

Кто алчен, кто наживой увлечен,
Погибнет точно так же на чужбине,
Отвергнут всеми, нищ и одинок.

О МУЧЕНИКАХ

Я б на себя взвалил Сизифов труд
И тяжесть пыток, познанных Танталом,
Прикованный к кавказским диким скалам,
Как Прометей, я бы страдал от пут,

Меня б подверг небесный грозный суд,
Как Ихтиона, карам небывалым —
Зато б я муку ревности отдал им,
Пусть мне свои несчастья отдадут.

Душа моя от этой страсти жуткой
Смогла бы хоть на миг передохнуть...
Но какво пришлось бы им тогда?

Забавным пустяком, веселой шуткой
Ужаснейшая кажется беда
В сравненье с болью, мне пронзившей грудь.

МАРКУ АНТОНИЮ,
ПРОИГРАВШЕМУ МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Две силы в море, ставшем полем брани,
Антонию грозят: непримирим
Октавиан возглавить хочет Рим,
Любовной Клеопатра жаждет дани.

В залив он входит Артский, как в дурмане,
Не гневом — страстью плотской одержим,
На боевых судах плывут за ним
Мидийцы, персы, греки, египтяне.

Ему б забыть любовницу свою,
Ему б на римский устремиться флот —
Тогда бы новым не случиться бедам...

А он, горяч в любви, несмел в бою,
Все делает как раз наоборот,
И Марс с Амуром счет ведут победам.

ФРАНСИСКО ДЕ РИОХА

СИЛЫ

К БОГАТСТВУ

Исток тревог, обманчивое благо,
Богатство, манишь ты людей
Надеждой счастья и покоя!
Но нет, не будет знать спокойных дней
Тот, кто копил тебя, как скряга,
И позабудет про досуг навек.
У злата свойство есть такое:
Едва его коснется человек,
Он вмиг стократ становится жадней.
Не зря бессмертными богами
Сокрыто злато в недрах гор,
В глубинах потайных земли.
Но алчность поселилась под луною,
И тишину, в какой росли
В лесах сосна и ель веками,
Нарушил дерзостный топор —
Деревья стали кораблями,
Что ныне бороздят морской простор.
Покорно людям стало море,
И вот в чужих краях на свет дневной
Явилось из земной утробы
Ты, детище корысти, и войной
На нас пошло, исполняясь злобы.
С тобой на свет явилось горе,
И жалость умерла в душе скупой.

Богатство, ты несешь с собой
Для смертных только злоключенья!
Ты даже мертвецу порой
В могиле не даешь отдохновенья:
Коль на усопшем дорогой наряд
Иль золотом украшены уборы,
Его приют последний скоро
Бесчестные злодеи осквернят.
Покой посмертный лишь бедняк найдет,
Склеп богача разграбят воры.
На самый край погибельных невзгод
Сколь многих довело ты, злато!
Ты для людей — жестокий рок!
Из-за тебя в объятия разврата
Ввергается невинности цветок,
И ложе чистое сквернит порок.

Ты даже робкого душой
Отвагою даришь безмерной,
Чтоб смог он овладеть тобой.
Но на земле нет никого, наверно,
Кто б обладал тугой мощной
И в страхе не дрожал.
Что в мире злом таким чревато?
Ты так настойчиво, так торова
В посулах, но без счета бед
В себе скрывает твой безумный бред.
Что проку обличать? Я так сказал бы:
Когда б ты благом было в самом деле,
Бессмертные тобою бы владели.

К ЖЕЛТОЙ РОЗЕ

О чудо-роза, дай ответ,
Какая неземная сила,
Слив краски все в твой несравненный цвет,
Тебя в цветок желанья обратила?
Когда душа людская расцвела
В тебе, исполнилась ты страстной
Тревоги, жгучей и прекрасной,
И на свидание звала
Любимого, но — ах! — напрасно.
Несчастливая, о, сколько раз,

С призывом обратясь к нему несмело,
Ты тотчас же от слез немела!
Но на земле богиня есть,
Которая твое узрела пламя
И, тронута смиренными мольбами,
Благая, погасить смогла
Огонь, что душу жег тебе дотла,
Из памяти стерев печаль и нежность,
Укрыла тонкою корой
Твоих ланит багрец и белоснежность.
И вот тобой сохранено
От красоты твоей былой
Теперь лишь золото одно,
Что было некогда густою
И дивною волной волос.
И стала ты навеки золотом,
Пример любовных зол и росных слез,
Единственная среди роз.

СОНЕТЫ

К ИТАЛИКЕ

Повсюду зрю руины, разрушенье.
Какую скорбь внушает мне твой вид!
Амфитеатр в развалинах лежит,
И дивные повержены строенья.

Бессмертные, как мнилось нам, творенья
Седое время медленно крушит,
И жалкий сей удел меня страшит —
Меня к нему влечет невзгод теченье.

О, сколько перебивали здесь,
Ступали на расколотые плиты,
Восторга изумленного полны!

Но пышность, и величие, и спесь
Давно в былом, ковром травы укрыты.
Остался только ужас тишины.

Как я устал брести Фортуне вслед,
Надежду заблужденьями питаю,
Но, разумом их тщетность сознавая,
Свой путь вершу покорно много лет.

Льет для других звезда удачи свет,
Мне лишь одни напасти предрекая.
О, кто б поверил, что судьба людская
В себя вместить способна столько бед?

И все звучит обмана сладкий шепот
И сказочные блага мне сулит,
Хоть рок не даст дожидаться исполненья.

Но честолюбие душе велит
Поверить лжи, не слыша в ослепленье,
Как правду изрекает горький опыт.

НА ПОГИБШУЮ АТЛАНТИДУ

Дону Хуану де Фонсека-и-Фигероа

По имени Атланта океан
Зовущийся, который столь сердито
Грызет волнами скалы из гранита,
К земле слепую злобой обуян,

На дне своем скрывает, дон Хуан,
Державу, что когда-то знаменита
Была, но ныне всеми позабыта, —
Прекраснейшую из подлунных стран.

Она погибла во мгновенье ока.
Ответь же мне: ужель твоя печаль
В том, что судьба к тебе всегда жестока?

Как ты не прав и как тебя мне жаль,
Коль неизменности страшишься рока!
Преходит все, как ветер, летящий вдаль...

К РЕКЕ ГВАДАЛКВИВИР

Глубокой, полноводной и бурлящей,
Недавно любовался я тобой,
А ныне зрю: текучий мрамор твой
Жестоко иссушает зной палящий.

Так что же лучше, думаю все чаще:
Пускай над гесперийских рек красой
Свершает солнце путь свирепый свой
Иль, как над Истром, холод леденящий?

Но если лета яростного гнет,
О Бетис, гордость Западного края,
Ты терпишь, хоть и чтишься божеством,

Я, помня о величии твоём,
Уже быллом, жару не проклиная,
Когда на горизонте Феб встает.

КОММЕНТАРИИ

ХОРХЕ МАНРИКЕ

1440? — 1479

Принадлежит к старинному дворянскому роду. Родился в родовом замке Паредес-де-Нава около Валенсии. Отец — прославленный воин дон Родриго, граф Паредес де Нава. Вместе с ним Хорхе Манрике сражался в междоусобных войнах на стороне королевы Кастилии Изабеллы Католической и героически пал в бою, первым бросившись на штурм замка Гарси-Муньос. В его поэтическом наследии около пятидесяти произведений традиционных жанров средневековой поэзии и гениальная философская поэма «Строфы на смерть отца...», о которой Лопе де Вега сказал, что она по заслугам должна быть «начертана золотыми письменами». В ней Хорхе Манрике выступает непосредственным предшественником Возрождения. Типичную возрожденческую мысль о все уносящем потоке времени, о вечных переменах, как основном законе бытия, он увязывает с возрожденческим же утверждением высокой ценности человеческой личности.

Поэма написана так называемой «строфой Манрике», состоящей из двух трехстиший; первые два стиха каждого из них восьмисложные, третий — короткий, четырехсложный. Этот последний стих звучит подобно гулкому удару похоронного колокола.

Время написания «Строф» неизвестно. Возможно, сразу после смерти дона Родриго (1476), хотя они были обнаружены только пятнадцать лет спустя, и тут же заняли почетное место в испанской и европейской поэзии.

Стр. 39. *Магистр ордена Сантьяго* — высшее звание в духовно-рыцарском ордене Сантьяго (святого Иакова), созданном в XII в.

Стр. 40. *Наши жизни это реки...* — Фольклорный образ после «Строф», утвердившийся в испанской и мировой поэзии.

Стр. 44. *Король Хуан* — король Кастилии дон Хуан II (1406—1454).
Инфанты Арагона — дон Педро и дон Энрике, двоюродные братья Хуана II.

Стр. 45. *Дон Энрике* — Энрике IV Слабый (1425—1475), наследовавший Хуану II. Конец его царствования отмечен мятежами придворной знати.

Дон Альфонсо — Альфонсо Невинный, малолетний брат Энрике IV. В одиннадцатилетнем возрасте после смерти Энрике был провозглашен мятежными феодалами королем Кастилии, но умер спустя три года (возможно, был отравлен).

Стр. 46. *О казенном коннетабле...* — Имеется в виду дон Альваро де Луна (ок. 1388—1453), фаворит Хуана II, командующий войсками (коннетабль) Кастилии, самый влиятельный и богатый человек в королевстве. Поссорившись с королем, был обвинен в измене и обезглавлен.

...*владетельные братья...* — Фавориты Энрике IV: Хуан де Пачеко, маркиз де Вильена (1419—1474), и Бельтран де ла Куэва, герцог Альбукеркский (? — 1492).

Стр. 48. ...*избранный счастливец...* — Здесь и далее приводятся имена римских императоров и полководцев, прославивших себя военными победами или незаурядным умом и высокими добродетелями.

Стр. 50. ...*Пусть попомнит Португалец...* — Имеется в виду король Португалии Афонсу Африканец (1438—1481), который после смерти Альфонсо Невинного вступил в борьбу за кастильский престол с сестрой Энрике IV Изабеллой, но потерпел поражение при Торо (1476 г.).

БАРТОЛОМЕ ТОРРЕС НААРРО

? — 1531

Драматург и поэт. Сведений о нем мало. Был солдатом, несколько лет провел в алжирском плену. Освободившись, принял священнический сан и поселился в Риме, но своей сатирой на нравы церковников разгневал папу и вынужден был бежать в Неаполь, под защиту знатного покровителя Фабрицио Колонны.

Известен в основном как драматург и первый теоретик испанской драмы, предшественник Лопе де Веги. В 1517 г. издал в Неаполе сборник: восемь пьес и стихи, написанные в традиционных испанских формах. Сочинил пять сонетов на итальянском языке.

Стр. 57. «Мне выпала в жизни такая дорога...» — Главное стихотворение, оставшееся в антологиях. Написано в традиционной форме испанской поэзии XV в. Традиционна и тема: поэт клянется в верности даме и рассказывает ей о себе. На первый взгляд

кажется, что на голову бедной женщины обрушиваются потоки внутренних противоречий и превратностей судьбы, которые, казалось бы, должны отвратить ее от такого неудачника. Однако на самом деле это каноническая поэтическая схема, традиционная («типологическая») игра антигедами, которой должен был владеть поэт на переломе от средних веков к Возрождению. (Ср.: Ф. Вийон, «От жажды умираю над ручьем».)

ЖИЛ ВИСЕНТЕ

ок. 1465—1540

Драматург, поэт, музыкант, актер и ювелир. Жил в Лиссабоне, был при дворе Жуана II и организатором празднеств, и драматургом, и управляющим королевским монетным двором. Автор сорока двух пьес различных жанров (комедии, фарсы, мистерии), написанных на испанском и на португальском языках. Португальцы считают его основателем своего национального театра, в испанской же словесности ему отведено более скромное место последователя «патриарха испанской сцены» Хуана дель Эспиносы (1468—1529), который первым ввел в комедию фольклорный элемент. В драматургии Жила Висенте особый интерес вызывают вкрапленные в сюжет народные лирические песни — вильянсико. Одной из особенностей этой старейшей разновидности испанского фольклора является краткость, нередко вильянсико состоят из одного куплета.

Стр. 59. *Дон Дуардос* — герой главного драматического произведения Жила Висенте «Трагикомедия о Доне Дуардосе».

Стр. 60. *Прималеон* — герой одноименного рыцарского романа (1517) неизвестного автора. Одна из сюжетных линий романа — история любви Дона Дуардоса и инфанты Флериды — стала фабулой трагикомедии Висенте.

Стр. 61. «В ы й т и з а м у ж ! В о т с о в е т ! ..» — Это и следующие три вильянсико взяты из «Ауто Сибиллы Кассандры», написанного к рождественским праздникам. Его героиня, чье имя составлено из имен известных мифологических пророчиц, вбила себе в голову, что ей суждено родить Христа и поэтому она должна оставаться «девой непорочной». Вильянсико «О п а с н а э т а д е в ч о н к а ! ..» и «Э т а д е в у ш к а н а д и в о ...» исполняет хор, пытающийся убедить Сибиллу Кассандру отказать от своего намерения. Кольбельную «С ы н е Б о ж и й , б а ю - б а й ! ..», своего рода вставной номер, поют четыре ангела над яслями младенца Христа.

Зачинатель реформы испанской поэзии. Основатель (вместе со своим другом Гарсиласо де ла Вега) так называемой «итальянской школы», закрепившей в испанской словесности итальянские формы стиха: одиннадцатисложник, терцет, сонет, эклогу, послание, канцону, рифмованную октаву и др.

Принадлежит к старинному дворянскому роду. Родился в Барселоне, учился в Кастилии, состоял при дворе короля Фердинанда II Католического, затем при дворе своего воспитаника герцога Альбы. Участвовал в неудачной экспедиции, посланной на помощь гарнизону острова Родос, осажденному турецким султаном Сулейманом II (1522). Возвратившись, до конца жизни осел в Барселоне. Чуть ли не первым в испанской поэзии воспел радости семейного очага.

Особое место в творчестве Боскана занимают сонеты. Они отмечены искренностью, исповедальностью. Это — любовные сонеты, в которых чувствуется влияние Петрарки, и сонеты, которые можно назвать «экзистенциальными». В них непонятная тоска, чувство одиночества, словом, то, что раньше называлось «меланхолией».

ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА

1502—1536

«Хватаюсь то за меч, то за перо» — эта строка Гарсиласо де ла Веги стала и поговоркой, и девизом на гербе славного времени испанской поэзии, когда полководцы мечтали о поэтических, а поэты о боевых лаврах. В лице Гарсиласо это время обрело не только «князя поэтов», но и свой идеал личности, свой символ. В этом человеке совмещались отважный воин, высокообразованный гуманист и придворный красавец. Он был идеальным другом и идеальным влюбленным, словно сошедшим со страниц не то рыцарского, не то пасторального романа. Подобно Петрарке, он прославил в стихах красоту Дамы своего сердца и оплакал ее раннюю кончину (1534). Его поэзию отличает красота и гармоничность формы и, главное, сдержанная горечь чувства, которая на века станет одним из истоков испанской поэзии, что особенно ярко проявилось в творчестве поколения 98 года. В этой горечи зачаток «трагического чувства жизни» у испанского философа и писателя XX в. Унамуно.

Гарсиласо принадлежал к старинному дворянскому роду. Среди предков по отцу — поэт, маркиз де Сантьяна (XV в.), а по матери —

«испанский Плутарх» Фернан Перес де Гусман. Родился в Толедо. В юности познакомился в Мадриде с Босканом и в те же годы поступил в гвардию Карла V. В 1525 г. вступил в брак с Еленой де Суньига, а вскоре после этого встретил «Элису» своих стихов, португалку Исабел Фрейре, придворную даму императрицы. В наказание за содействие тайному браку племянника был сослан Карлом V на один из дунайских островов. Ссылка оказалась непродолжительной, по ходатайству герцога Альбы Гарсиласо не только простили, но и доверили ему должность командующего гвардией неаполитанского вице-короля. С 1532 г. он живет в Италии, дружит с самыми просвещенными людьми Европы, пишет стихи. В 1535 г. отправляется в Тунисскую экспедицию, где получил ранение. Роковой оказалась кампания в Провансе. Гарсиласо погиб при осаде замка Муи.

Поэтическое наследие Гарсиласо де ла Веги сравнительно невелико: одно послание, две элегии, три эклоги, пять од, тридцать восемь сонетов, а также диалог и несколько од на латыни. Это наследие берегла для потомства вдова Боскана, которая в 1543 г. опубликовала в Барселоне три книги стихов своего покойного мужа и четыре — Гарсиласо. Так даже смерть не смогла нарушить их союз.

Стр. 88. *...вождь дарданский...* — Анхис, отец Энея, царь Дарданского царства. Во II песне «Энеиды» Вергилий рассказывает, как Эней вынес отца на своих плечах из горящей Трои и отвез в Сицилию. Там Анхис умер и был похоронен.

...Героя Африки... — Имеется в виду император Карл V.

Стр. 89. *Камены* — нимфы ручья в посвященной им в Риме священной роще; начиная с III в. отождествляются с музами.

...в край родной // Моей Сирень... — то есть в Неаполь, где жила последняя любовь поэта, «Неаполитанская Сирена», имя которой осталось неизвестным.

Стр. 92. *Как тот, чьи вены перережет нож...* — Подразумевается римский философ-стоик Люций Анней Сенека. По приказу императора Нерона покончил жизнь самоубийством (65 г. н. э.).

Стр. 94. *Цветок Нидо*. — Имеется в виду Виоланта де Сансеверино — красивейшая дама богатого неаполитанского квартала Нидо.

Простая лира... — По этой строке была названа «лирой» созданная Гарсиласо пятистрочная разноstopная (одиннадцати- и пятисложник) строфа с рифмовкой абабб. Впоследствии излюбленная форма философско-лирической поэзии Луиса де Леона и Сан Хуана де ла Крус.

...эти капитаны... — В испанской армии XVI—XVII вв. «капитанами» называли полководцев, а также и командиров «рот» отдельных военных отрядов.

Стр. 95. *Я расскажу, как пленный...* — Здесь автор ходатайствует

перед красавицей за влюбленного в нее неаполитанского рыцаря Фабио Галеота, своего закадычного друга.

Анаксарета (г р е ч. м и ф.) — кипрская дева, которая своим презрением довела влюбленного в нее юношу до того, что он повесился на ее двери. Афродита наказала гордячку, обратив ее в каменную статую.

КРИСТОБАЛЬ ДЕ КАСТИЛЬЕХО

ок. 1490—1550

Родился в Сьюдад Родриго. В отроческом возрасте был принят пажем во дворец Фердинанда II Католического, откуда неожиданно ушел в монастырь. В 1525 г. вернулся в свет. Жил в Вене, где вел разгульную жизнь, проматывая доходы от церковных приходов и субсидий, выделяемых Карлом V.

Вошел в историю литературы прежде всего как ярый враг «итальянской заразы». Его знаменитая «Сатира на тех, кто пренебрегает кастильскими размерами и подражает итальяским» стала чем-то вроде манифеста поэтов-традиционалистов.

Писал также и глоссы, диалоги, песни, произвольно наполняя их новым ренессансным содержанием. В его стихах, посвященных Анне де Шаумбург, присутствуют все элементы любовной лирики Возрождения.

Стр. 108. *Арте менор и майор* — два вида поэзии, существовавшие в средневековой Испании. Различаются по длине строки. К «арте майор» («большое искусство») относятся стихотворения с длинной строки более девяти слогов, к «арте менор» («малое искусство») — со строкой в восемь и менее слогов (в основном песни).

...*Рифмами пренебрегая*... — Намек на поэму «Геро и Леандр» Боскана и «Вторую элегию Боскану» Гарсиласо, которые были написаны белым стихом.

Стр. 111. *Хуан де Мена* (1411—1456) — автор аллегорических поэм («Коронация», «Лабиринт Фортуны») и перевода «Илиады»; *Хорхе* — Хорхе Манрике; *Гарси Санчес* — Гарси Санчес де Барахос (1460—1526), автор аллегорических поэм («Ад любви», «Сон») и песен; *Картахена* — Кабальеро де Картахена, поэт, песни которого входили во «Всеобщий песенник» Эрнандо де Кастильо (1511).

Стр. 112. *Торрес* — Бартоломе Торрес Наарро; *Де Аро* — Луис де Аро, происходит из старинного феодального рода де Аро, участвовал в войне с Турцией и Францией и погиб в 1543 г.; *Мендоса* — Диего Уртадо де Мендоса; *Злой турок* — османский султан Сулейман II (1495—1566).

ДИЕГО УРТАДО ДЕ МЕНДОСА

1503—1575

Воин, дипломат, поэт. Человек тонкого ума и богатырской силы. Родился в Гранаде пятым ребенком в родовитой дворянской семье. Родители, предполагая посвятить сына церкви, дали ему богословское образование. Однако юноша вопреки родительской воле поступил на военную службу. Отличился в битве при Павии (1525 г.). Карл V поручал ему ответственные дипломатические миссии. Был он и губернатором итальянской провинции Сиены, и послом в Италии. Венец его дипломатической карьеры — Тридентский собор (1542), где он представлял Испанию, за что был возведен в кардиналы. Уже в возрасте шестидесяти пяти лет столкнулся с королевским любимцем и выбросил молодого фаворита в окно. Разгневанный Филипп II отлучил донна Диего от двора и сослал в замок Мота. Там вокруг него собирались молодые поэты. Умер в Мадриде.

Друг Боскана и Гарсиласо, он примкнул к «итальянской школе». Однако в его поэзии выше всего ценились произведения фольклорных жанров, которые он сочинял в молодости.

Литературное наследие — около ста семидесяти стихотворений. Большинство из них было издано в Мадриде монахом Хуаном Диасом Идальго (1610).

Стр. 117. Р е д о н д и л ь я — песня, состоящая из четырехстрочных восьмисложных куплетов с опоясывающей рифмой. Содержание преимущественно любовное. Пришла в Испанию из Португалии.

ГУТЬЕРРЕ ДЕ СЕТИНА

1520—1557

Родился в Севилье в знатной и богатой семье. Служил в армии. Состоял при королевском дворе. Побывал в Италии и Германии. Разочаровавшись в придворной жизни, вернулся на родину и посвятил себя поэзии. В 1547 г. выехал в Мексику, сопровождая дядю, генерального прокурора. Под балконом своей дамы был тяжело ранен соперником. Через два года скончался от последствий ранения.

Поэт итальянской школы, всецело посвятивший себя любовной лирике. Автор около двухсот пятидесяти сонетов и мадригалов. Для стихов Сетины характерны изящество и музыкальность, но уже современники поэта отмечали отсутствие в них глубины и силы.

Стр. 120. «Когда вспугнула цаплю ловчья стая...» — Цапля в испанском фольклоре воплощение красоты. Традиционен и образ «любви — охоты». Но в сонете этот образ перевернут: цаплей, объектом охоты, является не женщина, а мужчина.

ГРЕГОРИО СИЛЬВЕСТРЕ

1520—1569

Поэт и музыкант. Органист в гранадском соборе. Его поэзия занимает переходное место между традиционалистами и итальянской школой.

ЭРНАНДО ДЕ АКУНЬЯ

1520—1580

Карл V гордился тем, что в его империи «никогда не заходит солнце». Эта гордость выражена и в знаменитом сонете Акуньи «Императору», который увенчал стихотворную пирамиду, прославляющую победы испанского оружия.

Родился в Вальядолиде, в семье идадьго. На военную службу поступил еще в юности, воевал в Германии и во Франции, побывал во французском плену. Умер в Гранаде.

Стр. 127. *Галатей* (греч. м и ф.) — nereida (морская нимфа). Ее образ — символ роковой любви — был популярен в испанской литературе XVI—XVII вв.

АНОНИМ

Стр. 128. Сонет распятому Христу. — Небольшое стихотворение, капля в океане поэзии, прочно вошедшее в историю испанской литературы. Автор остался неизвестен, хотя авторство приписывали различным религиозным деятелям, оппозиционно настроенным по отношению к догматическому католицизму: поэту-мистику Тересе де Хесус, реформатору женских монастырей, основателю ордена иезуитов Игнасио Лойоле, монаху-миссионеру Мигелю де Геваре и др.

Значение сонета в том, что он внедрял в поэтическое сознание эпохи крамольную мысль: Христос не чудотворец, а страждущий человек, нуждающийся не в преклонении, а в сострадании. Такая трактовка Христа была развита и в лирах Луиса де Леона и Хуана де ла Крус, и в сонетах Лопе де Веги.

Философ, поэт, переводчик. Человек острого ума, твердых моральных устоев, бойцовского темперамента.

Родился в маленьком городке Бельмонте (Куэнка), в семье адвоката. В семнадцать лет принял монашеский постриг. Изучал, а затем и преподавал богословские науки и риторику в университетах Саламанки, Алькала, Толедо, получил ученые степени — бакалавра, доктора, профессора; как монах-августинец принимал активное участие в диспутах с доминиканцами, приобрел известность, а с нею и завистников. Главный предмет изучения и толкования — Библия. Опираясь на древнееврейские оригиналы, осмелился критиковать «Вульгату», канонизированный латинский перевод Библии. В 1561 г. выступил со своим собственным переводом «Песни Песней». В 1572 г. был арестован по доносу в инквизицию и обвинен в «протаскивании» иудаистской ереси в Священное писание. Пять лет провел в тюрьме под следствием, но сумел добиться оправдания и восстановления в правах.

В последние годы жизни Луис де Леон опубликовал свои основные богословские труды — «Теория имен» и «Имена Христа», в которых выдвинул теорию духовного братства всего человечества. Угроза быть объявленным еретиком по-прежнему нависла над ним, однако выручил могущественный покровитель — Великий инквизитор кардинал Кирога.

Луис де Леон открывает в испанской поэзии философское, интеллектуальное течение, названное «саламанкской школой». Гарсиласовскую «лиру» он из лирического стихотворения преобразовал в философско-лирическое, где каждая эмоция и чуть ли не каждое слово выверены мыслью. Свои стихи называл «безделушками», однако перед смертью подготовил рукопись книги, состоящей из трех частей: 1) стихи; 2) переводы; 3) перевод «Песни Песней». Книга увидела свет только в 1631 г. стараниями Кеведо.

Стр. 131. **Жизнь в уединении.** — Написано под влиянием знаменитого XI Эпада Горация «Блажен лишь тот, кто суеты не ведает...». Этот Эпад с его нравственным императивом и любовью к природе оказался надежным ориентиром для испанских поэтов Возрождения.

Стр. 133. **Пророчество реки Тахо.** — У этой лиры есть два источника: 1) ода Горация «Пророчество Нерая», в которой Нерей (греч. миф.), морское божество, отец нереид, предсказывает гибель Рима; 2) цикл романсов о короле Родриго. В нем повествуется, как король готов Родриго обесчестил красавицу Флориду ла Каву, любимую дочь графа Хулиана, наместника Сеуты и Танжера. Оскорбленный граф из мести призвал в Испанию мавров и помог им овладеть

страной. Эта легенда имеет историческое основание. Граф Хулиан действительно выступал на стороне мавров, когда они овладели значительной частью Пиренейского полуострова (711 г.). С тех пор его имя стало синонимом изменника.

Стр. 136. *Геркулесовы ворота* — то есть Гибралтарский пролив. Согласно греческому мифу, Геркулес (Геракл) создал пролив, раздвинув скалистый берег.

...оплот, Гераклу посвященный? — Имеется в виду легендарный замок, «жилище Геракла», который якобы находился в Толедо.

Бетис — римское название реки Гвадалквивир.

Арес (греч. миф.) — бог коварной, несправедливой войны.

Стр. 137. *Я с н а я н о ч ь*. — Эта лира, могучий гимн мирозданию, а также и следующая за ней «В надежде, оказавшейся напрасной» написаны в тюрьме.

Лоарте — друг поэта, архиепископ из Ледесмы Диего Оларте (или Лоарте).

Стр. 138. *Сатурн* — один из древнейших римских богов; научил людей земледелию и виноградарству.

Стр. 141. *Франсиско де Салинас* (1522—1590) — испанский музыкант, органист и музыковед, профессор музыки в Саламанкском университете (1577). Лира «Франсиско де Салинасу» основана на неоплатонической идее, согласно которой музыка должна восстановить гармонию, утраченную человеческой душой.

Стр. 143. *Фелипе Руис* — друг и, возможно, родственник поэта. Даты жизни неизвестны.

Стр. 144. *Галисиец* — северо-восточный ветер.

ФРАНСИСКО ДЕ ЛА ТОРРЕ

Конец XVI века

Достоверных сведений о нем сохранилось немного. Известно, что родился в Торрелагуна (Мадрид), учился в Алькала, был военным, воевал в Ломбардии. Еще юношей влюбился в знатную даму, которую называл в стихах «суровая Филис». Любовь эту он сохранил до конца жизни, хотя, вернувшись из Италии, нашел Филис замужем за богатым старцем, который покровительствовал ему в молодости. С горя начал было вести беспорядочную жизнь, но вскоре ему наскучили ее утехи, и он уединился в глушь, на берега Дуэро. Незадолго до смерти принял духовный сан.

Поэт саламанкской школы, он вслед за своим учителем Луисом де Леоном обращается к теме ночи. Но если у Леона эта тема была философско-лирической, у его последователя она становится чисто лирической.

БАЛЬТАСАР ДЕЛЬ АЛЬКАСАР

1530—1606

Родился в Севилье в семье судьи Луиса де Алькасара. Получил хорошее гуманитарное образование, в науках вполне успевал, но выбрал себе военную карьеру. Участвовал в войне с Францией. Был взят в плен и освобожден из уважения к его храбрости. Вел довольно распущенную жизнь. Занимал разные должности, был и алькальдом в городе Моларесе, и управляющим в имении графов Хельвес.

«Испанский Анакреон», он воспевал прелести безделья, хорошего стола и доброго вина. Пользовались успехом его стихи, песенные по форме: летрильи, редондилы, а также эпиграммы. Писал и любовные сонеты, подражая Петрарке, но они не отличались оригинальностью и вскоре были забыты. Наиболее известное произведение — «Ужин».

Стр. 155. Л е т р и л ь я — стихотворение «широкого профиля». Оно может быть создано на основе и романса и вильянсико. Единственный отличительный признак — рифма. Летрильи бывают и сатирические и лирические. Их кладут на музыку, их поют, под них танцуют.

АЛОНСО ДЕ ЭРСИЛЬЯ-И-СУНЬИГА

1533—1594

Придворный, воин, поэт. Принадлежал к старинному аристократическому роду. Службу при дворе начал пажем Филиппа II. В 1555—1563 гг. прославился в войне с индейским племенем арауканов (центральные области Чили). Вернувшись в Мадрид, был осыпан королевскими милостями. С 1578 г. после гибели приемного сына жил затворником в фамильном дворце в Мадриде.

Имя Алонсо де Эрсилья связано с одним-единственным произведением — поэмой «Араукана», высочайшим достижением испанской эпической музыки. От нее ведут историю своей национальной литературы чилийцы. Первые пятнадцать песен написаны в Чили и представляют собой, по словам автора, «дневник свидетеля», который приходилось писать «на обрывках карт, на кусках кожи». Главное достоинство поэмы не в динамическом описании сражений и не в прославлении испанского оружия, а в открытом сочувствии автора побежденным индейцам, в его восхищении перед их мужеством. Поэма состоит из тридцати семи песен, она написана октавой и посвящена Филиппу II. Публиковалась частями (1-я — 1569 г.; 2-я — 1578 г.; 3-я — 1590 г.).

Стр. 158. *Кауполикан* — вождь араукан, возглавил сопротивление испанским войскам; был взят в плен и казнен в 1558 г.

Тому пример мы видим в Ганнибале... Помпей... при Фарсале... — Здесь приводятся примеры трагических поворотов военной судьбы: Ганнибал, одержавший ряд блистательных побед над римлянами, потерпел поражение в битве при Саме (202 г. до н. э.) и вынужден был покончить жизнь самоубийством; Гней Помпей — удачливый римский политик и полководец, в борьбе за власть с Юлием Цезарем потерпел поражение при Фарсале (48 г. до н. э.) и был предательски убит.

Стр. 159. *Вальдивия* Педро (1500?—1554) — испанский конкистадор; завоевал территорию нынешнего Чили и был назначен губернатором и командующим войсками в новой провинции. Погиб в битве с арауканами за форт Тукапель.

Пенко, Пурен — испанские укрепленные поселения, захваченные арауканами.

ФЕРНАНДО ДЕ ЭРРЕРА

1534—1597

Поэт трудной жизненной судьбы. Пылкий патриот, воспевавший победы родины, он прожил жизнь, не покидая Севильи. Певец любви, он не питал надежд на взаимность, и не потому, что его дама находилась от него за тридевять земель или соблюдала верность своему мужу, а вследствие социального неравенства, переступить через которое он не мог и помыслить. Угрюмый, замкнутый, одинокий человек, он вкладывал в стихи все порывы души, весь пламень сердца, всю силу огромного трудолюбия и только в стихах чувствовал себя и пророком, и воином, и великим трагиком на высокой сцене поэтического искусства.

Родился в семье церковного свечника, окончил духовную семинарию Сан-Мигель, принял духовный сан и получил церковный приход Сан-Андрес, доходами с которого кормился всю жизнь. Однолюб, безнадёжно любил знатную даму — графиню Леонор де Милан де Кордова де Аргон, супругу графа Хельвеса. Ее он воспевал под именами «Свет», «Светоч», «Звезда», «Элиодора» и др.

Писал он сонеты и эпические поэмы. Из последних наиболее известна проникнутая трагическим пафосом песнь «О поражении короля Дона Себастьяна». В ней поэт опирается на прочную литературную основу своему вдохновению — Библию с ее Книгой пророков.

Творческое наследие Фернандо де Эрреры — пятьсот тридцать стихотворений. Первое издание стихов он подготовил сам и выпустил в 1582 г.

Стр. 166. О поражении короля Дона Себастьяна. — Португальский король дон Себастьян Желанный (1554—1578), король-рыцарь, увлекавшийся охотой и чтением рыцарских романов, организовал поход против Марокко, чтобы приобщить обширные территории Северной Африки к христианской цивилизации. В битве при Алькасаркивире (1578 г.) потерпел сокрушительное поражение и сложил голову в бою. Наследников у него не было, и спустя два года Филипп II присоединил Португалию к Испании.

Стр. 168. ...*павших лузитан тела*... — Лузитане — португальцы, потомки мифического Луза, сына или спутника Вакха.

Стр. 169. По случаю победы при Лепанто. — В 1571 г. объединенный флот Испании, Венеции и Ватикана под командованием Хуана Австрийского разгромил при Лепанто (Греция) турецкий флот и защитил Европу от турецкой агрессии.

ФРАНСИСКО ДЕ ФИГЕРОА

1536—1617?

Поэт итальянской школы. Родился в Алькала-де-Энарес в семье бедного идалго. Юношей уехал в Италию, жил в Риме, выполнял поручения Карла V и Филиппа II. Последние годы жизни провел в родном городе за чтением книг и сочинением стихов. Впервые его стихи были изданы посмертно в Лиссабоне Луисом Трибальдисом в 1626 г.

Страстный поклонник Гарсиласо, Франсиско де Фигероа подражал своему кумиру и продолжал его тему неразделенной любви, переходящей в тоску.

Стр. 178. К а н ц о н а. — Стихотворение написано под влиянием итальянского поэта Джироламо Парабоско (1524—1557) в форме канцоны с последней укороченной строфой («торнадо» — аналог «посылки» во французской балладе), обращением к адресату стихотворения либо к самой канцоне.

Стр. 180. *Себето, что свою приносит дань // Могучему прославленному Тагу*... — Себето — небольшая речка, впадающая в Средиземное море восточнее Неаполя; Тагу — латинская форма названия реки Тахо. Неаполитанское королевство было владением Испании, отсюда, очевидно, и дань, которую Себето приносит Тагу.

Стр. 182. ...*Владычицы немилосердной Кипра*... — то есть Афродиты. Одним из главных мест ее культа был остров Кипр, у берегов которого она вышла из пены. Отсюда одно из имен богини — Киприда.

САН ХУАН ДЕ ЛА КРУС

1542—1591

Настоящее имя: Хуан де Йепес-и-Альварес. Поэт-мистик, монах, богослов и администратор. Родился в Фонтиверос (Авила) в семье ткача. Учился в Медина-дель-Кампо и в Саламанке. Вступил в монашеский орден кармелитов, где к тому времени назревал раскол между «босоногими» и «умеренными» кармелитами. Принял активное участие в спорах на стороне «босоногих» и был заключен в монастырскую тюрьму. Из тюрьмы бежал и укрылся в Альмодовар-дель-Кампо. Основал несколько монастырей, начал реформу устава ордена, в соответствии с реформой устава женских монастырей, проведенной Тересой де Хесус. Занимал высокие монашеские посты, был главным судьей ордена кармелитов, приором Гранады и викарием Андалусии. Умер в Убеде. Автор нескольких религиозных трактатов.

Истоки поэзии Сан Хуана де ла Крус в Библии. Ее главная тема — единение души в любви с богом. В литературоведении существуют, по крайней мере, две трактовки его творчества. Одни (Менендес-и-Пелайо) считают стихи Сан Хуана де ла Крус «ангелической», «небесной», «божественной» поэзией, облаченной в земные метафоры, другие (известный немецкий ученый Людвиг Пфандель, специалист по испанскому Золотому веку) доказывают, что в основе этих стихов лежит земная, плотская любовь, вознесенная до мистического экстаза. Современникам стихи Сан Хуана де ла Крус с их жгучим лиризмом, необычной мелодичностью, темным языком метафор должны были казаться чем-то вроде откровения.

Стр. 186. ...Где три — одно... — Имеется в виду христианская троица: Бог единый в своих трех ипостасях — Отца, Сына и Святого духа.

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

1547—1616

«Волшебники могут лишить меня удачи, но лишить меня мужества и воли невозможно» — эти слова Дон Кихота могут послужить ключом к биографии его создателя. Сервантес по своему складу был трагическим героем. И как трагический герой почти всю свою жизнь провел в жестоком единоборстве с судьбой. Но в отличие от героя трагедии, который гибелью утверждает свою победу, Сервантес силой своего гения поборол судьбу еще при жизни.

Сын бродячего лекаря Родриго Сервантеса, он все же получил хорошее образование, с 1568 г. живет в Италии, там поступает на воен-

ную службу (1570), отличается в битве при Лепанто. И тут восходящая нить судьбы прерывается пятилетним алжирским пленом. В плену Сервантес четырежды организует коллективный побег пленных, и даже в кандалах внушает своим тюремщикам уважение и страх. Вернувшись в Испанию (1580), начинает строить жизнь заново и на новом поприще — в театре. За пять лет написано и поставлено на сцене около двадцати комедий, в рукописи остались стихотворные трагедии («Нумансия» и «Алжирские нравы»). Написан пересыпанный стихами пасторальный роман «Галатея» (издан в 1585 г.). Но писатель недоволен собой. Роман остался незаконченным, комедии имеют посредственный успех, на театральной сцене их вытесняют комедии Лопе де Веги. И опять, на этот раз своими собственными руками, он ломает судьбу, уходит из литературы. С 1585 по 1602 г. Сервантес — сборщик недоимок в Севилье, провиантский комиссар, конфискующий продовольствие для Непобедимой Армады, и снова сборщик недоимок в Гранаде. Грязная, тяжелая, неблагодарная работа, ежечасное, каждодневное испытание духовных и нравственных сил. Но, выполняя ее, он скитается по дорогам Испании, встречает представителей всех слоев испанского общества, и особенно часто крестьян, плавает в океане народной речи, с ее пословицами, поговорками, а подчас и богохульствами.

Так горсть за горстью собирает он почву, на которой вырастает могучее древо романа. С появлением первой части «Дон Кихота» (1603) начинается всемирная слава. Последнее десятилетие жизни — время небывалого творческого расцвета. В эти годы он публикует стихотворный обзор испанской словесности, поэму «Путешествие на Парнас» (1614), «Назидательные новеллы» (1613), «Восемь комедий и интермедий» (1613), вторую часть «Дон Кихота» (1615). Посмертно выходит рыцарский роман «Персилес и Сихизмунда» (1617). Остаются в замыслах вторая часть «Галатеи», книга «Неделя в саду», две комедии.

Сервантес всю жизнь писал стихи, но поэзия не стала для него главным делом. Его стихи в большинстве своем были включены в прозу романов и новелл и долгие годы не воспринимались отдельно от прозы. Сервантеса, замечательного и оригинального поэта, в сущности, открыли только в XX в. Его поэзии присуща полифоничность. Стихи, содержащиеся в прозе, не несут в себе авторского лирического начала, характерного для аналогичных стихов Лопе де Веги. Они всецело принадлежат герою и служат для развития и углубления его образа. Так за романсом молодого пастуха в первой части «Дон Кихота» возникает образ молодого крестьянского парня, открытого, простодушного, хозяйственного. А романс Альтисидоры во второй части романа создает образ мещанки, господской прислуги, нахватавшейся «культуры» из дешевых рыцарских романов.

Стр. 191. Послание к Матео Васкесу. — Адресовано секретарю Филиппа II, было отправлено из алжирского плена в 1577 г. В нем Сервантес не говорит о своих заслугах и не просит о выкупе, а предлагает план освобождения всех узников.

Стр. 192. ...Участье в битве принимал и я... — Имеется в виду битва при Лепанто.

Стр. 193. ...Не помешал мне через год пуститься... — В 1572 г. Сервантес участвовал в высадке в Тунисе испанских войск.

...устремился в край... Где память о любви Дидоны... — то есть в Северную Африку. Дидона (римск. миф.) — основательница и царица Карфагена. В IV песне «Энеиды» Вергилия рассказывается, как она полюбила Энея и, когда Эней вынужден был покинуть Карфаген, покончила с собой.

Стр. 194. ...Где водрузил великий Карл свой стяг... — Имеется в виду Карл V, завоевавший Тунис в 1536 г.

Стр. 196. Говорит Испания. — Фрагмент из неопубликованной при жизни писателя народно-патриотической трагедии «Нумансия». Рукопись трагедии была найдена в XVIII веке.

Стр. 197. «На берегу, где прибой...» — Романс из трагедии «Алжирские нравы», рукопись которой найдена вместе с рукописью «Нумансии».

Стр. 203. ...благой Гиларий... — Имеется в виду греческий монах Иларион (290—373), который насадил монашество в Палестине.

Стр. 204. На вступление герцога де Медины в Кади... — В этом сонете Сервантес передает взрыв народного возмущения, вызванный наглостью англичан и трусливым поведением герцога Медины.

Бычок. — Здесь обыгрывается фамилия капитана Бесердо (и с п. «бычок»), который готовил в Севилье войска к походу на захватчиков.

Стр. 206. На смерть Фернандо де Эрреры. — К этому сонету есть примечание Сервантеса: «...думаю, что сонет этот из лучших среди тех, что написал я за свою жизнь».

Стр. 207. Из романа «Дон Кихот». — Поэзия в «Дон Кихоте» тесно увязана с содержанием романа и в то же время вполне самостоятельна. В первой части романа сонеты имеют то же назначение, что и вставные новеллы, они создают как бы новое измерение, открывают дверь в мир высоких чувств и благородных идеалов. Это ренессансная линия романа. В противовес ей сонеты и эпиграфы «Академиком из Аргамасильи» относятся к «стихии комизма», к барочной линии. Этими каскадами иронического бурлеска Сервантес прощается со своими героями. Возможно, он еще не думает о второй части романа.

Стр. 209. Амадис Галльский — герой одноименного рыцарского романа, наиболее популярного в этом жанре (за 1508—1546 гг. вышло двенадцать его частей). Исследователи отмечают сходство структуры

«Амадиса» с «Дон Кихотом». В ряде эпизодов «Дон Кихота» Сервантес пародирует аналогичные эпизоды «Амадиса».

...*Над Бедною Стремниною...* — Бедная Стремнина — скала, на которую в отчаянье удалился Амадис, отвергнутый своей возлюбленной Орианой. Дон Кихот, подражая Амадису, повторяет это испытание.

...*В четвертом небе...* — По геоцентрической модели мира, созданной во II в. Птолемеем, мироздание имеет форму глобуса. В центре его неподвижная Земля, вокруг Земли расположено одиннадцать концентрических окружностей («небес», или «сфер»), по которым движутся планеты. Солнцу (Фебу) отведена четвертая окружность; Венере — третья.

Стр. 212. «На сей земле, изрытой и бесплодной...» — Сонет принадлежит бывшему алжирскому пленнику, участнику обороны форта Галеты, который охранял вход в тунисскую гавань. Турки овладели фортом в 1574 г.

Стр. 213. *Академики из Аргамасильи...* — Неизвестно, почему Сервантес иронически произвел в академики обывателей Аргамасильи — захолустного местечка в Ламанче. Это породило слухи, что писатель некоторое время сидел в аргамасильской тюрьме и что прообразом Дон Кихота явился местный идалго Рикардо де Пачеко.

Катай — старинное название Китая.

Бельянис. — Имеется в виду Бельянис Греческий, герой популярного рыцарского романа.

Стр. 214. *Сьерра-Негра* (и с п. черная гора, т. е. злосчастная) — шуточное переименование Сьерры-Морены (букв.: «гора темная», или «гора смутная»), горной цепи, отделяющей Кастилию от Андалусии.

Беллона (р и м с к. м и ф.) — сестра Марса, богиня войны.

...*Как Брильядор с Баярдом...* — Боевые кони двух рыцарей — Рейнольда Монтабланского и Роланда — из поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд».

Стр. 217. *Ты, что меж простынь голландских...* — романс Альтисидоры, служанки, пытающейся соблазнить Дон Кихота.

Хака — горная цепь в Испании.

Стр. 219. ...*Со своей Тарпейской кручи...* — По преданию, Нерон любовался пожаром Рима с Тарпейской скалы, с которой в обычное время сбрасывали преступников.

С петель разума срывать... — ответный романс Дон Кихота Альтисидоре.

Стр. 221. *Запутанная сцены обошла.* — Вероятно, имеется в виду «Забавница», одна из лучших комедий Сервантеса, вошедшая в сборник «Восемь комедий».

Однажды разразился я сонетом... — Речь идет о сонете «На катафалк короля Филиппа II в Севилье».

ХУАН РУФО

1547—1620

Сатирический и эпический поэт. Родился в Гранаде в небогатой семье красильщика тканей. В юности трижды сидел в тюрьме и не только из-за любовных походов, но и за кражу денег у отца. Переломным моментом в его судьбе стала битва при Лепанто. Он сопровождал Хуана Австрийского, держался храбро и заслужил его протекцию. Воспел своего покровителя в эпической поэме «Аустриада», которая получилась бледной, растянутой (24 песни), но актуальной — после Лепанто имя победителя было у всех на слуху; за три года выдержала три издания — небывалый до того случай в испанской литературе. Писал Хуан Руфо и сатирические стихи. Если его эпический опус начисто забыт, то без героикокомической «Смерти крысы» не обходится ни одна антология. Умер в родной Гранаде уважаемым гражданином, членом городского суда.

Стр. 226. *Коты — вот плуты, вот Гусманы!* — Имеется в виду главный герой плутовского романа «Жизнеописание Гусмана из Альфараче» Матео Алемана (1542 — ок. 1614).

Стр. 227. *Ихневмоны* — род млекопитающих семейства иверовых, включает собственно ихневмонов (фараоновы мыши), мангустов и др.

КРИСТОВАЛЬ ДЕ ВИРУЭС

1550—1609

Поэт, драматург, воин. Родился и умер в Валенсии. Много лет провёл в Италии, воевал, был ранен в битве при Лепанто. Лирик итальянской школы, стихи отличаются эмоциональным накалом. Написал эпико-религиозную поэму «Монсеррато» (1588), но главным произведением остается цикл «Сонеты о военной жизни». В них он чуть ли не первым в испанской поэзии показал войну изнутри, глазами солдата.

Стр. 229. *Барлетта* — итальянский порт на Адриатическом море.

Стр. 230. *«Вперед, к Леванту!..»* — В портах Леванта (юго-восточная Испания) формировалась Непобедимая Армада.

...привел маркиз Басан. — Испанский адмирал Альваро де Басан, маркиз де Санта Крус (1526—1588). Командовал испанским флотом при Лепанто и должен был командовать Армадой, но неожиданная смерть спасла его от поражения.

Стр. 232. *Бриндис* (Бриндизи) — итальянский порт на Адриатическом море.

КРИСТОВАЛЬ ДЕ МЕСА

1561—1633

Поэт, переводчик, священник. Изучал право в Саламанкском университете. Много путешествовал по Италии, где подружился с Торкватом Тассо. Перевел «Илиаду» Гомера и «Эклоги» и «Георгики» Вергилия. В 1617 г. опубликовал свои стихи вместе с эпической поэмой «Покровитель Испании». Автор еще двух исторических поэм: «Лас Навас де Толедо» и «Возрождение Испании». Лучшие его произведения — сатирические сонеты.

ФЕЛИКС ЛОПЕ ДЕ ВЕГА КАРПИО

1562—1635

Поэзию Лопе де Веги невозможно ограничить рамками поэтической школы или направления. Она впитала в себя все виды поэтического искусства своего времени: и народно-песенную стихию, и традиционную поэзию, оставшуюся от средневековья, и италянизированную поэзию, порожденную Возрождением. Она охватывает все жанры, размеры, формы, бытовавшие в испанском стихотворчестве. Однако в этом сложном и многоголосом хозяйстве поэт отличал две свои самые любимые стихотворные формы: романс и сонет. В молодости (80-е годы XVI в.) с них он начинал свой творческий путь и они принесли ему первую славу. Лопе реформировал традиционный пасторальный романс, ввел в него личное субъективное начало, насытил горячей кровью сердца, а в 30-е годы XVII в., уже на склоне лет, создал новую разновидность романсного стиха: лирическое раздумье.

Сонет — самая популярная форма лирики Лопе де Веги. Считается, что ему принадлежит в общей сложности более трех тысяч сонетов, разбросанных по комедиям и романам или собранных в отдельные сборники. Первая такая книга сонетов «Человеческие стихи», включающая около двухсот стихотворений, была опубликована под одной обложкой с поэмой «Красота Анджелики» (1602). Затем этой же книгой открылся стихотворный сборник «Стихи» (1604), переизданный в 1609 г. с добавлением стихотворного трактата «Новое искусство писать комедии». Тематика сонетов Лопе де Веги разнообразна: она охватывает жизнь во всех ее проявлениях. Поэт-реалист Лопе с его простотой и точностью языка, естественностью интонаций демократизировал изысканную сонетную форму.

«Любить и сочинять стихи — одно и то же», — утверждает Лопе. И его творческая биография напоминает любовно-авантюрный роман. Любовная тема красной нитью проходит по его романсам и сонетам,

связывая их в единый жизненный поток, в котором поэтические имена любимых женщин знаменуют повороты судьбы. Первым таким именем было «Филис». Под ним скрывалась актриса Елена Осорио. Но счастье поэта было недолгим. Филис ему изменила. Оскорбленный Лопе ответил ей памфлетом, был привлечен к суду за клевету (1588) и приговорен к восьмилетней высылке из Мадрида. Филис ушла из его жизни, но не из его поэзии. Там она преобразилась в вероломную Елену Спартанскую, погубившую Трою. В тот же год Лопе вступил в брак с Исабель де Урбина, дочерью придворного скульптора. Чтобы добиться согласия родителей, ему пришлось похитить свою «Белису» (анаграмма имени Исабель). С ней будет связана его жизнь в изгнании: в Валенсии и толедском городке Альба-де-Тормес (1589—1595), годы семейного счастья, творческой работы, растущей славы. Но Исабель в 1595 г. умирает от родов. После ее смерти поэт возвращается в Мадрид и вторично женится на дочери богатого мясника Хуане де ла Гуардо. Брак явно неудачный. Доступ в поэзию оказался открытым не законной супруге, а «Лусинде» — толедской актрисе Микаэле де Лукан, «солнцу красоты», «Этне любви». Жизнь поэта усложняется. Он живет на две семьи, мечется между Толедо и Севильей, где его ждет вдохновительница «Лусинда», и Мадридом, там его дом, там обитает нелюбимая жена. Этот узел разрубила смерть Хуаны де ла Гуардо в 1613 г. Но уже в следующем году Лопе переживает глубокий духовный кризис. Он ищет спасения в религии, кается в грехах, принимает священнический сан, служит мессы, пишет книгу «Духовные стихи» (1614), единственный сборник сонетов, в котором отсутствует любовная тема. Но через два года его настигает последняя любовь — к молодой и замужней женщине. Любовь святотатственная, на которую он — католический священник — не имеет права. Но «Амарилис», Марта де Наваррес Сантойо, стоит такой любви. Она не просто красива. Она — умная, образованная женщина и сама пишет стихи. Она станет другом и советчиком стареющего поэта, родит ему дочь Анну Клару и, когда умрет ее муж, переедет к нему в дом, где соберутся дети от всех трех предыдущих браков. Но слишком поздно они встретились. В 1627 г. Марта начинает слепнуть, через несколько лет она потеряет рассудок и в 1631 г. умрет; в 1634 г. погибнет в кораблекрушении любимый сын Феликс Лопе, и в том же году Анну Клару похитит неизвестный. В это труднейшее время постепенного распада семьи Лопе де Вега героически продолжает работать. Он подводит итоги своей жизни: в диалогическом романе «Доротей» (1630) вспоминает молодость, а поэму «Амарилис» (1633) посвящает последней любви. У него еще хватает сил на полупародийную, ироническую книгу «Светские и духовные стихи лиценциата Томе де Бургильоса» и на последнее произведение, которое он отдал в печать, — героикокомическую поэму «Гатомахия» («Кошки-ада»; 1634).

Лопе де Вега умер 27 августа 1635 г.; за его гробом шел весь Мадрид. В 1637 г. Луис де Усатеги собрал его неизданные стихи в сборник «Долина Парнаса».

Стр. 235. *Бальтасар Элисио де Мединилья* (1585—1630) — толедский поэт, ученик и друг Лопе. Автор поэмы «Непорочное зачатие девы нашей Богоматери» (1617).

Стр. 236. *Сидбния* — Медина-Сидония, город в провинции Кадис. *Испанское море* — Средиземное море.

Гвадалете — река в Андалусии, текущая в Кадисский залив мимо города Хереса.

Алькальд — комендант дворца, крепости, замка.

Стр. 239. *Антекера* — крепость в провинции Малага.

Абенсеррах — член мавританского рода Абенсеррахов, чрезвычайно влиятельного в Гранаде в XV в.

Стр. 240. Романс о столице. — Написан в Валенсии, в изгнании.

И все же лишь та, в ком причина // Всех мук моих и унижений... — Имеется в виду Елена Осорио.

Стр. 241. *...Вавилон кишаций!* — В испанской поэзии XVI—XVII вв. было принято отождествлять Мадрид с Вавилоном, символом греха, перенаселенным городом разврата и корысти.

Велидо Дольфост — предатель, убивший при осаде крепости Саморра (1072) короля Кастилии и Леона Санчо II Сильного.

Стр. 242. *Лукреция* — римлянка, покончившая с собой после того, как была обещана императором Тарквинием. Ее смерть вызвала взрыв народного возмущения и привела к установлению в Риме республики (510 г. до н. э.).

Стр. 246. «В дни, когда и дуб могучий...» — Романс посвящен смерти Исабель (1595).

Стр. 252. «Меж двух долин на рассвете...» — В этом романсе из диалогического романа «Доротей» ощутимо влияние поэтики Гонгоры. Романс посвящен Елене Осорио, но в нем есть намеки на Марту де Наваррес. «Глаза-изумруды» и белые руки — детали, характерные для образа Амарилис.

Стр. 253, 256. «О одиночеством к людям гонимый...», «Лодка». — Романсы из романа «Доротей». Знаменуют последний этап развития романсного жанра в творчестве Лопе. Это философские размышления над жизнью и судьбой, в ходе которых вырабатывается нравственный кодекс.

Стр. 258. *Фазтонствовать* — то есть безрассудствовать, безрассудно рисковать. Неологизм, сотворенный Лопе из имени Фазтон (греч. миф.) — сын Гелиоса, бога солнца. Фазтон дерзновенно

взялся управлять солнечной колесницей отца и был испепелен огненным жаром.

Стр. 259. ...*Вулкановой кузне...* — Вулкан (р и м с к. м и ф.) — бог очистительного огня, соответствует греческому Гефесту, богу огня и кузнечного дела.

Стр. 261. ...*Отступает гордый флот.* — Имеется в виду поражение испанской Непобедимой Армады.

Стр. 262, 266. «Счастливейшие лета...», «О, что тебя драгоценней...» — Испанизированные (без последней строфы) канцоны из пасторального романа «Аркадия» (1592—1594). В первой канцоне поэт вспоминает Елену Осорио, во второй — отдается скорби, вызванной кончиной Исабели.

Стр. 262. ...*Сишу свой плащ, исхлестанный грозой.* — Образ, нередко встречающийся в испанской поэзии Золотого века (например, у Гарсиласо, Эрреры, Сотомайора) и заимствованный у Горация (Эпод I). Он освоен также и европейской поэзией (ср. пушкинский «Арион»).

Стр. 266. ...*три сестры...* — Имеются в виду парки (р и м с к. м и ф.) — богини судьбы, которые прядут и обрезают нити жизни.

Стр. 269. М а й. — Майские песни — распространенный вид испанского песенного фольклора. Первое мая — праздник цветов и влюбленных. «Май несет гирлянды // сладостных оков // для замужних женщин, // для девиц и вдов» (народное вильянсико).

На рассвете... — После ночи на Сан-Хуана (Иванов день, 24 июля) принято собирать приворотные травы.

Стр. 272. ...*Свежею вербеной...* — Вербена — приворотная трава. В народной символике цветов она означает нежную любовь.

Стр. 273. К л е в е р. — Песня косарей и жнецов из комедии «Перибаньес командор» (1614). Клевер — приворотная трава, символ удачи, нечаянной радости, счастья. Первое четверостишие — народное вильянсико.

Стр. 277. ...*смелее замыслов Дедала...* — Дедал (г р е ч. м и ф.) — искусный архитектор и изобретатель, который построил царю Крита Миносу подземный лабиринт для содержания чудовища Минотавра.

Так служит Трое перебежчик грек... — Имеется в виду Синон, который убедил троянцев ввести в Трою деревянного коня со спрятанными в его чреве ахейцами.

...*как Сатурн, ты ешь своих детей?* — Начиная со II в. до н. э. Сатурна отождествляли с титаном Кроносом, который пожирал своих детей, так как ему была предсказана смерть от руки собственного сына.

Стр. 279. *Семь долгих лет рабом провел Иаков...* — Согласно Библии, Иаков (Израиль) влюбился в младшую дочь своего дяди Лавана, красавицу Рахиль, и за нее семь лет отработал у дяди рабом. Но Лаван

обманом выдал за него старшую дочь Лию. Иаков добился Рахили, но для этого ему пришлось пробыть в рабах у Лавана еще семь лет. Под Лией поэт, вероятно, подразумевает Хуану де Гвардо.

Стр. 280. ...*Меч Ориона*... — Орион (греч. м и ф.) — сын Посейдона, прославленный охотник. Созвездие Ориона появляется на небе зимой.

...*диск, на тридцать две деленный части* — то есть компас.

Стр. 282. *Но плач и пламя радуют Юнону*... — По-видимому, Юнона, римская богиня брака и семейного очага, не может простить троянцам похищения Елены у законного мужа Менелая.

Ксант — река, впадающая в Средиземное море. Волны реки противодействовали высадке греков («Илиада»).

Пока Парис исходит в смертной корче... — Похититель Елены Парис в последние дни осады Трои был смертельно ранен, Елена же после падения города благополучно вернулась к брошенному мужу Менелая.

Дарфа (греч. м и ф.) — нимфа, давшая обет целомудрия, которую боги, чтобы спасти от преследования Аполлона, превратили в лавровое дерево.

Стр. 288. *Педро Линьян* (? — 1607) — толедский поэт, друг Лопе, известен как сочинитель романсов.

Стр. 291. *Икаром я парил*... — Икар, сын Дедала, поднялся в небо на крыльях, сделанных отцом, но взлетел слишком высоко, солнце растопило воск, которым были скреплены перья, и Икар упал в море.

Стр. 293. ...*ликует Марс, Адонис плачет*... — В римской мифологии Марс — супруг Венеры, Адонис — ее возлюбленный.

Илион — одно из названий Трои.

...*коней, возвращенных Диомедом, // И медного быка глухое лоно*... — Согласно греческой мифологии, Диомед, царь Фракии, кормил своих коней мясом чужестранцев; в медном быке зажаривал свои жертвы сиракузский тиран Дионисий (409—354 гг. до н. э.).

Стр. 294. *Элизий* (Элизиум) (греч. м и ф.) — поля блаженных в подземном царстве мертвых.

Турия — река; впадает в Валенсии в Средиземное море.

Стр. 297. ...*в каменной утробе // Ты выношена*... — Лусинда, по-видимому, была уроженкой Сьерры-Морены, в других случаях поэт называет ее «горянкой».

...*Или в гирканской вскормлена чащобе*... — Гиркания — область в древней Персии к югу от Каспийского моря.

Стр. 303. *На смерть дона Луиса де Гонгоры*. — Сонет взят из сборника «Трагическая корона» (1627).

...*Где лебедь пал, там феникс возродится*. — Феникс (греч. м и ф.) — волшебная птица, которая, почуяв свой конец, сжигает себя в гнезде и возрождается из пепла.

Стр. 303. Из книги «Цирцея» с другими стихами и прозой». — Книга (1624), в которую кроме мифологической поэмы «Цирцея» входят поэма «Белая роза», прозаические новеллы, посвященные Марте де Наваррес, послания и сонеты.

Дамета — имя пастуха из «Эклог» Вергилия.

Стр. 304. ...о рождении Елены... — Согласно греческому мифу, Елена, царица спартанская, красивейшая женщина на земле, родилась от Леды и Зевса, который овладел Ледой в облике Лебеда.

Поликсена — дочь Приама, которая после взятия Трои, по требованию тени Ахилла, была принесена в жертву. Жертвоприношение совершил сын Ахилла Нептолем. Вскоре после этого он был убит.

Порсенна, Сцевола. — Имеются в виду этрусский царь Порсенна и римлянин Гай Муций Сцевола. Последний, взятый в плен этрусками, осадившими Рим, в доказательство своей неустрашимости сжег руку, положив ее на жаровню с углями. Потрясенный Порсенна снял осаду. Рим был спасен.

Вальдовинос — герой войны с маврами, воспетый в романсах.

Стр. 306. Из книги «Светские и духовные стихи лиценциата Томе де Бургильоса». — Книга бурлескных, иронических стихов, Лопе попытался приписать ее авторство некоему Томе де Бургильосу, с которым он якобы учился в Саламанке. В ней с позиций здравого смысла высмеивается «культистская» поэзия Гонгоры и «культеранизмы» Кеведо, есть в ней и автоирония. Платонической дамой сердца ее «антилирического» героя Томе де Бургильоса является прачка Хуана. Их отношения схожи с отношениями, которые должны были бы сложиться у Дон Кихота с крестьянкой Альдонсой, если бы они встретились.

Не проще ли сидеть в родной Мембрилье, // Чем сдуру лезть на кручи Геликона, // Подобно Дон Кихоту из Кастильи! — Мембрилья — местечко в провинции Сьюдад-Реаль; Геликон — гора в Греции, которую в мифах отводят под обитель муз; последняя строка — выпад против Сервантеса, с которым у Лопе были сложные взаимоотношения.

АНОНИМ

Стр. 315. *Астрей* (греч. миф.) — дочь Зевса и Фемиды, богини справедливости; в Золотом веке обитала с людьми на земле, но, не выдержав растущей испорченности людских нравов, вознеслась на небо.

Стр. 318. *Лары*. — Здесь: римские божества, хранители семьи и домашнего очага.

Эпиктет — римский философ-стоик (I—II вв.).

ЛУПЕРСИО ЛЕОНАРДО ДЕ АРХЕНСОЛА

1559—1613

БАРТОЛОМЕ ЛЕОНАРДО ДЕ АРХЕНСОЛА

1562—1631

Братья Архенсола в жизни почти не разлучались, оба они занимались и литературой, и историей, общими были и эстетические взгляды, недаром каждого брата по отдельности называли «испанским Горацием», а обоих вместе — «Арагонской школой». Правда, характерами они были разные: старший брат — живой, экспансивный; младший — суровый и сдержанный, как и подобает доктору наук и священнослужителю.

Родились братья в Сарагосе, в родовитой дворянской семье. Изучали философию и право в университетах Уэски, Сарагосы, Саламанки. Младший, Бартоломе, завершил образование ученой степенью доктора наук и в 1588 г. принял священнический сан, а за год до этого начал писать стихи. К этому времени Луперсио был уже автором трех трагедий в духе Сенеки: «Филида» (1581), «Александр» и «Исабель» (поставлена в 1585 г.). Луперсио — секретарь герцога Вилья Эрмосы. Бартоломе — приходский священник во владениях герцога. Братья едут в Мадрид, ко двору вдовствующей императрицы доньи Марии. Луперсио — ее секретарь, Бартоломе — капеллан. Оба посещают заседания мадридской Поэтической академии. После смерти доньи Марии братья обратились к истории: король назначил Луперсио «хронистом» (историографом) Арагона, а Бартоломе граф Лемос поручил написать историю Молуккских островов. Вместе с графом, вице-королем Неаполитанского королевства, братья выезжают в Неаполь (1610). Луперсио — секретарем графа по государственным и военным делам, Бартоломе — литературным советником. После скоропостижной кончины Луперсио Бартоломе возвратился в Испанию. Он — хронист арагонского королевства (должность, унаследованная от брата) и капеллан кафедрального собора в Сарагосе. Там, в университетском центре Арагона, он — наставник молодых поэтов — прожил до самой смерти, пользуясь всеобщим почетом и уважением. Стихи обоих братьев опубликовал в 1684 г. сын Луперсио в сборнике «Стихи».

Учителем братьев Архенсола называют Горация. Для них обоих характерны приверженность к моральным сентенциям, строгая и простая форма, логичность мысли, сдержанность, отсутствие прикрас. Они не полемизируют с Гонгорой и его последователями, но всем своим творчеством противопоставят «культизму».

Стр. 323. К развалинам Сагунто. — Сагунто (лат. Сагунт) — древний город в нынешней провинции Валенсия. От него остались развалины античного театра, акведука, храма и др. В истории знаменит своим героическим сопротивлением Ганнибалу, которому удалось завладеть городом только после длительной и упорной осады (219 г. до н. э.)

Стр. 326. *Монкайо* — горная вершина, высотой свыше 2000 м., в одноименной горной цепи на границе между провинциями Сорией и Сарагосой.

Аквилон — бурный северный ветер.

...могучий зверь — таким Европе... — Имеется в виду Зевс, который, превратившись в быка, похитил Европу, дочь финикийского царя Аченора.

Стр. 329. *...Кровь легендарных готов...* — Германское племя вестготов основало царство на землях Пиренейского полуострова (VIII—XIII вв.).

Стагирит. — Имеется в виду древнегреческий философ Аристотель, родившийся во фракийском городе Стагире (384 г. до н. э.).

Стр. 333. *Гален* — знаменитый греческий врач, ученый, анатом (ок. 130 — ок. 200).

Стр. 334. *...Дидона, с самого начала // С мужьями скверно шли твои дела...* — Первого мужа Дидоны, жреца Геракла Акербаса (или Сихея), убил ее брат Пигмалион, польстившийся на его богатство. После смерти мужа Дидона бежала в Африку. Второй ее муж — Эней.

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА-И-АРГОТЕ

1561—1627

Один из крупнейших поэтов Испании. Дитя противоречивого времени, совмещал в своей личности не только разные, но и прямо противоположные начала. Ученый-эрудит, подвижник интеллектуального труда, он был также азартным и задиристым любителем сильных ощущений: корриды, карточных игр, колючей литературной полемики. Эстет, тонко чувствующий красоту материального мира, он из прекраснейших творений природы и рук человеческих — золота, драгоценных камней, хрустала, мрамора, цветов — создал свое рукотворное мироздание, заложив в основу его глубинную (идущую от античности) возрожденческую идею о художнике-демиурге, сопернике божества. Но он же нес в себе тщеславного дворянчика, шумного законодателя новой моды, которую литературоведы окрестили «культизмом» и даже «гонгоризмом».

Поэзия Гонгоры стоит на трех стилистических опорах: метафоре, гротеске, неологизме. Он раздвинул границы испанского языка и

высоко оценивал эту свою заслугу: «Моими трудами язык наш достиг величия и совершенства латинского» (перев. Н. Малиновской). Однако при этом Гонгора нередко обращается к народному языку, карнавальным бурлеском проверяет миф на прочность («Геро и Леандр»), вплетает в свое поэзию песенные голоса крестьянок.

Принадлежал к знатному, но обедневшему дворянскому роду. Родился в Кордове. В четырнадцатилетнем возрасте принял монашеский постриг и, завершив образование, стал клириком. В 1585 г. получил место архидиакона Кордовского собора. Однако жизнь он вел «не подобающую священнослужителю» и часто манкировал своими церковными обязанностями. В 1617 г. добивается назначения королевским капелланом, почетная и скудно оплачиваемая синекура. Ему приходится жить впроголодь, но соблюдать декорум: держать пажей, лакеев, богатый выезд и т. д. Один за другим сходят со сцены его покровители и друзья; поэт остается в одиночестве и тщетно добивается пенсии. В марте 1626 г. заболевает расстройством мозгового кровообращения, теряет память. Больным и нищим возвращается Гонгора умирать в родной город.

Первые стихи Гонгоры были опубликованы в 1580 г. Затем они публиковались в разных сборниках и ходили в списках. Посмертно вышли «Сочинения в стихах Испанского Гомера» (1627), за ними «Полное собрание стихов» (1634). Гонгора во многом сам исчерпал возможности своей эстетики, стал вершиной, с которой возможен только спуск, и рациональный XVIII век забыл его, а XIX устами патриарха испанской филологии Менендеса-и-Пелайо вынес ему суровый и несправедливый приговор. И только в 20-х годах нашего столетия молодые поэты Испании — Ф. Гарсия Лорка, Р. Альберти, Д. Алонсо и др. — увидели в нем своего национального предшественника. Торжественно отметили они трехсотлетие кончины поэта (1927). С тех пор Гонгора восстановлен в своих правах на славу, и интерес к нему не иссякает.

Стр. 335. «П р а з д н и к и , М а р и к а ! ...» — Одно из первых известных нам стихотворений Гонгоры, написано в 1580 г.

Тока — женский головной убор, платок, дважды обвитый вокруг головы с концами, опущенными на плечи. Белую току носили замужние женщины, черную — вдовы.

Стр. 345. *И с п а н е ц в О р а н е*. — Оран был завоеван испанцами в 1530 г.

Берберийцы (берберы) — этническая группа арабских племен, обитавших преимущественно в горных районах Северной Африки.

Стр. 347. *Гельвы* — испанское название острова Джельбы у побережья Туниса, населенного берберами. Испанцы потеряли остров в 1560 г.

Стр. 352. *Алкион* (греч.) — чайка, символ верности и любви.

Стр. 353. *Гвадиана* — испанская река, впадающая в Атлантический океан.

Стр. 354. ...*Столько раз я море види // И ни в жизнь — мараведи!* — Игра слов: море види (лат.) — море видел; мараведи — мелкая медная монета.

Стр. 355. *Мальтийский орден* — самый древний в Европе и самый почетный духовно-рыцарский орден; создан во времена крестовых походов.

Сан Мартин (316? — 397) — епископ города Тура (Франция), известный добротой, доходившей до того, что однажды, встретив у городских ворот замерзающего нищего, оторвал ему половину своего плаща.

«И плюхнулся глупый отрок...» — Бурлеская трактовка греческого мифа о Геро и Леандре, изложенного у Овидия (17, Героида) и Вергилия (III Георгика).

Стр. 356. ...*Греком одной побасенки*. — Бог ветров Эол, желая облегчить Одиссею возвращение на родину, подарил ему мех, в который были заключены все противные ветра. Однако ночью одержимые любопытством спутники Одиссея развязали мех и вызвали страшную бурю («Одиссея»).

...*Ксерксовых весел...* — Персидский царь Ксеркс, потерпев поражение в морской битве с греками при Саломине (486 г. до н. э.), приказал в наказание высечь море веслами.

Веста (римск. миф.) — богиня священного очага городской общины или семьи.

Стр. 358. «Я про Фисбу и Пирама...» — В античной мифологии Пирам — вавилонский юноша, возлюбленный Фисбы. Поверив, что Фисбу растерзала львица, он закололся мечом. Увидев тело любимого, Фисба убила себя тем же мечом (IV Метаморфоза Овидия).

Стр. 359. *Древо Алкида*. — Алкиду (другое имя Геракла, сына Алкмены) были посвящены серебристый тополь и олива. У Гонгоры древо Алкида обычно — тополь.

Стр. 361. *Мать Агилла* — Фетида, самая известная из nereид.

Стр. 362. ...*Подобна голубкам пенно // Рожденного божества...* — В античной мифологии Венера, рожденная из морской пены, летает по воздуху в колеснице, запряженной голубями.

Нимфа лесная — Сиринга, которую, чтобы спасти от преследований Пана, ее сестры, речные наяды, обратили в тростник, издающий под ветром жалобные звуки.

Стр. 365. *Анджелика и Медор*. — Один из самых известных романсов Гонгоры; сюжетом ему послужила история любви китайской принцессы Анджелики и мавра Медора, описанная в XIX Песне «Неистового Роланда» Ариосто.

Кроткий мир — то есть сельская община, вся деревня.

Стр. 366. *Алмаз Китайский*. — В этой метафоре красота Анджелики соединена с алмазной твердостью ее характера: она отказала во взаимности многим рыцарям, среди них и прославленному Роланду.

Стр. 367. ...*Что двумя сердцами живо...* — Сердце Анджелики уже принадлежит Медору.

...*И двойную ревность Марса, // И Адониса удачу*. — Гонгора уподобляет Анджелику Венере (р и м с к. м и ф.) — супруге ревнивого Марса, а Медора — Адонису, юному возлюбленному Венеры.

Стр. 370. *Бравонель* — фанфарон, самохвал (уничжительное от и с п. «bravo» — храбрец).

Стр. 371. ...*Фердинандом с Изабеллой...* — На старинных золотых дублонах чеканились профили католических королей Фердинанда II Арагонского и Изабеллы I Кастильской.

Стр. 379. *Кларинда* (Клори) — поэтическое имя, нередко встречающееся в стихах Гонгоры; по мнению современников, под ним скрывалась одна из сестер де ла Сори: Каталина или Брианда.

Стр. 380. «*О влага светоносного ручья...*» — Один из наиболее известных сонетов, вызвавший волну подражаний; в свою очередь, написан в подражание Тассо.

Мрачный властелин — Посейдон (Нептун).

Стр. 381. *Ганимед* (греч. м и ф.) — красавец-юноша, похищенный Зевсом в обличии орла и унесенный на Олимп, где он исполнял обязанности виночерпия на пирах богов.

Стр. 382. ...*стройный лебедь...* — У Гонгоры лебедь — один из излюбленных символов красоты, идущих от народной поэзии; иногда это символ поэта.

Стр. 383. *Фавоний* — поэтическое имя легкого теплого ветерка.

Стр. 384. ...*сестры отрока...* — Имеются в виду Гелиады, сестры Фаятона, которые оплакивали смерть брата до тех пор, пока не превратились в тополя и слезы их не стали янтарем.

...*на брегах Стримона // Певец великий...* — Стримон — река во Фракии; певец — Орфей.

Стр. 385. «*Как трепетно, на тысячу ладов...*» — Поэтическая интерпретация греческого мифа о Филомеле, ставшей жертвой насилия со стороны Теря, мужа ее сестры, и превращенной Зевсом в соловья.

Медуза — одна из Горгон; чудовище, обращающее в камень каждого, кто взглянет на нее.

Стр. 388. *Арион и Палинур*. — Арион — легендарный греческий музыкант и певец, которого спасли дельфины, очарованные звуками его лиры; Палинур — кормчий Энея.

Стр. 390. «*Вальядолид. Застава. Суматоха!..*» — В 1600 г. Филипп III перенес столицу из Мадрида во Вальядолид. Королевским указом предписывалось подвергать осмотру и описывать все

имущество каждого въезжающего в новую столицу; руководство осмотром было поручено дону Диего де Айяле.

Стр. 391. «Сеньора тетя! Мы стоим на страже...» — Сонет написан в 1614 г., когда Филиппу III пришла в голову нелепая мысль отправить отряд придворных на выручку осажденной арабами крепости Маморы (атлантическое побережье Туниса). Придворные отправились в поход как на увеселительную прогулку.

Стр. 392. ...у генуэзца в кабале... — В те времена генуэзцы были крупнейшими банкирами Европы; в Испании существовала сеть генуэзских банков и ссудных касс.

Стр. 393. *Лиций* — поэтическое имя самого Гонгора.

Стр. 394. «В Неаполь правит путь сеньор мой граф...» — Гонгора безуспешно пытался сопровождать графа де Лемоса в Италию и герцога де Ферна во Францию.

Стр. 395. *Я — Ласарильо нынешних времен...* — Имеется в виду подросток-бродяга, герой первого плутовского романа «Ласарильо с берегов Тормеса» (1554; автор неизвестен), которому пришлось побывать поводырем у слепого. Ласарильо — уменьшительная форма испанского варианта имени Лазарь.

Стр. 396. *Наисиятельнейшему графу-герцогу.* — Гонгора, больной и обездоленный, обращается с воплем о помощи к всесильному фавориту графу-герцогу Оливаресу. Ответа он не получил.

ФРАНСИСКО ПАЧЕКО ДЕЛЬ РИО

1564—1654

Художник и поэт, теоретик живописи, биограф. Родился в Сан-Лукар-де-Баррамеда. В 1594 г. построил себе мастерскую в Севилье. Занимался в основном религиозной живописью, оставил также галерею портретов своих современников. Человек веселого и общительного нрава, он превратил свою мастерскую в место сборища севильских поэтов. Посещали ее и Лопе де Вега и Сервантес.

Автор трактата «Искусство живописи» (1649), «Книги правдивых портретов достопамятных мужей», биографии Лопе де Веги.

Стр. 398. *На смерть Микеланджело.* — Микеланджело Буонарроти умер в 1564 г.

...*Аганиппы гор...* — Имеются в виду музы. Аганиппа — источник у подножия горы Геликон; подобно Ишпокрене, дарует поэтическое вдохновение.

Ангел дивный. — Микеланджело в переводе с итальянского означает Михаил Архангел.

Стр. 399. К Диего де Сильва Веласкесу. — Написано по случаю назначения Веласкеса, зятя поэта, на должность придворного живописца Филиппа IV (1623). Сонет — прекрасный образец придворного искусства.

Апеллес (Апеллес из Эфеса; вторая половина IV в. до н. э.) — придворный живописец Александра Македонского, почитался величайшим художником своего времени.

ХУАН ДЕ АРГИХО

1567—1623

Поэт и музыкант. Родился в Севилье в богатой и знатной семье. Человек щедрой души, веселый и общительный, окружал себя поэтами, музыкантами, учеными и истратил все свое немалое состояние на празднества, благотворительность, меценатство. Последние годы жил на приданое своей жены.

В творчестве Аргихо выделяются сонеты на мифологические и исторические темы и образы, отличающиеся ювелирной тщательностью отделки.

Стр. 402. *Виуэла* — четырехструнная гитара, предшественница семиструнной. Благородный музыкальный инструмент, в народе не была популярна.

...*Вела певца пустынной // Стигийскою долиной...* — Имеется в виду Орфей и его хождение в подземное царство мертвых в долине реки Стикс.

Стр. 404. *Паллады благородною оливой...* — Священным древом Афины Паллады считалась олива (маслина).

Стр. 405. *Дорида* — океанида, жена Нерей.

Главк — морское божество с рыбьим хвостом.

Тантал (г р е ч. м и ф.) — сын Зевса, царь Фригии (Малая Азия). Наказан вечными мучениями голода и жажды за преступления против богов.

Стр. 406. *Сизиф* — сын Главка, хитрец, обманывавший богов. В наказание был осужден вечно вкатывать в гору тяжелый камень.

Стр. 407. *Квири* (р и м с к. м и ф.) — бог, отождествлявшийся с обоготворенным Ромулом, легендарным основателем Рима.

...*тиран жестокий...* — Имеется в виду египетский фараон Птолемей XII, который преподнес императору Октавиану отрубленную голову Помпея.

ФРАНСИСКО ДЕ МЕДРАНО

1570—1607

Об этом поэте мало что известно. Уроженец Севильи, состоял в обществе иезуитов и вышел из него. Судя по стихам, учился в Саламанке, побывал в Италии, в конце XVI в. жил в наследственном имении «Радость очей» около Севильи. Переводил Горация, и влияние римского поэта отразилось на его поэзии. В своем творчестве соединяет две школы: вслед за Луисом де Леоном подражает Горацию и, подобно Эррере, в своих любовных сонетах поражает богатством красок.

Стр. 408. «Хоть казной превзойдешь...» — Переложение известной оды Горация «К богачу», чрезвычайно актуальной в условиях Испании первых десятилетий XVII в. Медрано точно, от строфы к строфе, повторяет схему горацевской оды, но осовременивает стихи: заменяет богатства «Аравии и Индии» на «сокровища инков», «равнинного скифа» на «цыгана», «отца городов» (почетный титул императора Октавиана Августа) на «отца отечества» и т. д.; меняет размер.

РОДРИГО КАРО

1573—1647

Гуманист, археолог, поэт севильской школы. Родился в Утрере, учился в Осунье и Севилье. Получил ученое звание лиценциата права. Принял священнический сан и занимал высокие церковные должности, такие, как ревизор архиепископства, судья по вопросам завещаний, консультант инквизиции. Жил в Севилье, увлекался археологией, коллекционировал древности. Ему принадлежит известный труд «Древности Севильи» (1634).

Стихи писал и по-испански и по-латыни. Поэтическое наследие его небогато. Главное произведение — ода «Руинам Италики», первоначально приписывавшаяся Франсиско де Риохе. Эту оду Каро шлифовал и совершенствовал всю свою жизнь.

Стр. 414. *Италика* (Старая Севилья) — центральный город одноименной римской колонии на юге Испании, основанной в 207 г. до н. э. Публием Корнелием Сципионом.

Стр. 415. *Силий* Италик — уроженец Италики, римский поэт I в.; автор эпосов о Второй Пунической войне.

Минерва (р и м с к. м и ф.) — богиня, покровительница наук и искусств; отождествлялась с греческой Афиной, богиней мудрости.

Стр. 416. *Геронсио* — христианский мученик I в.; первый епископ Италики.

ПЕДРО ДЕ ЭСПИНОСА

1578—1650

Родился и жил в Малаге. После неудачной любви принял священнический сан. Составитель известной антологии «Цветник прославленных поэтов». Главное произведение — мифологическая поэма «Легенда о Хениле».

Стр. 417. *Хениль* — приток Гвадалквивира.

Стр. 419. П с а л о м. — В поэзии испанского Возрождения художник — это соперник бога в созидательном творчестве. В этом псалме сам бог превращен в художника.

ЛУИС КАРРИЛЬО ДЕ СОТОМАЙОР

1582?—1610

Принадлежал к старинному дворянскому роду. Родился в Кордове в семье королевского советника Эрнандо Каррильо. Учился в Саламанке. Служил на королевском галерном флоте. Кавалер ордена Сантьяго. Скоропостижно скончался в возрасте двадцати семи лет. Предшественник Гонгоры, Каррильо Сотомайор первым обратился к новому «темному стилю» и обосновал его эстетику в трактате «Книга о поэтической эрудиции». Автор сонетов, романсов, эклог и мифологической поэмы «Атис и Галатеея», а также переводов Сенеки и Овидия. В своем творчестве тяготел к философской поэзии, в частности к теме всевластного времени, объективного закона бытия, противостоять которому может только бессмертная человеческая мысль. И трагедия поэта не в отвергнутой любви, а в сознании несовершенства своей мысли. Стихи Каррильо Сотомайора были изданы посмертно его братом Алонсо (1611), и так небрежно, что через два года потребовалось второе издание.

Стр. 423. «Грусть велит мне песни множить...» — Одно из немногих стихотворений Каррильо де Сотомайора, тяготеющих к народной поэзии.

Стр. 425. *...вы заблудились*. — Для Каррильо де Сотомайора характерны повторы слов на рифме, а также и внутри строки, словно в поисках более точного выражения. Дамасо Алонсо считает, что многие его стихи по сути — черновые наброски. Нам же кажется, что, нарушая уже окаменевшую сонетную форму, поэт стремился расшатать ее изнутри, обнажить самый ход поэтической мысли.

Стр. 430. Одной даме, которая то откидывала покрывало, то снова прятала лицо. — Характерный

пример чисто испанского освоения петраркизма: образы «солнце — дама», «разлука — ночь» переводятся в бытовой план, в ситуацию «комедии плаща и шпаги» с ее «дамой, закрывающей лицо».

Стр. 431. К лимону, который одна дама бросила с балкона сочинителю. — Лимон в испанской фольклорной символике — знак отвергнутой любви.

ХУАН ДЕ ТАССИС ПЕРАЛЬТА, ГРАФ ДЕ ВИЛЬЯМЕДИАНА

1582—1622

Поэт, драматург, воин. Родился в Лиссабоне, куда его родители сопровождали Филиппа II. Получил прекрасное гуманитарное образование (судя по стихам, в университете Алькала-де-Энарес). Унаследовав от отца должность главного почтмейстера королевства, принадлежал к королевскому двору. Вместе с Лопе и братьями Архенсола посещал Поэтическую академию. За пристрастие к карточным играм был сослан в Вальядолид (1608), затем отправлен в Италию с графом Лемосом. В 1617 г. возвратился в Испанию, но за сатиры против фаворитов Филиппа III снова сослан, на этот раз в Алькала-де-Энарес. Вернулся ко двору после воцарения Филиппа IV (1621), но от сатирической поэзии не отказался. 22 августа 1622 г., когда Вильямедиана выходил из экипажа, неизвестный нанес ему смертельный удар кинжалом. При дворе и в столице ходили упорные слухи, что убийцу подослал король, преневовавший поэта к королеве.

Ученик и друг Гонгоры. Однако влияние учителя ощущается только в мифологических поэмах («Фаэтон», «Венера и Адонис»). Стихи малых поэтических форм написаны простым языком. Сатиры публицистичны, в песнях и сонетах редко встречаются мифологические аллюзии и сложные метафоры. Основное настроение — чуждый Гонгоре мужественный стоицизм.

Стр. 432. *Хищных он изгнал мздоимцев... Да другие тут как тут...* — С воцарением Филиппа IV на смену фаворитам его отца — герцогу де Лерме и Родриго Кальдерону, маркизу Семи церквей, — пришел граф, герцог Оливарес.

Стр. 434. *Катилина* (ок. 109—61 гг. до н. э.) — римский патриций, организатор заговора против сената. Это имя стало нарицательным названием предателей родины.

Вирриату — национальный герой Португалии; пастух, возглавивший восстание лузитан против римского владычества (II в.).

Стр. 436. О красоте всего сущего. — В этом философском сонете Вильямедиана воспекает красоту, создаваемую природой

(а не богом), но отказывает художнику-мастеру в возможности воспроизвести ее в живописи или поэзии. Иначе говоря, противоречит Гонгоре, стремившемуся уловить красоту мира в плотную сеть метафор.

Стр. 437. К ручью. — Сонет продолжает тему, разработанную Гонгорой в знаменитом сонете «О влага светоносного ручья...», но, в отличие от Гонгоры, эта тема решается не в любовном, а в бытийном плане.

Стр. 438. «Он, в белоперый облачен убор...» — Имеется в виду Гонгора.

«Пришел, увидел, был я побежден...» — Парафраз известных слов Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил!»

Стр. 439. «Вторично я на опыте своем...» — Намек на первую ссылку (1608). Этот сонет, как и все последующие, написан в годы второй ссылки и вошел в «Книгу песен разочарования».

Стр. 440. *Лишенному надежд — чего страшиться?* — Девиз стойков: «Ни страхом, ни надеждой».

Стр. 441. *...погибель ждет изгой...* — Намек на судьбу Икара.

Стр. 445. Актрисе Хосефе Вака ее муж, настаивая на ее наум. — Актриса Хосефа Вака и ее муж, актер Хуан де Моралес Медрано, в первые десятилетия XVII в. были «звездами» испанского театра.

...И прочь пошел. И снова стало тихо. — Заключительная строка сонета Сервантеса «На катафалк короля Филиппа II в Севилье».

ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО-И-ВИЛЬЕГАС

1580—1645.

«Любить жизнь, зная, что она есть смерть» — это изречение Кеведо лежит в основе его личности и его стихов. Не случайно он еще в молодые годы перевел две книги: стихи Анакреона с его эпикурейским прославлением жизни и библейскую «Книгу Иова» с ее апокалипсисом. И то, и другое в нем всегда присутствовало.

Кеведо творит на историческом и духовном переломе. Он все подвергает пересмотру. Кеведо — мятежник. В его творчестве мятеж против смерти, Бога, любви, общества, Испании. Короче говоря, против миропорядка. В сущности, будучи вполне католиком, он богоборец.

Родился поэт в семье дворцового интенданта дона Педро Гомеса де Кеведо. Закончил гуманитарный факультет университета Алькала-де-Энарес (1600) с ученым званием лиценциата искусств и богословский факультет университета в Вальядолиде (1605). Еще в Алькала впервые

опубликовал стихотворение «Хвала книге Лукаса Родригеса «Конспекты божественной поэзии» (1598), а в вышедшей в Вальядолиде антологии «Цветник прославленных поэтов» (1605) появилась большая подборка его стихов: романсов, сонетов, эпиграмм, эпитафий, летрилий. Рано сложились его политические взгляды. «Что до моей Испании, то разве я могу что-нибудь сказать без душевной боли?.. Мы позорим самих себя. Нет никого, кто говорил бы правду, а вот лгунов — великое множество», — пишет он фламандскому гуманисту Хусто Липсио (1605).

В эстремадурском имении Торре-де-Хуан-Абад пишет свои шедевры: цикл морально-политических сатир «Сновидения» и плутовской роман «История жизни пройдохи по имени дон Паблос...» (1606—1613). «Сновидения» приносят Кеведо славу, но попытки опубликовать их не имеют успеха. В рукописном списке остается и сборник сонетов, озаглавленный «Моральные и слезные стихи кающегося грешника» (1613).

В 1613 г. друг и покровитель Кеведо герцог Осуна, вице-король Сицилии, вызывает его к себе и делает премьер-министром, дипломатом и министром финансов вице-королевства. Стараниями Кеведо герцог назначается вице-королем также и Неаполя, а самому Кеведо присваивают звание кавалера Сантьяго. Однако в 1618 г. герцог попадает в опалу и умирает в тюрьме. Его ревностного защитника тоже заключают в тюрьму в Уклесе, затем переводят в родовое поместье под домашний арест.

В 1621 г. на трон восходит шестнадцатилетний Филипп IV. Он поручает управление страной графу-герцогу Гаспару де Гусману де Оливаресу (1587—1645). Начало нового правления знаменуется реформами, и Кеведо видит в Оливаресе спасителя родины. Из ссылки он направляет ему «Послание, обличающее нынешние кастильские нравы», в котором моральные обличения сочетаются с неприкрытой лестью. Дона Франсиско возвращают из ссылки. С 1623 г. он — секретарь короля. Но граф-герцог не оправдывает возбужденных им надежд, он сворачивает на проторенную тропу временщиков; проявляет себя реакционером во внутренней политике и авантюристом в политике внешней, казнокрадом и распутником. Дух недовольства, «душевная боль» нарастают в Кеведо. Он обращается к Филиппу IV со стихотворным «Мемориалом» (1639), в котором пишет о глубочайшем кризисе, охватившем страну, намекает на то, что Оливарес подкапывается под короля. Ответный удар последовал незамедлительно: граф-герцог в письме к королю обвинил Кеведо в тайных сношениях с французами, в государственной измене. Писатель был схвачен, без суда и следствия заточен в тюрьму. Освободили его только в 1643 г., когда здоровье было уже подорвано, и Кеведо скончался 8 сентября того же года.

Выйдя из монастырской тюрьмы, он начал подготавливать книгу стихов, но не успел ее закончить. В 1648 г. ученый-гуманист Хосе Гонсалес де Салас собрал его стихи в сборник «Испанский Парнас», но успел издать только первую часть. В нее вошло около пятисот стихотворений. После смерти Саласа вышла вторая часть «Парнаса», куда вошло еще около трехсот стихотворений.

Стр. 459. *Келарь* — монах, заведующий монастырским хозяйством.

Стр. 461. *Белардо* — поэтическое имя Лопе де Веги.

Эскудо — золотая монета.

Стр. 462. *Святой Антоний Абад* (251—356). — Имеется в виду отшельник из Тебаидской пустыни (Египет), который стойко выдержал многочисленные искушения.

Юлий, Франсиско. — Подразумеваются Юлий Цезарь и известный своей кротостью Франциск Ассизский (1182—1221), основатель монашеского ордена францисканцев.

Стр. 465. *Мать, рожденная из пены, // Грязный и хромой отец* — то есть Венера и Вулкан.

Стр. 466. *...Юношей влюблял в скульптуры...* — Речь идет о Пигмалионе (греч. м и ф), легендарном царе Кипра, который сотворил из слоновой кости скульптуру прекрасной женщины и влюбился в нее.

Двух любовников однажды // В два яйца он превратил... — Соответствующих мифов в античной мифологии обнаружить не удалось. Можно предположить, что здесь и далее мифотворцем выступает сам Кеведо.

Стр. 469. *Донья Бланка*. — Здесь игра слов: «бланка» по-испански и мелкая монета, и женское имя (в переводе — белая, чистая).

Стр. 481. *Кантабрийца*. — Кантабрия, район северо-восточной Испании, охватывающий страну Басков и Сантандер.

Лигурия — итальянская провинция, центром которой является Генуя.

И для знатнейшего была тогда... — В оригинале «для инфансона» (и с п. infanzón), мелкого дворянина с ограниченными правами.

Стр. 484. *Гусманов добрых призови к себе...* — Гусман Добрый (Альфонсо Перес де Гусман; 1258—1309) — кастильский капитан, руководивший обороной крепости Тарифы, осажденной мятежным инфантом доном Хуаном. Мятежники захватили в плен сына капитана и грозили убить его, если испанцы не сдадут крепость. Но Гусман Добрый отказался изменить своему королю. Гусман также и имя графа-герцога Оливареса.

Стр. 485. *Арроба* — кастильская мера веса, равная 11,5 кг.

Стр. 487. *...Что графу в Сан-Пласидо...* — Намек на скандальную историю в женском монастыре Сан-Пласидо, в которой был замешан Оливарес.

Стр. 488. *Второй Хулиан*. — Имеется в виду граф Хулиан, правитель Андалусии при короле вестготов доне Родриго. Синоним изменника.

А тут сумасброд... — Имеется в виду граф-герцог Оливарес, который, захватив Мантую, спровоцировал войну с Францией (1638 г.). Мантую испанцам пришлось оставить.

Стр. 489. *Святой Исидор*. — Сан-Исидро Пахарь, покровитель Мадрида.

Стр. 491. О чем звонит колокол в Арагоне, по кончине милостивейшего короля Филиппа III, и как по-разному его слышат. — В этом сонете Кеведо говорит о себе, о своем призвании пророка, голос которого еще не доходит до народа, но устрашает тиранов. Колокол звонит в Арагоне потому, что в столице Арагона Сарагосе были напечатаны «Сновидения» Кеведо, запрещенные кастильской цензурой.

К Риму, погребенному в руинах. — Подражание сонету французского поэта Жоакена дю Белле (1522—1560).

...мертв Авентин, и Форум в запустенье... — Два холма (из семи), на которых был построен Рим.

Стр. 495. *Мы начинаем умирать с рождения...* — В письме к дону Мануэлю Серрано дель Каспио (1635) Кеведо пишет: «Сегодня исполняется мне пятьдесят два года, и за годы эти было столько же моих похорон. Детство мое умерло безвозвратно; умерла юность, умерла молодость, умерла уже и пора зрелости» (перевод А. Косс).

Стр. 496. Публий Деций Нус (? — 300 г. до н. э.), Фабий (? — 295 г. до н. э.), Курций (р и м с к. м и ф.) — патриоты, пожертвовавшие собой ради спасения Рима.

Стр. 498. Утверждает, что тайна красоты — в движении и. — К этому сонету есть примечание издателя Кеведо Гонсалеса де Саласа: «Платон вопрошает, в чем заключена тайна красоты — в соразмерности, в числах или в гармоническом ладе. Вопрос сей весьма запутан, но наивернейший ответ дает сентенция, заключающая произведение» (перевод А. Косс).

Стр. 499. *Лисида* (Лиси) — поэтическое имя неизвестной возлюбленной Кеведо, которое встречается в его стихах на протяжении более двадцати лет.

Стр. 503. *...отшельник, плакальщик пернатый...* — Крохотная птичка с голубым оперением, в длину два сантиметра, но с громким голосом; живет на Гибралтаре, гнездится в расщелинах скал.

Стр. 505. *Препоручи же зеркало Венере...* — У стареющих испанских красавиц было принято посвящать свое зеркало Венере.

Гот, житель горных ущелий... — Остатки войск последнего вестготского короля дона Родриго, понесшего поражение в битве с маврами при Гвадалете (711 г.), отступили в северные горные районы; в 738 г.

они во главе с доном Пелайо разбили мавров при Кодованге и начали Реконкисту.

Ты получила Наварру в удел... — Наваррское королевство было разделено между Кастилией и Арагоном в X веке.

...Обеих Сицилий... — то есть собственно Сицилии и Неаполя.

Стр. 508. *...удавись мошною, как Иуда.* — Согласно фольклорной легенде, Иуда удавился длинным шнуром от кошелья, в который ему всыпали тридцать сребренников.

Стр. 511. *Водяночная... жажда злата лжет.* — «Концептистский» образ, требующий расшифровки: жажда злата подобна жажде, которая мучит больного водянкой: чем больше он пьет, тем она сильнее.

Стр. 512. *Взъярился громовержец-водолей...* — В сонете Зевс выступает на помощь простому народу в двух ипостасях: и как благостный податель дождя, и как громовержец. В этом образе, выношенном Возрождением (Лопе де Вега «Овечий источник», Шекспир «Генрих V»), намечается идеал справедливого монарха, пекущегося о народе.

Стр. 514. *Дон Хосеф* — друг и издатель Кеведо, испанский гуманист Хосе Антонио Гонсалес де Салас (1588? — 1651).

ХУАН МАТИНЕС ДЕ ХАУРЕГИ-И-УРТАДО ДЕ ЛА САЛЬ

1583—1641

Поэт, критик, переводчик (перевел «Фарсалию» Лукана и «Аминту» Т. Тассо), художник. Родился в Севилье, жил в Мадриде. Много путешествовал по Италии. Дружил с Сервантесом и Лопе де Вега. Творческий путь начал приверженцем Лопе, ярким врагом Гонгоры. Опубликовал трактат «Противоядие от заразной поэзии «Уединений». Однако со временем, изменив свои позиции, подражает Гонгоре в мифологической поэме «Орфей» (1624) и в новом трактате «Апология Истины», защищает культеранизм.

Стр. 520. *В любом конце земли...* — Здесь и далее поэт приводит примеры губительной силы золота, почерпнутые из античной мифологии и истории.

Стр. 522. *Марциал* (Кай Валерий Марсиал; ок. 43—104) — римский поэт, известный своими эпиграммами.

Стр. 526. *Эвр, Нот.* — Эвр — юго-восточный ветер, вызывающий бури; Нот — южный ветер, приносящий влажный туман.

...Как Иктиона, карам небывалым... — Согласно греческой мифологии, царь лапифов Иксион, посмевавший оклеветать супругу Зевса Геру, был привязан к вечно вращающемуся огненному колесу и заброшен в небо.

ФРАНСИСКО ДЕ РИОХА

1583—1659

Родился в Севилье. Служил библиотекарем Филиппа IV, хронистом Кастилии, чиновником инквизиции, но настоящим его хозяином был всесильный фаворит граф-герцог Оливарес, при котором он был негласным советником по политическим и литературным делам. Сопровождал своего покровителя в изгнание и только после его смерти вернулся сначала в Севилью, а затем и в Мадрид.

Поэт севильской школы. Лирик, тонко чувствующий природу. Лучшие его стихи посвящены цветам. Это сильвы «К розе», «К желтой розе», «К гвоздике», «К жасмину».

Стр. 531. *Атлант* (Атлас; греч. м и ф.) — титан, принимавший участие в битве с богами и после поражения осужденный держать на плечах небесный свод.

Стр. 532. ...*гесперийских рек*... — Гесперия — одно из римских названий Испании. Вообще, название земель, лежащих на Западе (греки так называли Италию).

Истр — греческое название Дуная.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Пискунова. Золотой век испанской поэзии</i>	7
---	---

ВСТУПЛЕНИЕ

ХОРХЕ МАНРИКЕ

* Строфы на смерть отца — дона Родриго Манрике, магистра ордена Сантьяго. <i>Перевод Н. Ванханен</i>	39
«Мир, ты всех нас убиваешь...» <i>Перевод А. Гелескула</i>	53

РАННЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Первая половина XVI века

БАРТОЛОМЕ ТОРРЕС НААРРО

«Мне выпала в жизни такая дорога...» <i>Перевод А. Гелескула . . .</i>	57
--	----

ЖИЛ ВИСЕНТЕ

* Романс («В последнюю ночь апреля...»). <i>Перевод Г. Кружкова . .</i>	59
---	----

Вильянсико

Песня Кассандры («Выйти замуж? Вот совет!...») <i>Перевод Иины Тыняновой</i>	61
* «Опасна эта девчонка!...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	61
* «Эта девушка на диво...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	62
* «Сыне Божий, баю-бай!...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	62
* «Живей за весла, матросы...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	63
* «Я сбился с пути...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	63

* «В садике моем радость...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	64
* «Милый мой уехал, мама...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	65
ХУАН БОСКАН-И-АЛЬМОГАВЕР	
* <i>Жизнь в кругу семьи. Перевод Б. Дубина</i>	66

С о н е т ы

«Мою судьбу любовь предначертала...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	68
«Следы любви — невидимые раны...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	69
«Огонь, который день и ночь со мною...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	69
«Кружат созвездья в смене прихотливой...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	70
«Иной влюбленный всякий день и час...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	70
«Была бы в вас хоть капля сожаленья...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	71
«Моряк встревожен небом грозовым...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	71
«Отраден миг, когда светлеет снова...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	72
* «Опять любовь приход свой освящает...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	72
«Легавая, петляя и кружа...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	73
«Как сладко спать и мучиться тоскою...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	73
«Не первый раз душа хитрит со мной...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	74
* «Просветами сменяются невзгоды...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	74
* «Совсем один, унылою равниной...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	75
* «Оставь, тоска, не бреди былого...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	75
«В душе мертво от застарелой боли...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	76
«Живу, хоть и не в радость никому...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	76
* «Так пылко, друг, ты неба добивался...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	77

ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА

Эклога первая. <i>Перевод Инны Тыняновой</i>	78
* Вторая элегия. <i>Боскану. Перевод А. Косс</i>	88
Цветку Нидо. <i>Перевод Инны Тыняновой</i>	94

С о н е т ы

* «Ваш образ в это сердце вписан кровью...» <i>Перевод А. Гелеску-ла</i>	97
«Моря и земли от родного края...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	97
* «Злосчастный рок! Твой гнев неукротим...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	98
* «Я в вашей власти; надо мною сжалось...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	98
«Порой надежда вновь среди невзгод...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	99
«О ласковые локоны любимой...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	99
* «Я словно воск под солнцем ваших глаз...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	100
«О нимфы златокудрые, в ущелье...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	100
«Как то дитя, что гаснет на виду...» <i>Перевод А. Гелескула</i>	101

«Я думал, предо мною путь прямой...» <i>Перевод А. Косс</i>	101
«Пока лишь розы в вешнем их наряде...» <i>Перевод Вл. Речниченко</i>	102
* «О ревность, сердце сжавшая в осаде...» <i>Перевод Вл. Речниченко</i>	102
«Такой объята грудь тоской и смутной...» <i>Перевод Вл. Речниченко</i> .	103
«Все рухнуло, спаленное дотла...» <i>Перевод А. Гелескула</i>	103
* «По милости небес освобожденный...» <i>Перевод Вл. Речниченко</i> .	104
* «Леандр отважно бросился с причала...» <i>Перевод А. Гелескула</i> .	104
* «На пустоши, на полдороге к логоу...» <i>Перевод А. Гелескула</i>	105
«Шлю ветрам вздохи, слезы лью в унынье...» <i>Перевод А. Косс</i> . . .	105
«Друг Марио, Амур — коварный бог...» <i>Перевод А. Косс</i>	106

КРИСТОВАЛЬ ДЕ КАСТИЛЬЕХО

* Сатира на тех, кто пренебрегает кастильскими размерами и подражает италийским. <i>Перевод А. Косс</i>	107
Сон. <i>Перевод Ю. Мориц</i>	113
Э п и г р а м м а. Сеньору, приславшему мне плохие стихи. <i>Перевод В. Васильева</i>	114

ДИЕГО УРТАДО ДЕ МЕНДОСА

* Определение ревности. <i>Перевод Н. Ванханен</i>	115
* Редондилья («Глаза от плача устали...»). <i>Перевод Н. Ванханен</i> . .	117
* Сонет. Даме. <i>Перевод Н. Ванханен</i>	119
Э п и г р а м м а. На Венеру. <i>Перевод В. Васильева</i>	119

ГУТЬЕРРЕ ДЕ СЕТИНА

Сонеты

* «Когда всгугнула цаплю ловчья стая...» <i>Перевод В. Михайлова</i>	120
* «В какой убогой хижине, в какой...» <i>Перевод В. Михайлова</i> . . .	121
* «Любая тела часть подчинена...» <i>Перевод В. Михайлова</i>	121
«Смертельный яд, который выпит взглядом...» <i>Перевод Вл. Речниченко</i>	122

Мадригалы

«О ласковые очи...» <i>Перевод Б. Дубина</i>	122
* «Лицо с досадой вы прикрыли...» <i>Перевод В. Михайлова</i>	123

ГРЕГОРИО СИЛЬВЕСТРЕ

Сонеты

* «Проходит жизнь, чредой летят года...» <i>Перевод В. Васильева</i> . .	124
«Нейметса дураку попасть впросак...» <i>Перевод П. Грушко</i>	125

ЭРНАНДО ДЕ АКУНЬЯ

Сонеты

* Императору. <i>Перевод В. Михайлова</i>	126
* «И сколько б не испытывал я рок...» <i>Перевод В. Михайлова</i> . . .	127

*Сонет о сетях любви. <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	127
АНОНИМ	
Сонет распятому Христу. <i>Перевод А. Гелескула</i>	128

РАСЦВЕТ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Вторая половина XVI века

ЛУИС ДЕ ЛЕОН

<i>Жизнь в уединении. Перевод Б. Дубина</i>	131
*Пророчество реки Тахо. <i>Перевод Б. Дубина</i>	133
*Ясная ночь. <i>Перевод Б. Дубина</i>	137
*В надежде, оказавшейся напрасной. <i>Перевод Б. Дубина</i>	139
Покидая темницу. <i>Перевод Б. Дубина</i>	141
*Франсиско де Салинасу. <i>Перевод Б. Дубина</i>	141
*Фелипе Руису. <i>Перевод Б. Дубина</i>	143

С о н е т ы. *Перевод Вс. Багно*

«Пришла любовь, с собою увлекая...»	145
«Ваш облик в памяти хочу сберечь!..»	146
«Та, что сияла ярче всех светил...»	146

ФРАНСИСКО ДЕ ЛА ТОРРЕ

<i>Лань. Перевод П. Грушко</i>	147
--	-----

С о н е т ы. *Перевод Л. Цывьяна*

*К ночи	149
*На ручеек Филиды	149

Э п и г р а м м ы. *Перевод В. Васильева*

*«Запомни, что затем один язык...»	150
«Всех живых за то клянут...»	150
«Ты на посулы щедрым был...»	150
«Когда судью задобрить нечем...»	150
«Коль твой карман, как прежде, пуст...»	150

БАЛЬТАСАР ДЕЛЬ АЛЬКАСАР

Р е д о н д и л ь и

<i>Ужин. Перевод Инны Тымяновой</i>	151
*Жизнь автора в старости. <i>Перевод В. Васильева</i>	153
*Легрилья («Лишь три предмета мне желанны...»). <i>Перевод В. Васильева</i>	155

Эпиграммы. Перевод В. Васильева

«Твои, Хуанита, очи...»	156
* «Любому поклоннику Дора...»	156
* «Явясь на пышный королевский бал...»	156
* Ответ очень ученого мужа на вопрос менее ученого	157

АЛОНСО ДЕ ЭРСИЛЬЯ-И-СУНЬИГА

Смерть Кауполикана (<i>Фрагмент из поэмы «Араукана»</i>). Перевод М. Донского	158
--	-----

ФЕРНАНДО ДЕ ЭРРЕРА

* О поражении короля Дона Себастьяна. Перевод Вл. Резниченко .	166
--	-----

Сонеты

* Воинам, погибшим в Африке вместе с королем Доном Себастьяном. Перевод Вл. Резниченко	169
* По случаю победы при Лепанто. Перевод Вл. Резниченко	169
* Севилья. Перевод Вл. Резниченко	170
«Дерзнул — и устрасился я; но вот...» Перевод А. Косс	170
* «В твоём скользющем зеркале, Нерей...» Перевод Вл. Резниченко	172
* Развалины Старой Севильи. Перевод Вл. Резниченко	172
«Я порешил — опасное решение!..» Перевод А. Косс	173
«Вздыхаю — и желал бы, чтоб на волю...» Перевод А. Косс	173
«Меж скал отвесных, гибельным проливом...» Перевод А. Косс . .	174
«Боль ярую терпеть уж не могу...» Перевод А. Косс	174
* «О солнце, искрометное огниво...» Перевод Вл. Резниченко	175
* «Одними лишь рыданиями жива...» Перевод Вл. Резниченко . . .	175
* «Потоки слез моих уносит в море...» Перевод Вл. Резниченко . .	176
* «Как только белая фата легла...» Перевод Вл. Резниченко	176
«Бреду один пустынею бесплодной...» Перевод А. Косс	177

ФРАНСИСКО ДЕ ФИГЕРОА

Перевод Л. Цывьяна

* Канцона	178
* Эклога («На берегах прекраснейшей из рек...»)	180

Сонеты

* «Лицо — лилея в раме из эбена...»	184
* Продаются Музы	184

САН ХУАН ДЕ ЛА КРУС

Огонь любви нетленной. Перевод В. Васильева	185
* Песнь души. Перевод Б. Дубина	186
* Темная ночь. Перевод Б. Дубина	187

ПОЗДНЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И БАРОККО

Конец XVI — первая половина XVII века

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

Послание к Матео Васкесу. <i>Перевод О. Румера</i>	191
Говорит Испания. <i>Перевод А. Косс</i>	196

Р о м а н с ы. *Перевод А. Косс*

*«На берегу, где прибой...»	197
*Презрение	198

Л е т р и л ь и

«Мамочка моя, мама...» <i>Перевод Г. Кружкова</i>	200
«Ты красотка, ты красотка...» <i>Перевод М. Лозинского</i>	201

С о н е т ы

На одного ратника, ставшего христарадником. <i>Перевод А. Косс</i>	203
На одного отшельника. <i>Перевод А. Косс</i>	203
*На вступление герцога де Медины в Кадис в июле 1596 года во главе войск, прошедших подготовку в Севилье под командованием капитана Бесерры, и после того, как Кадис покинули английские войска под командованием графа Эссекса, грабившие город в течение двадцати четырех дней. <i>Перевод А. Косс</i>	204
На катафалк короля Филиппа II в Севилье (<i>Хвостатый сонет</i>). <i>Перевод А. Косс</i>	205
*Дону Диего де Мендосе и его славе. <i>Перевод А. Косс</i>	205
*На смерть Фернандо де Эрреры. <i>Перевод А. Косс</i>	206
«Едва зима войдет в свои права...» <i>Перевод С. Гончаренко</i>	206
«Когда берет Пресьоса бубен свой...» <i>Перевод А. Косс</i>	207

И з р о м а н а «Д о н К и х о т». Ч а с т ь I

Песня козопаса. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	207
--	-----

С о н е т ы

Амадис Галльский Дон Кихоту Ламанчскому. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	209
«Иль Купидон немыслимо жесток...» <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	210
«Святая дружба! Ты глазам людей...» <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	210
«Когда немая ночь на мир сойдет...» <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	211
«Меня своим презреньем губишь ты...» <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	211
*«На сей земле, изрытой и бесплодной...» <i>Перевод А. Косс</i>	212

Десима («Я ищу в темнице волю...»). Перевод Ю. Корнеева	212
Академики из Аргамасильи, местечка в Ламанче, на жизнь и на кончину доблестного Дон Кихота Ламанчского. Перевод Ю. Корнеева	
Черномаза, академика аргамасильского, на гробницу Дон Кихота. Эпитафия	213
Крохобора, академика аргамасильского. Сонет	213
Сумасброда, остроумнейшего академика аргамасильского, в похвалу Росинанту, коню Дон Кихота Ламанчского. Сонет	214
Зубоскала, академика аргамасильского, Санчо Пансе. Сонет	215
Чертолома, академика аргамасильского, на гробницу Дон Кихота. Эпитафия	215
Тикитака, академика аргамасильского, на гробницу Дульси-неи Тобосской. Эпитафия	216
Из романа «Дон Кихот». Часть II	
«Если б жить я прошлым мог...» Перевод Ю. Корнеева	216
Романс Альтисидоры. Перевод Ю. Корнеева	217
Романс Дон Кихота. Перевод Ю. Корнеева	219
Путешествие на Парнас (Фрагмент). Перевод В. Левика	221
ХУАН РУФО	
*Смерть крысы. Перевод Л. Цывьяна	223
Эпиграмма. Куртизанке. Перевод В. Васильева	228
КРИСТОВАЛЬ ДЕ ВИРУЭС	
Перевод Д. Шнейерсона	
Сонеты о военной жизни	
*«Пустынный берег, мертвый мир песка...»	229
*«Едва живой, пускай и не от ран...»	230
*«Я вижу всплески реющих знамен...»	230
*«Вскипает грозно барабанный бой...»	232
*«На что мне живописный этот вид...»	232
КРИСТОВАЛЬ ДЕ МЕСА	
Перевод Вл. Резниченко	
Сонеты против придворной жизни	
*I. «Гонясь за счастьем, уделил я прежде...»	233
*II. «Быть при дворе — хотят такой судьбы...»	233
*III. «Надумав при дворе служить, забудь...»	234
ФЕЛИКС ЛОПЕ ДЕ ВЕГА КАРПИО	
Послание Балтасару Элисио де Мединилье. Перевод М. Квятков-ской	235

Романы

«Восходит звезда Венера...» <i>Перевод Н. Горской</i>	236
О том, как Абиндарраэс поведал дону Родриго де Нарваэс про свою любовь и получил дозволение насладиться ею. <i>Перевод</i> <i>М. Донского</i>	238
Роман о столице. <i>Перевод И. Шафаренко</i>	240
* «Если б ты пленяла нравом...» <i>Перевод М. Квятковской</i>	243
* «Там, где снегов на вершине...» <i>Перевод Н. Ванханен</i>	245
«В дни, когда и дуб могучий...» <i>Перевод М. Донского</i>	246
«Поет, тоскуя, Фабьо...» <i>Перевод М. Донского</i>	248
* «Меж двух долин на рассвете...» <i>Перевод М. Квятковской</i>	252
«Одиночеством к людям гонимый...» <i>Перевод М. Квятковской</i>	253
Лодка. <i>Перевод М. Квятковской</i>	256

Разные стихотворения. *Перевод М. Квятковской*

Амуру	260
Стансы о превратности судьбы	261
«Счастливейшие лета...»	262
* «В последний только раз...»	263
«О, что тебя драгоценней...»	266

Песни. *Перевод М. Квятковской*

Май	269
* «Охотится кабальеро...»	270
* «По зеленым склонам...»	271
* Песня стража	271
* «О светлые ветры Валенсии...»	272
* «В ночь на Сан-Хуана...»	272
* «К морю приглашаем...»	272
* Клевер	273
* «Девушка просила...»	273
* «И откуда это чудо?...»	274

Басни. *Перевод Инны Тыняновой*

Назидание любимцам	275
Дровосек и Смерть	276

Сонеты

Из книги «Стихи»

* «Стихи любви, живых умов забава...» <i>Перевод Н. Ванханен</i>	277
* «Амуру! Тебе подвластен человек...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	277
* «Твой дол, неблагодарнейший поток...» <i>Перевод М. Квятков-</i> <i>ской</i>	278
«Все те же ивы, травы и родник...» <i>Перевод М. Квятковской</i>	278
* «Семь долгих лет рабом провел Иаков...» <i>Перевод Н. Ванханен</i>	279

* «Зачатье — грех, рождение — муки боли...»	Перевод Н. Ванханен	279
* Расставаясь с дамой на рассвете.	Перевод Н. Ванханен	280
* «Железный дух свою судьбу и веру...»	Перевод Н. Ванханен	280
* «Плачевная судьба постигла Трюю...»	Перевод Н. Ванханен	281
* «В том не моя вина — моя беда...»	Перевод Вл. Резниченко	281
* «Пылает Троя, облаками дыма...»	Перевод Н. Ванханен	282
* «Вы, ветерки, что миру рассказали...»	Перевод Вл. Резниченко	282
«Верни ягненка мне, пастух чужой...»	Перевод Вл. Резниченко	283
* «Разумней тот, кто дал гадюке кров...»	Перевод Вл. Резниченко	283
* «Хоть женщин Бог мужчинам дал в награду...»	Перевод Вл. Резниченко	284
* «Как счастлив пахарь в урожайный год...»	Перевод Вл. Резниченко	284
* «Лусинда, покормить решив птенца...»	Перевод Вл. Резниченко	285
* «Кто в Аттике отыщет столько меду...»	Перевод Вл. Резниченко	285
* «Хрустальной, чем ручей, сбжавший с гор...»	Перевод Вл. Резниченко	286
* «Любовь — иных даров я не припас...»	Перевод Вл. Резниченко	286
«Как дым, фигуру в воздухе почти...»	Перевод Вл. Резниченко	287
* «Должны терпеть матросы в океане...»	Перевод Вл. Резниченко	287
* «Между колонн, оставшихся доньше...»	Перевод Н. Ванханен	288
* «О благородства помыслы живые...»	Перевод Н. Ванханен	288
* «Когда в пустынной пойме вас сажали...»	Перевод Н. Ванханен	289
* «Увидел Сильвио, зайдя на луг...»	Перевод Вл. Резниченко	289
* «Пренебрежение в виде благостыни...»	Перевод Н. Ванханен	290
* «Я кораблей не жду из дальних стран...»	Перевод Вл. Резниченко	290
* «Гляжу на вас и вижу два светила...»	Перевод Н. Ванханен	291
«Утратить разум, сделаться больным...»	Перевод Вл. Резниченко	291
«Уйти — и не уйти, бежать, остаться...»	Перевод М. Квятковской	292
«На берегах египетского Нила...»	Перевод Н. Ванханен	292
Даме, из корысти покидающей милого ради постылого.	Перевод Н. Ванханен	293
* «Все копя, греков ведшие к победам...»	Перевод Н. Ванханен	293
* «Тянусь к перу, но слезной пеленою...»	Перевод Н. Ванханен	294
Вавилон.	Перевод М. Квятковской	294
К ночи.	Перевод М. Квятковской	295
«Я говорю, как прежде говорил...»	Перевод М. Квятковской	295
* «Разорванных цепей стальные звенья...»	Перевод М. Квятковской	296
«Мой преданный, разбитый мой челнок!...»	Перевод М. Квятковской	296
* «Сдается мне, что в каменной утробе...»	Перевод Вл. Резниченко	297
«Дочь времени, что в веке золотом...»	Перевод М. Квятковской	297
* «Гадать, уже в дороге или дома?...»	Перевод Н. Ванханен	298

«О, как нехорошо любить притворно!...» <i>Перевод Вл. Пяста</i> . . .	298
*«То ждешь и льнешь, то гонишь и клянешь...» <i>Перевод Вл. Резниченко</i> . . .	299
<i>Из романа «Аркадия». Перевод М. Квятковской</i>	
*«Рассыпав пышных прядей покрывало...» . . .	299
*«Теперь Амур — не тот стрелок прилежный...» . . .	300
<i>Из книги «Духовные стихи». Перевод М. Квятковской</i>	
*«Кто я и что тебе в любви моей...» . . .	300
*Страх во спасение . . .	301
*«Когда, устав от долгого хождения...» . . .	301
*«О, сколько раз ко мне взывал Ты сам...» . . .	302
Сонет на доuku судебных тяжб . . .	302
На смерть дона Луиса де Гонгоры . . .	303
<i>Из книги «Цирцея» с другими стихами и прозой». Перевод Н. Ванханен</i>	
*«Как опознать великого поэта?..» . . .	303
*«Заглавными — должно быть, по старинке...» . . .	304
*«Поведай о рождении Елены...» . . .	304
*«Твердил, твержу и неизменно буду...» . . .	305
*«Фернандо, нет завиднее удела...» . . .	305
*«Встречались мне на суше и на море...» . . .	306
<i>Из книги «Светские и духовные стихи лицезиата Томе де Бургильоса»</i>	
*К Парнасу. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	306
*Поэт сетует на пренебрежение Хуаны к его писаниям, свидетельствующее о тщете любви. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	307
*О зарождении любви с философской точки зрения. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	307
*О тайне тайн. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	308
*О том, как следует поступать всем великим в ответ на злословие. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	308
*Сетования поэта на равнодушие Хуаны. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	309
*Даме, спросившей о беге времени. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	309
*О первой встрече с океаном. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	310
*О том, что беда не приходит одна. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	310
*Томе Бургильос просит у Лопе де Веги извинения за несовершенство своего стиля. <i>Перевод Н. Ванханен</i> . . .	311
Поэт оправдывается в том, что пишет в низком стиле. <i>Перевод М. Квятковской</i> . . .	311

Эпиграммы. Перевод В. Васильева

«Уж как я тебя люблю...»	312
Эпитафия астрологу	312
*«Над «Тайной вечерей» бессонно...»	312
*«Короли искоренят ли...»	313

АНОНИМ

*Нравоучительное послание к Фабио. Перевод М. Квятковской	314
---	-----

ЛУПЕРСИО ЛЕОНАРДО ДЕ АРХЕНСОЛА

*К надежде. Перевод Д. Шнеерсона	321
--	-----

Сонеты

К развалинам Сагунто. Перевод Д. Шнеерсона	323
«Я не страшусь ни злых зыбей, ни шквала...» Перевод Д. Шнеерсона	323
«Пойми, Хуан, уж так устроен мир...» Перевод Д. Шнеерсона	324
«Я время вызвал (вытянул!) на бой...» Перевод Д. Шнеерсона	324
*«О призрак смерти, беспощадный сон...» Перевод Д. Шнеерсона	325
*«Чтоб стрел тебе, Амур, не тратить даром...» Перевод Вл. Резниченко	325
*«Октябрь уже с уборкой винограда...» Перевод Д. Шнеерсона	326
«Едва лишь солнце тысячами копий...» Перевод Д. Шнеерсона	326
«Промаявшись на пашне допоздна...» Перевод Д. Шнеерсона	327

БАРТОЛОМЕ ЛЕОНАРДО ДЕ АРХЕНСОЛА

Сонеты

«Рукоплесканья, Мауро, не в счет...» Перевод Д. Шнеерсона	328
«Пусть по жилам у тебя бежит...» Перевод Д. Шнеерсона	329
*«Ты, Лаусо, натерпишься обид...» Перевод Д. Шнеерсона	329
*«Лишь под конец всех эти испытаний...» Перевод Д. Шнеерсона	330
«Открой же мне, о вседержитель правый...» Перевод С. Гончаренко	330
*«Взгляните на Эльвиру, дон Хуан...» Перевод Д. Шнеерсона	331
«Так ты считаешь, Фабыо, что узор...» Перевод Д. Шнеерсона	331
«Вот, искупавшись, башенку тюрбана...» Перевод Д. Шнеерсона	332
«Какие б там ограды и замки...» Перевод Д. Шнеерсона	332
«Ты, чьим рукам беспечно доверяла...» Перевод Д. Шнеерсона	333

Эпиграммы. Перевод В. Васильева

«Франсиско, зная, что беда...»	333
«Инес, красой своей мужчин...»	333
На легендарную основательницу Карфагена Дидону	334

Романсы

«Праздники, Марика!...» Перевод М. Самаева	335
«Веселую свадьбу...» Перевод С. Гончаренко	338
«Рыдала девица...» Перевод С. Гончаренко	339
«Ах, девушки, что ни делай...» Перевод Г. Кружкова	341
«Он Первый Знаменщик мавров...» Перевод С. Гончаренко	342
Испанец в Ороне. Перевод И. Чежеговой	345
«Посреди коней быстроногих...» Перевод М. Квятковской	346
«Белую вздымая пену...» Перевод И. Чежеговой	349
«Невольника злая доля...» Перевод М. Квятковской	350
«Где башня Кордовы гордой...» Перевод С. Гончаренко	352
«Поет Алкиной — и плачет...» Перевод С. Гончаренко	353
«— Кто ко мне стучится ночью?...» Перевод С. Гончаренко	354
«И плюхнулся глупый отрок...» Перевод М. Самаева	355
«Я про Фисбу и Пирама...» Перевод П. Грушко	358
«Здесь, в зеленых копьях осоки...» Перевод М. Квятковской	359
«Не свою верность, пастушка...» Перевод М. Самаева	361
«Разочарованье...» Перевод М. Квятковской	362
* Анджелика и Медор. Перевод М. Квятковской	365

Летрильи

* «Был бы я обут, одет...» Перевод Вл. Резниченко	369
«Коль сеньоры станут слушать...» Перевод М. Квятковской	370
Фортуна. Перевод Г. Кружкова	372
«Каждый хочет вас обчестить...» Перевод С. Гончаренко	373
«Мысль моя, дерзанья плод...» Перевод Е. Баевской	374
«То еще не соловей...» Перевод М. Квятковской	375

Разные стихотворения

«Голубка, ты умчалась...» Перевод М. Квятковской	376
На несносные крики ласточки. Перевод М. Квятковской	377
Даме, которой поэт преподнес цветы. Перевод Е. Баевской	378

Сонеты

«Чистейшей чести ясный бастион...» Перевод П. Грушко	379
«Где кость слоновая, где белоснежный...» Перевод М. Квятковской	379
«О влага светогосного ручья...» Перевод С. Гончаренко	380
«Как зерна хрустала на лепестках...» Перевод С. Гончаренко	380
«Зовущих уст, которых слаще нет...» Перевод Вл. Резниченко	381
* «Пусть твоего не омрачит чела...» Перевод Вл. Резниченко	381
Даме с ослепительно белой кожей, одетой в зеленое. Перевод Вл. Резниченко	382

«Я пал к рукам хрустальным; я склонился...» Перевод <i>Вл. Резниченко</i>	382
«Взойди, о Солнце, вспыхни, расчерти...» Перевод <i>Вл. Резниченко</i>	383
* «Я выпил из твоих хрустальных рук...» Перевод <i>Вл. Резниченко</i>	383
«Вы, сестры отрока, что презрел страх...» Перевод <i>М. Квятковской</i>	384
«Нет ни в лесу, ни в небе, ни в волне...» Перевод <i>М. Квятковской</i>	384
«Рои печальных вздохов, ливни слез...» Перевод <i>М. Квятковской</i>	385
«Как трепетно, на тысячу ладов...» Перевод <i>М. Квятковской</i> . . .	385
«Едва зима войдет в свои права...» Перевод <i>С. Гончаренко</i>	386
«О дьявольское семя! Род напасти!..» Перевод <i>С. Гончаренко</i> . . .	386
«Моя Селальба, мне примнился ад...» Перевод <i>П. Грушко</i>	387
«Фантазия, смешны твои услуги...» Перевод <i>П. Грушко</i>	387
«Пусть со скалою веры стройный бот...» Перевод <i>М. Самаева</i> . . .	388
«Вы, о деревья, что над Фазтоном...» Перевод <i>Вл. Резниченко</i> . .	388
«О Кордова! Стобашенный чертог!..» Перевод <i>С. Гончаренко</i> . . .	389
О Мадриде. Перевод <i>П. Грушко</i>	389
«Вальядолид. Застава. Суматоха!..» Перевод <i>С. Гончаренко</i> . . .	390
«Величественные слоны — вельможи...» Перевод <i>М. Донского</i> . .	390
«Сеньора тетя! Мы стоим на страже...» Перевод <i>Вл. Резниченко</i>	391
*Почитателям Лопе де Веги. Перевод <i>Вл. Резниченко</i>	391
«Желая жажду утолить, едок...» Перевод <i>Вл. Резниченко</i>	392
«Пока руно волос твоих течет...» Перевод <i>С. Гончаренко</i>	392
О скрытной быстротечности жизни. Перевод <i>П. Грушко</i>	393
Напоминание о смерти и преисподней. Перевод <i>С. Гончаренко</i> . .	393
Надпись на могилу Доменико Греко. Перевод <i>П. Грушко</i>	394
«В Неаполь правит путь сеньор мой граф...» Перевод <i>А. Косс</i> . . .	394
Сонет, написанный по случаю тяжкого недуга. Перевод <i>Е. Баевской</i>	395
О старческом измождении, когда близится конец, столь вожделенный для католика. Перевод <i>П. Грушко</i>	395
Наисиятельному графу-герцогу. Перевод <i>П. Грушко</i>	396
Э п и г р а м м ы. Перевод <i>В. Васильева</i>	
На нимфу Дантею	396
«Приор, в сутане прея, делал вид...»	397
ФРАНСИССКО ПАЧЕКО ДЕЛЬ РИО	
С о н е т ы. Перевод <i>Л. Цывьяна</i>	
*На смерть Микеланджело	398
*К Диего де Сильва Веласкесу	399
*Кисть (Загадка). Перевод <i>Л. Цывьяна</i>	399

Эпиграмма. Перевод В. Васильева

«Художник петуха намалевал...» 400

ХУАН ДЕ АРГИХО

Перевод Г. Кружкова

*К виуэле 402

Сонеты

*Гвадалквивиру 404

*Времена года 404

*Арион 405

*Тантал 405

*Сизиф 406

*Улисс 406

*Ромул и Рем 407

*Цезарь при виде головы Помпея 407

ФРАНСИСКО ДЕ МЕДРАНО

Перевод Л. Цывьяна

*Ода («Хоть казной превзойдешь...») 408

Сонеты

*На руинах Италики, ныне именуемой Старой Севильей, поблизости от коих находится мое поместье «Радость очей» 410

*«Лишь человек, персть жалкая земная...» 411

*К дону Хуану де Аргихо 411

*На берегу в Барселоне по возвращении из Рима 412

*«Прошла, взглянула — я сражен красой...» 412

*«Рубином уст меня бы ты пленила...» 413

РОДРИГО КАРО

Перевод П. Грушко

Руинам Италики 414

ПЕДРО ДЕ ЭСПИНОСА

Перевод Г. Кружкова

*Легенда о Хениле (Фрагмент). 417

*Псалом («Тебе возносит небосвод хваленье...») 419

Сонеты

*О познании самого себя 421

*О пресвятой Деве Марии 421

*К летним ветеркам, с подношением цветов 422

ЛУИС КАРРИЛЬО ДЕ СОТОМАЙОР

Перевод А. Косс

*Романс («Грусть велит мне песни множить...»)	423
Эклога («Избавившись от плена ледяного...»)	424

С о н е т ы

*О бессмертии мысли	425
О дерзновенности мысли и об утешении	425
*Предупреждение об опасностях, коими грозит море	426
В своей беде поэт сравнивает себя с Фаетоном	426
*О быстролетности времени	427
Пример того, что все на свете преходяще	427
*О том, что надобно страшиться благоприятства фортуны	428
Горькая правда о жестокости любви	428
*О разлуке после отплытия на галере	430
*Одной даме, которая то откидывала покрывало, то снова прятала лицо	430
*К лимону, который одна дама бросила с балкона сочинителю	431

ХУАН ДЕ ТАССИС ПЕРАЛЬТА, ГРАФ ДЕ ВИЛЬЯМЕДИАНА

*Беседа двух пастухов о правлении короля Филиппа IV. <i>Перевод</i> <i>А. Косс</i>	432
Глосса («Снилось мне, обретенны...»). <i>Перевод А. Косс</i>	434

Р е д о н д и л ь и. Перевод А. Косс

«Рассказать про круговерть...»	435
«Ни взлететь, ни пасть во прах...»	436

С о н е т ы. Перевод А. Косс

О красоте всего сущего	436
*К ручью	437
«Пройдя чреду и радостей, и мук...»	437
«Он, в белоперый облачен убор...»	438
«Пришел, увидел, был я побежден...»	438
*«Вторично я на опыте своем...»	439
«Хоть аспид злой к твоей груди приник...»	439
«Молчанье, в склепе я твоим укрою...»	440
*«С тех пор, как отлучен я от фавора...»	440
«Двойная мука мне в удел дана...»	441
*«Пусть время множит без конца гоненья...»	441
«Сколько малым времени обязан тот...»	442
*На свое возвращение в Алькала, куда он был сослан	442
Против придворных соблазнов честолюбия	444
*«Избыть бы тщетные мои стремленья...»	444

Описание Кордовы	445
*Актрисе Хосефе Вака ее муж, наставляющий ее на ум	445
Э п и г р а м м ы. Перевод В. Васильева	
На чету необыкновенно безобразных графа Саласара и донью Марию Ласо де Кастилья	446
На придворного альгуасила дона Педро Верхеля	446
Эпитафия Родриго Кальдерону	446
ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО-И-ВИЛЬЕГАС	
Р о м а н с ы	
О том, как дона Альваро де Луна вели на казнь. Перевод М. Донского	447
Огородная свадьба. Перевод М. Донского	449
Кошачья сходка. Перевод М. Донского	451
Рассказ неудачника о своем рождении и воследовавших от того злосчастиях. Перевод М. Донского	456
Отповедь попрошайкам, кланчащим пожертвований. Перевод М. Донского	459
«Горсть каштанов и бутылка...» Перевод М. Донского	460
О том, как мои изъяны видятся со стороны. Перевод М. Донского	462
Влюбленный обретает в своей любви все сокровища мира. Перевод Л. Цивьяна	463
*Обличаю любовь. Перевод Л. Цивьяна	464
Против безудержной поэтической лесты. Перевод М. Донского	466
Л е т р и л ь и	
«Дивной мощью наделен...» Перевод М. Донского	468
«Посетив разок Мадрид...» Перевод Л. Цивьяна	470
«Роза, чем гордишься ты...» Перевод М. Квятковской	473
Редондилья. К Лиси. Перевод Л. Цивьяна	474
Р а з н ы е с т и х о т в о р е н и я. Перевод Д. Шнеерсона	
Ручей	475
Песочные часы	475
Часы с боем	476
Солнечные часы	478
П о с л а н и я. Перевод М. Квятковской	
*Критико-сатирическое послание графу-герцогу Оливаресу, обличающее нынешние кастильские нравы	478
Его величеству королю Филиппу IV мемориал	485

Сонеты

- *О чем звонит колокол в Арагоне, по кончине милостивейшего короля Филиппа III, и как по-разному его слышат. *Перевод А. Гелескула* 491
- *К Риму, погребенному в руинах. *Перевод А. Гелескула* 491
- *Неразумие жизни, наступаемой смертью врасплох. *Перевод А. Гелескула* 492
- *Вникай, как все пророчит смерть. *Перевод А. Гелескула* 492
- *Плач над заблуждениями жизни. *Перевод А. Гелескула* 493
- Вспомни ничтожность прожитого и призрачность пережитого. *Перевод А. Гелескула* 493
- *Кратка жизнь и неостановима. *Перевод А. Гелескула* 494
- *Ощуди скудость жизни, так неожиданно и нещадно ограбленной смертью. *Перевод А. Гелескула* 494
- *Учит умирать заблаговременно, а еще учит, что та часть смерти, каковая длится дольше, то есть умиранье, и есть жизнь, мы же того не чувствуем и о том не сожалеем, а печалит нас та часть смерти, каковая мгновенна, то есть последний вздох. *Перевод А. Косс* 495
- Познай гнет времени и бытия, мытаря смерти. *Перевод А. Гелескула* 495
- *К смерти. *Перевод А. Гелескула* 496
- Любовь неизменна за чертой смерти. *Перевод А. Гелескула* 496
- *Скрытное пламя. *Перевод А. Гелескула* 497
- Определение любви. *Перевод И. Чежеговой* 497
- *Любовь, преодолев чувственное влечение, становится достоянием чистого ума. *Перевод О. Газизовой* 498
- *Утверждает, что тайна красоты — в движении. *Перевод А. Косс* 498
- Любовь с первого взгляда рождается, живет, растет и становится вечной. *Перевод И. Чежеговой* 499
- *Любовный сонет («Пусть стону моему все мирозданье вторит...»). *Перевод О. Газизовой* 499
- *Любовный сонет («По гребню нелюдимого отрога...»). *Перевод А. Гелескула* 500
- *О том, что солнце растопит альпийские снега, а глаза моей Лиси не растопят ее холода. *Перевод А. Гелескула* 500
- *Влюбленный благодарен обманчивой лести сна. *Перевод А. Гелескула* 501
- *Лисиде с просьбой дать мне цветы, что у нее в руке, и взять за образец себе ручей. *Перевод А. Гелескула* 501
- Сравнение любовной речи с речью ручья. *Перевод П. Грушко* 502
- Безмолвная любовь. *Перевод И. Чежеговой* 502

*Представив ад в себе самом, силюсь укротить его, подобно Орфею, но все напрасно. <i>Перевод А. Гелескула</i>	503
*Влюбленный учится любви у неразумной природы. <i>Перевод А. Гелескула</i>	503
*Среди химер. <i>Перевод А. Гелескула</i>	504
*Упорство любви, лишенной надежд. <i>Перевод А. Гелескула</i> . . .	504
Мстительный сонет в форме совета красавице, утратившей былую прелесть. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	505
Предостережение Испании в том, что, став владычицей многих, возбудит она зависть и ненависть многих врагов, а потому ей всегда надо быть готовой оборонить себя. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	505
Причины падения Римской империи. <i>Перевод А. Косс</i>	506
О том, что происходило в его время, Кеведо рассказывает в следующих сонетах. <i>Перевод А. Косс</i>	506
Картины из жизни кабальеро, предающихся праздности. <i>Перевод А. Косс</i>	507
Равное преступление почитается неравным, если не равны свершившие оное. <i>Перевод М. Квятковской</i>	508
Продажному судье. <i>Перевод А. Косс</i>	508
О том, сколь обманчива окажется наружная видимость, если судить по истинной внутренней сути. <i>Перевод А. Косс</i>	509
Сколь ни могуществен оскорбитель, он оставляет оскорбленному оружие для отмщения. <i>Перевод А. Косс</i>	509
Рассуждение о том, что имеющий многие богатства беден. <i>Перевод М. Квятковской</i>	510
Другу, который, покинув двор юношей, вошел в преклонный возраст. <i>Перевод П. Грушко</i>	510
*Являет образы обманного и истинного богатства. <i>Перевод А. Косс</i>	511
Покой и довольство неимущего предпочтительней зыбкого великоления сильных мира сего. <i>Перевод А. Косс</i>	511
*Преимущества добродетели и опасения жестокого властелина. <i>Перевод А. Косс</i>	512
На смерть графа Вильямедианы. <i>Перевод А. Косс</i>	512
Эпитафия дону Луису Каррильо де Сотомайору. <i>Перевод А. Косс</i>	513
«Стихий разбушевавшихся игра...» <i>Перевод В. Михайлова</i>	513
Наслаждаясь уединением и учеными занятиями, автор сочинил сей сонет. <i>Перевод А. Косс</i>	514
*Носатому. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	514
«Те, кто в погоне за твоим товаром...» <i>Перевод Д. Шнеерсона</i> . . .	515
О человеке бедном и женатом. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	515
О любви к монашенке. <i>Перевод Л. Цивьяна</i>	516
«Слова твои, Херонимо, — обман!..» <i>Перевод Вл. Резниченко</i> . . .	516

Э п и г р а м м ы. *Перевод В. Васильева*

«Ты знатен, ты в высоком чине...»	517
«Все уверяют, что Элой...»	517
На Орфея	517

ХУАН МАРТИНЕС ДЕ ХАУРЕГИ-И-УРТАДО ДЕ ЛА САЛЬ

*Золото. <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	518
Определение любви на современный лад. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	521
Элегия о счастливой жизни. <i>Перевод И. Чежеговой</i>	522
С о н е т ы. <i>Перевод Вл. Резниченко</i>	
О временах года	525
О разбитом судне, выброшенном на берег	526
*О мучениках	526
*Марку Антонию, проигравшему морское сражение	527

ФРАНСИСКО ДЕ РИОХА

Перевод Л. Цывьяна

С и л ь в ы

К богатству	528
К желтой розе	529

С о н е т ы

К Италике	530
«Как я устал брести Фортуне вслед...»	531
*На погибшую Атлантиду	531
*К реке Гвадалквивир	532
Комментарии <i>В. Столбова</i>	533

П 67 Поэзия испанского Возрождения: Пер. с исп. /
Редколл.: Н. Балашов, Ю. Вишпер, М. Климова и
др.; Сост. и коммент. В. Столбова; Вступ. статья
С. Пискуновой; Гравюры худож. И. Кириаки-
ди. — М.: Худож. лит., 1990. — 591 с. (Б-ка лит-
ры Возрождения).

ISBN 5-280-01260-2

В сборник «Поэзия испанского Возрождения» включены произведения испан-
ских поэтов XVI века и первой половины XVII века. Среди них всемирно известные,
выдающиеся поэты, такие, как Мигель де Сервантес, Лопе де Вега, Луис де Гонгора.
Поэзию испанского Возрождения принято называть «Золотым веком» испанской
поэзии.

П 4703010200-047
028(01)-90 **155-90**

ББК 84.4Ис

ПОЭЗИЯ ИСПАНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Составитель *Валерий Сергеевич Столбов*

Редактор *А. Шлейфер*

Художественный редактор *Л. Калитовская*

Технический редактор *Л. Сеницына*

Корректоры *Н. Яковлева, Л. Волкова*

ИБ № 5935

Сдано в набор 03.10.89. Подписано к печати 17.05.90. Формат
84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Эксельсиор». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 31,08. Усл. кр.-отт. 62,79. Уч.-изд. л. 28,45.
Тираж 50 000 экз. Изд. № VII-2958. Заказ № 650. Цена 4 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная
литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический
комбинат Государственного комитета по печати.
г. Калинин, пр. Ленина, 5